

Филологический факультет

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЮМОР
(*Gaudeamus igitur*)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*125-ЛЕТИЮ ПГНИУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЮМОР (GAUDEAMUS IGITUR)

Пермь 2019

Оглавление

Предисловие	3
<i>Королев А.</i> Юмор в коротких штанишках	4

Раздел I

Мы на подмостках сцены (сценарии для студенческой самодеятельности)

<i>Пирожников В.</i> «Борис Годунов»	14
<i>Пирожников В.</i> «Капитанская дочка»	17
<i>Черепанов М.</i> Инсценировки классических произведений	24

Раздел II

Юмор писателей (разные жанры)

<i>Бурдин В.</i> Рассказы	42
<i>Богомолов В.</i> Стихи	48
<i>Виниченко В.</i> Сказки для детей	54
<i>Данской Г.</i> «Филологические пассажи»	61

Раздел III

Из кафедральных коллекций

<i>Баженова Е.</i> Из коллекции кафедры русского языка и стилистики	76
<i>Котюрова М.</i> Искорки памяти	77
«Датские» вирши	90
Хроника докторской защиты Н. Данилевской	93
Новогодние частушки для служебного пользования	99
«Одна мцырь сбежала» (перлы из работ абитуриентов)	101
<i>Проскурнин Б.</i> Экзамены: зарисовки с натуры	107
<i>Моисеева А.</i> Фольклор филфака	110

Раздел IV

Колхозные и экспедиционные байки

<i>Зубков В.</i> Из деревенской жизни доцента	144
<i>Подюков И.</i> Диалектические казусы И. А. Подюкова	146
<i>Дульцева Е.</i> Колхозные байки	148
<i>Грузберг Л.</i> Влад Макаров	151

<i>Полякова Е.</i> Из камгортских частушек	159
<i>Шерстневская Т.</i> Нечаянные радости трудового семестра	159
<i>Шилова М.</i> Ля-ля-ля-ля	160
<i>Волкоморова А.</i> Стихи	162
<i>Глухова Н.</i> Случай из фольклорной практики	165
<i>Горланова Н.</i> Умор и юм	166
<i>Четина Е.</i> Вести с полей (по страницам «Горьковца»)	170

Раздел V

От 40-х годов XX века к 2000-м годам века XXI (студенческие байки разных лет)

<i>Голдобина Е.</i> Студенческие байки 1946-52 гг.	194
<i>Зебзеева А., Грузберг Л.</i> Смешные глупости из лет пятидесятых	199
<i>Рябова С.</i> Наши истории из 60-х	203
<i>Рябухин В.</i> Молодость-глупость (из 70-х)	206
<i>Заварыкина А.</i> Истории из 80-х	208
<i>Лискова Л.</i> «Пани чешка?»	212
<i>Шилова М.</i> Памятник	213
<i>Волкоморова А.</i> Стихи	215
<i>Асланьян А.</i> «Восьмерка»	220
<i>Шумов К.</i> «Былички» 80-х	225
<i>Глухова Н.</i> Картина Сурикова (из 90-х)	231
<i>Кыркунова Л.</i> Избранные места из переписки с деканатом (год 2017)	233

Раздел VI

Юмор – праздник, который всегда с нами (юбилейные поздравления, застольные речи, «деловой юмор»)

<i>Полякова Е., Ерофеева Т.</i> В. Маланину с 60-летием	242
К юбилею Т. Ерофеевой (материалы)	243
К юбилею Е. Поляковой (материалы)	248
К юбилею В. Мишланова	251
К юбилею В. Салимовского	253
<i>Мишланов В.</i> Женщинам кафедры речевой коммуникации	253
<i>Сахарный Л., Мурзин Л., Ерофеева Е.</i> (поздравительные стихи)	257
<i>Белоусов К.</i> «Деловой юмор» в стихах	258
<i>Быков Л.</i> Медведь из зоосада. Колодезное	259
<i>Заварыкина А.</i> На присуждение Н. Е. Васильевой Строгановской премии	265

Раздел VII
А юмор нам строить и жить помогает
(каламбуры, афоризмы, остроты, эпиграммы)

<i>Гашев Б.</i> Амфибрахий (рассказ). Стихи, четверостишья, записи	270
<i>Беликов Ю.</i> Будни экспромприатора, или моя веселуха	278
<i>Прохоров В.</i> Мое второе Ё (афоризмы, каламбуры)	296
<i>Кайгородова В.</i> Речения и афоризмы	301

Раздел VIII
Страницы персоналий

<i>Гашева К.</i> «Гашевы и другие»	306
<i>Левицкий Ю.</i> Несерьезно о серьезном	330

Раздел IX
Вне типологии

<i>Левицкий Ю.</i> Тема бесов в праславянской культуре	350
<i>Пестова О.</i> Роза в почтовом ящике	354
<i>Спивак Р.</i> Письмо подруге	361

Раздел X
Некрологи

<i>Зебзеева А.</i> Бесстрашная душа	364
<i>Бердичевская А.</i> Надежда Пермякова. Поэт. Филолог	368
<i>Волковський К.</i> Памяти Нади	369
Памяти В. Пирожникова	374
Фотографии	377

УДК 398:378.4(470.53)

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

Ф 545

Филологический юмор (Gaudeamus igitur) /
Ф 545 сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков;
Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – 380 с.:
ил.

ISBN 978-5-7944-3252-7

Сборник представляет собрание филологического фольклора, складывающегося и бытовавшего как в устной форме (передававшиеся от поколения к поколению легенды и «байки» факультетской жизни), так и зафиксированного в письменных текстах (сценарии для самодеятельной «студенческой весны», поздравительные и застольные речи, частушки и песни). Собранные за достаточно протяженный исторический период (от 40-х годов XX века до длящихся 2000-х века XXI), эти материалы дают представление о том, чем жил факультет на разных этапах своего существования, чему радовался и над чем смеялся, что принимал и что отвергал, какие ценности отстаивал и какие идеалы выбирал. Сегодня многое в этой книге может быть воспринято как архаика, что естественно и не должно удивлять. Это живые документы и свидетельства прошедших лет, наша история и внутренняя связь времён. Это – главное.

УДК 398:378.4(470.53)

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

*Печатается по решению Ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственный за выпуск
декан филологического факультета ПГНИУ профессор **Б. В. Кондаков**

Редакционная коллегия:
Е. А. Баженова, Н. Е. Васильева, Т. Б. Карпова, Б. В. Кондаков

ISBN 978-5-7944-3252-7

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2019
© Васильева Н. Е., составление, 2019
© Писорогло Л. Г., оформление, 2019

Предисловие

В этой книге представлена коллекция факультетского юмора – в его многожанровом и стихийном виде, так, как он рождался по ходу живой жизни. Мы ничего не редактировали и не изменяли, не дополняли и не дописывали. Фрагменты из студенческой самостоятельности, колхозные эпизоды, экспедиционные курьезы, общежитские байки, каламбуры и анекдоты из бытового потока жизни, юбилейные поздравления и застольные речи, эпиграммы и шаржи – это и многое другое из живой человеческой комики «вылилось» на страницы этой книги. Мы упорядочили этот многоликий материал в рубриках и попытались его систематизировать, но осуществленная нами композиция имеет относительный характер – все можно было «сложить» и по-другому. Дело не в этом. Как нам кажется, из этих пестрых жизненных реплик заговорило время – ниточка протянулась от 40-х годов прошлого века к сегодняшним дням века XXI-го. Менялись эпохи, история, вожди, нравы, ценности, а люди смеялись, шутили, сочиняли, творили, и юмор помогал справляться с трудностями и печалью. Наверное, сегодня многое из того, над чем смеялись вчера, не воспринимается новым поколением, у которого другие шутки, другая молодость, другой юмор. Но смех всегда объединяет, а не разделяет, а филологи по роду своей профессии наделены еще и острым чувством связуемости всего со всем и всех со всеми, что дарит им возможность воспринимать время в его движении. С этой доброй надеждой и составлялась эта книга. Пусть по-доброму она читается, вызывая улыбку и желание причаститься к смеховому опыту своих предшественников по факультету. Ведь смеяться, право, не грешно...

А. Королев,
выпускник 1971 г.

Юмор в коротких штанишках...

Студент филфака (1965-1970) А. Королев был в числе активных участников студенческой самодеятельности Университета, сценарист миниатюр филологического «Кактуса», карикатурист многотиражной газеты «Пермский Университет», художник-оформитель факультетской стенгазеты «Горьковец», иллюстратор и автор рукописного журнала «АЗ», наконец, рисовальщик слайд-фильма «Сотворение Университета» (по мотивам Жана Эйфеля) к 50-летию ПГУ в 1966 году.

Смех до сих пор важная часть его жизни и умонастроения, чему яркий пример последний роман писателя «Хохот», увидевший свет в начале 2018 года.

Юмор в СССР был, пожалуй, единственной зоной свободы в тогдашней плотной системе зарегулированного общества... тут дух вольности вырывался наружу и порой творил чудеса. Само обилие хотя бы юмористических журналов, – вот первое, что приходит в голову: Веселые картинки, Мурзилка, Крокодил, а еще всесоюзный КВН на телеэкране и Кабачок «13 стульев» плюс бесчисленные уголки юмора и сатиры во всех – да, да – без исключения газетах страны, во главе с легендарной последней страницей Литературной газеты, а еще сатирический киножурнал Фитиль, детский Ералаш... Короче, устанешь загибать пальцы...

Пермь успешно вписывалась в общую панораму юмора страны, во-первых, высоким качеством смеха, во-вторых, традицией уральского раешника и народного шутовства, которая, хотя и была приглашена цензурой, но все ж таки то и дело показывала свой веселый язык (а то и фигу) партийной феруле.

Мой личный смех стартовал еще в родной школе, по-моему, в шестом классе, когда меня вдруг на большой перемене поймала педагог из старших классов, кажется, математичка и, схватив за плечо, воскликнула: мальчик, мальчик, как ты ужасно смеешься!

Я замер. Я не знал, что мой смех отвратителен...

Через месяц история повторилась.

Она снова вцепилась в мое плечо: ты опять за свое?

Что я такого сделал? Заныл я. Потому как еще издали, заметив очкастую фурию, молчал в тряпочку.

Ты снова смеешься!

Я?

Да! Про себя смеешься...

Что ж, действительно я научился смеяться про себя, и с возрастом эта способность к скрытому тайному смеху мне пригодилась все больше и больше.

И еще.

Там же в родной школе, после того как я изрисовал школьные тетрадки посторонними рожами и парочкой карикатурных «ню», мои способности были востребованы классным руководителем для оформления стенгазеты, откуда я шагнул с карандашом и красками уже на стенд школьной газеты и даже стал живописать плакаты-объявления для диспутов типа: человек – это звучит гордо!

Так был сделан первый шаг...

В университете ниша для карикатуры намного расширилась, а после того как бессменный руководитель «Кактуса» Леонид Сахарный мобилизовал мою склонность к юмору на службу родному факультету, я как-то по инерции что ли вдруг стал рисовать юморные рисунки для университетской многотиражки и вот уже стал членом жюри на студенческой театральной весне от студентов филфака... Словом, колесо закрутилось.

Над чем же тогда мы подсмеивались? Что входило в перечень горячих блюд юмора и сатиры в 60-е годы?

Это была полная политическая невинность и гражданская зате-ненность. Миниатюры кактусян метили главным образом в нерадивого студента, в лодыря, в прогульщика... обыгрывалось любое несовпадение с долгом быть примером для будущих учеников. Из нас ведь тогда готовили в первую очередь именно педагогов для школы. Мы, скажем так, только шалили, смешили, разыгрывали нелепые несуразности... Так в одной из тогдашних миниатюр – в духе чеховского письма Ваньки Жукова на деревню дедушке – я подтрунивал над нравами общежития гнать первокурсника-лоха за пивом для старожиллов и в придачу «тыкать селедкой в рыло за нерасторопность». Только гениальная игра Юры Якименко (ей-ей, в нем погибло дарование, равное Игорю Ильинскому) могла превратить эту пресную картинку в повод для гомерического хохота всего зала, ну и т. д.

Особенно наша смеховая робость была заметна на фоне выступлений тогдашнего лидера городской студенческой весны, театра студенческих эстрадных миниатюр СТРЕМ из Политехнического.

Вот, например, один из тогдашних шедевров малого жанра.

На сцену выходит озабоченный студия и уныло талдычит: ну что я мог сделать один? За ним выходит второй, третий, четвертый, и каждый на свой голос ноет: ну что я мог сделать один? И вот финал: вдруг голоса замирают, лихо построившись в ряд, шагая левой, левой... когорты нытиков уходит со сцены, хором скандируя: что! я! мог! сделать! один!

Овации!

А мы? Про плохие отметки... про толкотню в раздевалке...

Признаюсь, я приуныл.

Наши вечные соперники – студенты исторического факультета – блистали так же тускло... Вот на сцену выходит пара студентов с носилками кирпичей. С грохотом опускают тяжеленую ношу на пол. Деревянные подмости гудят. Внезапно один из носильщиков хватается носилок кирпич и прямой наводкой бросает в партер. В голову девушки! Вскрик зала! Шок! ... Оказалось, что кирпич склеен из картона и только покрашен под цвет обмана. С жертвой истерика. Итог глупой выходки – жюри штрафует истфак и тот лишается явного лидерства.

Сказать, что смеховая культура студентов была результатом контроля, я не могу, нет, просто-напросто мы все так или иначе были изначально сконструированы по образчикам пионерской мурзилки, этикетные картонные кирпичи, какие можно безопасно бросить в лицо.

Помните вопль Вознесенского, над которым смеялся Бродский: уберите Ленина!.. пауза... с денег!

Мы также осторожничали.

Тут важнее всего был дух дружного творчества.

Чувство локтя и аромат времени. Наслаждение собственной молодостью, когда все по плечу, когда еще все впереди и все достижимо. Вот за что я благодарен и Кактусу, и университету, и многотиражке, где беспрепятственно печатались все мои юмористические перлы, какковые, хотя и не отличались дерзостью смысла, между тем были нарисованы в манере визуального абсурда и находились в зоне тогдашнего советского нонконформизма.

За рисунки мне до сих пор не стыдно... нет...

Как и за пародию на детектив Жапризо «Ловушка для золушки» в «Азе».

Замечу, что попутно я штурмовал московский Олимп – тогда это было нормой – и посылал рисунки и миниатюры в ту же Литературку, а еще метил в модный тогда журнал Знание-сила, которому предложил аж вариант журнальной обложки: коллаж-гравюра + фото ... Эразм Роттердамский, автор похвалы глупости, сидит под яблоней, на котором вместо яблок гроздьями висят спортивные автомашины... я, наив,

не понимал, что обложка – самый лакомый кусок для столичных художников (и самый большой гонорар) и, естественно, получил отказ.

А вот Литературка вдруг приняла одну из моих хохм на доску своих не менее хохмических объявлений в газете «Рога и копыта»: *Вчера на границе с Финляндией был пойман с поличным двугорбый верблюд. На все вопросы таможни верблюд отвечал, что он никакой не верблюд, а обыкновенный гражданин, бухгалтер Ниточкин Павел Иванович. Но злоумышленнику, разумеется, никто не поверил, верблюд был разоблачен и задержан таможенниками.*

Я тогда очень гордился этой публикацией...

Если же подвести черту под феноменом советского смеха в те далекие 60-70-е годы, то надо признать одно несомненное достоинство тогдашнего юмора – он был престижен!

Пародисты вроде Александра Иванова (кто сейчас его помнит...) или авторы 12-й полосы ЛГ – Андрей Кучаев, Аркадий Арканов, Григорий Горин, Марк Розовский были громкими кумирами интеллигенции, а блистательный бард Владимир Высоцкий покориł всю страну своими насмешками:

Ой, Вань, гляди, какие клоуны!

Рот – хоть завязочки пришей...

Ой, до чего, Вань, размалеваны,

И голос – как у алкашей!

Ты, Зин, на грубость нарываешься... и т. д.

Михаил Жванецкий – последний гребень той исполинской волны смеха, которая однажды все же обвалила красный утес советской империи.

Не скрою, сегодня мне жаль той атмосферы свиста и пересмешки, которая кончилась 4 октября 1980 года (дата закрытия телекабачка «13 стульев»).

Согласитесь, сегодня в 2019-м юмор лишился всякого престижа.

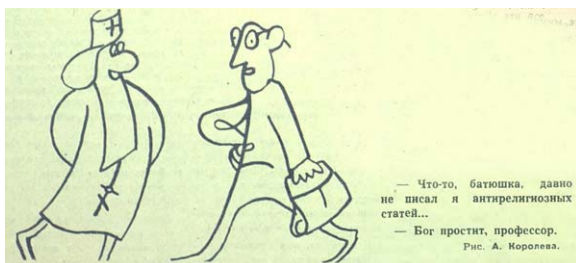
P. S.

Мой последний роман «Хохот» – попытка осмыслить феномен смеха как базовый элемент мироздания...

Анатолий Королев известен и интересен не только как автор романов, мемуарной прозы, философских эссе, оригинальной фэнтези, но и как самообытный художник, создатель многожанровой юмористики – от искрометных зарисовок из студенческой жизни до глубоких и остроумных шаржей и карикатур. Мы предлагаем фрагменты из его коллекции рисунков разных лет, предваряя ее рассказом автора об истории создания этих рисунков.

О юмористических рисунках для газеты (из истории создания)

Поступив в ПГУ только со второго захода (после провальной попытки поступить на дневное) на вечернее отделение филфака, я в конце августа

пришел на прием к декану очного отделения (его обязанности тогда исполнял зам. декана Леонид Владимирович Сахарный) с заявлением допустить меня на занятия очного отделения вольнослушателем. Сахарный был удивлен: «Но вы же вечерник, работаете, как такое воз-

можно?» Тут я и сказал, что характер моей работы творческий, я работаю на пермском ТВ по договору, вне штата, живу на гонорары и сам определяю свой рабочий график. А кто вы? Я репортер и сценарист... сценарист! А

как у вас с чувством юмора? Нормально, я сделал парочку фельетонов для программы «Пермь вечерняя», а сейчас задумал мультфильм. Отлично! Мне позарез нужен автор миниатюр для «Кактуса»...

Короче, Сахарный охотно дал мне статус вольнослушателя, и я стал посещать занятия дневной группы...

И тут я попал в цейтнот: учеба, работа на ТВ, сюжеты для «Кактуса», репетиции, оформление «Горьковца», вот почему мои первые визиты в редакцию «Пермского университета» с рисунками были фак-

тически анонимными, и я плохо помню свой старт под патронажем Нины Авериной, я мелькал, как метеор, в перерыв между лекциями, часто дверь редакции была заперта, и я подсовывал конверт с рисунками в щель под дверью (так мы заранее договорились).

Рисунок Преподаватель на экзамене (от 23 марта 1966 года) – первый опубликованный рисунок в газете!

Я был обрадован, увидев его на полосе, и слегка удивлен, потому как рисунок был исполнен с долей абсурда и выделялся среди привычного лохматого юморка подчеркнутой геометрией линий.

Серия первых рисунков – *перед экскурсией школьников...* – студент-хвостист – без слов – эволюция... как ее понимать... была моей личной инициативой, я не обговаривал заранее темы для юмора и предлагал, так сказать, все – с бухты-барахты – не помню, бывали ли случаи, когда мой рисунок не печатали и заворачивали..., а раз не помню, значит, печатали все, что я приносил, прямо с колес.

И все же подчеркиваю: первое время в силу цейтнота (вечерник на дневном, сотрудник пермского ТВ и т. д. до моего официального зачисления в группу очного обучения) я практически не появлялся в редакции, а залетал пулей на пару минут и тут же исчезал...

И только с приходом Игоря Ивакина – 1967 – ситуация изменилась. Игорь притормозил мои налеты и сказал, что мне давно пора напрямую познакомиться с авторским коллективом и редколлегией. Когда я пришел первый раз на летучку, меня в лицо, кроме Игоря, никто просто не знал!

Как рождались темы рисунков?

Процесс не очень понятный... Я только-только нащупывал свою манеру, но опирался в первую очередь на нотки абсурда... и искал смешное в зоне алогизма и гротеска.

Пуля из револьвера в руках бандита летит за угол?

Нелепо? Да... Но смешно.

Лифчик на античной статуе Венеры абсурд? Да, но тотальное ханжество тоже нонсенс...

Кроме того, я старался рассмешить именно умную публику.

Аудитория университета была самой продвинутой в ту пору в Перми.

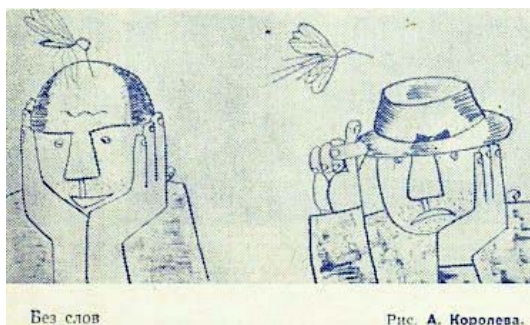
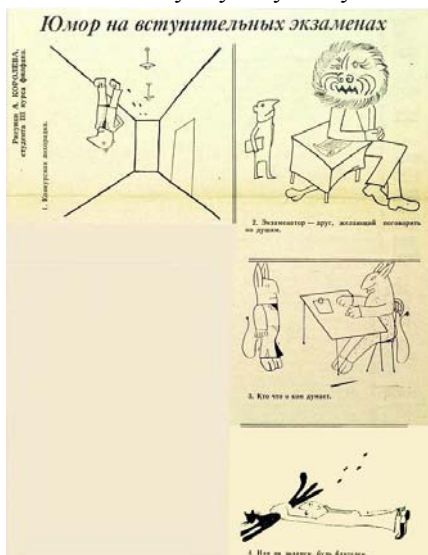
Вот почему для юмора я старался все время менять техническую оркестровку рисунка: вот коллаж, вот зигзаг шариковой ручки, которая оплетает белое поле энергией лассо, вот нарочитая грубоватость плакатного пера... Постоянно меняя технику рисунка, я старался не надоесть, во-первых, читателю, во-вторых, самому себе...

Не скрою, я каждый раз удивлялся появлению своих рисунков на страницах газеты... Почему? Да потому, что практически вся газета была засушена официозом, как партийный гербарий, и те форточки смеха, которые я оформлял своими рисунками, смотрелись буквально островками свободы...

У провинции есть одно качество, какого нет в столице...

Здесь практически любой оригинальный жест, даже самый слабый, смотрится как вызов. Так мои рисуночки (многие из которых вижу сегодня... слабоваты) в 60-е годы смотрелись просто классно!

Иногда рисунок был итогом прямого заказа от редактора, например, оформить новогодний номер или сделать серию заставок для культурной странички в газете, так же чуть более свободными по макету были номера, посвященные дням студенческой театральной весны, где редактор

позволял себе некоторую вольность. Но если говорить более строго, газета все-таки не отражала тот дух свободы, который витал тогда в стенах университета и не пользовалась особой популярностью у студентов, стопки многотиражки на специальных столиках разбирались медленно и вяло, намного круче и интересней была, например, наша стенгазета филфака, не раз и не два «Горьковец» снимали со стенки и уносили в неизвестном направлении, вот почему всегда шумная толпа читателей в первый день (вдруг снимут!).

Если подвести общий итог, то пора моих юмористических рисунков началась и закончилась в университете, больше пером я уже не шалил, зато склонность к сатире переключалась в мою прозу и позднее – в годы ра-

боты в редакции газеты «Молодая гвардия» – я с удовольствием писал фельетоны и скетчи для странички юмора в МГ и даже вел там рубрику пародийной арт-критики от лица критикессы Дины Завр, а переехав в Москву, я писал юмористическую прозу уже для журнала «Огонек» и миниатюры для «клуба 12 стульев» «Литературной газеты». В моем архиве, пожалуй, найдется не один десяток

забавных рассказов, а финалом всей моей склонности к юмору, к сатире, к фельетонам и смеху стал роман «Хохот», который я написал в 2010 году и где размышлял над природой комического.

РАЗДЕЛ I

МЫ НА ПОДМОСТКАХ СЦЕНЫ (сценарии для студенческой самодеятельности)

*И сегодня на факультете
жива память об участии филоло-
гов в ежегодных праздниках
«Студенческая весна»,
зажигательных, остроумных,
веселых. В них мы нередко побеж-
дали. Увы, восстановить тот
творческий и азартный дух
невозможно. Но сохранились
некоторые сценарные тексты,
написанные Михаилом
Черепановым и Владимиром Пи-
рожниковым по классическим
произведениям русской
литературы. Мы предлагаем их
сегодняшним студентам с
уверенностью, что молодое
воображение и свежесть взгляда
оживят и обновят русскую
классику в ее театрализованном
варианте.*

Театральные тексты

Они были написаны для мини-спектаклей студенческого театра филологов «Кактус», поставленных в 1966-1970 годах к смотрам художественной самодеятельности в ходе «Студенческой театральной весны».

Мне довелось быть бессменным автором этих текстов. Как сказали бы сейчас, я работал в жанре «римейк», то есть переделывал на новый, непременно комический лад широко известные, хрестоматийные произведения русской и зарубежной классики. Сюжеты этих переделок были все из студенческой жизни.

Например, «Мертвые души» Гоголя: авантюрист Чичиков решил создать свой фальшивый факультет, где он был бы деканом, а студентами – «мертвые души», которые лекции прогуливают. Все гоголевские помещики были деканами: Манилов – филологического, Плюшкин – экономического, Собакевич – исторического и т. д. Чичиков их объезжал и просил дать ему списки тамошних «мертвых душ».

А сюжет мини-спектакля по роману Достоевского «Идиот» строился на знаменитой сцене у камина. Туда экзальтированная студентка Настасья Филипповна бросала пачку шпаргалок, которую Ганя Иволгин изготовил для экзаменов. Наивный отличник Мышкин стыдит его и получает пощечину, но в ответ кротко так говорит: «Вы не меня, вы себя ударили, и мучиться вы будете ужасно!». А все ему кричат: «Идиот! Идиот!».

Написал я вслед за Пушкиным и «Капитанскую дочку»: выпускник филфака Петя Гринев едет по распределению учителем в самую глухомань, «на границу киргиз-кайсацких степей», в Белогорскую школу. Здесь у него возникает конфликт с учителем истории Швабриным, они уже готовы драться, но тут в школу возвращается завхоз, который сообщает, что «далеко в степи видел множество огней, и слышал от крестьян, что идет неведомая сила». Ею оказался инспектор района Пугачев с комиссией, которая ехала проверять, как поставлена работа в школе...

К сожалению, данный текст не был поставлен на сцене и не стал спектаклем. Да и другие тексты, о которых шла речь выше, не сохранились. В моем домашнем архиве удалось отыскать лишь миниатюру «Борис Годунов», которую с блеском играл на сцене «Кактуса» Юра Якименко – студент с непревзойденным чувством юмора.

А. С. ПУШКИН

Борис Годунов

Трагедия

На сцене – стол, за ним сидит Борис Годунов (с короной на голове). Он перебирает бумаги и что-то пишет гусиным пером. Звучит торжественная церковная музыка. На ее фоне говорит диктор.

Диктор

(в микрофон, из-за кулис):

Театр филологов «Кактус» представляет бессмертную трагедию Александра Сергеевича Пушкина «Борис Годунов». Сия трагедия – из времен далеких, жутких, окаянных...

(Звучит мрачная музыка, на фоне которой диктор говорит с трагическим пафосом).

Итак, 1598 год... Это – шестнадцатый век! Это – страшная, ужасная, мрачная эпоха Средневековья, когда на Руси, а значит и в Пермском университете, все было страшно, мрачно и ужасно!

Только что закончилась очередная экзаменационная сессия, после которой некоторых студентов недосчитались – все они были срезаны... вернее, *зарезаны(!)* на экзамене, который принимал Борис Иванович Годунов.

Декан факультета, профессор, завкафедрой всех наук, он был суров, жесток и неумолим, требуя знаний. И вот пришла пора подвести итоги...

Годунов

(горестно вздыхая)

Достиг я высшей власти; пятый год
Я властвую любимым факультетом...
Но счастья нет! Я думал, что студентов
Могу зачетами во славе успокоить,
Стипендией большою их любовь снискать!
Но отложил пустое попечение:
Добрая власть для лоботрясов ненавистна!
Я им открыл буфеты, общежитья –
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
По их словам: кого отчислят –
Всех именно я убийца тайный!
(крестится)

Помню, был Федоров-студент –
Так я его *зарезал*... на экзамене,
И тем ускорил я его кончину!
Иль вот Смирнов-прогульщик... Я в глаза
Его не видел никогда на лекциях моих,
Пришлось отправить прочь сего студента,
Ведь никогда б не сдал он мне зачета,
Хоть и божился, что учил он курс прилежно!
А взять Петрова... Еле-еле
К экзамену он был допущен, и не сдал...
Все говорили, будто я его *зарезал*!...
И что придумал отрок сей? Ко мне
Жену свою, заочницу, отправил...
Три дня перед моим окном
Она стояла на коленях, воя!
Хотел ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин *долг* она хотела сдать!..
(крестится, возводя глаза)
Ах, чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить...
Душа горит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
Хочу бежать, но тут кругом
Души зарезанных на сессии студентов!

Раздаются крики: «Скорей! Скорей! Борис Иванович, поставьте зачет! Спасите наши души!». Вбегает толпа студентов, они окружают, давят Годунова, суют зачетные книжки, не дают ему вздохнуть.

Годунов
(пытаясь вырваться)

Всё кончено – глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный холод...

Падает, и его накрывают саваном.

Диктор
(торжественно)

Студенты!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого декана:
Опалу, казнь, экзамены, зачеты,
Лишение стипендий – все испытали вы!
Декан же новый всех вас жаловать намерен,
Неужто станете упрямыться безумно
И милостей кичливо убегать?
Смиритесь, немедленно пошлите
К нему отличников отряд,
Пусть бьют челом они все новому декану!

КОНЕЦ

Капитанская дочка
Энциклопедия русской жизни
*Лирико-интеллектуальная драма по мотивам Пушкина с элементом
Гоголя в 3 действиях 8 картинах с прологом и эпилогом.*

ПРОЛОГ

Береги честь смолоду
(пословица)

От автора. Отец нашего героя, выпускника филологического факультета Пети Гринёва, Андрей Петрович Гринёв в молодости своей служил при академике Вавилове и вышел в отставку премьер-деканом. С тех пор он жил в городе П., где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего чина. Родители в своем Петрушки души не чаяли.

(выходит Гринёв)

Гринёв. Матушка была еще мною брюхата, как я уже был записан в Н-ский университет студентом – по милости профессора Б., близкого нашего родственника. Я считался в отпуску до окончания наук. Мысль о будущей службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях университетской жизни. Я воображал себя аспиран-

том или даже кандидатом наук, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

(уходит)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Распределение

- Он был бы завтра же в науке аспирант.
- Того не надобно, в деревне пусть послужит.
- Изрядно сказано! Пускай его потужит.

...

Да кто его отец?

(Княжнин)

Между тем Гринёву минуло 22 года.

Картина 1. Дома у родителей.

Гринёв *(входит)*. Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а батюшка у окна читал «Литературную газету», где была как раз дискуссия «Ученая степень и степень учености».

Отец. Верно, верно... *(отвлекаясь)* Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?

Мать. Да вот пошёл 23-й годок...

Отец. Добро. Пора ему и на распределение ехать. Полно ему бегать по девичьим и голубятням. Пусть диссертацию пишет.

Мать. Да не забудь поклониться от нас профессору Б. Надеюсь, он не оставит тебя своими милостями *(благословляет сына)*.

Картина 2. Общежитие

От автора. Так Гринёв попал на 5 курс филфака, где и пребывал в ожидании счастливого распределения. Но вскоре судьба его круто переменилась.

Гринёв. Лаборантка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая библиотекариша Акулька как-то согласились в одно время кинуться в ноги декану, вняв в преступной слабости и с плачем жалуясь на меня, обольстившего их неопытность.

Декан Б. Я шутить этим не любил и сразу пожаловался ректору, а затем направился к Гринёву в общежитие.

Гринёв. Я же в это время был занят делом. Надобно сказать, что для меня была выписана из Москвы политическая карта западного полушария. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и принялся за работу.

Декан Б. Я вошел в 325 комнату 8 общежития в то самое время, когда студент Гринёв прилаживал штат Техас к Челябинской области. Увидя эти, если можно так выразиться, «упражнения в географии», я дернул его за ухо и закричал: «Ревизионизм! Мифотворчество! Модернизм!» – и стал осыпать студента Гринёва укоризнами...

Гринёв. Семь бед – один ответ. Я ответил декану и в тот же день меня прогнали из факультета в деревню. Тем и закончилось мое распределение.

От автора. Итак, все блестящие надежды Гринёва рушились. Вместо веселой аспирантской жизни его ожидала скука в стороне глухой и отдаленной. Но спорить было нечего. На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка, уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками.

Картина 3. В дороге

Гринёв. Через несколько дней я приближался к месту моего назначения. Вдруг ямщик оборотился ко мне и сказал...

Ямщик. Барин, не прикажешь ли воротиться?

Гринёв. Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Через две минуты мы поравнялись с человеком... Гей, добрый человек, скажи, не знаешь ли, где верный путь?

Пугачёв. Дорога-то здесь. Я стою на правильной позиции.

Гринёв. Мне говорили, что теперь надо ехать вправо...

Пугачёв. Зачем это вправо? Надо влево, влево!

Гринёв. Человек вызвался нас проводить. Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать.

От автора. В ту же ночь путешественники попали на постоянный двор.

Картина 4. На постоялом дворе

Гринёв. Мое внимание вдруг привлек разговор нашего вожатого с хозяином.

Хозяин. Эге, опять ты в нашем краю. Отколя бог принес?

Пугачёв. В огород летал, конопли клевал, а что ваши?

Хозяин. Да что наши. Стали было к педсовету звонить, да директор не велит: поп в гости, черти на погосте...

Гринёв. Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора, но после уж догадался, что речь шла о делах Яицкой школы, в то время только что усмирённой после бунта 1772 года. ... Чувствуя родство душ, я подарил вожатому заячий тулупчик и отбыл в Белогорскую школу.

Конец 1-го действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Крепость

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем.
(Старинная солдатская песня)

Гринёв. Школьная жизнь имела для меня мало привлекательности. И частенько в одиночестве я плакал и думал: «Куда это меня занесло? В глухой район, в отсталую школу, на границу киргиз-кайсацких степей...»

Картина 5. В гостях у директора

От автора. Гринёв вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф со стеклянной посудой. На стене висел диплом за стеклом в рамке. Около него красовались лубочные порнографические картинки.

Гринёв. Жена директора Миронова, Василиса Егоровна, встретила меня такими словами...

Василиса Егоровна. А ты, батюшка, не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится – слюбится. Вот наш историк, Швабрин Алексей Иванович... Уже пятый год как переведен к нам за смертоубийство. Живем мы тихо, спокойно. Кино два раза в месяц привозят, танцы по субботам в клубе, но беспорядку нет. Вот только наш математик Прохоров подрался вчера в бане с физичкой Негулиной за шайку горячей воды. Ну да бог с ними, скоро сам со всеми перезнакомисься. Давай, сударь, лучше садись обедать, без церемоний. (Гринёв достает мешок с булками). Ты это что же? У нас у всех здесь, учителей, свои коровы, овцы, куры. Придется и тебе завести себе козу или, к примеру, гуся...

От автора. Те же и директор Миронов.

Василиса Егоровна. Что это, мой батюшка, кушанье давно подано, а тебя не дозовешься...

Миронов. А слышь ты, Василиса Егоровна, я был занят службой – детей учил.

Василиса Егоровна. И полно, только слава, что детей учишь – ни им ученье не дается, ни ты в нем толку не ведаешь. Сидел бы дома да богу молился – так было бы лучше.

Гринёв. До приезда в Белогорскую школу я старался вообразить директора Миронова строгим стариком, готовым за всякую безделицу в конспект сажать меня под арест на хлеб и воду. Но оказалось, что Иван Кузьмич, вышедший в директора из солдатских детей, был человек необразованный и прямой, но самый честный и добрый.

Миронов. Мое так называемое «хобби» состояло в том, чтобы сушить грибы на зиму, которые я сам же вместе с учениками и собирал, проводя уроки ботаники. «Люби свой край», – говаривал обыкновенно я при этом, подчеркивая пионерский девиз нашей школы.

От автора. Итак, Гринёв был произведен в учителя. Служба его не отягощала. В богоспасаемой школе не было ни смотров, ни уроков, ни контрольных. Директор по собственной охоте учил иногда своих детей, но еще не мог добиться, чтоб все они знали, которая сторона правая, а которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибаться, перед каждым выходом к доске клали на себя значение креста. Вскоре Гринёв познакомился со Швабриным.

Картина 6. В Белогорской школе

Гринёв. У учителя Швабрина было несколько книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе, результатом чего явилось стихотворение, посвященное Маше, дочери директора. Надобно заметить, что сложена она была недурно. К тому же она училась в моем классе и у нас с ней возникла постоянная связь на основе комсомольской работы. Как-то в перемену, подозвав ее для обсуждения плана внеклассного мероприятия, я прочел ей свое произведение:

*Мысль любовну истребляя,
Тишью прекрасную забыть.
И ах, Машу избегая,
Мыслью вольность получить.*

От автора. Те же и Швабрин.

Швабрин (издеваясь). А я все слышал!

От автора. Маша, закрыв лицо руками, убегает.

Швабрин. Какую такую «вольность» ты еще собираешься получить? Современный учитель не должен позволять себе вольностей! И мы не допустим в нашем коллективе прелюбодействуй и адюльтера, декабристов и Вольтера! Товарищи учителя! Вы только полюбуйтесь на этого филолога! Заклеймим позором и нехорошими словами морального разложения и авантюриста, высланного к нам на перевоспитание!

Гринёв. Ты лжешь, мерзавец!

Швабрин. Это тебе так не пройдет. Вы мне дадите сатисфакцию.

Гринёв. Извольте, я готов драться.

Швабрин (доставая бумажник). Я беру деньгами.

Гринёв (неуверенно). Тогда подождите до получки. (расходятся)

Конец 2-го действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Пугачёвщина

Незванный гость хуже татарина.

(Пословица)

Гринёв. Через неделю я отдал Швабрину 25 рублей, но, как видно, этого оказалось мало, и, как я узнал впоследствии, он настроил анонимный донос в районе с просьбой прислать в Белогорскую школу инспектора для проверки идейно-политической и морально-воспитательной работы среди учащихся. Однако весть о приезде инспектора дошла до директора раньше, и по сему поводу был экстренно созван педсовет.

Картина 7. Педсовет

Миронов. Я пригласил вас, товарищи, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие. К нам едет инспектор районо.

Швабрин. Как инспектор районо?

Гринёв. Как инспектор районо?

Миронов. Инспектор Пугачёв, да еще с секретным предписанием. Ужасный, говорят, человек, субъективист и волонтарист. Вот что пишет мой друг товарищ Н. из города (надев очки, читает): «Того ради с получением сего, имеете вы, товарищ директор, немедленно принять надлежащие меры к отражению упомянутого злодея-инспектора, а

буде можно, и к совершенному уничтожению оно, если он обратится на школу, вверенную вашему попечению».

Следует принять меры. Слышь ты, легко сказать: злодей-то, видно, силен. А у нас 130 человек одних второгодников. На них плоха надежда. Однако делать нечего, товарищи учителя! Будьте исправны, учредите караулы и ночные дозоры. А в случае внезапного приезда этого Пугачёва запирайте школу да уводите детей в лес. Журналы осмотреть и хорошенько вычистить.

От автора. Все заговорили о Пугачёве. Толки были различны. Директор послал завуча с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним школам. Завуч возвратился через 2 дня и объявил, что в степи, верст за 60 от школы, видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем, он не мог сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

Гринёв. Вскоре от Пугачёва пришло письмо. Инспектор объявлял о своем намерении идти на нашу школу, а директора увещевал не сопротивляться, угрожая казнью в противном случае. Воззвание было написано в грубых, но сильных выражениях и должно было производить опасное впечатление на умы простых людей.

– Силен, бродяга, – почтительно говорили второгодники.

Картина 8. Суд

От автора. И вот наступил Судный день. В самый приезд Пугачёва директор Миронов неожиданно скончался от инфаркта, не успев отдать распоряжения о последних приготовлениях. Это событие, впрочем, не спасло остальных учителей от скорой расправы.

(Пугачёв сидит и машет платком. Мимо него проходят учителя на казнь.)

Гринёв (щупая тулуп). А тулупчик-то мой...

(Пугачёв пожимает Гринёву руку)

Пугачёв. Отныне, Петр Андреич, быть тебе здесь директором. Поручаю школу на твое попечение. Чем 300 лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!

ЭПИЛОГ

От автора. Здесь прекращаются Записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что Гринёв, работая на 2,5 ставки, исхитрился совмещать одновременно должности директора, завуча по воспитательной работе, завхоза, буфетчицы, а также учите-

лей математики, пения, рисования, физкультуры и других предметов и ни в чем предосудительном замечен не был. Его заявка в облоно на учителя литературы до сих пор не удовлетворена. Говорят, что последнее время на филологическом факультете недобор мужеского полу, а девочки после своего распределения в Белогорскую школу всякий раз почему-то выходят замуж.

Швабрин попал в армию, где дослужился до звания капитана. У него растет дочь Маша.

Пугачёву не повезло. За проявленный субъективизм и волюнтаризм он был снят с работы в районо, отчего запил и сейчас сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы, бормочет необыкновенно скоро: тройка, семерка, туз, – тройка, семерка, дама!..

Вся эта история – совершеннейшая правда. Мы решились с разрешения родственников издать ее особо, приислав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые имена.

М. Черепанов,
выпускник 1974 г.

Отцы и дети

Почти по Тургеневу, драма-катарсис в трех действиях, с эпилогом

Посвящается растерянному поколению

Действие первое

Ведущий. Что, не видать еще? – Спрашивал 9 марта 1874 года барин лет сорока, выходя на низкое крылечко постоянного двора № 8, что на Заимке. Познакомим с ним зрителя, пока он с чувством играет на виолончели «Ожидание» Шуберта и часто поглядывает на дверь. Это отец, Николай Петрович Кирсанов, филолог-традиционалист, который в последний день межсессионного зачета вот уже который час томится в ожидании детей, коих не видал целый год.

– Никак, они едут-с, – доложил лаборант.

И верно, показался тарантас, запряженный в 90 лошадиных сил. В тарантасе мелькнул околыш студенческой фуражки, знакомый очерк дорожного лица.

Николай Петрович. Аркаша! Аркаша! (*обнимает его*). Два семестра не видал тебя (*вытирает слезы*). А кто сей волосатый? (*испуганно*)

Базаров (*представляясь, решительно*). Евгений Базаров.

Ведущий. Протягивает красную руку... Евгений Базаров и Аркадий Кирсанов – студенты 4-го курса, «дети». Поясним зрителю: Базаров, препарируя в прошлом лягушек, пришел к замечательному открытию – он изобрел модель анализа текста по диагонали. Аркадий – его попутчик, который далеко пойдет (*интригуяюще*): Сейчас вы видите модель в действии (*Базаров режет книгу по диагонали*).

Николай Петрович. Не чаял встретить вас. Берите билеты. Приобщимся к науке.

Аркадий. (*берет билет и читает*): Филологии нет, есть система!

Базаров. (*играя ножницами*): Филологии нет, есть система!

Аркадий. Пушкина нет, есть система!

Базаров. Друг мой Аркадий, не говори красиво. (*Николаю Петровичу*) – Читайте Лотмана, папаша. (*Режет книгу по диагонали*).

Николай Петрович. Но alma mater! Храм науки!

Базаров. Филфак – не храм, а мастерская, и студент в ней – работник.

Николай Петрович. Но я люблю филологию!

Аркадий. Ну и что ж... Мы тоже любим.

Николай Петрович (*прерывая*). Любите! Спасибо, спасибо! Я ожидал услышать это от вас. Давайте зачетку! А Евгений Васильевич...

Аркадий. Да он все знает. Он нигилист.

(*Входит Павел Петрович*)

Павел Петрович. Как? Структуралист? Где?

Ведущий. Павел Петрович Кирсанов, родной брат Николая Петровича, тоже из отцов. Большой традиционалист.

Николай Петрович. Паша, устарели мы. Филологии-то нет, Пушкина нет – а есть система. По диагонали...

Павел Петрович. Так он никого не уважает?

Базаров. Нигилист не склоняется ни перед каким авторитетом и не принимает ни одного *принципа* на веру. (*Режет*). По диагонали.

Павел Петрович. Да разве это хорошо?

Аркадий (*Базарову*). Да, разве это хорошо?

Павел Петрович. Мы, люди старого века, полагаем, что без *принципов*, принятых на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Да вот, извольте – *принцип* историзма.

Базаров. Да он мне и даром не нужен. По диагонали.

Павел Петрович. Помилуйте, логика истории требует...

Базаров. Да на что мне ваша логика? Я и без нее обхожусь, по диагонали.

Павел Петрович (в зал). Вот, вот они, наши наследники! И эта зараза уже далеко распространилась! По диагонали!

(Базарову) А без *принципов* жить в наше время могут одни безнравственные и пустые люди!

Базаров. И Рафаэль ваш гроша медного не стоит. По диагонали.

Аркадий. Базаров! Да ведь он поет неплохо.

(Николай Петрович падает в кресло)

Базаров. По диагонали.

Павел Петрович. Вы глумитесь над филологией! Я подозреваю, что вы строите модели. Ваш зачет я приму сам, в пять ноль-ноль, в кабинете, по диагонали.

Действие второе

Ведущий. Два часа пятнадцать минут. Базаров получает записку от куратора группы, Анны Сергеевны Одинцовой, о существовании которой не подозревал.

Базаров (режет письмо по диагонали, читает). «Евгений, понимаю вас, спешу на лекции, жду между 3-05 и 3-15 у входа в анатомический театр. Прошу объясниться». Кто это? Вроде на других баб не похожа. Посмотрим, к какому разряду млекопитающих принадлежит сия особа. (*Появляется колонна*).

Ведущий. Колонна анатомического театра.

(*Появляется Одинцова*).

Одинцова. Базаров!

Базаров (не оборачиваясь). Я к вашим услугам, Анна Сергеевна. Но о чем, бишь, мы будем беседовать с вами?

Одинцова. О счастье. Знаете, я бы очень желала знать, о чем вы думаете.

Базаров (быстро взглянув на нее, в зал). Роскошная баба...

Одинцова. К чему вы себя готовите? Кто вы? Что вы?

Базаров. Я будущий уездный учитель.

Одинцова. Перестаньте! С вашим-то самолюбием, с вашей-то диагональю – сельским учителем! Слушайте, мне нужно сказать вам одно слово.

Базаров. Вам хочется полюбить, а полюбить вы не можете, вот в чем ваше несчастье.

(В зал). По диагонали.

Одинцова. Вы меня не поняли. Вам грозит... Держитесь...
(Звонок, Одинцова убегает).

Базаров (закрыв глаза ладонью, резко оборачивается и обнимает колонну). Я люблю вас, глупо, безумно! (*Отшатнувшись*). О как вы холодны! (В зал) Связать себя с женщиной! Рассиропился. Мужчина должен быть свирепым... По диагонали! (*Уходит*).

Действие третье

Ведущий. Пять часов 00 минут. Кабинет. Сходитесь!

(Павел Петрович и Базаров в разных концах сцены, поворачиваются лицом друг к другу, сходятся. У Павла Петровича в руках палка, у Базарова ножницы).

Павел Петрович (нападая). Сюжет!

Базаров (отбивает). Синтагматика!

Павел Петрович. Композиция!!

Базаров. Парадигматика!!

Павел Петрович. Конфликт!!!

Базаров (выбивает палку из рук Павла Петровича). Интер-де-пен-ден-ция!!! (*отрезает кусок бороды Павла Петровича – по диагонали – и, торжествуя, трясет им перед залом*).

Павел Петрович (падает в кресло). После всего, что между нами произошло, вы не можете присутствовать на занятиях!

Одинцова (вбегая). Базаров! Что вы наделали?

Николай Петрович (вбегая). Павел Петрович! А ежели приклеить?

Базаров (в зал). В академ... По диагонали!

Эпилог

Ведущий: Прошло время. Павел Петрович отрастил новую бороду, но все так же традиционен, как и его брат. Николай Петрович по-прежнему любит филологию и честным повторением одних и тех же слов доводит детей до истомы. Одинцова повышает квалификацию, а Аркадий получил направление в аспирантуру. Базаров же, препарируя очередной текст по диагонали, порезал палец ржавыми ножницами. В медпункте университета не нашлось адского камня, и вместо него Базарову дали справку об остром респираторном заболевании, после чего он и помер. А «День открытых дверей» университета каждый год говорит нам о вечном примирении и о жизни бесконечной...

Воскресение

(почти по Л. Толстому, одноактная типовая драма)

За закрытым занавесом. – Тише! Идет защита! Тише! Идет защита! Тише! Идет защита!

(Открывается занавес. Одновременно с двух сторон выходят на сцену и рассаживаются на скамьях и за столом, соответственно, защищающиеся и члены комиссии. В руках первых огромные папки с надписью «ДЪЛО», у членов комиссии – какие-то книги, работы, папки, узелки со снедью, вязанье и пр. Все улыбаются, царит видимость праздничной атмосферы).

Председатель. Господин секретарь, огласите...

Секретарь. Итак, слушается дело мещанки 5-го года содержания – Екатерины Масловой. Кафедра госпожи Китаевой. Характеристики и справки с местов учебы, работы и жительства прилагаются... Нраву тихого, поведения... м-мм... благопристойного. Итак, слушается...

Маслова (запинаясь). «К вопросу об аспектах... системного исследования... неизысканного наследия Евгения Сазонова... как явления гомоморфизма 13-го стула 16-й полосы конца 19-го века» (пауза).

Председатель. Прошу-с...

Маслова. Р-раздел... первый: неизысканная лиропроза Сазонова как часть неизысканного целого...(пауза). Раздел второй: неизысканное наследие Сазонова как... теневая проблема... (пауза). Выводы: Евгений Сазонов как... аспект. Евгений Сазонов как гомоморфист... (пауза).

Председатель. У вас все?

Маслова (смешавшись, покраснев, стесненно дыша). И еще мне хочется... отблагодарить всех членов ГЭКа...(потупилась)

Председатель (поднявшись). В этом есть рациональное зерно... Господа! Прошу ознакомиться с вещественным доказательством... (пускает по рукам дело Масловой). Ваши вопросы...

1-й член (взвесив «ДЪЛО», глядя на Маслову, восхищенно). Толстая, однако...

2-й член (не переставая вязать). Ах, где вы достали эту столь прелестную бумагу?..

3-й член (философски-раздумчиво). Значит, гомоморфист... Очень, очень интересно...

4-й член (прожевывая булочку). А связи неизысканного Сазонова с местным фольклором... вы, конечно, не наблюдали...

(Нехлюдов, посмотрев «ДЪЛО», хватается руками за голову)

Оппонент (нетерпеливо вскакивает). Позвольте мне, господин председатель!

Председатель. С публичной речью выступит господин оппонент.

Оппонент. Господа! Я должен со всей категоричностью заявить, что мешанка Маслова проделала огромную работу по неизысканному наследию одного из ярчайших представителей современного писательства... (раскланивается).

3-й член. Ну уж это он, кажется, загнул...

2-й член. Ужасный болван...

Оппонент. И все же я должен заметить, что Евгений Сазонов отнюдь не ГОМО, а совсем наоборот, он – ИЗОморфист. И это мнение не только мое, но и довольно широкой общественности...

3-й член (прерывая). Но, господа! Это же сугубо лично дело Сазонова, каким морфистом ему быть! Изо или гомо...

Все. Ну что вы! Как можно?

(Председатель успокаивает членов)

Оппонент. Но, господа, меня огорчило другое... Господа! В этом деле не хватает одной сноски!!

Все. Как?! (всеобщее смятение)

Председатель. Господа! Члены ГЭКа срочно удаляются на совещание...

(все уходит, остается один Нехлюдов).

Нехлюдов. Ведь надо же, чтобы это дело пришлось именно на мою сессию, чтоб я, ни разу не встречая ее за эти 5 лет, встретил ее здесь, на скамье... Негодяй! Мерзавец! Я первый обольстил ее этой изысканной темой... и бросил... Сколько же было у нее за все время содержания их – руководителей!.. Стыдно и гадко, гадко и стыдно!.. И чем все это кончится? Поскорей, ах, поскорей бы!

(Входят члены комиссии).

Председатель. Господа! Члены комиссии рассмотрели дело мешанки Масловой и пришли к единогласному мнению... Одним голосом против пяти воздержавшихся... Поскольку одной сноски в деле действительно не обнаружено... дело мешанки Масловой считать проигранным, передать его по инстанции, Маслову же лишить всех мешанских прав и, выдав ей соответствующую справку, заслать на учительские работы в Урёпинск!

(пауза)

Маслова. Не виновата я, не виновата! Не хотела, не думала. Верно говорю. Верно.

(члены комиссии хотят удалиться)

Нехлюдов. Стойте! Я хочу сделать кассацию! (берет за руку Маслову). Я, я виноват в грехе этой женщины. И хочу искупить свою вину: я беру эту сноску на себя!..

Все. Как можно?!

Нехлюдов. Да! Совесть моя требует жертвы своей свободой для искупления моего греха, и решение мое – жениться на ней, хотя и фиктивным браком, и пойти за ней, куда бы ее ни послали... О, боже, как хорошо! Все часы на кафедре раздам безвозмездно... и в Урёпинск. О, воскресение души моей!

Маслова (всхлипывает). Воскресение...

Нехлюдов. Воскресение...

Маслова. Воскресение! ЗАГС... закрыт.

Нехлюдов. Катюша! Тогда может оставить вас на кафедре лаборанткой? У меня есть там связи...

Маслова. Что вы? Я не могу принять от вас такой жертвы...

Симонсон. Господин Нехлюдов! Я – Симонсон! И у меня одна сноска лишняя. И мы с Катериной Михайловной порешили поехать в Урёпинск вместе...

Нехлюдов. О святая душа!

Секретарь (вбегая). Деша!

Председатель (читает). Циркуляр: «Новые требования к проведению защитно-обвинительных процессов». Санкт-Петербург ноября девятого, 1874 года.

Нехлюдов. Господи! Все в твоей власти (выхватывает у председателя депешу). Все теперь пойдет по-другому... (председатель кашляет, Нехлюдов вздрагивает). Но как же теперь будет со сносками?

ЗАНАВЕС

Преступление и наказание

Социально-психологическая мелодрама
по мотивам одноименного романа Ф. М. Достоевского
(в трех действиях, с прологом и эпилогом)

В ролях:

Родион Раскольников, студент филфака, выпавший из поля зрения общественных организаций, а также и ФОПа (факультета общественной пропаганды – *ред.*)

Соня Мармеладова, староста группы, мученица-посещенка (посещает все лекции, и не только за себя)

Свидригайлов, 27 лет, лауреат пятой-пятнадцатой студенческих театральных весен

Порфирий Петрович, декан

Алёна Ивановна, заместитель декана, процентщица

Мармеладов, 45 лет, отец семейства, учащийся 8-го класса школы рабочей молодежи

Ведущий

Пролог

Мармеладов (перед закрытым занавесом, жалкий и пьяненький). Милостивые государи! Случалось вам... испрашивать денег займы безнадежно? Нет? Мармеладов я... Да, но можете ли Вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья? Она, дочь моя, Сонечка, сегодня сорок копеек вынесла, своими руками, к вертушке в общежитии. Сорок копеек, да-с. А ведь и ей теперь они нужны, а? Как вы думаете? И пока я в *вестиблю* пьяненький лежал, дочь моя, Сонечка, по желтому билету в публичную... библиотеку ушла... Понимаете ли, понимаете ли вы, что это значит, когда уж *некуда* больше идти?

Действие первое

Место действия: большая комфортабельная квартира, одна из тех, что во множестве сдаются студентам на Разгуляе.

Полночь

(открывается занавес)

Обросший, нечесаный, неухоженный студент III курса филологического факультета Родион Раскольников сидит на столе. На плечах дрянное пальтишко. Босой. Коротенькие штанишки.

Раскольников. Преступлю... или... не преступлю? (зябко пожимает ногами, дрожит от холода)

(неожиданно, чуть не плача) – О боже! Как это все отвратительно. На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко! (спрыгивает в валенки);

вдруг, другим тоном в зал:

– Но ведь лекция-то дрянь, дрянь! Как же не преступить?!

Двигается по сцене. (осеняет) А! Снимут со стипендии! Ну и пусть! пусть! Все равно в Петербурге не сыщешь! ...нет! Нет, я не вша какая-нибудь. Я...

Да и что мне процентщица! – (язвительно) – Лекция!

Нет! (гордо, демонически в зал) Я... Сам... один... самостоятельно... могу смотреть в книгу и видеть... (горячечно) мыслей-то, идей-то сколько, да с их помощью посвятить себя на служение всему человечеству и общему делу, так не загладится ли одно крошечное преступленье тысячи добрых дел?! (пытается еще что-то сказать, ловит ртом воздух).

Ведущий. Раскольников, Родион Романович. Задумал черное дело – пропустить лекции и тем самым снизить процент посещаемости.

Раскольников. Да и что значит на общих весах один-то процент? /ломая руки/ – Подумать только: из-за этого-то процента... Сонечка-то за что гибнет? Жертву-то, жертву-то ты измерила ли вполне? Так ли? Под силу ли? В пользу ли? Разумно ли?!

– Нет!.. – Решено! – Спать! (падает на стол; свет гаснет).

Действие второе

Вечер. Меблированная кроватями комната в общежитии. Сонечка Мармеладова – староста группы, мученица-посещенка. У Сонечки горе. Мармеладов снова пил «Солнцедар», в результате – прогул.

Что делать? Кто виноват? Кому это нужно? И кто это выдержит?

(Свет. Тот же стол, стул. Сонечка, прохаживаясь по комнате, напевает отрешенно-безысходно: «Я могла бы побежать за поворот...»)

Вбегает Раскольников.

Раскольников. Соня!

Соня. Родя!

Раскольников (держа Соню за руки и не видя ее). Соня! Дай я на тебя посмотрю... Какая ты худенькая! Вон какая у тебя рука! Со всем прозрачная... Пальцы-то, пальцы-то, как у мертвой...

Соня. Родя! Что с тобой? Ты болен? А как же лекции завтра? Где справка? На тебе лица нет!

Раскольников. Будет, Соня, будет... Погляди на меня! Человек я или тварь дрожащая?

Соня. Что ты, что ты, Родя! Да их... (в зал) хороших людей у нас гораздо больше! У нас...

Раскольников (прерывая). Я в тебе не ошибся, Соня... Завтра все узнаешь! (пытается уйти).

Соня (удерживая его). Куда ты, туда и я!

Раскольников цепенеет. Соня падает на стул. Перед занавесом, на авансцене высвечивается Свидригайлов.

Ведущий. Свидригайлов – 27 лет, лауреат пятой-пятнадцатой театральных весен.

Свидригайлов выходит, с чувством напевая: «Топай-топай, хлопай-хлопай»...

В позе хищника, замирает. Смотрят друг на друга.

Раскольников (взрываясь): Нет! Мерзкий Вы человек, Свидригайлов. Да-с. Я знаю, Вы и жену свою в танцевальный записали! И тещу, мать ее, и сестру мою, Авдотью... Я... Не позволю себя манкировать! (убегает)

Свидригайлов (вслед). Ох, Родя, давненько же ты Порфишу не видал... Ты у меня еще попляшешь! (не торопясь идет по сцене, пытливо рассматривая зал. Поет: «Топай-топай, хлопай-хлопай».)

Действие третье

На другой день. Деканат (присутственное место).

Ведущий. Порфирий Петрович, декан. Алёна Ивановна, зам. декана, процентщица.

Алёна Ивановна (сидит за столом, под графиком посещаемости). Пытается учесть пропуски, считая на счетах.

Порфирий (прохаживаясь со стаканом чая) поет. Э-эй! Но привыкли руки к топорам, только сердце не послушно докторам!

Порфирий (вдруг, элегически в зал). Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть... (оживляясь, радостно, почти восхищенно) – Алёне Ивановне: А все-таки, Алёна Ивановна, нашего студента мало *завалить* – его еще надо *повалить*!

Алёна Ивановна (щелкнув, окончательно, убежденно). Убийца!

Входит Раскольников.

Раскольников. Порфирий Петрович! Почему меня... Я три года... исправно посещал...

Порфирий (констатирует). Раскольников.

Раскольников. Я...

Ведущий. Так, так... (осеняет) Читали-с. Любопытная статейка.

Раскольников. Я...

Порфирий (идет по следу). В стенгазете, в «Гоголевце», два месяца назад... Насчет свободного посещения.

Раскольников вздрагивает.

Порфирий (воодушевляясь, делая круги вокруг Раскольникова). Очень, очень оригинально... Там, знаете, некоторая

мысль, которую Вы проводите намеком, меня поразила. Что будто бы существуют у нас на факультете некоторые такие лица, которые могут, т. е. даже полное право имеют совершать всяческие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан. Что, мол, все позволено-с. (в зал) – Лекцию... пропустить!

Раскольников. Я...

Порфирий. Но я Вам вот что скажу и опять повторю-с: Вы, батюшка, Родион Романович, уж извините меня, старика, человек Вы еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, (в зал) – по примеру всей молодежи. Игривая острота ума и отвлеченные доводы рассудка Вас соблазняют-с.

Раскольников. Я...

Порфирий (резко повернувшись к Раскольникову, пальцем в упор, убежденно). Вы! Вы, батенька, пропустили лекцию 9-го числа, первую пару!

Показывает на график. График ломается, нависает над Аленой Ивановной в форме топора.

Ведущий. Убийец! – сказала Алена Ивановна.

(Шум, крик за сценой: «Пострадать! Пострадать хочу!»)

Вбегает Сонечка, падает в ноги Порфирию. Все ошеломлены).

Сонечка. Не доглядела я! (рыдает в журнал).

Алена Ивановна. Убийец!

Раскольников (мечется между Сонечкой и Порфирием). Сонечка! Ангел... Порфирий Петрович... Нет, Вы не сможете... Да что же это такое... (глядя Сонечку по голове, глядя в глаза Порфирию) Я... Я...

(Порфирий ободряюще кивает головой)

Раскольников (кусая локти, о себе). О, тварь дрожащая! (падает на колени)

Порфирий. Ну зачем Вы так, Родион Романыч? Иронический Вы человек...

Раскольников (на коленях). Порфирий Петрович! Я это! Я пострадать хочу! Согласен, согласен я (плачет). Снимайте меня со стипендии.

Порфирий (убирает пылинку с головы Раскольникова, вышагивая между коленопреклоненными, в зал). А нервы-то-с, нервы-то-с... Ведь все это ныне больное, да худое, да раздраженное!.. А желчи-то, желчи в них во всех сколько!..

Свидригайлов (вбегая). А? Что? Уже? Еще не поздно! Э... Сонечка, Сонечка, встаньте... Родион! (укоризненно) Порфирий Петрович (уводит его к авансцене), да ведь это... генеральная репетиция

вчера была, 9-го числа... первая пара. Вы ж сами разрешили-с... (падает на колени)

Все смотрят на график. График выправляется.

Свидригайлов. Ведь весна, концерт! Порфирий Петрович! Танцуйте с нами!

Ведущий (бодро). Эпilog: Порфирий Петрович расчувствовался и на минуту забыл, что он декан. Раскольников сохранил стипендию, Свидригайлов лелеет мечту создать танцевальный коллектив. У Сони тоже радость: Мармеладов вылечился от алкоголизма и вновь посещает вечернюю школу.

КОНЕЦ

Три сестры Почти по Чехову

Действие первое. Маша

(Мелодия «Нам не страшен серый волк»)

День распределения. Общежитие.

Маша (вбегая). Боже мой! Какое счастье, я не мобильная!

Ведущий. Маша, пятикурсница. «Не мобильная» – не подлежит распределению.

(Входит Кулыгин)

Кулыгин. Все разрешилось, Машенька, ты со мной, в Перми. Я доволен, я доволен, я доволен. Жена моя... *(пытается обнять, Маша отстраняется)*.

Маша. Надоело, надоело, надоело... (себе). Дальше-то что? Работа... Какая?..

Кулыгин (обиженно). Мы с тобой не бедны. Я работаю. Мои уроки, репетиторство, потом статьи в «вечерке»...

Маша. У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...

(Появляется Вершинин)

Вершинин (стремительно). Здравствуйте! Вы... Маша!

Кулыгин (навстречу). Кулыгин, муж Маши...

(Вершинин вопросительно смотрит на Машу)

Маша (прибавляет). Педагог...

Вершинин. Честь имею представиться: Вершинин, доцент, критик.

Маша (радостно). Вы из Москвы!

Вершинин. Представьте. Вопросы критики в этом сезоне пользуются несомненным успехом. Мы с Вами поставим все с ног на голову.

Маша. Милый! Вы раскрыли мне глаза. Да, конечно, нужно критиковать! Ах, в Москву! Скорее. В Москву!

Вершинин. Да. (*Смотрит на часы*). Действительно, мне пора, на вокзал... Жена опять отравилась... Ну, работайте, пишите... в двух экземплярах. Прощайте. (*уходит*)

Маша (рванулась). В Москву!

Музыка

Действие второе. Ольга

Ведущий. Деревня Удёпкино. Комната сельской продавщицы.

(*на сцене: Ольга, Родэ и Федотик играют в карты*)

Ольга. Боже мой! Мне казалось, я не переживу, после ревизии лежала в обмороке как мертвая. (*Берет кружку*). Эхма, жизнь малиновая, где наша сестра не пропадала... Мальчики, выпьем за нашу Alma mater... (*пьет*).

Ведущий. Мальчики Родэ и Федотик, выпускники филфака, проездом в Пермь.

(*Родэ и Федотик громко смеются*)

Ольга. Мальчики, In vino veritas, cherchez la femme (*пауза*). (*Вздыхает*). Мне двадцать восемь лет только...

Родэ. Перебор...

Ольга. Я бы любила мужа...

(*Федотик свистит*)

Ольга. Федотик, друг мой, не свисти, как ты можешь... (мечтательно, светло, как во сне). Покончить все здесь... продать дом... и корову... и в Пермь, в Пермь...

Музыка

Действие третье. Ирина

(мелодия «Гимнастика» Высоцкого)

Горьковская научная библиотека. Курительная комната.

(*на сцене: Чебутыкин читает газету, Тузенбах курит. Появляется Ирина*)

Ирина (бросается к Чебутыкину). Боже мой! Чебутыкин! Чебутыкин! (делая открытие): Я знаю, как жить! Я знаю все!

Ведущий. Ирина, бывший филолог, теперь социолог.

Ирина. Человек должен трудиться, работать в поте лица, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его торговли. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице... асфальт!

Андрей (в предыдущих действиях он играл на фортепиано, поворачивается к говорящему). Нынче я играть не стану. Так посижу...

Ведущий. Андрей Прозоров, выпускник филфака, музыкальный работник детского сада.

Тузенбах. Тоска по труду, о, боже мой, как она мне понятна! Я не работал ни разу в жизни.

Ведущий. Тузенбах, выпускник филфака, сотрудник НИИУМСа.

Тузенбах. А через какие-нибудь двадцать-тридцать лет работать будет уже каждый человек, каждый!

Чебутыкин. Я не буду работать...

Ведущий. Чебутыкин, выпускник филфака, человек неопределенных занятий.

Тузенбах (взволнованно). Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему? Ни одного подвижника... (Андрей подвигается со стулом).

Ирина. Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста!

Тузенбах. Конечно, страдания, поиски веры, – теперь их так много! – говорят об известном нравственном подъеме, высоте, которой достигло общество...

Чебутыкин (перебивая). Но люди все же низенькие (встает). Глядите, какой я низенький. Это для моего утешения надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь. (Уходит).

Ирина (протестуя). Чтобы жизнь стала прекрасной, нужно участвовать в ней, хотя издали, нужно работать... (мечтательно) рабочее, должно быть, спят крепко.

Тузенбах. Баста! Иду в отставку. Еду на кирпичный завод. (Берет Ирину за руки). О, поедemте со мной! Вы не такая, как все, вам видна правда, вы сильная. Поедemте вместе работать!

Ирина (отшатываясь). На завод?!

Тузенбах (ошарашен). Что же мне делать? Я обманулся! (Снимает ружье и убегает).

Андрей (утомленно). Вы напоминаете мне каких-то чеховских героев...

Ирина (падает на стул). Если бы знать, если бы знать... (пауза)

Ведущий. Выстрел в зале библиографии...

Ирина. Вспомнила! Я чайка, я чайка!

(Удар гонга. Все замирают. К микрофону выходит декан филфака).

Декан. «Товарищи филологи! Информация к размышлению. За последние пять лет до места распределения не доехало ... выпускников филфака. Надо срочно принимать меры!»

(Снова удар гонга. Все уходят).

КОНЕЦ

Почти по Шварцу. «Обыкновенное чудо»

Хозяин (с атрибутами вахтера, со связкой ключей). Почти по Шварцу... «Обыкновенное чудо»!

Хозяйка (в одежде технички, с пылесосом). Какое странное название. Если чудо – значит, необыкновенное! А если обыкновенное – следовательно, не чудо.

Хозяин. Разгадка в том, что у нас речь пойдет о любви... О любви к своей профессии. (Включается пылесос)

Медведь (вбегая, со связками книг). Видите ли... Я медведь. Пять лет назад Ваш муж помог мне поступить в университет. Он у Вас просто волшебник. У него золотые связи.

Хозяйка (гневно). Это правда?!

Хозяин (оправдываясь). Так ведь это когда было? Пять лет назад! Сижу, понимаешь, у себя на вахте, смотрю – идет молодой медведь. Голова лобастая, глаза умные... И печальные. Разговорились, понравился он мне. Оказалось, по конкурсу не прошел. Ну я и сделал так, чтобы его приняли.

Хозяйка. Бессердечный! (Медведю) – Бедный мальчик! Чай трудно быть студентом-то?

Медведь. Да, быть настоящим студентом очень нелегко...

Хозяйка. Сейчас же, сейчас же преврати его в медведя! Отпусти его на свободу!

Хозяин. Дорогая, не волнуйся, все будет отлично! Сегодня же он получит диплом и поедет в деревню.

Хозяйка. Боже мой! Но как же это грустно: учился, учился, учился, стал человеком, и снова в медведи?!

Хозяин. Дело житейское...

Хозяйка. Опасную игру затеял ты, муж! Ну хорошо, билеты на балет ты доставал, меня в общество книголюбов записал, а теперь я боюсь.

Хозяин. Поздно, дорогая... Вот уж и декан, кажется, пожаловал со свитой.

(включается пылесос, вбегает «свита» во главе с зам. декана)

Зам. декана (со счетами, на ходу считает). в хоре поют... В танцевальном танцуют... Спортом занимаются... В СНО участвуют... На деревню поехали... На деревню приехали... О! (хватается за голову). (Хозяйке) – А вы кто, милочка? Завтра пойдете изучать средства технического обучения...

Хозяйка. Я вот на Вас мужу пожелаюсь – он Вас на картошку пошлет.

Зам. декана. Что же Вы не предупреждаете, что Ваш муж волшебник! Прошу прощения, извините, ради бога! (свите) – Если вы его не найдете, поедете в деревню сами!

(Гудит пылесос, входит декан).

Декан. Здравствуйте! Я декан, дорогие мои!

Хозяин. Прошу Вас, пожалуйста!

Декан. Я страшный человек!

Хозяин. Ну да?

Декан. Очень страшный. Я тиран. Деспот. Коварен, злопамятен, капризен... А по натуре я добряк, умница, дискотеки люблю, студентов обожаю... Но вдруг такого натворю: то стипендии лишу, то из общежития выселю. Да ведь я не гений какой-нибудь, а просто декан, какими пруд пруди. (гудит пылесос). А всему виной мой зам. Ишь, «принцесса»! У меня план по распределению горит, а она студента без справки найти не может (плачет).

(Гудит пылесос, декан плачет, хозяин его успокаивает. Медведь выбегает из укрытия и сталкивается с «принцессой»).

«Принцесса». Ах!

Медведь. Что с Вами?

«Принцесса». Мне кажется, что я где-то видела Вас!

Медведь. Наверное, Вы из свиты декана?

«Принцесса». Нет! Я зам. декана! Что это Вы побледнели? Ах, да Вы же мой дипломник! Стойте! Сейчас же получите диплом и направление! (убегает вслед за Медведем)

Декан. Нашла! В погоню! (бежит, сталкивается с охотником)

Охотник. Но, но, поосторожней, медведь!

Декан. Я не медведь! Я декан!

Охотник. Ой! Простите, товарищ декан! А я охотник из рай- оно... Понимаете, товарищ декан, у меня в деревне не хватает столько учителей, а в облоно столько других охотников, что я решил прямо к Вам.

Декан. Вот только что здесь был один... Но ничего... Сейчас моя принцесса его приведет, и, считайте, что шкура – Ваша.

(зам. декана вводит Медведя)

Хозяйка. Ведут! (плачет)

Охотник. Тсс... Спугнете...

Медведь. Не хочу в медведи, хочу в аспиранты! (отбивается от зам. декана, которая пытается вручить ему диплом).

Хозяин. Трус! А трус никогда не станет аспирантом!

Медведь. Неправда! Я... Я не трус! (берет диплом).

(Мрак, гром, завывание пылесоса, затем сказочная музыка, свет)

Хозяйка. Смотрите! Чудо! Чудо! Он остался человеком!

Охотник. Но я видел, видел, как он превращался в медведя!

Хозяин. Ну, может быть на миг. Это со всяким может случиться. А потом что? Гляди: это человек, человек! (в зал) – Любите, любите свою профессию...

Хозяйка. Где бы вы ни работали...

Охотник. Не остывайте, не отступайте...

Декан и зам. И вы будете так счастливы...

Все вместе. Что это просто чудо!

(Занавес)

РАЗДЕЛ II

ЮМОР ПИСАТЕЛЕЙ (РАЗНЫЕ ЖАНРЫ)

Страничка писателей, наших выпускников, выделена в отдельный раздел с целью показать, что юмор в его различных оттенках и способность шутить – неотъемлемое качество наших прозаиков, поэтов, бардов.

Монолог выпускника

– Знаете, я устал. Нет, дело не в том, что я человек утомленный высшим образованием. Так, кажется, говорил один литературный герой. Нет, от экзаменов я не устал. Я устал от оваций, аплодисментов, повышенного внимания к своей личности.

Вы подумали, что я шел на диплом с отличием. Нет, это для меня – журавль в небе. Я заурядный троечник, можно сказать, спокойный троечник, потому что у меня нет ни взлетов, ни падений. Но тройка моя добротная, крепкая, основательная, солидная. Это не то, что художочная четверка, которую долгими летними ночами вымаливает у учебника какой-нибудь зубрилка. Я устал, устал от оваций, вкрадчивой нежности экзаменаторов и тихого сострадания однокурсников.

Я устал от тех тепличных условий, которые мне были созданы во время государственных экзаменов. У меня была отдельная комната для занятий, при мне неотлучно дежурил консультант-доцент, я был поставлен на усиленное питание и обедал вместе с боксерами тяжелого веса.

Вы иронически улыбаетесь. Вы не верите? Самые тяжкие минуты – когда объявляли оценки и когда председатель ГЭК скучным, металлическим голосом судебного заседателя говорил: «Потапов» – «удовлетворительно», и специально выделенный человек (кажется, с первого курса) бросался ко мне с цветами и объятьями. Сначала я чувствовал себя в дурацком положении, особенно в первый раз, когда «специальный» человек (кстати, заочник с режиссерского факультета) кричал хорошо поставленным голосом: «Цветы для Потапова!». А сейчас я уже привык к этому. Объявляют оценку, а я уже кручу головой, оцениваю качество букета.

Вы опять иронически улыбаетесь и ломаете голову, – в чем дело? Просто я в сводном списке оказался десятитысячным выпускником этого факультета. Так сказать, юбилейным выпускником. Поэтому меня так чествовали.

Устал я, устал. Пойду. Мне еще надо речь посмотреть для выпускного вечера. Подрепетировать экспромт, который для меня написали. Подвести итоги конкурса первокурсников на лучшую эмблему, посвященную мне. Встретиться с абитуриентами. Выступить перед заочниками. Дел по макушку.

Я спокоен...

Саша Петухов был человеком монолога. Слушать других он совершенно не умел, а остановить поток его словоизлияния было просто невозможно. И когда он, постучав рукой по столу, потребовал внимания, обитатели 214 комнаты поняли, что это надолго.

– Люди! – сказал Саша. – Мы склонились над учебниками и монографиями. Сессия диктует вам ритмы жизни. Жалкие примитивисты. На дворе – конец двадцатого столетия. Вы попутчики научно-технической революции, а готовитесь к экзамену по старинке. Я буду это делать по-новому, используя новейшие достижения науки. Главное – психологическая подготовка по системе Леви.

Саша закрыл глаза, навалился на спинку стула, расслабился. – Я спокоен, я абсолютно спокоен. Экзамен я сдам прекрасно. Я знаю весь программный материал, – зашептал, забормотал он. – Мои знания – это не жалкие обрывки, отрывки, это система, система, система...

Саша положил правую руку на голову и продолжал:

Я чувствую, как теплеет рука. Теплеет голова. Именно здесь, в отсеках памяти, сосредоточены мои знания по русской литературе XIX века. Это система, система, система...

Ну как? – Сашка открыл глаза. – Вы потрясены. Это называется – наука на службе у человека.

– Можно реплику из глубин зрительного зала? – подал голос Юра Митин.

– Валяй, – небрежно бросил Саша.

– По-моему, твоя система подготовки проста, надежна и просто великолепна. Только ты должен свой монолог дополнить, чтобы он звучал так:

– Я спокоен, я абсолютно спокоен. Экзамен я сдам прекрасно. Я не пропустил ни одной лекции по XIX веку. У меня есть конспект всех лекций. Я кладу руку на конспект. Рука тяжелеет. Я выступал на каждом практическом занятии. Я не пропустил ни одного занятия. Поэтому я спокоен, спокоен, спокоен...

Хохот покрыл его слова.

Из дневника выпускника

Сегодняшний день надо описать во всех подробностях. Первый день после окончания вуза. Вчера столкнул последний экзамен. Сегодня мой первый день. Проснулся я от тишины: ринулся к будильнику, минутная стрелка неторопливо двигалась к двенадцати, часовая засты-

ла около шести. Я вспомнил, что сегодня не надо бороться со сном, перелопачивать горы книг, считать часы, оставшиеся до экзамена. И можно спать хоть до двенадцати! О, блаженное состояние ничегонеделанья, заработанное серией ночных бдений! Я закрыл глаза, но сна не было. Это вступил в силу закон бутерброда.

Решил начать день с зарядки. Теперь я молодой специалист с высшим образованием, и здоровье мое представляет большую ценность. Решил, что и внешне я тоже должен обновиться, и двинул в парикмахерскую.

Рассматривая в зеркало свое лицо, искал в нем следы значительности: высшее образование. Этих следов не нашел, решил, что начну отращивать бороду, борода будет скрывать отсутствие галстука: галстук я терпеть не могу.

Перед уходом сказал мастеру, женщине с красивым, значительным лицом, неумоленным высшим образованием: «А вы знаете, я вчера институт закончил!»

Она посмотрела на меня с видом превосходства: ни единой морщинки не было на ее гладком, словно обструганном лице. «Ну и что ж», – сказала она равнодушно, скользнув ироническим взглядом по моему скромному гардеробу.

Потом я посмотрел два фильма. Придя домой, завел магнитофон и подумал: «О блаженное состояние ничегонеделанья!..» И мне стало грустно, что не будет снова экзаменов, лекций, зачетов, что неоткуда будет сбежать (с собственного урока не сбежишь).

Но тут же я с радостью подумал, что экзамены начинаются снова, что всю жизнь меня будут экзаменовать мои ученики.

Бал литературных героев

Молодой учитель русского языка и литературы, как говорили в старину, учитель словесности, а на сегодняшнем языке – «русак», Степан Иванович Козырев идею новогоднего маскарада вынашивал давно, можно сказать, с «младых ногтей».

И вот наступил этот долгожданный вечер 31 декабря. Класс разделился на две команды, потому что решено было придать вечеру характер своеобразного состязания: надо было угадать литературный персонаж, представленный той или иной маской. Разумеется, Козырев был в команде болельщиков, и ему принадлежало последнее слово.

Потрясающий успех выпал на долю Володи Сидорова, который предстал в облике Фамусова. Говорили, что он сумел одолжить кос-

твом грибоедовских времен в одном из народных театров. Толстый Гриша Ковалев дебютировал в роли простодушного Санчо Пансы.

Степан Иванович в качестве председателя жюри болельщиков чувствовал себя превосходно. И самое главное, в основе вечера был заложен удачный методический прием: шла проверка знаний девятиклассников.

Казалось, и маска Олега Курочкина будет угадана сразу. Черный костюм, цилиндр, трость. Великосветский денди. Бросались в глаза и наманикюренные ногти. Походка небрежная, развинченная. Совещание жюри было бурным: назывались Печорин, Павел Петрович Кирсанов, Дубровский, Грушницкий. Кто-то даже назвал Павла Ивановича Чичикова. Но это предложение было отвергнуто сразу. А Олег продолжал прогуливаться на сцене, он был не угадан, не расшифрован.

Пора было объявлять последнюю волю жюри, и взгляды болельщиков устремились на Степана Ивановича.

Степан Иванович понял, что сейчас настало для него серьезное испытание. Он мучительно искал разгадку. Может быть, лирический герой Есенина? Или Чацкий? Или герой Лермонтовского «Маскарада»? Он начал издали, чтобы выиграть время.

Вы прекрасно поняли, что это не Чичиков. Хотя Павел Иванович любил хорошо одеться, но в нем не было светского лоска. Чему учат нас классики? Они открывают характер неповторимый, собранный из мельчайших оттенков. Они учат всматриваться в детали внешности, поведения. Вглядитесь внимательно в героя Олега Курочкина. Дайте волю воображению и памяти.

Все, – подумал Степан Иванович, – это конец. Надо за что-то зацепиться. Но за что? И тут его осенило. Он чуть не закричал: «Эврика!»

– Помните строки: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Перед нами – Евгений Онегин.

Степан Иванович был доволен. Бал литературных героев удался.

Его окружили ребята.

– Надо загадать желание на Новый год. Степан Иванович широко улыбнулся.

– Нет ничего проще. Буду читать и перечитывать Пушкина.

Монолог практиканта

Я врываюсь в класс стремительно и только возле учительского стола прихожу в себя. Теперь надо выдержать паузу – так советует наш методист. «Улыбку, улыбку!» – команду я себе. Теперь надо

бросить в класс интересный вопрос, чтобы заставить слушать себя. Стоп! На первой парте совершенно откровенно юный акселерат читает книгу. Эта ситуация у нас прокручивалась на занятии по педагогическому мастерству. Спокойно забираю книгу, спрашиваю: «Интересно?» «А Вы читали?» – в ответ вопрошает он. Смотрю на обложку. «Плаха» Айтматова. Класс изучает меня. Но мне везет! И курсовая у меня была на эту тему, и доклад на спецсеминаре по современной советской прозе! Я начинаю говорить о «Плахе», но вдруг понимаю, что ушел в сторону. Резко обрываю себя... и перехожу к Маяковскому.

Как мнегодились занятия по выразительному чтению! Недавно с нами работал профессиональный актер. Читаю текст в манере Яхонтова. Надо убедить их, что Маяковский – тончайший лирик и яростный сатирик.

Теперь я понимаю, как важны были лекции и практические занятия по теории литературы и спецкурсы по современной поэзии. Сатирическое, комическое, ирония, юмор – все они должны понять на конкретном стихотворении. Хорошо, что нам читали и советскую литературу, и русскую литературу XX века. Внезапно возник вопрос о спутниках молодого Маяковского. Строка «А из сигарного дыма ликерную рюмкою вытягивалось лицо Северянина» нуждается в объяснении: рассказываю о поэте Игоре Северянине.

Теперь пару вопросов по новому материалу (так советует методика литературы), и можно будет вздохнуть свободно.

Бросаю беглый взгляд на часы – до конца урока еще пять минут. А я уже иссяк. Может быть, нарушив «чистоту жанра», еще раз вернуться к «Плахе», спросить их о телепередаче, посвященной Айтматову, или об интересной статье в «Литературной газете»? Но я не успеваю это сделать – звенит звонок. Заканчивается мой первый урок в десятом классе. Педагогическая практика начинает свой стремительный бег.

Письмо другу

Сергея, дружище! Излагаю краткий конспект моей жизни за отчетный период. Вчера свалил последний экзамен. Когда доцент (это не кликуха, а должность такая) потянулся к моей зачетке, я навязал ему дискуссию по вопросу оценки моих знаний. Я сказал, что в условиях плюралистической ситуации, демократической открытости общества мы должны обсудить две альтернативные оценки и прийти к консенсусу. Тогда доцент повел себя грубо, он сказал, что здесь хозяин и не потерпит никакой демократической отсебятины. Доцент проявил себя

как яркий носитель административно-командной системы. Я сказал, что у него диктаторские замашки, а стремление замотать дискуссию, уйти от обсуждения выводит его на опасный путь принятия волюнтаристических решений. Лицо доцента внезапно покрылось красными пятнами, он заявил – уже на повышенных тонах – что я прибегаю к непарламентским выражениям и что я типичный анархист и демагог.

И в этот момент, мой друг Серега, я почувствовал, что близок к победе в этом турнире. Я сказал, что время идеологических ярлычков (как говаривал великий пролетарский поэт, «ваши кто родители, чем вы занимались до семнадцатого года, только этого Дантеса вы и видели») прошло, и сегодня это звучит как оскорбление личности. А значит, по нынешним временам, я имею право через суд вчинить ему иск на кругленькую сумму.

Доцент побледнел, и тут я нанес ему последний сокрушительный удар, спросив, не слышал ли он что-нибудь о либерализации оценок.

Я его достал. Он был готов к безоговорочной капитуляции, но продолжал делать вид, что он хозяин положения.

– Обсудим ваши предложения, – сказал он сухо, – на что вы претендуете?

– Мне нужна «тройка»! – в голосе моем звучал металл.

Так я сдал. Пока, Серега! Спешу, бегу на митинг. Я в инициативной группе. Буду ставить вопрос о забастовке. Надо готовить пакет требований к администрации.

Сага о шпаргалке

В последнее время институт сотрясали дискуссии о шпаргалке. Забыты были Бурбулис, Хасбулатов, говорили только о ней. Защищались диссертации: «Шпаргалка как психологический феномен», «Шпаргалка как педагогический феномен». Была проведена конференция по общей проблеме: «Шпаргалка как вид учебно-методического пособия».

Археологи выдвинули смелую гипотезу о том, что знаменитый Бадер в Каповой пещере открыл первые шпаргалки пещерного человека. Лингвисты вели нескончаемый спор о том, считать слово «шпаргалка» научным термином или примитивным ругательством. Методисты готовились к круглому столу по проблеме: «От шпаргалки – к конспекту».

И на всех защитах, конференциях самым желанным гостем был Петр Иванович Лаптев, доцент с математического факультета, признанный авторитет в области шпаргалистики. Его статья «Ищите не

женщину, а шпаргалку» в многотиражке читалась как остросюжетный детектив.

В институте о нем рассказывали легенды. Особенно Лаптев любил проводить контрольные. Он сшил самолично специальные бесшумные тапочки, похожие на кооперативные ботинки, и по-кошачьи подкрадывался к намеченной жертве. Так он пополнял свою «копилку фактов».

Нина Окунькова сразу привлекла его внимание своей повышенной нервозностью. Бесшумно он приблизился к ней. Так и есть!

– Позвольте вашу руку! – Лаптев откровенно радовался удаче. Вся ладонь Нины была исписана колонками цифр. – Как вы объясните сей манускрипт?

– Петр Иванович, это не то, что вы думаете. Это номера очередей и время, когда я в них отмечаюсь. Все очень прозаично...

Петр Иванович ошеломленно молчал. Могучая система, создателем которой он был, рушилась на глазах. Он ясно ощутил ледяное дыхание жизни.

В. Богомолов,
выпускник 1978 г.

Время наше

Ничего не решает талант,
Все решают случайность да связи.
И, бывает, вдруг выпадет нам –
Подскочить аж из грязи во князи.

Живут непуганые утки
В заросшем ряскою пруду.
С весны цвели тут незабудки
На травянистом берегу...
И вот, в багровый час заката,
Здесь, на исходе сентября,
Я разглядел, чем жизнь богата,
И то, за чем гонялся зря.

Воробей упал с березы,
Где на веточке вздремнул.
Навернулись даже слезы,
Он их лапкой скovyрнул.

«Чело-веч-чики, подайте
На похмелку воробью!.. –
Он чирикал на асфальте, –
А то крылышки пропью!»

Царю природы

Дождь выжил из земли червей.
Слепые, они заползли на асфальт.
Люди утром, спеша на дела,
Затоптали червей дождевых...
Так зачем тогда ум и глаза?
Кама, вечер, тишина,
Светит полная луна...
Благодатная пора –
В радость песня комара.
Ночи белые над Пермью,
До чего ж вы хороши!
И за Камою деревню
Видно, хоть рукой маши.
Не душа ли там зазноба
Смотрит в сторону мою?
Без знакомства чуем оба,
Что сердца наши поют...
Не стерпеть – схвачусь за весла,
Вспеню воду за кормой.
Знаю многие ремесла,
Знаю, с кем вернусь домой.
Кама, вечер, тишина,
Светит девственно луна...
А на утренней поре –
Хозяйка будет на дворе.

Сорок восемь упитанных женщин
Захотели уменьшить свой вес.
Голодали дней десять, не меньше,
Испытав сногшибательный стресс.
Похудели заметно, шнурочки
Даже сами могли развязать.
Только вес-то свой прежний, короче,
За неделю сумели набрать.

Трезвый взгляд

У этих всех красивых женщин,
Мой друг, поклонников не счесть.
Когда б нам было лет поменьше –
Мы оказали бы им честь.
Ну, а поскольку наши годы –
Пусть и не так уж велики –
Для них не делают погоды,
Для них мы просто старики.
А потому я предлагаю
Занять на *этом* берегу
Плацдарм, где, друг мой, точно знаю,
Что натворить еще смогу.

Целуя коленки,
Не создашь нетленки!
Но, не целуя ножки,
Скажи, создашь чего ж ты?

За городом

Над городом – туча: над городом – смог!
Жить в этом городе – я бы не смог...
Но это я думаю так в стороне,
А деться от города некуда мне.

Экспромт

Город подобен бутылке,
В которой ни капли вина,
А только сплошная пробка –
От горлышка и до дна.

* * *

Глядя скорбно, сложил он персты,
Дом свой трижды крестом осенил.
«А, живите, как надо вам, псы!..»
Посох взял и ушел в монастырь.

* * *

Чистая совесть – пустая сума.
Мысль о богатстве не сводит с ума.
Живу налегке, словно заяц в лесу.
Все, что имею, – с собой унесу.

* * *

Мне не нужно ни славы, ни денег,
Лишь бы мысль передать вам свою,
Что я здесь не лентяй, не бездельник,
И свой хлеб не напрасно жую.

Баллада о раках

Холодно стало, однако.
Лед на дороге блестит.
Пятятся два старых рака,
Чтобы на гору вползти.
Нет на них зимней одежды...
Но граждане в каждом дворе
Ждут, не теряют надежды,
Что рак засвистит на горе.
В поле – ни звездочки света,
Путь хоть клешнями ищи...
Но ждут ведь, надеются где-то,
А значит, ползи и свищи!
Пятятся старые раки,
Вернуться им совесть претит...
Скажете, это все враки?
А кто на горе-то свистит?

О сороках

Моросит, грязна дорога...
Стороной – травища в рост.
На кусту сидит сорока –
Опустила мокрый хвост.
Тучи рваные нависли
Серой тряпкой половой.

Белобочка что-то мыслит,
Аж не крутит головой.
Стрекотуха явно в силе,
Все, кажись бы, нипочем...
И сорокам, знать, в России
Есть задуматься о чем.

* * *

Хозяин с хлопущою
бросился в гнев за мухой.
В ужасе муха из комнат на свет полетела.
Набравши приличный разгон,
в стекло насекожка вцепилась.
И, лоб раскроив себе,
замертво тут же свалилась.
Спросите вы, какова же
мораль этой басни?
Очень проста: быть с хлопущою много прекрасней!

* * *

Когда-то она были в каждом дворе
Затух железный стук колес
Меня примчавшей электрички...
Здесь – только неба синий плёс,
А голосов не слышно птичьих.
И вдруг как запоем петух
В саду на даче у кого-то!..
Деревни нашей русский дух
Хранит певун своей заботой!
Наверное, на весь район
Единственный петух остался?..
Хвала хозяину, что он
Сберечь Россию догадался!

* * *

Слава Богу, лук убрали
По погоде по сухой.
Сам ты знаешь, на Урале –

Климат все-таки лихой.
Вот недавно – дождик, тучи,
Ветер выгнул провода.
А бывает и покруче.
Мы привыкли, ерунда.
Топором пройдуся по чурке,
На полешки раскрою,
Разведу огонь в печурке.
Я на даче, как в Раю.
Огурец сорву на грядке,
Да петрушки нащиплю.
И для полного порядка
Стопку полную налью.
За народ и за державу
Тост безмолвно подниму...
Ничего не вижу, право:
Щиплет очи, как в дыму...
Слава Богу, лук убрали...

* * *

Справа грядки, слева грядки,
Мы вдвоем играем в прятки...
И целуемся с тобою-ой,
Схороняся за избой.
Слаще, чище – мига нет:
Нам всего по пять-шесть лет.
Век прошел, глядим друг другу
Мы в глаза, но видим вьюгу.
Нет в душе (такой нечистой) –
Детской свежести лучистой.
Справа грядки, слева грядки –
Мы с тобой сыграли в прятки...

* * *

Страсти, слава Богу, улеглись,
В храм хожу, отмаливаю душу.
Бросил пить – деньжата завелись,
Подаяньем радую старушек...
До спасенья, правда, далеко,

Словно комару лететь до Солнца.
Но смотрю на жизнь теперь легко,
Как котёнок глупенький в оконце.

* * *

Ветер дует, снежок порошит,
По тропинке собака бежит...
Вижу: в доме напротив - давно
Смотрит женщина грустно в окно.
Видит то же: собака бежит,
Ветер дует, снежок порошит.

* * *

Я видел сон: скопление гадов,
На солнце свившихся в клубок...
«Зачем сползлись, чего им надо?..»
Сквозил мне душу холодок.
И ядом каждая, зловеще
Шипя, грозила мне змея...
Помилуй Бог, чтоб сон стал вещим,
Проснувшись в страхе, думал я.
А после вспомнилось: сражался
Хлыстом я с гадами во сне –
Все расползлись, кто жив остался...
И сразу легче стало мне.

В. Виниченко,
выпускник 1971 г.

Сказки для детей

СТАРух со СТАРикОЙ¹ Нетипичная история

Жили-были старух со старикой
В шалаше у веселой реки.

¹ Цит. по: Виниченко В. День дарения // Изд-во «Аспект». Пермь, 2011.

Был старух музыкант превеликий –
Целый день он на скрипке пиликал,
А старика пекла пироги.
Между прочим, с разной вкусницей.

Рыжий пес у них нежно мурлыкал,
Поросенок протяжно мычал,
Как собака, барашек рычал,
А козел голосисто чирикал.
Только кот недоверчиво хмыкал,
Но, заметьте, никто не молчал.

Был старух небольшого росточка,
На вершочек выше цветочка,
И старике даже с пенечка
Доставал до груди едва.
А была она ростом точно
Метра три. Ну, может быть, два.

И старух взбирался на бочку,
Чтобы чмокнуть старику в щечку
И шепнуть дорогому дружочку
Очень ласковые слова.
И старике эти слова
Были сладостней, чем халва.
Всем делились они пополам,
Всякой радостью,
Каждым кусочком.
И, гуляя по летним лугам,
Ворковали, как два голубочка,
И плели друг другу веночки,
Воздавая хвалу богам.

А когда старух уставал,
Он, свернувшись теплым клубочком
И накрывшись ее платочком,
На коленях старики дремал.
Но не больше, чем полчасочка.
А потом, как птичка, вставал.

Все соседи над ними хихикали,
Иногда даже пальцами тыкали:

– Посмотрите, что за курьез!
Но веселый старух со старикою
Никогда не грустили, не хныкали
И любили друг друга до слез.
Так прожили они, не печалясь,
Триста лет в шалаше у реки...
Вот какие вещи случались,
Если правилам вопреки
Люди суффиксами менялись.
В мире всякие есть чудачки...
Ну, а вам такие встречались?

Ё моё
(Вольная версия)

В девятнадцатом столетье,
Двести лет назад и зим,
Жил да был на белом свете
Сочинитель Карамзин.
Просвещенный дворянин
Стал придворным летописцем,
Собирая по крупицам
Свод преданий и былин.
Он писал прилежно, честно,
Труд ученый и большой,
Но притом, как нам известно,
Был чувствителен душой.

И однажды Карамзин,
Проживавший в Петербурге,
Встретил утром на прогулке
Деву, несшую кувшин.
Дева царственно плыла,
Хоть была бедно одета,
Но зато была при этом
Восхитительно мила.
Карамзин остановился,
Красотой ее пленился
И в восторге от нее
Вдруг воскликнул:

– Ё моё!
И подумал Карамзин:
«Я бы мог в нее влюбиться,
Но навряд бы мог жениться
Как любой простолюдин».

И, придя домой с прогулки,
Очень грустный Карамзин
Вместо чаю с мягкой булкой
Попросил винца графин.
И о «Бедной Лизе» повесть
В две недели сочинил.
А в конце, поставив подпись,
Две скупых слезы пролил.

Пара слез упала точно
На макушку буквы е,
Сделав две чернильных точки
В мудром слове «житие».
И, перечитав все строчки
В сочинении своем,
Карамзин поставил точки,
Там, где е звучит как ё...

Так вот в русском алфавите
Появилась буква ё.
И, про что вы ни пишете,
Невозможно без неё.
Не понять без ё намёк,
И не высказать упрёк,
Не разжечь в лесу костёр,
И не вычистить ковёр.
А еще без буквы ё
Вам не выстроить жильё
И не выстирать бельё,
И не выстрелит ружьё.

Но все двести с лишним лет
Точки ё мерцают в дымке,
Как пылинки-невидимки:
Есть они – и будто нет.

А без точек пес не пёс,
И на речке плес не плёс.
Сладкий мед совсем не мёд,
И прозрачный лед не лёд.
Пусть простая буква ё
Редко пишется, но все же
Без нее и ерш не ёрш,
И колючий еж не ёжик
И не совершат полёт
Ни орёл, ни самолёт.

А ещё, представьте только,
В Новый год не будет ёлки!
Даже дикое зверьё
Не способно жить без ё,
Потому что без неё
Пропадет совсем чутьё.

Из истории далекой
Вывод следует один:
Не стесняйтесь, братцы, ёкать
Как писатель Карамзин!
И, рисуя завиточки
Умных слов в письме своём,
Не ленитесь ставить точки
Над прекрасной буквой ё.
С этой буквой грациозной
Веселей житьё-бытьё,
Потому прошу серьезно:
Полюбите Ё моё!

Догадайка¹

Косил косой
Косой косой
Траву,
Покрытую росой,

¹ Цит. по: Виниченко В. Мудрая корова и другие звери не в вольере. Стихи. Изд-во «ArsisBooks». М., 2013.

В родном лесу сосновом...
А кто рассказ не понял мой,
Пусть помотает головой
И прочитает снова.

Косил косой
Косой косой
Траву,
Покрытую росой,
На солнечной лужайке...
Вы догадались,
Кто такой
Был тот загадочный Косой?
Конечно, это...
Зайка!

Какой косой косил?
И тут ответить можно просто:
Не той,
Что из волос плетут
В тугой
Красивый длинный жгут,
А той,
Что в кузнице куют –
Стальной,
И очень острой.

Теперь ответьте:
Почему
Притом нужна была ему
Коса совсем косая?
Да потому, что
В том лесу
Трава была...
Какая?
Неправильно –
Густая!

Итак, читаем снова.
Косил косой
Косой косой
Траву,

Покрытую росой
В родном лесу сосновом...
А кто рассказ
Не понял мой,
Тот пусть
Мотает головой.
И все читает снова.

У этих строк
Секрет простой:
Три смысла
Есть у слова...
Какого?
Правильно – косой!

Странная история

Шли по дорожке
На задних ногах
Кошка в сапожках
И кот в сапогах.

Кот с кузовочком,
Полным опят.
Кошка с лукошком
Янтарных маслят.

Шли они мимо
Дорожкой лесной
Кот поздоровался
Чинно со мной.

Кошка любезно
Махнула хвостом.
Долго стоял я
С разинутым ртом

Странную пару
Видел я сам,
Но почему-то
Не верил глазам.

Знаю я с детства
Кота в сапогах.
Видывал кошек
На задних ногах.

Хоть и с трудом,
Но поверить готов
В некоторых Говорящих котов.

Но, извините,
Где вы видали,
Чтоб кошки с котами
Грибы собирали?!!

Г. Данской,
выпускник 1998 г.

Филологические пассажи¹

Сонет для барабана

Мой друг, давай набьем
друг другу барабаны
мякиной добрых слов,
добрей и мягче, чем
игрушечные зайцы
и пружинные диваны,
и аппетитней дырок
теплых калачей.
Мой друг, давай набьем
друг другу барабаны
увесистым драже
червонцев золотых.
А после мы зашьем
ширинки и карманы

¹ Все приведенные ниже тексты являются текстами песен, большая часть которых вошла в репертуар «Ансамбля Пятый Корпус».

и отрешимся от
житейской суеты.

Мой друг, ведь мы с тобой
удачливее многих –
что им не удалось,
нам не удастся лучше.
Нальем... прости, набьем,
пока нас держат ноги
и могут нас носить
по небу и по суше!

Пока нас терпит Бог
и время к нам гуманно,
мой друг, давай набьем
друг другу барабаны!
1994

Есть мысль

*У каждой женщины должна быть змея.
Это больше чем ты, это больше, чем я.
БГ, Аквариум, «Радио Африка», 1983.*

Есть мысль, пришедшая неслабым умам:
«У каждой женщины должна быть змея».
И сравнительный анализ подскажет нам:
это больше, чем ты, это больше, чем я!
И сходя с ума от грандиозности ума,
я говорю: Гребенщиков был не прав!
У каждой
женщины
должен быть
удав!

Удав больше, чем я! Удав больше, чем ты!
Удав больше великой женской мечты!
Удав – даже если он не очень дюж –
однозначно лучше, чем муж.
И сходя с ума от грандиозности ума,

я говорю: Гребенщиков был не прав!
У каждой
женщины
должен быть
удав!

Удав заменяет журавля в небе,
синицу в руке, финскую мебель,
семь пядей во лбу, мужчину в постели –
заботься о нем и держи его в теле!
И, сходя с ума, пусть
от грандиозности чувств
мы желаем всем «love» на всю «life»,
но у каждой
женщины
должен быть
удав!
1995

Конец квартала

1.

Конец квартала, нашим встречам – конец.
Любовь иссякла. И год иссяк.
Я пью «чинзано», сочиняя блюзец
о том, какой облом постиг мой ништяк.
Как ты могла убить во мне любовь!
О, ты не женщина, ты – змея!
Как ты могла изменить
такому парню и ковбою,
как я!

2.

Твой новый парень – качеств редкостных сплав.
Твой новый парень – красив сам собой.
Изыскан, как у Гумилева жираф.
И все же – где ему тягаться со мной?
Но ты смогла убить во мне любовь!
О, ты не женщина, ты – змея!
Как ты могла изменить
такому парню и ковбою,
как я!

3.

Но ты вернешься вновь ко мне, голубок.
Как сложно, милая, перечить судьбе!
Допью «чинзано» – и раздастся звонок.
Я дверь открою и – скажу тебе:
как ты могла убить в том парне любовь?
Он славный малый, хотя пижон!
Как ты могла изменить
такому парню и ковбою,
как он!
1996

Письмо матери
(в натуре)

Скажи-ка, мама,
ведь недаром
ты закончила ВУЗ!
Я знаю, мама,
что в итоге
я родился, но туз
крестовый выпал мне –
дорога мне
по жизни легла.
Я заплутал...
Но ты филолог, мама,
как ты могла!?
В твоей, мать, жизни
и в моей
царит полнейший бардак –
еще немного,
веришь, мама,
и пойду на филфак!

В натуре, мама,
наш пахан сказал:
я – клевый пацан.
В натуре, мама,
он сказал так.
А пахан – не чухан,

Но ты-то знаешь,
что филолог я
до мозга костей,
я не могу
без Толстого
и жалею детей.
Так где такой, как я,
найдет подругу,
клевый чувак?
Не сумлевайся, мама,
выйду –
и пойду на филфак.

Вокруг такие,
мама, рожи –
я уже не могу.
А мне б в девчоночку
влюбиться,
что читала «Муму»!
А на филфаке,
как известно,
гений чистой красоты.
Я знаю, там
девчонки, мать –
они такие, как ты.
Я знаю, с ними
мы сойдемся
в интересах. Итак,
мы отсидим,
мама
– и придем на филфак!
1997

Глаза

(текст написан в соавторстве с Юрием Горбуновым)

Я тебя увидел на филфаке,
но решиться подойти не смог.
А потом вдруг храбрости набрался.
Подошел. Меня окутал смог.

Ты курила папироску «кэмэл».
Походил к концу учебы срок.
Смог твоей понтовой папироски
в душу мне запал, и я не смог...

Глаза – бирюза.
Походка – в море лодка.
А твой голосок –
как в поле колосок.
А я за тебя
отдам всего себя,
к тебе себя стремя,
собой тебя любя.

Мы с тобой, товарищ, не кончали
университетов, но одно
я скажу: ее я ненавижу.
Но люблю ее я все равно.
Где же ты? Приди, я умираю.
Подари мне несколько часов.
Девушка с глазами антилопы.
С сердцем китобойских моряков.

Глаза – бирюза.
Походка – в море лодка.
А твой голосок –
как в поле колосок.
А я за тебя
отдам всего себя,
к тебе себя стремя,
собой тебя любя.

Ты теперь учительница в школе.
В детсаду родительница ты.
А на молодежной дискотеке –
девочка небесной красоты.
Я возьму дворовую гитару.
Струны на гитаре подтяну.
На затылок кепочку надвину –
кепку на затылок натяну...
На затылок кепочку надвину –
и в последний раз уж затыну:

Глаза – бирюза.
Походка – в море лодка.
А твой голосок –
как в поле колосок.
А я за тебя
отдам всего себя,
к тебе себя стремя.
...А может, с четырьмя!
1998

Речь в защиту филологического мужчины

Василий Розанов терпел большие муки
от женщин, чей язык, известно, колол.
А также длинен: «В Вас мужского только брюки», –
одна сказала и подумала: «Филолог...»
Уже давно Василий Розанов «в обозе»
почил, как говорят интеллигенты.
Но жив филолог! (Господи о Боже!)
В его защиту наша речь! (Аплодисменты.)

Допустим, Розанов. Допустим, не атлет он.
Кто интересовался, тот прочел:
Василий Розанов еще в молодые лета
литературу физкультуре предпочел.
Так нужно ль сравнивать (пусть даже для науки)
его с Шварценеггером? Филолог – не физрук!
Но факт: мужского он имел не только брюки –
детей обычно делают без брюк.
Их Розанов имел три целых штуки!
Но суть не в этом... Розанов имел
счастливый дар (пардон, я вставляю рифму «брюки»)
мужскую силу концентрировать в уме!
По-свойски он вставлял живым и мертвым
из-за махины «гутенбергского станка»
и за набивкой табака часу в четвертом
давал какому-нибудь классику пинка.

Еще застал он роковую осень.
И кровь хотя уже была не горяча,

он в революции, как в половом вопросе,
от плевел семя без вопросов отличал.
Он был эксцентрик, а в душе герой, но – в сумме
был скромный гениальный человек.
И вот однажды лег в постель – и умер,
отбросив жалостную тень на целый век.

...Да он таков, филологический мужчина!
Подобно шрамам, украшающим мужчин
иных сортов, украсили морщины
его чело порой без видимых причин.
Да, он таков... Но не от легкого житья!
И говорят, мал золотник, да дорог!
В России – чем мужчина, тем филолог!
Сказал, не помню, кто... Быть может, я.
1998

Речь в пользу филологии (Филологическим друзьям)

Коллеги, вот живет поэт!
Живет без цели и без дела.
В нем много духа, мало тела.
Он изучаемый предмет.
Пока он есть, пока живой,
пока имеет ноги-руки,
препарировать его
особо ценно для науки!

За скальпель! Да вместят анналы
наш вдохновенный эпикриз
и семантический анализ
откроет двери в парадиз,
которого поэт лишен,
поскольку инструмент лишь он!
Бряцает лира, но поэт
чего творит – не ведает!
Поэт то пьян, то занемог,
болезнью творческой измучен.
Но мы всё скажем за него

и заодно писать научим!
Коллеги, вот живет поэт.
Но кто без нас он? Шпингалет.
1998

Капитанская дочка

Обними меня покрепче и закрой глаза.
Слушай, что я расскажу –
есть страна Манчжурия!
Между морем Желтым и Японским морем
Есть пролив Корейский, в нем
мы с тобой плывем.

Синее-синее
небо над Цусимою.
В кубрике бутылка рома
капитанская.
И черная-черная
колбаса копченая.
Потому что колбаса –
негритянская.

Если мы с тобой корабль –
не хочу быть капитаном,
не хочу быть лоцманом,
а хочу быть боцманом!
Но не потому, что боцман
сильный как медведь!
Не потому, что он большой!
А просто я люблю свистеть...

Синее-синее
небо над Цусимою.
В кубрике бутылка рома
капитанская.
И черная-черная
колбаса копченая.
Потому что колбаса –
негритянская.

Не хочу, чтоб ты была
капитаном – нет, и точка!
Я хочу, чтоб ты была
капитанской дочкой!
Но кто? Кто будет коком?
Нам тут без кока одиноко!
Тут без кока публике
одиноко в кубрике!
Нет, ты не будешь коком, нет!
У тебя терпенья с ноготь!
Дай мне слово – на обед
колбасу не трогать!

Синее-синее
небо над Цусимою.
В кубрике бутылка рома
капитанская.
И черная-черная
колбаса копченая.
Потому что колбаса –
негритянская.

Вдруг посылка из Алжира –
двадцать восемь тонн инжира,
чашка кофе с пенкой
и сборник Евтушенко.
Евтушенко – африканец?!
Евтушенко же... китаец?
Африканец – это наша
гордость, Пушкин Саша!
Собирайся, отплываем.
Пусть стемнело, что за дело!
Посвяти фонариком –
где у нас тут Африка?

Синее-синее
небо над Цусимою.
В кубрике бутылка рома
капитанская.
И черная-черная
колбаса копченая.

Потому что колбаса
негритянская.
1999

Рыба

На берегу реки
спорят за жизнь рыбаки.
Хо – уо – у – о
с^м-с^м

В споре важна не наличность
пойманной рыбы, а личность.
Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Рыба смотрит на рыбака,
как девица на дурака.

Что это вы, молодцы,
раз – и в воду концы?
Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Белая-белая дымка тумана,
три товарища, три д'Артаньяна –
мирные удочки вместо рапир,
а над землею война и мир,
а на земле по ним сходит с ума
сама жизнь сома, сама жизнь сома...

Чтобы поймать сома,
сила нужна ума.
Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Но у парней есть водка
и надувная лодка.
Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Сам сом смотрит на рыбака,
как Обломов на мужика.

Справиться с сомом непросто –
леска должна быть толстой.

Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Белая-белая дымка тумана,
три товарища, три д'Артаньяна –
мирные удочки вместо рапир,
а над землею война и мир,
а на земле по ним сходит с ума
сама жизнь сома, сама жизнь сома...

...На берегу реки
съедены шашлыки.

Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Тихие, как в нирване,
сохнут мормышки в стакане.

Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Небо смотрит на рыбака,
словно рыба на червяка.

Это глядит сама
с неба душа сома.

Хо – уо – у – о
с^м-с^м

Белая-белая дымка тумана,
три товарища, три д'Артаньяна –
мирные удочки вместо рапир,
а над землею война и мир,
а на земле по ним сходит с ума
сама жизнь сома, сама жизнь сома...

2003

Нет конца

Посвящение русскому алфавиту

Самолеты летят. Кораблики плывут.
Ноги мои как-то сами идут.
Куда идут? Куда плывут?
Куда летят? И чего хотят?
А хотят одного – конца моего.
Но я решил уже стать буквой «О»!
У нее нет конца.
У нее нет конца.
У нее нет конца.
У нее нет конца.
У нее нет конца.
Ланца-дрица-гоп-цаца!
Но что-то, однако, имеется!

Раскаяния нет во мне ни грамма.
Хотя уже из Москвы телеграмма:
«С возмущением прочитали сегодня алфавит.
Это что это в 16-й позиции стоит?
Что за колеса? Что за рули?
Не смей ставить палки в наши нули!»
У нулей нет конца. (Нет конца!)
У нулей нет конца. (Нет конца!)
У нулей нет конца. (У московских!)
У нулей нет конца. (Нет конца!)
У нулей нет конца.
Ланца-дрица-гоп-цаца!
А конец на конце у буквы «Ц»!

А я просто не знал границ «Я» своего.
Я думал, Я это Я. А Я – О!
Я – космос! Я – космос! Во мне дыра!
И мое «вчера» в ней орет «ура!»
Война, революция, пакт Риббентропа –
Молотова, атомный взрыв – жопа!
У нее нет конца. (Нет конца!)
У нее нет конца. (Нет конца!)
У нее нет конца. (Нет конца!)
У нее нет конца. (Нет конца!)

У нее нет конца.
Ланца-дрица-гоп-цаца!
Молодого спросите «лимоновца»!

А так я номер один.
Я вольный баргузин.
Но жизнью я отправлен в буквоедный магазин,
где порывы мои, вдохновение, боль,
согласно накладной, умножены на ноль.
А мой начальник говорит: я вообще все порчу!
Кончай, говорит. А как я кончу?
У нуля нет конца.
У нуля нет конца.
У нуля нет конца.
У нуля нет конца.
Ланца-дрица-гоп-цаца!
Жизнь моя вечная, бесконечная!
2007

РАЗДЕЛ III

ИЗ КАФЕДРАЛЬНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

На каждой кафедре есть свои юмористические анналы: смешные хроники кафедральных будней, озорные и веселые «сочинилки» по разным поводам, речевые перлы преподавателей и студентов, памятные притчи и легенды, и многое другое из факультетской смеховой культуры, которая, как нам кажется, не может и не должна исчезнуть бесследно. И вот – раздел III!

Из коллекции кафедры русского языка и стилистики

У нас на кафедре с юмором все в порядке.

Более того, за долгие годы совместной жизни повидали мы много его разновидностей. Что-то вызывает светлую улыбку, что-то – смех сквозь слезы. Одни моменты нашей профессиональной жизни забавляют, другие веселят, третьи заставляют безудержно хохотать (например, когда мы проверяем сочинения ЕГЭ). Мы легко заводимся, быстро настраиваемся на общую смеховую волну, молниеносно реагируем на удачную шутку. Мы не обижаемся, если становимся объектом юмористических оценок со стороны коллег и студентов, мы умеем посмеяться над собой.

Здоровая атмосфера всеобщего веселья царит на кафедральных праздниках. Мы любим слушать рассказы Марии Павловны Котуровой о своей жизни: в них всегда есть не только мудрость, но и то, что вызывает улыбку. Мы с радостью едем в гости к Ларисе Геннадьевне Кыркуновой, потому что предвкушаем участие в костюмированном капустнике. Мы с нетерпением ждем кафедральную новогоднюю вечеринку, на которой Мария Андреевна Ширинкина – с абсолютно серьезным лицом и искрометным юмором – осветит самые яркие события уходящего года. А сколько у нас написано «датских» стихов и спето «датских» песен! Их авторами и исполнителями являются все без исключения преподаватели и лаборанты кафедры. Мы легко и весело сочиняем вирши к разным датам и по разным поводам: на дни рождения и защиты диссертаций, на свадьбы и новоселья, на окончание учебного года и очередное нововведение в учебном процессе. К сожалению, эти тексты долго не живут. В архиве кафедры хранятся совсем другие материалы: протоколы заседаний, отчеты о научной работе, УМК, ФОСы, КИМы, ЭОРы и тому подобные продукты нашей профессиональной речевой деятельности.

Увы, уже не восстановить блестящую видеопародию на фильм «Семнадцать мгновений весны», которую придумала М. А. Ширинкина несколько лет тому назад, юмористически осмысляя ситуацию, сложившуюся во время аттестации университета. «Штирлицем» был Б. В. Кондаков. В реальном кадре из фильма – крупный план Штирлица, идущего по коридору рейхсканцелярии. За кадром «текст Ефима Копеляна»: *Декан шел по коридору и обдумывал способ шифровки информации, которую нельзя показывать эксперту...* Это был шедевр!

Представим несколько сохранившихся образцов нашего творчества. Помимо отдельных персонифицированных сочинений, в эту подборку включены подлинно фольклорные материалы, авторство которых не установлено.

М. Котюрова,
выпускница 1965 г.

Искорки памяти

Года два-три назад соседка Людмила Кирилловна слушала-слушала наши разговоры с моими гостьями и стала настойчиво просить записать эти нехитрые фрагменты. А в этом году, в бессонные ночи, воспоминания стали вспыхивать, как искорки...

Когда сени улыбаются

Каждый год перед Пасхой 3–4 солдатики объединяются и ходят дружно, весело *мыть избы*, т. е. помогать друг другу и тем, для кого эта нелегкая работа стала непосильной. Мочальными вехтями, с черным хозяйственным мылом, горячей водой, согретой в русской печи, женщины моют потолки, известью белят стены, после чего чисто-начисто промывают полы. Чинно садятся за стол ужинать. Бабушка угощает горячим супом (удивляются – с благодарностью: Надо же, до вечера печь не остыла – суп-то до чего горяч!), в свою очередь, благодарит их, подхваливает: «Ну, бабы, сколь хорошо все вымыли... В сенях *стены улыбаются!*...» Платок на голову – и в сени: как они улыбаются? Спрашиваю бабушку и слышу вполне понятное объяснение: «Да вся изба радуется: к Пасхе приготовилась!»

Мужской поступок

Дедушка на деревянной дощечке пишет углем «Курить строго воспрещается!»: на мельнице недолго до пожара. – Дедка, а ты никогда не курил? – Да как не курил. В плену на первой мировой самосад смолил... Жена столько его перепосылала, что только на обшивку посылок перевела 36 аршин белого льняного полотна. Пришел из плена, а ее тиф унес. Сошлись мы с вашей бабкой, а у нее от табака голова болела. В одночасье бросил курево – и все...

Не представляю дедушку курящим...

Интересное наблюдение

Дедушка рассказывает: По вечерам молодежь собиралась в избе попросторнее да где ребятшек поменьше. Наталья все в уголке стояла и тихонько посмеивалась: «Смотрите, смотрите, у Федьки нос-то крючком...» За Федора потом замуж-то и вышла. – А почему насмеялась-то? – спрашиваю. – Да интерес показывала.

Ну как не объявиться моему интересу к психологии человека...

Наша Курановка

Дедушка говорил: «Наша деревня Нижний Чёкур большая: целых 60 дворов. А наш околоток (за прудом и мельницей рассыпано 9 домов. – М. К.) прозывается Курановка. Потому что Куранов первым построил тут дом. Умный был человек, какие угоды нашел: речка, луга для огородов, поле для пашни, лес для дров... А дом как поставил – солнце весь день в окна! Радость человеку! На этот дом другие уж равнялись...» А для нас, детей, *полянка!* Это рядом, где дом с акациями (из стручков делали пикульки и пищали, пока не надоест). Здесь был добротный дом: ворота стояли крепко-накрепко десятки лет; белые, некрашенные, половицы в доме были такой ширины, что невозможно было представить высоту деревьев, из которых они были сделаны. Но главное – в этом доме жили *девчонки!* Какая у них красивая фамилия – Черёмухины. Тоня и Нина – довоенные, старше меня на 5 и 4 года. Это мой начальный университет...

Нина: «Ляг на густую траву и долго-долго смотри на небо. Какое оно разное-разное! Смотри на облака... Ведерко с водой можно держать в вытянутой руке и кружиться – вода не выльется!.. Травинки растут, как люди!..» – *Неужели?*

Тоня: «Надо всегда говорить правду... Как узнавать правду? Только из книг. Значит, читать как можно больше... Люди не всегда поступают по правде». Таких чутких, глубоких (ведь это пятиклассница!), как Тоня, я больше не встречала... Вот пример. Привезла ей свой только что изданный учебник «Стилистика научной речи». Через год приезжаю и слышу: «Почитала я твою книжечку и подумала: “Неужели это, кроме тебя, кому-нибудь интересно?”»

Дорогая и милая Тонечка, как я рада твоей искренности!

Рожь на печке

1947 год. Трое мальчишек – «лесенка» – подходят к воротам. Это нищие из соседней деревни за милостыней. Бабушка идет встретить, потом кормит нехитрым ужином. Дети постепенно – вежливо, не все сразу – забираются на русскую печь, где тонким слоем рассыпана

влажная рожь (чтобы начала прорастать). Теплынь! Засыпают... Утром долго нежатся в тепле, потом копошатся, не могут сдержать смеха. Что это они? Бабушка знает ответ: «Нагружают карманы зерном».

Приходит с мельницы дедушка, проверяет росточки: «А где рожь-то? Совсем мало...». – Мы с братом слышим – на всю жизнь! – бабушкин ответ «Да ты все бы только учитывал...»

Бабушкино наставление

Мы с братом остались без родителей в самом раннем возрасте: отец ушел на фронт Великой Отечественной, когда мне было два года, а Ване – две недели. Через пять лет не стало и мамы... Я не помню улыбки бабушки... Вот она ушла за водой на речку. Мы с Ваней за столом: я «воспитываю» его, первоклассника, карандашом по голове – он ревмя ревет. Бабушка возвращается, выливает воду в кадку, разворачивается с коромыслом и ведрами к нам лицом и укоризненно-выразительно наставляет нас: «Вы брат и сестра – и еще ссоритесь...» Опять уходит за водой. Шекспировская пауза... Ссор больше не было никогда. Всю жизнь.

Письмо Сталину

Ежедневную утреннюю молитву бабушка заканчивала так: «Помоги, Господи, поднять сирот...» После этих слов можно было вставать и разговаривать с братом и бабушкой... Я училась уже во втором классе и слышала, что кто-то написал Сталину и получил от него помощь...

Однажды у бабушки так сильно болела голова, что она не могла вынести деревянное ведро (очень тяжелое, а для меня неподъемное!) и напоить корову. Что делать-то? Этот вопрос не давал покоя, потому что ответа на него не было. Я написала письмо Сталину, в котором просила отправить нас с Ваней в детдом, потому что «дедка целый день на мельнице, а у бабки болит голова. Им трудно нас воспитывать...» Почтальонка, видимо, не обратила внимания на адрес, и письмо дошло до Осы. Дедушку вызвали в райком партии, где он ни разу в жизни не бывал. Сплел лапти и на другой день утречком в полной тишине отправился в Осу.

День прошел без дедушки, а к вечеру мы с Ваней ждали гостинцы. Бабушка почему-то весь день была дома, не полола грядки в огороде, а часто молча смотрела в одно и то же окно. Наконец: «Идет...» – и села на лавку. Мы зашумели, обрадовались. Бабка нас не замечала... Пришел, стал разувать лапти и рассказывать: «Спрашивают, чем нуждаетесь... Ни в чем, говорю, не нуждаемся, все есть, ребята

растут. И отпустили...» Бабушка-то как была рада: «Слава Тебе, Господи!»

Ни разу в жизни вы не упрекнули меня за это письмо... Дорогие, милые мои бабка и дедка, простите!..

Бабушкина похвала

Учусь в первом классе. Мама тяжело больна... Учительница Александра Васильевна сказала перед Новым годом всем: «На елку приходите с родителями». Значит, нужно с родителями... Едва-едва уговорила бабушку пойти в школу на елку... Дед Мороз (конечно, Александра Васильевна!) такой замечательный, никого нас не знает, спрашивает: «Кто у вас лучше всех учится?.. Неужели? Такая маленькая... Правда, хорошо учишься?» Вспомнив о нерешенном примере, шепчу: «Не шибко же...». На обратном пути услышала дорогую сердцу похвалу: «Все было хорошо... А больше всего мне понравилось, как ты ответила... Не хвали себя – жди, когда люди похвалят...»

Письмо Феде

Соседка Дмитриевна получила письмо от сына Феде, который служил в армии. Попросила меня, первоклассницу, написать ответное письмо. Моя полуграмотная бабушка (знала буквы, могла прочитать по слогам печатный текст, но так никогда и не читала) говорит: «Расскажи, как живет Дмитриевна». Пишу: «Федюшка, я живу хорошо. Накопали 15 ведер картошек. Сосед Матвей напил дрова. Мы с Лёнькой баско их сложили. Печь топло, а она скоро остывает. Лёнька любит прокислую похлебку, говорит, даже сметаны не надо. За нас не переживай. Жду тебя, Федюшка». Прочитала – уж хвалили-хвалили и бабушка, и Дмитриевна. Решила: во втором-то классе я лучше напишу...

Это было первое в жизни сочинение...

Экскурсия

1947 год... Супруги-учителя в нашей маленькой начальной школе решили повезти лучших учеников на экскурсию в районный город Осу. Александр Федорович пришел к бабушке «отпрашивать» меня. Бабушкин ответ: «Пусть кто-нибудь другой... Больно она мала... А как кошелюшку понесет?.. И лаптей-то нету...» Александр Федорович тверд: «Другой... Ребята скажут: “Несправедливо: она хорошо учится”»; уступчив: «Кошелюшку я в своей котомке понесу...»; ласков: «А лапти долго ли дяде Васе сплести...» Лед растаял... На другой день дедушка начал плести лапти... – Дедка, кому ты плетешь такие ма-

ленькие лапки? – Да кошке... Шла вон по росе, лапки замочила... – Она умеет онучи наматывать? – Не умеет, так я научу. – Хорошо кошке... Она может в Осу пойти...

Экскурсия состоялась.

Ли-ли-я!!!

Для чтения летом наши учителя раздавали книги из шкафа. Всех учеников было 35. Я первоклассница, пришла после всех: школа далековато. Осталась одна-единственная книга – самая толстая – «Молодая гвардия» А. Фадеева. Александра Васильевна успокоила: «Прочитай, сколько сможешь. Ну хоть две страницы...» Не очень-то и интересно: ну купались девчонки... Плескались... Любовались какими-то лилиями... Ли-ли-я!!! Какое слово-то красивое! И что это за ли-ли-я?! Надо спросить у Нины. Она все знает: закончила пятый класс.

Началось филологическое удивление...

Вежливые человечки

Нас было человек десять. Двадцать километров мы прошли пешком. Последние пятнадцать проехали на попутной грузовой машине. Идем по городской улице. С редкими прохожими вразнобой, но все, здороваемся. Те приветливо отвечают, и все почему-то улыбаются. Почему? Мы ведем себя исключительно вежливо... Узнаем новое правило: в городе так много людей... С незнакомыми не принято здороваться...

Суп с яйцом

Учусь в шестом классе. В перемену девочка рассказала, что мама варила суп с яйцом. Я представила, какой он вкусный, и решила непременно сварить такой же. Алгоритм действий выстраивался долго – до каникул, когда приеду к бабушке и дедушке. И вот... – Бабка, ты дашь мне одно яйцо? Я *умею* сварить суп. – А картошку-то надо? – Надо, надо. – Бабушка чистит и режет картошку сама, чтобы я не порезала пальчики. Дедушка занят делами. – Дедка, мне надо таганок. Я сварю суп. – А где поставишь его, треножник-то? Костер надо у воды, чтобы пожара не сделать. – А я на берегу... Дедка приносит в огород, на берег речки, два кирпича, разводит костерок, ставит эмалированное блюдо с водой на кирпичики и уходит во двор, улыбаясь в усы. Кладу картофель и мчусь за яйцом. Кипит-булькает вода... Разбиваю яйцо – и туда же! Бабушка кричит в окно: «Для вкуса пощипли луковых перышек!» Грядка с луком недалеко – долго ли бегом-то! Вспомнила: а соли-то? На всех парусах за солью! Суп варится, щепки в костерке

догорают... Все готово! Бабка сама несет блюдо с супом: «Еще обольешь себя горячим-то...» Жалко, Ваня ушел с удочкой на речку... Втроем сели торжественно за стол: внука угощает! Приятного аппетита! Попробовали... Пересолено (вода выкипела), яйцо превратилось в железные прутья... Бабушка: «Да ведь первый раз варила...»; дедушка: «Яйцо-то надо варить малёхонько...»

Урок окончен.

Рыбки и морковка

Я закончила в Осе седьмой класс и приехала на попутной трехтонке за 35 километров в деревню к бабушке и дедушке. После восклицаний типа «Матушка ты моя!.. Домой приехала!..», естественно, полагается «за стол». Нехитрый обед закончен, остался «десерт»: «Сбегай в огород, выдерни морковку». С морковкой – к речке, а там – тишина, только пчелки жужжат, стрекозы летают... Удобный мостик... Наклонилась: вода чистая, прозрачная, как зеркало, стайки рыбок испугались морковки... Развеселилась, смеюсь и смеюсь...

Спрашиваю бабушку, отчего я без всякой причины вдруг смеялась. И услышала замечательный ответ: «Радовалась...»

Радость брата

В доме бабушки и дедушки душе было спокойно, как-то уютно, а радость была редкой. По-моему, только при встрече, когда я приезжала на каникулы после учебы в школе, а потом – в педучилище... И вот я дома, сидим с бабушкой, разговариваем, а брат (младше меня на полтора года) во дворе колет дрова, да так ловко, что поленья только щелкают... Бабушка подходит к окну: «Ой, Ванька-Ванька... Большой уж вырос... Для тебя ведь так старается... Радехонек, что сестра приехала домой».

Семейная ссора

В деревне был красивый пруд. И мельница. Наш дедушка – мельник. Солдатки (их мужья погибли на войне) за услугу смолоть кошелюшку ячменя (выращенного на своем огороде) – это хлопотная работа, лучше, говорит дедушка, пять мешков ржи пропустить – свою благодарность подтверждают именно седьмого ноября стопкой самогона. Пока идет дедушка с мельницы, вместе с добрым словом получает 2–3 стопки. А вечером – в гости! Бабушка держит себя скромно, с достоинством, а дедушка – в легком возбуждении – привлекает к себе много внимания: смеется над своими шутками, громко рассказывает, слишком (по мнению бабушки) свободно жестикулируя, как «Варшаву

брал»... Утром дед садится завтракать, бабушка берет власть в свои руки. Ограждая нас с братом от перегара, наказывает деда: «Не садитесь с ним за стол!.. Пусть один ест... Пьяница такой [звучит как *пьяница*]!» – Да какой я пьяница! Да разве такие пьяницы-то бывают!.. Бабушка ходит туда-сюда: уносит в загон ведро с пойлом для коровы, появляется: «И не стыдно! Только его и слышно!» Уносит пойло для овец, возвращается: «Ну никакого стыда!» Дедушка, уязвленный все-речь, делает решительное, сильное обобщение: «Живешь за мной, как за каменной стеной, и еще недовольна». Не возразишь... Бабушка уходит кормить кур...

В большой праздник

Раннее лето. Петров день – в честь апостола Петра. Бабушка накормила семейку шаньгами и куликами. У дедушки дел сегодня нет: большой праздник.

«Пойду-ка в лес, проверю ключи». Пошел: за поясом – топорик, на плече – желобки для воды в ключиках. Возвращается к ужину. – Что там весь день делал? – Да мало ли в лесу работы: на трех ключах желобки установил, вырезал бересту, сделал поильники, выкопал ямки для воды, у Большого ключа мостик подправил... Дошел до Пальников – да и обратно. Ребятишки пойдут за земляникой, так воды попьют как следует, а не будут лакать из ладошки, как собачата.

Помню, как-то раз пошли с дедушкой за грибами. На лесной полянке дорогу перегородила елка: упала в грозу. Дед снял из-за пояса топорик, стал очищать ель от сучьев, уносить их к обочине полянки, оттащил ствол в сторону. Мы с Ваней уж наигрались: «Дедка, пойдём. Здесь же никто не ходит, никому эта елка не мешает». – «А вот зимой поедут за дровами, попробуй-ка убрать эту елку из снега».

Хозяин...

Сердце без логики

Дедушка воспринимал мир в целостности и оценивал события по шкале «хорошо или плохо». Этот параметр, конечно, конкретизировался в разных ситуациях. Вот, например, после поездки в зимние каникулы в Осу я показываю бабушке и дедушке подарки, за хорошую учебу полученные в Доме пионеров (Почетную грамоту, портрет Сталина во весь рост, карандаш). И рассказываю, что ночевали на колхозной квартире. К вечеру в Осу приехали на лошади две женщины за пенсией. Спать на полу расположились так: тетя Оля, ее дочь Нина (моя подружка) и я. Тетя Оля стала ласкать Нину и шептать ей ласковые слова... Я заплакала... Тетя Оля подумала, что я заболела... А я

долго успокоиться не могла... Дедушка дал свою оценку: «Да что она понимает, эта Ольга... Ходит неряхой, руки до локтей в саже...»

Дедка-дедка, нет никакой логики в твоей оценке, а сердце-то!..

Про себя знай!..

Поступила в педучилище, получила место в общежитии. В комнате 16 человек. В каникулы рассказываю бабушке ужасную историю о том, как у одной девочки потерялось три рубля. Как узнать, кто взял? Нашлась «гадалка»: «Я узнаю точно». Встали вокруг стола... Я денег не брала, но трепетала: вдруг гадалка скажет, что это я виновата... (Через год-два все в классе узнали, что деньги взяла именно гадалка). Бабушка много не рассуждала, не охала, но сразу дала афористичный, бесспорно, мудрый совет: «Ничего плохого не делай. Молву не слушай. Про себя знай».

Неформальный подход

Сданы экзамены за третий курс педучилища. Домой! Бабушка издала увидела в окно и вышла за ворота – встретить: «Матушка ты моя, какую даль прошла... Ну отдохнешь теперь...» – Бабка, ты почему не спрашиваешь, как я сдала экзамены? – А вот почему: Я ничего не понимаю в твоих делах. Как тебе надо – так ты и учись».

Какая мудрость в этом ответе! Во-первых, взрослая уже – думай сама, во-вторых, не рассуждать и не советовать, если не понимаешь сути дела! Через 60 лет читаю (контекста не помню): «Много знаешь, да мало понимаешь!»

Рецепт против «двоек»

Первый месяц в училище закончился. Пока шло повторение, получала четверки и пятерки. За последнюю неделю – пять «двоек»! Что с ними делать – не знаю: на уроках дремлю, ничего не слышу, в общежитии читать не могу (16 кроватей, длинный стол, за который никто и не садится даже...), постоянно хочу есть... Подруга Катя (она староста) сообщает: «Маша, тебя вызывает Семен Григорьевич». Это завуч, который всех учащихся (так нас называли) знал и называл по именам. (Осталась профессиональная привычка: на войне, говорили, он служил замполитом!) После первого вступительного экзамена, когда я написала диктант на «пятерку», Семен Григорьевич звал меня Марусенькой. И вот... до чего дошло! Марусенька в кабинетике, где (как тогда казалось) огромный письменный стол стоит как-то наискосок, а стул – для приглашенных – и у двери, и (он же) у стола. Ну очень удобно разговаривать!

– М., ведь у тебя много «двоек». Уроки-то учишь? – Не-е-т... – и горько заплакала. Семен Григорьевич не укорял, не расспрашивал, не уточнял, не брал с меня честного слова «исправить двойки»... Он рассказал, что в училище есть кабинет химии, где по вечерам эвакуированная из Ленинграда Кира Петровна дает учебники и где «так хорошо учить уроки».

Дорогой Семен Григорьевич! Вы даже представить не могли, каким важным оказался в моей жизни этот «вызов к завучу»... Именно с тех пор я и полюбила атмосферу библиотеки – Осинской, Пушкинской, Горьковской, Ленинской, Салтыковки, Краковской...

Общежитское веселье

На первом курсе в педучилище не хотела, чтобы надо мной подшучивали; спать ложилась поздно, с самыми «выносливыми», поэтому явно недосыпала. Утомление и усталость нарастали. И вот... Двенадцать часов ночи. По радио исполняется гимн. Кто-то обратил внимание на то, что я сплю. Как?! Разбудить! «Маша! Уже 8 часов! Опозываем! Слышишь: гимн!» (В восемь утра тоже передавали гимн). В комнате суматоха: кто одевается, кто еще полураздет, какое-то всеобщее движение. Я невозмутимо (видимо, в полусне) достала из тумбочки свидетельство о рождении (просили принести), аккуратно свернула вчетверо, положила его в старый школьный портфельчик – и готова идти в училище. Но не одна же... Из шестнадцати-то человек всегда кто-нибудь рядом... В этот раз рядом оказалась Нина Сурсякова. Пошли... В коридоре умывальник, места заняты. Все опаздывают...

Погода просто замечательная: лунный свет, плавно-плавно опускаются снежинки, нежно прикасаются к щекам, хочется смеяться... Нас торопливо обошла лишь одна пара немолодых людей. Наверное, из кино. Тишина... – Нина, я даже не умылась... – А я-то? И чулки не надела. После первого урока надо в общежитие... На крыльце педучилища никого, парадная дверь закрыта, скорее во двор, там черный вход. И там закрыто... Какой сегодня день? Четверг. В чем же дело-то? Идем обратно не торопясь. Сон прошел – хорошо, свежо! Входим во двор общежития: на ступеньках, на перилах лестницы на второй этаж гроздь веселых душ, в коридоре – тоже. Нина наконец прыснула и тут же испарилась... Казалось, все общежитие стонало от смеха, а я думала: «Хорошо, что положила свидетельство, теперь можно спать спокойно»...

Этого немудреного общежитского веселья хватило на дальнейшие 60 с лишним лет. Конечно, при встречах на редких посиделках, когда неизбежны воспоминания ...

Ничего не бойся: везде ведь люди!

Педучилище окончено! Направление на работу получено... – Бабка, вы с дедкой воспитали меня, я ведь с вами должна жить... Я могу в нашей начальной школе работать. – За нас не держись. Мы свое прожили. Поезжай, куда тебе лучше... Ничего не бойся: везде ведь люди!..

До сих пор жалею...

Первый отпуск... Купила подарки, брату Ване (ему уж 17 лет) – голубую шелковую рубашку. Счастье! Он носил ее, как говорится, не снимая. Пришла пора стирать. Бабушка уже не могла... И постирал он ту рубашку в деревянном корыте вместе с красной майкой... «Сестра, говорит, подарила, а я...», – рассказывала тетя Маня, его крестная, – и заплакал...»

До сих пор жалею, что не купила брату другую рубашечку...

Постаноговская быль

Женя Котюров на практике был в Постановговской школе. Пригласили работать после окончания университета. Диплом получен – молодожены поехали! Помню, свекровь дала нам кастрюльку, чугунную сковородку, две ложки... Нож купили, какой мне понравился: закругленный, значит, безопасный!.. Столовой в Постановгах нет – надо варить суп. Ура, есть консервы «Килька в томатном соусе»! Суп уже варится, но как открыть баночку с килькой?! Слышу: шумит грузовик. Банку и ножик в руки – и к дороге. Шофер встретил моего мужа в колхозной конторе и говорит: «Пора уж обедать. Вас ждет суп с килькой». – «Саша, а ты-то откуда знаешь?» – «Ваша жена не могла открыть банку, так на дорогу выбежала за помощью!..»

Вскоре купили консервный ножик...

Словосочетание

Я преподаю студентам университета русский язык. Тема «Словосочетание». Согласование в роде, числе и падеже. Например, *золотая осень*. А перед глазами: Бабушка стоит у окна – и полушепотом: «Сколько хорошо!» Подбегаю, встаю рядом: «Что? Где?» Смотрит куда-то наискосок, за огороды, вдаль – туда, где *золотая осень*. А студентам говорю просто и понятно, но, по-моему, совершенно невыразительно: «Красота!» Как жаль, что не могу передать именно чувство бабушки моим студентам!

В варшавском подвальчике

...В бедные девяностые – поездка на научную конференцию в Польшу, в г. Ополе. «Камой» до Москвы, почтово-багажным – до Бреста, электричкой через границу, а там уж и Варшава...

С утра в гостинице готовлю бутерброды: перекусить во время прогулки в «сердце столицы» – на Старом Мясте. Ясно, что бутерброды с колбасой и ломтиком помидора с чаем в кафе – самый дешевый вариант обеда... На Ратушной площади проголодавшиеся путешественники обрадовались, оказавшись перед непрезентабельной дверью: именно для нас. Вход в подвальчик с винтовой лестницей, стенами из каких-то булыжников, гладиолусами в бутылках из-под шампанского на двух-трех выступах... Просто, уютно... Заказали мороженое. Официант приносит его на больших тарелках – по 6 шариков – разноцветных! Восторг! Отдохнули замечательно!

Официант идет с сафьяновым сундучком. Шепчу: «Долларов 100 заплатим»... Открываем сундучок медленно, с достоинством не обремененных бедностью иностранцев: «Сто двадцать шесть долларов»... Больше, чем заплатили за троих в гостинице за три дня! Кажется, никогда не видела таких унылых лиц колеганок: столько денег промотали, а Ополе еще впереди.

Но мы – Елена Александровна, Наталия Васильевна и я – на каждой кафедральной тусовке с удовольствием предаемся воспоминаниям об этом подвальчике...

Золотое правило нравственности

«Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе».

Это правило обычно иллюстрируют детям как правило поведения: будь вежлив, не груби, не бери чужого и т. д. Человек легко усваивает это правило, как мне кажется, потому, что не задумывается над смыслом, т. е. формально, сообразуясь лишь с очевидностью...

Хочу обратить внимание на невысказанное в формулировке правила уточнение – *«относись к людям с пониманием»*. Надо сказать, что это уточнение осознается не во всех случаях, отнюдь не многими, а некоторым вообще «никак не дается». А если и осознается, то по истечении времени, когда уж ничего нельзя исправить. Особенно важно подчеркнуть, что нарушение этого правила возвращается к нам *с усилением, в избытке* и воспринимается как несправедливость – *за что?* Вот пример-воспоминание.

Моим первым любимым преподавателем была Франциска Леонтьевна Скитова, которая «похваливала» меня на семинарах и, думаю, хотела, чтобы я стала изучать диалектологию. А мне всегда (еще в

педучилище) хотелось как можно лучше знать русский *литературный* язык. Поэтому студенческой научной работой (со второго курса) я стала заниматься под руководством Маргариты Николаевны Кожиной. Из-за чего мне и теперь совестно? А из-за того, что тогда мне и в голову не пришло поговорить с Франциской Леонтьевной, объяснить ей мое решение... Мало того, подобная ситуация произошла и в другой раз. Поступила в аспирантуру к профессору М. Н. Кожиной. Аспирант на кафедре – после лаборанта первый помощник в делах. Ф. Л. руководила работой над созданием Акчимского словаря. Привлекла и меня. Но наша семейная, хотя и дружная, но неустроенная жизнь, работа в библиотеке с открытия до закрытия не оставляли времени для других дел (ни в словарном кабинете, ни для занятий французским языком – мечтой с детских лет). Я просто не стала появляться в словарном кабинете. И опять не объяснилась с Франциской Леонтьевной, почему она не получила помощника в горячо любимой ею работе... Моя душевная глухота, внимание только к своим делам и заботам – вот оно, нарушение золотого правила нравственности! Не скажу, что это не мучало меня... Но главное в том, что я получила возмездие *с усилением, в избытке*, причем через много лет, что долго буквально не могла опомниться...

Первокурсница изъявила желание заниматься научной работой (обычно начинали со второго курса) и приходила ко мне домой каждый вторник в 9 часов вечера. Говорили обо всем, что ее интересовало, подготовили текст доклада, с которым она успешно выступила на студенческой научной конференции. Важно, что установился редкостный *душевный* контакт. Радость общения. Однако именно этот нюанс принес мне «горючие слезы»... В конце августа, как только студентка приехала в общежитие, состоялась эмоциональная встреча, а также консультация по будущей курсовой работе. И вдруг: проходит сентябрь – не появляется. А потом в коридоре у кафедральной двери наспех сообщает, что она решила заниматься другой темой, значит, под руководством другого преподавателя. На кафедру я вошла «на ватных ногах», хотя студентке сказала, что она совершенно свободный человек... Так я лично познакомилась с действием золотого правила нравственности. Долго не понимала ситуации, потом простила, а вот забыть...

Нельзя не заметить: беспощадно мстит нам нарушение золотого правила нравственности «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе».

* * *

В мае, в один из солнечных дней, мой сын Сережа решил впервые побывать в деревне, на своей малой родине, где мы с мужем работали в школе по распределению. На крылечке магазина оказалась любопытная женщина лет шестидесяти: кто да к кому приехали. Это Надя Шавшукова, которая в 1965 году училась в седьмом классе, где я преподавала русский язык и литературу... Давно уж Надежда Сергеевна...

В сентябре, когда я гостила у нее, душевные беседы неизбежно включали воспоминания Нади о родителях...

Вот такая любовь...

Папа рассказывал: «Полюбил я Клаву совсем молодым, но боялся к ней подступиться: она из богатой семьи, я – из бедной. Ушел в армию, Клава вышла замуж, потом осталась вдовой. После армии мы поженились. Любовь была такая, что дети сыпались, как из мешка». В семье было 10 детей. Я была старшая, потом Лёня, остальные – малюшки. Мама работала дояркой, в те годы уже была не здорова, мы с Лёней заменяли ее на ферме. Папа был бригадиром, играл на баяне, хорошо пел, его все любили... Мои волосы после бани только он расчесывал, только у него хватало терпения... В каждой деревне, и в нашей тоже, у него были «подруги». Помню, как однажды зимой, уже поздно вечером, мы все ждали папу. Мама говорит: «Надька, Лёнька, сходите, посмотрите...» Мы хорошо знали папину походку. Следы, четкие на белом снегу, безошибочно привели к чужому крыльцу. Возвращаемся домой: «Он там». – «Слава Богу, живой. Пусть там спит...»

Несостоявшаяся любовь

В педучилище на первом курсе... Шел фильм «Тарзан». Одни смотрели вчера, другие – сегодня, третьи рассчитывали попасть в кинотеатр завтра... Женя сидела за партой перед Толей. Получаю, говорит, записку: «Пойдем сегодня в кино. После сеанса услышишь ласковое объяснение». Записка есть, а рубля на билет – нету, потому что я уже попросила у мамы рубль и в понедельник сходила в кино. Просить снова – невозможно... Рассчитывать на Толин рубль даже и в голову не приходило... Объяснение так и не состоялось...

Благодарный журука

Над деревней Постановги пролегает журавлиный маршрут. Надежда Сергеевна говорит: «Я тоскую, если не встречу весной и не провою осенью журавлиный клин». А ее сестра – учительница Ольга Сергеевна – рассказала такую историю.

Золотая осень. Ясно, светло, небо голубое. Курлычут журавли. Вдруг выстрел – один комочек падает. Борька (сын семиклассник) принес раненого журавля домой. Я поместила журку с курами и стала выхаживать. Весной он ходил уже уверенно. Однажды услышал курлыканье и попытался взлететь. Но не смог. Только через три года полетел в жаркие страны... Весной опять закурлыкали в небе журавли. Мы с мужем Володей сидим на лавочке у ворот и видим: один отбил от клина – и к нашему дому. Я кричу: «Журка, журка!» Он ко мне, а от клина отделились еще три журавля, наверно, его сыночки, – и ну летать над нами. Облетели три круга над крышей, Володя говорит: «Оля, ну что ты делаешь?! Отпусти его, отстанет ведь». Я обнимаю журавля и плачу: «Журка, Журка», а он клюет и клюет меня... Такой вот благодарный...

«Датские» вирши

Стендовый доклад на тему:

Ирина Николаевна Щукина как центральная фигура в пространстве языковой картины мира кафедры русского языка и стилистики

Известно, что языковая картина мира, в частности отдельного лингвистического сообщества под кодовым названием «кафедра русского языка и стилистики», формируется системой ключевых концептов и связывающих их сквозных идей. Рассмотрим их и определим место в названной картине мира одной из ее личностей – Ирины Николаевны Щукиной.

Вне всякого сомнения, базовой идеей этой картины мира является идея вольности, бунтарства, справедливости, борьбы за правое дело. Кульминационными точками проявления этих черт являются, как правило, выборы декана факультета, заведующего кафедрой, составление коллективных писем в защиту своих кандидатов и подобное. Ирина Николаевна всегда совесть оппозиционного движения, его флаг. «Дашь свободу кафедрам!» – основной ее лозунг.

Другой ключевой идеей является идея соборности, коллективизма в решении общих задач. «Навалимся всем миром! Выдержим! Смогём!» – звучит поставленный голос Ирины Николаевны. И вот даже мечта о постижении законов актерского мастерства и преодолении

позорных особенностей пермского говора кажется коллегам уже и не такой несбыточной! И вот встают они единым строем и с верой смотрят на своего учителя!

Третьим сквозным мотивом проживания в едином кафедральном пространстве является идея любви к ближнему, идея душевности (задушевности!) как в официальном, так и неофициальном общении. Кто как не Ирина Николаевна задает тон такой коммуникации!

Еще одной яркой чертой кафедры является открытость окружающему миру, готовность вступать в диалог с другими сообществами и их представителями. Ирина Николаевна – опять впереди: Словения, Германия, Франция, Китай, Монголия... Везде **ей** интересно, **с ней** интересно!

Даже из перечисленного (а список концептов и идей можно продолжать и продолжать!) становится очевидной мысль о явной привлекательности картины мира кафедры русского языка и стилистики и ее центральной личности – Ирины Николаевны Щукиной. Виват, кафедра! Виват, Ирина!

Артикуляционная гимнастика по методу И. Н. Щукиной

Вдох глубокий, челюсть шире,
Дружно зубы обнажили,
Выполняйте правильно движения.
К черту пермский диалект!
Хуже диалекта нет!
Будем акать до изнеможения.

Если вы в моей квартире,
Встаньте рядом по четыре
И активно челюстями двигайте.
Запихните пальцы в рот,
Резонируйте живот,
Напрягитесь, крикните и рыкайте.

Симулировать не надо!
Тренируем звукоряды,
Ведь у вас не речь, а завывание.
Челюсть сжата – сразу в гроб!

Говорить по норме чтоб,
Применяйте, люди, открывание.

Вы, надеюсь не устали?
Сели, встали, сели, встали!
Кончик языка в ноздрю засунули!
Чтоб исправить диалект,
Дам один я вам совет:
Лучше б вы на это дело плюнули!

Жиге Кнапу

Однажды в Пермь в разгар семестра
Философ импортный попал,
Чтоб к европейскому прогрессу
Был приобщен седой Урал.
А звался тот философ Жига
(Вокруг него всегда интрига),
Красавец, в полном цвете лет,
На наш приехал факультет.
Он из Словении туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий, облик иностранный,
Всегда продуманную речь
И кудри черные до плеч.

Богат, хорош собою, Жига
В Перми был принят как жених.
(Вокруг него всегда интрига –
Отметим снова этот штрих).
Экстрима русского любитель,
Он нашу Пермскую обитель
В Любляне мощно пропиарил
И даже в Пермь посла отправил...
Верифицировал Россию
Аналитическим умом,
Пространства русские осилил
И душу русскую потом.

Благодаря его стараниям
Родной наш университет
В Любляне получил признание
И договор на много лет.
И зачастили на Балканы
Крутые пермские деканы...
Продлить бы на десяток лет
Образовательный проект!

Профессор Кнап вдали от моря,
Вдали от Альп и от друзей
Живет в Перми, с судьбой не споря,
И отмечает юбилей...

Хроника докторской защиты Н.В. Данилевской 22.09.2006
(коллективное)

Двадцать второго сентября
В УрГПУ, в середине дня,
В присутствии чужих и наших
На подиум взойшла Наташа.

На ней костюмчик элегантный
Сверкал полоской релевантной,
Прическа, поза, макияж –
Все было супер-авантаж!

И пермская фотомодель,
Уверенно штурмует цель,
Аллуром двинулась к финалу
И очень четко доказала,

Что все научное познание
Погружено в чередование...
Семьи, работы, дачи, быта
И непогашенных кредитов.

Отнюдь не каждая модель,
Попав в такую карусель,

Дойдет до докторской защиты
С научной темой неизбитой!

Чудинов, Гридина, Бабенко
При двух маститых оппонентках
З. Комаровой, Кузьминой
Рвались в бескомпромиссный бой.

Здесь подчеркнуть нам очень важно,
Что отбивалась ты отважно
И отстояла честь свою
В академическом бою.

Так завершалось заседание,
И в урну для голосованья
Катились белые шары,
Оставив черных вне игры.

Свидетели вам скажут честно:
Была защита интересной,
А механизм чередования
Обогатил языкознание.

Андрюша, Лена и Ирина
Прошлись по винным магазинам,
Ведь финалистку ждал банкет.
Андрей к тому ж припас букет.

И погуляли все на славу,
Тобой гордились мы по праву!
Потом отправились домой,
В наш Пермский край, такой родной.

Безмерно рады кафедры,
Что пятым доктором ты стала.
В знак уваженья и признанья
Кричим: Ура! Виват, Наталья!

Н. Данилевская,
выпускница 1983 г.

Страдания по докторантуре
(аксиологический аспект)

Мы все глядим в докторантуру,
Но если б видели вперед,
То точно б знали, это сдуру:
Докторантура – жуткий переплет!

Нам слово *доктор* что Шарипову сберкнижка,
Нам сердце греет ВАК-овский диплом.
Не понимая даже, что слабы умишком,
Мы лезем в это дело напролом.

Годами думаем, страдаем,
И мысли устремляем в высоту,
А на бумаге в результате получаем –
Очередную чушь и ерунду.

Нам снятся сны о триумфальнейшей защите:
Научный мир ну просто обалдел от нас!
В реальности ж еще попробуйте найдите
То новое, что сможет заявить о вас.

Оно, конечно, дело наше право:
Науку должен кто-то развивать.
Меня смущают только нынешние нравы и те,
Кто звания и степени готов хватать, хватать, хватать...

О, если б знали вы, спешащие на смену,
Как тягостен науки повседневный труд!
Как вожаденно ждешь ты Мельпомену,
А подходящие идеи не идут!

Эпилог

И все ж иди, доцент! Дерзай, твори и веруй:
В работе умственная неомощность умрет.

И, коли расслабляться будешь в меру,
Победой кончится твой жутко-докторантский переплет!

Наталии Васильевне Данилевской

С. Е. Овсянникова:

Алло, алло! Привет, Наташа!
Давно в гостях я не была.
Смотрю я: с каждым днем ты краше,
А как идут твои дела?

Н. В. Данилевская:

Всё хорошо, прекрасная Светлана!
Дела идут и жизнь легка!
Ни одного печального сюрприза,
За исключением пустяка.

Так, ерунда, пустое дело.
К нам экспертиза прилетела.
А в остальном, прекрасная подруга!
Все хорошо, все хорошо!

М. А. Ширинкина:

Алло, алло! Наталия Василь-на.
Что там известно про ЭОР?
Переживаю очень сильно,
Ночей не сплю, пью корвалол.

Н. В. Данилевская:

ЭОР сказали переделать,
Что переделать – не понять.
У нас лишь ночь, чтоб разобраться,
А завтра утром отправлять.

М. Н. Никифорова:

Алло, алло! Наталия Василь-на!
Пришли бумаги из УМУ.
Ну как же нам ЕТИС осилить?!
Не пожелаешь никому!

Там нужно УМК доделать,
Контроль текущий проставлять,
Ну и ближайших две недели
Елену Сан-ну замещать.

Н. В. Соловьева:

Алло, алло! Наталия Василь-на!
Нам завтра в Польшу улетать.
Билеты есть, но не успела
Командировку подписать.

Н. В. Данилевская:

Я в бухгалтерию, Наташа,
Зайду попозже, а пока
С отчетом в ВАК опять сюрпризы,
И так – по мелочи – дела:

Главу для Вани набросать,
Статью за Катю докатать,
Доклад за Машу прочитать,
Опять ЭОР переписать.

Успеть бы мужа накормить,
Антошке в Питер позвонить,
Для Вари кофточку купить,
Опять ЭОР перекроить.

Машину в мойку отогнать,
Статейку в SCOPUS написать,
Цветы на даче посадить,
Опять ЭОР переписать,

Студентов нормам научить
И аспирантов не забыть –
Защиты их благословить.
О, боже мой, когда же жить!
А может, на ЭОР забить?

А в остальном, прекрасные коллеги!
Все хорошо, все хорошо!

Татьяне Борисовне Карповой

Красавица и умница и добрая душа –
Доцент Татьяна Карпова! Ты очень хороша!
И по такому случаю, настроясь на мажор,
Послушай этот лучший гусарский сводный хор!

Друзья, мы вместе здесь собрались,
Чтобы отпраздновать событие одно.
К нему готовиться мы стали
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Мы нашу Таню поздравляем,
А сколько лет, так это, право, все равно,
Твои года мы не считаем
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Хоть вузов есть в Перми немало,
Но в нашем сердце ПГУ всегда одно,
Филологиней Таня стала
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Оттуда путь в аспирантуру –
В научном тексте неизвестного полно!
Кто там кричит, что это – сдуру?
А хоть и сдуру, интересно все равно!

Но текста Тане стало мало,
Другое дело ей судьбою суждено:
Дискурс позвал – в рунет попала,
Но это, братцы, больше грустно, чем смешно.

Не угодишь сейчас студенту,
Но коль занятие Борисовна ведет,
Прогулов у студентов нету,
И так уже который год, который год.

Не исчерпав потенциалы,
Которых много ей природою дано,
На земледелие запала:
Сидеть на грядке и доценту не грешно.

Еще не все высоты взяты,
А значит, главные вершины впереди.
И до твоей столетней даты
Желаем легкого, счастливого пути!

Новогодние частушки для служебного пользования
(коллективное)

Ох, лингвистика-наука,
Эпистемология!
Мы частушки сочинили,
Чем не филология!

Провожая старый год
Символически,
Пропоем сейчас отчет
Методический.
Раньше было ПГУ –
Просто и красиво.
А теперь ПГНИУ –
Трудно и плаксиво!

Не хожу я по врачам,
Пишу программы по ночам.
Надоело маяться,
Дайте мне расслабиться!
Раньше были овцы целы,
Ну а волки сыты,
А теперь всё по УМУ:
Рейтинг и кредиты!

Мой миленок Ли Кэсинь,
У меня нет больше сил,
Ты у нас такой один,
Потому что ты... особенный китайский студент.
Ах, декан наш дорогой,
Предприимчивый какой!
Где набрал таких китайцев,
Что они ни в зуб ногой?!

Вот закончу УМК
И в Китай я двину,
Буду русскому учить
Местных хунвейбинов!
Опа, опа!
Америка, Европа!
Нету в главном корпусе
Больше вас на глобусе!

Написала УМК
И на стол полóжила,
Отчего же УМК
Меня так растревожило?!
Ох, критерии оценки
Компетенции,
Доведете вы меня
До деменции!

А вчера зашла в ЕТИС,
У меня случился криз.
Ну дала же маху я:
Баллов нету... абсолютно.
Ой беда, ой беда,
В огороде лебеда,
Черемуха белая,
Что же я наделала!

У миленка моего
Очень длинный опус.
Как с достоинством таким
Не пробиться в Скопус?!
Эх раз, еще раз,
И еще разочек!
Много рубликов сложила
Скопусу в мешочек!

Девочки-беляночки,
Ходите на гуляночки,
Профессорами будете –
Гуляночки забудете! Ох!

Одна мцерь сбежала...

*Перлы из работ абитуриентов
с сохранением орфографии и пунктуации авторов сочинений*

Обратимся для примера в чье-нибудь произведение.

Зачем сувать свой нос в сердце самой природы?

Трудный период был у дяди. Он отгородил себя от внешних факторов, уехав в деревню и скрывшись от суеты. Познав себя, он приехал совершенно другим человеком.

Андрей Болконский и Пьер Безухов несколько раз навещали дерево. Этот дуб был хорошим воспоминанием для них обоих.

Андрея Болконского ранили в бою, и он сел на поле отдохнуть.

Болконский увидел австрийское небо и понял, в чем смысл жизни.

Здесь мы видим диалог Болконского с дубом.

Л. Толстой любил гулять босым ранним утром по усыпанной траве росой.

Его эта проблема так взволновала, что он употребил длинный ряд однородных членов.

В своем тексте автор использует однородные члены: Достоевского, Чехова, Пушкина, Галича.

Если мы не будем смыслить здраво, то конец наш не за горами.

И ученые, вроде умные люди, но не в ту сторону.

Поэтому я и задалась вопросом, кто будет исправлять погрехи наших горемычных ученых?

Ученый Менделеев. Это же такой ученый, который придумал целую таблицу Менделеева, по которой и сейчас занимаются множество людей.

После нашего безразличия природа остается одна на один со всем миром.

Базаров мечется между природой, любовью и своей жизненной позицией. Выбирая позицию, он отвергает все живое. Вскоре Базаров умирает, и только тогда он понимает, что был неправ.

[О Раскольникове из романа Распутина «Война и мир»]: А стоило ли идти на такие поступки ради того, чтобы доказать себе, кто он – вша или вошь?

Раскольников встает посреди площади и мучается вопросом.

В романе «Преступление и наказание» показана любовь молодой девушки к некозистому мужчине Раскольникову.

Показана сцена избиения лошади с такой силой, что она умирает на глазах народа.

Одна Мцырь сбежала из монастыря.

Я не знаю, почему Герасим убил Му-Му, но все-таки стоит прочитать роман Достоевского «Отцы и дети».

Такие факторы, как традиции и мировоззрение закладываются им [детям] с места рождения и общества.

У нее было свое домашнее хозяйство – скоты.

Придя домой, женщина увидела, что возле ее дома лежит большая собака. Она решила, что обиходует эту собаку и оставит ее себе.

Прочитанный и переосмысленный текст Астафьева, без сомнения, оплодотворил мой подростковый ум.

Прочитав этот текст, в моей голове промчалось много мыслей.

Министр культуры должен формировать здоровую, гормональную личность.

Автор использует анонимы.

В человеке есть одно качество – зло; а против этого зла есть только одно лекарство – наука.

Еще один порок человека – это когда он все время стонет.

Мой знакомый попал в аварию, и после аварии врачи отрезали ему все мечты о полноценной жизни.

Она не находила общий язык со свекровью своего мужа.

В одном известном произведении рассказывается о герое, которого звали Садко. Во время войны к нему в дом пришли французы и угрозили убить его семью, если он не проведет их к Москве.

Нужно жить с счастьем на пару, без него никак нельзя.

Война – это страшное зрелище, везде трупы, рухлять, развалины и многое другое.

Композитор Сальери шел один рядом с гробом, который при жизни враждовал с Моцартом.

В целом Пермь, на мой взгляд, должна походить на Санкт-Петербург, Екатеринбург и Москву.

Бедная Лиза рвала цветы и этим кормила свою мать.

Кабаниха нащупала у Катерины мягкое место и каждый день давила на него.

Родители Ильи Муромца были простыми колхозниками.

Летать на костылях непросто, но он научился.

И тут боец вспомнил, что в кармане у него винтовка!

Соколов бежал из плена, вдохновившись красотой природы.

Наташа Ростова хотела что-то сказать, но открывшаяся дверь закрыла ей рот.

Пьер Безухов носил панталоны с высоким жабо.

На берегу реки доярка доила корову, а в воде отражалось все наоборот.

Папа Карло вырубил Буратино.

Лягушки скакали парами в сторону болота, где кончали самоубийством.

Из всех женских прелестей у Марии Болконской были только глаза.

Анна сошлась с Вронским совсем новым, неприемлемым для страны способом.

Трактор мчался по полю, слегка попахивая...

Председатель так взял доярок за живое, что надой молока сразу увеличился.

Когда русские дружинники вышли на поле битвы, из-за кургана выскочило монголо-татарское иго.

По весне звери и птицы улетают на юг.

Крестьянин был зажиточный: он имел свиней и жену.

Из-за тучи выглянул луч солнца и огрел кукушонка.

Еж, жаба и ласточки помогают садовнику поедать насекомых.

Этот тезис нашел в моем суждении опровергающий аргумент.

В мире нет ничего прекраснее счастливых детских глаз. И не важно, кто их обладатель.

Наш российский менталитет пока не может воспитывать достаточно полноценное общество.

Если запретить иностранные слова, то через несколько десятилетий наши дети станут современниками Чехова, Толстого, Достоевского, Пушкина.

С помощью языка человек стал личностью.

Речь – это один из множества факторов, отличающих людей от обезьян. А культурная, правильная речь показывает отличие мыслящего, интеллектуально развитого человека от homo-sapiensa, берущего первое попавшее слово и, связывающего его с другим, также взятым, как и первое для объяснения мыслей, которых в голове гораздо больше, чем подвернувшихся под руку слов.

...Один из них В. Высоцкий. Он был очень умным человеком, его ум скрывался внутри его тела.

Любить – это прежде всего давать.

Сколько поэтов воспевало флору и фауну!

В романах любовь всегда оживляет «лишнего человека». Это и делает О. Ильинская с Обломовым.

Чаще бывает, что внешне симпатичный человек оказывается злой и корыстный. Сочетание этих красот делает человека прекрасным.

Малооблачно будущее их...

Родители пьют либо оба, либо по отдельности. Либо одного из двух предков вообще нет.

Я так понимаю, что в России живут одни психически ненормальные люди, и это более всего похоже на правду.

Жизнь человека представляет собой постоянное движение вперед. Не хотелось человеку таскать на себе тяжести – он приспособил для этого женщину.

Нет гарантий, что завтра в небе не пролетит бомба.

В 6 веке нашей эры, когда славяне призвали варяг править Русской землей. Появились первые русские князья. В то время не было диалога между властью и обществом. Ущемлялись права народа. Было допущено много ошибок. Это привело к революции 1905 года, когда к власти пришли большевики.

Я – человек, а не существо с физическими факторами человека.

<...> нередко они перевязывали ему раны водой из болота.

Литература является нечем великим.

Остаток жизни человек будет пребывать в грусти и печале.

Писатель – это настоящий художник, а его кисточка – слова.

Долго читал с раннего утра и вдруг его возмутило.

Если оторваться от книги, можно увидеть вокруг живой и пахнущий мир который живет и меняется.

Не заметишь, как быстро протикает твоя жизнь...

Я прочитала две книги «Бедную Лизу» и бессмертное произведение Чайковского «Вишневый сад».

В предпоследнем абзаце мальчик почувствовал себя нужным.

И за что хвататься? За смысл жизни? Или за мнительную жизнь?

Мы дышим загрязненным воздухом, который же сами испортили.

Вспоминается героиня пьесы Грибоедова «На дне» Лиза...

Прочетав текст С. Полякова, автор данного текста пытается нас прозреть.

США сбросили ядерные бомбы на японские города Серафиму и Нагасаки.

Вся земля истоптана тракторами...

Поэтому я задаюсь вопросом, кто будет исправлять прогрехи наших горемычных ученых.

Он оскорбил его с ног до головы.

Как сказал один из великих, друг познается в беде.

Для меня счастье – это необратимое чувство, что-то нечто божественное.

Б. Проскурнин,
выпускник 1973 г.

Экзамены: зарисовки с натуры

Студентка:

– У меня билет номер 14. Поэма Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка».

Садится готовиться.

Она же: *(шепотом сокурснице, сидящей позади нее)*

– Это что, два произведения?

Сокурсница:

– Не читала что ли?

Коркунова:

– Не-а.

Сокурсница:

– Ой-ё-ёй. Даже если читала, и то завалить экзамен можно. Нет, это одна поэма.

Коркунова:

– Какие хоть там герои?

Сокурсница:

– Да заумь такая, что не запомнишь. Вроде там черный человек был.

Коркунова *(не расслышав, про себя)*:

– Ага, черный лебедь, поняла.

Выходит отвечать. Сначала говорит все, что вспомнила про романтизм в целом, потом все, что знает про самого Генриха Гейне и так далее.

И, наконец, с апломбом и выражением:

– И я считаю замечательной находкой романтика Гейне, когда на страницах поэмы появляется черный лебедь – как воплощение лирического «я» поэта!

Преподаватель (*задумчиво барабанит пальцами по столу*):

– Черный лебедь, черный лебедь... Что-то я такого не помню... Да, надо будет перечитать. А вам, Наталья, оценка отлично. Давайте зачетку.

Резюме: «Если ляпаешь, то ляпай уверенно!»

Существенная особенность семейного романа по-студенчески

Преподаватель: Итак, в чем все же особенность французского семейного романа 30-х годов XX века?

Студент: Ну, авторы этих романов рассказывают о жизни семьи.

Преподаватель: Толстой историю даже нескольких семей рассказывает в «Войне и мире», но ведь его произведение не семейный роман.

Студент: Так он же не погружается глубоко в гинекологическое древо семьи, а они ой как основательно это делают! И читателя погружают.

Преподаватель: Что-что делают? Куда, простите, погружают?

Студент: В гинекологию.

О реализме Шекспира

Преподаватель: Слушаю вас.

Студент: У меня Шекспир. «Ромео и Джульетта».

Преподаватель: Вы поэтому так радовались, получив билет. Текст, конечно, прочитали?

Студент: Ну кто же не читает «Ромео и Джульетту»!

Преподаватель: Ну-ну. Весь во внимании.

Студент: Шекспир – великий реалист.

Преподаватель: Предположим. А почему вы так считаете, и как это сказывается на «Ромео и Джульетте»?

Студент: Ну как же. Ведь реализм – это обобщение. Так сказать повторяющееся.

Преподаватель: И что же повторяется в трагедии?

Студент (увлеченно, с жаром): Ну как же! Ведь, чтобы показать типичность происходящего с Ромео и Джульеттой, Шекспир еще пять пар на сцену выводит. И что характерно, все в белом, одинаковые то есть.

Преподаватель: И Ромео с Джульетта тоже в белом?

Студент: А вот тут не помню... Врать не буду. Нет, ну раз типичность главное, то наверняка в белом тоже.

Преподаватель: Напомните мне, пожалуйста, в каком акте пьесы, в каком эпизоде эти пять пар появляются?

Студент: Да во всех. Даже когда Ромео и Джульетта умирают обнявшись.

Преподаватель: И все же. Я мысленно уже пролистал пьесу от начала до конца и обратно, но что-то не могу припомнить упоминания этих пяти пар в белом. Подтолкните мою мысль, чтобы я вспомнил. Скажите хотя бы, где происходит этот эпизод, когда пять пар в белом впервые появляются.

Студент: Как где, в Англии, конечно, в туманном, то есть, белом Альбионе... Оттого и в белом все. И это типично, а значит – реалистично.

Заметки студентки. Шутки, оговорки, казусы

1. Кустов В. А. (преподавал дисциплину «Древнерусская литература» на филфаке в 2000-2001 гг.): «Перед сдачей текстов – попостовывать надо пару дней».

2. Бурдина С. В. Случай на семинаре по творчеству М. А. Булгакова.

В уверенном монологе студентки звучит: «В произведении “Иван Денисович меняет профессию”...» (смех в аудитории).

3. Четина Е. М. комментирует список произведений по русской литературе XX в.:

«Еще один культовый автор. Хотите – выбросим?»

«Это очень много – попасть в список обязательной литературы»

«Хотите подавить избыток веселости – читайте “Дом на набережной”»

4. Трошева Т. Б. на дисциплине «Синтаксис русского языка»: «Управление – это ведь управление не машиной, не мотоциклом, а падежом».

5. Спивак Р. С. на лекции: «Глебов, Майский, Полонский – с ума сойти, какие имена!»

6. Суслова И. В. на курсе «История зарубежной литературы XX в.»: (на смешки в аудитории) «Что вы заходитесь? Слово неприличное сказала что ли?»

7. Диалог студентки и преподавателя:

Студентка: Макмерфи стал травой.

Преподаватель: Какой травой?

Студентка: Овощем.

А. Моисеева,
выпускница 2003 г.

Фольклор филфака

Высказывания преподавателей разных лет:

Арустамова Анна Альбертовна [3]

«Гамлетов стало больше, но Дон-Кихоты не перевелись»

«Надо жениться не по расчету, но с расчетом» (про героя романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», Адуева-младшего)

«Там есть вещи, особенно еда»

«Сколько лука в русской литературе»

«Офигеть, как идеален! Стопудово»

«Вы по сути, а не всякая там беллестистика»

«А что вы удивляетесь – на филфаке некоторые любят книги»

«Мир побежденного быта – персонажи деньги из тумбочки берут»

Диалог со студентами:

Арустамова А. А.: «Интересно, в наше время запрос на какого героя?»

Полина: «Ну, хоть на какого-нибудь!»

Баженова Елена Александровна [3]

«Мы познаём Родину языком!»

«Если вы знаете разговорную латынь, русская морфология пойдет хорошо»

«Сейчас мы с вами будем расчленять попадью!» (про морфемный разбор)

«Поиграйте с навозом» (опять-таки про морфемный разбор)

«Излучина – это большой луг»

«Излучина – это такой большой лучик!»

«Какие у нас еще там твари маленькие есть?» (о словах с колеблющейся одушевленностью/неодуш.)

«Дробные числительные: какие они странные, да?»

«Дети дохлы»

«Пишите “приведем развернутую метафору” – и цитируйте хоть полкниги»

«Нашему работодателю важно, откуда мы, такие красавцы, пришли»

«Лень или медлительность могут быть признаками склонности к аналитической деятельности. Но врать не надо!» (про составление резюме)

«Бумага должна быть хорошего качества, а не “тут – играем, здесь – селедку заворачиваем”»

«Вы что думаете, одна интеллектуальная элита ходит на проповеди?»

«Жень, Вы так мало сказали, скажите еще что-нибудь о стилистике текста»

«Павлов дальше не дифференцировал, может быть потому, что умер...»

«Где-то чой-то плохо в Перми»

Опоздавшему студенту: «Привет, дорогой, ю а вэлком»

«“Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!” – гений мог позволить себе такую экстравагантность...»

«Образность свою хочут показать»

«На 4-м курсе вас бесполезно учить: мертвого не вылечишь, дурака не...»

«Нобель исключил математику из заслуг премии, потому что его жена изменила ему с математиком»

«Балансируем по бритве ножа...»

«Кирилл, уберите эту паскудную частицу из своей речи!»

«Чувствуете? Мы туда попремся!» (пример о повышении статуса адресата рекламы)

«Что ж вы стучите? Вы же не в кабинет к гинекологу входите» (опоздавшему студенту)

«Мы чужие на этом празднике жизни...» (про лексику студентов-издателей)

«Всё, кончайте этот разговор для двоих!»

«Вы такие чудачки – вы сегодня плохо готовы!»

«“Полина” рифмуется с “блин”»

«Мы сами разберемся в своей конюшне»

«Родители пият своих детей. Коу Чжипен, у вас в Китае пият детей?»

«Сексодром пока не вошел в узус»

«...или Джона Леннона называют просто Ленин»

«Коля – садист: он в садик ходит»

«Мне понравилось слово “врубант”»
 «Этот вас кадрит, а вы его динамите»
 «Штирлиц выстрелил (в)слепую. Слепая упала»
 «Член Аристотеля. Я спросила об этом у Братухина Александра Юрьевича»
 «Там, где появляется самка, жди детеныша»
 «Конкретное? Можно понюхать, потрогать, пожевать, выплюнуть?»
 «Сравните: студенчество... и сено»
 «Дом зарос лопухом и крапивой»
 «Крапиву считать сложнее»
 «Мясо – это ведь мясо!»
 «Ухом слушайте, рукой пишите, а головой и то и другое делайте»
 «Я вот сейчас заболтаюсь и не успею»
 «Хлеба нет – ну послал кого за водкой, и все!»
 «А вот давайте-ка тут ку-ку, друзья!»
 «Нам надо запланировать нашу с вами совместную жизнь»
 «Евгений Онегин – это сопли, намотанные на кулак»
 «Недосуг... пишите в три слова и с “Г” на конце!»
 «Уже точно – вот век свободы не видать!»
 «Где у нас баран-то остался?..»
 «Почему переходный? Почему чешете репу-то?..»
 «Можете окончательный диагноз потом ставить»
 «Тут мы понимаем... ничего не понимаем»
 «Тут такая мысль... без бутылки не поймешь!»
 Про 100-летие ПГНИУ: «Может, и налью бесплатно?.. Вы чо такие неадекватные? Почему мы об этом заговорили?»
 [4]
 «Вот так посмотришь – что ни алкоголик, то хороший человек»
 «Что бог послал, то лучше не разбавлять, конечно»
 «Ой, нос чешется... КОНЕЦ ДНЯ!»
 «Филология – это лучшая жена!»

Белоусов Константин Игоревич [3]

«Эго – это оно следит за каждым нашим шагом»
 «...и к ней иногда прилетают гости... и гости там устраивают!»
 (про синицу)
 Работа с текстом: «Муж у Ирины купил кефир». «Муж у Ирины женат». Может, у него есть вторая жена? «Муж у Ирины трехкомнатный». – В этом случае предложение называется бессмысленным!

«Ну здесь еще много этих всяких... наводить марафет!» (про Excel)

Бурдина Светлана Викторовна [3]
«Хлебник интереснее, чем сборник»

Гаранович Марина Владимировна [4]
«Я помню, как цветочки ела, хотелось мне попробовать»

Данилевская Наталья Васильевна [3]
«Пропали все тряпки – нечем стало аудиторию закрыть»
«А я-то была уверена, что мужчины ничего хорошего породить не могут»

Примеры языковых ошибок: «Мальчик летел, веселый, как пуля»
«Коляска для близнецов голубого цвета»
«Это для филологов, а вы ж у нас бакалавры»
«Просторечие – язык необразованной части речи»
«Неет, это я сильно отдохнувшая была»
«Давайте организуем наши мозги»
«Как сяду, так мысль теряется, надо постоять»

Ерофеева Тамара Ивановна [3]
«Иди домой и прими Упсу!» (когда студентка чихнула на лекции)

Ерофеева Елена Валентиновна [3]
«В моем сознании на немецком говорят Гитлер и Черепашки-Ниндзя»

Котюрова Мария Павловна [3]
Называла студентов/студенток «ребёнок», «девчурайки мои»
«И жвачку свою проглотить и выплюнуть!» (студентке Полине)
«Я не могу никого выучить, но могу изменить себя»
«Слово – это “одуванчик”. В речи он поворачивается каждый раз одной тычинкой» (про значение слова)
«Субтекст – как ягодки землянички на поляне...»
«Введем в текст эту земляничку...»
«Сумасшедшая идея пришла в голову Ландау...»
«Бескультурие – как вонючий газ»
«Школьника надо учить ядерному компоненту знания...»
«Такая рабочая работа»
«Добралась я до ваших сердечек... интеллектуальных?»

«Случаи случаются...»
«Каша кашинская»
«Ну не на занятии же прожигать жизнь»
«С вами нельзя беседовать, вы филологи, сразу включаетесь в процесс мысли»
«С вами работать сегодня – бесполезняк»
«Воробьиные шаги... под микроскопом»
«Ставить диагноз каждому автору»
«Меня поражает, как мещанина во дворянстве...»
«Чтобы читатель не скакал по тексту...»
«Почувствуйте ошибку!»
«С порядком слов непорядок»
«Нет, вот резвятся... счастливые люди»
«Как находим примеры, сразу обласкиваем их своим вниманием»
«Работа на релаксацию... Получайте удовольствие от научного слога»
«Ну не на занятии же прожигать жизнь»
«С вами нельзя беседовать, вы филологи, сразу включаетесь в процесс мысли»

Карпова Татьяна Борисовна [3]

«Недавно читали Жванецкого “Склероз” с мужем. И так выпали, это так про нас! Вы это поймете чуть позже...»
«...ушли советизмы. Ну, “ушли” – тоже метафора. Запишите, что они не совсем есть»
«...вводят в столбняк людей нашего поколения»
«Секса в Советском союзе нет, религии в советском союзе нет! Нет! Нет! Даже умалчивали 6-й религиозный стиль»
«Няшные образы. Домовой у нас ведь няшный. Домовенок Кузя»
«Мы утратили все страхи. И перед нижним и перед верхним миром. Хорошо это или плохо – другой вопрос. Мир просто другой»
«Ведь “товарищ” возникло в досоветские времена, смысл был нормальный!»
«...по гендерному признаку нехорошо! Низ-зя... низ-зя...»
«В мое время понимали слово “спонсор” – любовник, который содержит жену. Вот как с этим слово поступили!»
«Филологи любят учить, как говорить правильно, как говорить неправильно»
«...даже самые безграмотные бомжики... при этом надо понимать, что эти самые бомжики не безграмотные, а образованная, но опустившаяся интеллигенция»

«Мне интересны люди, но я их не запоминаю!»
«“Выпивиха” – это вообще непонятно что...»
«От филолога-мужчины нужно бежать подальше – это поХ[h]аный (им. в виду поГаный) тип мужчин»
«Физики – еще больше лирики, чем филологи!»
(Стуча по столу) «Иди в храм!»
Диалог со студентами:
Карпова Т. Б.: Мы тут с внучкой смотрели Полонина. Были в восторге все втроем.
Курганова Саша: С Полониным что ли?

Князева Евгения Александровна [3]
«Правильный учитель всегда найдет островок успешности...»
«Почему бы нам не быть космонавтами художественного мира?»
«Любовь – такой энергозатратный проект. Есть французская поговорка: “Зачем любить, когда можно наслаждаться”...»
«Помолчать с автором в конце тоже можно»

Кондаков Борис Вадимович [3]
«Если мы возьмем, разрежем Ломоносова... поэму...»
«Татьяна по времени относилась к обществу архивных юношей»
«Женщина активна в выборе партнера и в общественной деятельности»
«Ну, а третий случай – сейчас придумаю...»
«Слова он говорил красиво, а когда дело доходило до дела...»
«Он был красив внешне... Поэтому рекомендую вам посмотреть на его портрет»
«Китайский язык очень простой»
«Весело жить и жить счастливо – это разные вещи»
«И похоронили его... похоронили его.. в гробу»
«Американцы показали Татьяну не в малиновом беретике, как это было у Пушкина, они всю ее одели в малиновое. А фильм старый, помоему, черно-белый еще...»
«Это же смесь архитектуры гипермаркета “Семья” с древнерусской архитектурой!»
«Людам, которые все пропили, кабак за свой счет выдавал спец-одежду»
«Птица – тварь клевательная и летательная»
«Троекуров – новый русский начала XIX в.»
«Когда Сталин умрет, рамка тоньше будет!» (о траурной рамке в честь 100-летия со дня смерти Пушкина)

«Куда ты прешь?» – вот в чем смысл-то!» (о постановке «Горя от ума» в Москве)

«Сбрэндил на почве идей всяких революционных» (о Чацком)

«Сейчас такое время, что нужно годить активно, чтобы все видели, что вы годите. Чацкий разрабатывает программу “гожения”»

«Панночка у Гоголя – это супер-женщина!»

«Помолвка с шинелью»

«Вечная мифологическая зима»

«Реформа 1861 г. проходила как-то... по-русски»

«Гончаров не был похож на людей»

На вручении дипломов первого выпуска специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика»: «Я обнаружил, что у вас за 5 лет ни разу не было курса литературы, поэтому решил немного исправить это положение и рассказать вам кое-что о китайской литературе»

Из аудитории слышались обреченные вздохи родителей. Лекция длилась около 40 минут.

[4]

«Назови хоть гусем, только не ставь в жаровню»

Королева Светлана Юрьевна [3]

«Владимир пошел на Корсунь, чтобы потребовать руки византийского императора»

«Русская литература с какого-то момента беременна революцией»

«Конь – лучший друг, он дороже жены»

Крижановская Елена Мечиславовна [3]

«...в повести не хватает экшена!»

«О, мышь!» (пародирует патетический стиль)

«Можете требовать долива после отстоя пены!» (студентке Марии Кук после педпрактики, где она провела 40 часов вместо положенных 20)

«И нравится вам колоситься с долгами?»

[4]

«Что поделать, если вы не понимаете? Слезой котенка облить?»

Кустов Владимир Алексеевич, на лекциях по истории русской литературы 18 века:

Из брошюры выпускников, составленной Н. И. Постоноговой [1, с. 22 – 23]

О себе:

«Я человек тонкой психической организации»

«Я выступаю в двух ипостасях»
«Я сгусток злодейства»
«Я балдею от выражения “мужская работа”... прямо во рту пересохло»

Обещания и радужные надежды:

«Давайте договоримся на берегу»
«Преподаватель пристегивает студента»
«Я буду вас отслеживать»
«Меня и вас обнимает одна цель»
«Я вас сведу с одним преподавателем»

Суровые будни:

«Сейчас мы с аппетитом поработаем над текстом»
«Отмечаю наличие отсутствия студентов»
«Это поштучный разговор»
«Ставьте жанровый диагноз»
«Студенты такие – заморозят глаза и сидят, будто думают»
«Избегайте инфекции в ответе студента»
«На занятиях мы будем укрепляться в мысли»
«Я не имею права ничего сказать, я не становлюсь в позу, но последствия дорисуйте сами»
«Я не профессор Грановский... А вы что – Огаревы и Герцены?»
«Не играйте на моей клавиатуре нервов»
«Жизнерадостность – это качество надо ценить, но не в этом случае. «Давление 40*60, головокружение – вот идеальное для нас состояние».

«А вы, грешным делом, мясо ели... Мяса наелась и пришла»
«Проблема получения закона Божьего не оказывается проблемой»
«Я не без содрогания открываю Вашу тетрадь»
«У Вас почерк на границе вязи и тайнописи» (о Наташе Постоноговой)

«Почерк – явление социальное!»
«Я старый и больной, а Вы молодой и сильный, Вы мне помогите» (кому-то из студентов-юношей)

«О! Вы рубите не до конца разделочной доски! Дыхание взяли где-то»

«Извините за соседство двух слов: Библия и моральный кодекс строителей коммунизма»

«У всех на устах и ушах имя Ломоносова»

«Поп... извините за ругательство»

«Морковная академия» (о ПГСХА)

«У Шолохова не было высшего образования, но он был честным человеком»

«Это сказано так, что можно голос сорвать»

«Прокофьев не один протез зубов съел» (на жанре хождений)

«Весна повредила ваш ум»

«Из-за вас я травмировал аудиторию замечанием» (группе РКИ)

«А сейчас подтянем штаны» (о необходимости убрать лишние пробелы и отступы в тексте реферата)

Любимые слова и выражения:

«Ни шатко ни валко...»

«Дразните меня!»

«Ленивица!» (ласково и даже игриво)

«При ваших ушах сказано»

«И дальше по тексту»

«Просьба остановиться»

«Ядреное слово»

«В жизни больше поз, чем придумала хореография...»

Из других источников [3]:

«Наша голова – не кладбище дат, фактов и событий»

«Чего сидите? Встали да пошли!» (по окончании лекции)

«Вы успели запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда, а вот Вы – отстали от поезда и выпали из гнезда»

«Я вам не Богородица-Троеручица – все успевать»

«У вас почерк, как у моей жены. А она пишет как курица лапой!»

Кыркунова Лариса Геннадьевна [3]

«Я же дотошная тетенька...» (про себя)

«Она мне очень напоминает надгробный текст! Это просто ужас какая визитка...»

«Не по-детски, ух-ты, ух-ты...» (чем-то удивлена)

«Сейчас мы рассмотрим один документ, радостно и быстро!»

«Я ведь приводила Вам пример про групповой секс? Поучительный пример...»

«И всё в УЕ!.. Очень в УЕ!»

«Я ничего не говорю просто так!»

«Тройка – это просто подарок народу!» (студенту-китайцу)

«Какие смешные у вас заявления, я их, наверное, тоже под елкой буду читать!»

«...и наковыряет там разных удивительных слов»

«...размазать нашим диким криком, заняться шантажом»
«Язык без образов безобразный»

Малышева Вера Артуровна [3]

«Мы не делаем ошибок в слове «довлеть», потому что мы его просто не употребляем»

«Зевнула так хорошо, с восклицанием!» (одной студентке)

«Я смотрю, сегодня у вас игривое настроение» (студентам)

«j (йот) так произносится, что противно даже»

«Говорите с людьми – вы в результате этого образования больше ничего не сможете делать!»

«Уменьшительно-ласкательный суффикс на лице»

«Щас я буду выигрывать внедорожник-мерседес»

«Где мой коварный список?»

Мишланов Валерий Александрович [4]

«Расскажите нам кратенько – минут на 40»

«Я посмотрю Ваш текст, но вряд ли он мне понравится»

[3]

«Литературный язык существует для души. В жизни же люди могут легко обходиться без него»

«Преподаватели часто не понимают суть вопросов» (имеются в виду вопросы студентов)

«Не делать, чтобы не ошибиться, – ошибка»

«Верующему не нужно доказывать, он просто верит, иначе он безбожник»

«Чтобы вы не подумали, что я что-то придумываю, откроем методичку»

«...железный занавес и молчание... ягнят»

«Палатальные гласные отвердевают мгновенно»

«До этого можно было дотумкать, не будучи животным»

«След не замещает кабана, след замещает след» (про редуцированные)

«Человек не Бог, он не может создать. Включайте здоровый критицизм» (про учебники).

«Все филологи – поэты, так или иначе»

«Ненавижу междометие “уааау”»

«Кости, кости, кости, ну и т. д. ...»

«...одно студенто»

«...железный показатель мужского рода»

Диалоги со студентами

№ 1 [4]:

– Родителей надо любить, а не уважать. Уважаем мы селедочку под шубой.

– Ну нееееееет.

– Это была шутка. У вас что, нет чувства юмора?

№ 2 [3]

Мишланов В. А.: Это написано в учебнике?

Межевая Даша: В учебнике еще не то написано..

Мишланов В. А.: Вот поэтому я никогда не читаю учебников!

Курганова Саша: А зачем Вы нам тогда дали учебник?

Мишланов В. А.: Ну так... ха-ха. Критический ум-то для чего? Не верьте учебникам, верить можно только мне!

№ 3 [3]

Мишланов В. А.: Кто автор этого учебника?

Студенты: Алексеева.

Мишланов: Тетенька тут много чо напутала.

№4 [3]

Мишланов В. А. (с сарказмом): Пообедать или хочется?

Батуева Ксюша: Пообедать хочется.

Курганова Саша: ПЕРЕХОЧЕТСЯ.

Овсянникова Светлана Евгеньевна [4]

Диалог со студентами геофака:

– Мы так любим Путина

– Что? Вы зачем любите Путина? Зачем ему ваша любовь?

Печищев Иван Михайлович [4]

«Обязательно обращайтесь внимание на подпись. А то приходят потом письма от всяких Заек, Котиков, Темных ангелов...»

На лекции об устройстве телестудии изображает интервьюера (молодого человека) и гостя программы (девушку):

«Я вам тут гендерное равенство рисую... чтоб потом без вопросов»

Пономарев Николай Филиппович [4]

«Вы что, ни разу не подкидывали толченное стекло в пуанты?»

Диалоги со студентами:

№ 1.

– В следующий раз я принесу на пару 24 кг гирию, черную, на Обаму похожа была...

– Зачем?

- Чтобы в тебя ей кидать, что за глупые вопросы?
- № 2.
- Что значит монпасье?
- Мое уважение, по-моему.
- Какое еще уважение? Моя страсть. Ты на себя посмотри, какое тут уважение? Только страсть.

Потапова Нонна Петровна, на лекциях по истории древнерусского языка [3]:

- «И запишите большими красными буквами, если они у вас есть»
- «Полное отсутствие всякого присутствия» (о посещаемости занятий)

Пустовалов Алексей Васильевич [4]

Диалог со студентами:

- Алексей Васильевич, можно Вас на минутку?
- А Вы зайти в аудиторию не можете? Хм, ок, устроим минутку интима»

Роготнев Илья Юрьевич [3]

- «“Идиот” – роман о любви. Так уникально...»
- «Две идеально благонамеренные скотины» (про героев произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»)
- «Признание успехов на фоне гажения»
- «Благонамерение – ироническое слово, не вызывает подозрений»
- «Язык – это фашизм»
- «Блоха перестала танцевать после подкования. Бестолковость русская. Талант ограничен тем, что он никому не нужен» (О «Левше» Н. С. Лескова)
- «Здесь-то отношений у царя и блохи нет...»
- «“Новый день – новая пьянка” – способ демифологизации Петербурга»
- «Боюсь впасть в грех интерпретации»
- «Вообще с писателями трудно...»
- «...обнаруживаем пошлую толстую бабенку...»
- «Дальше Дениска развлекается...» (А. П. Чехов, «Степь»)
- «Отдает чем-то злокозненным... как и весь Леонид Андреев»
- «Смысл быть поэтом-романтиком, если ты не страдаешь?»
- «Я просто думаю, почему были “тучки”?» (про стихотворение М. Ю. Лермонтова «Тучи»)

«Идеальное стихотворения для феминистского анализа» (про «Валерик» М. Ю. Лермонтова)

«Лермонтова надо не положить на кушетку доктора Фрейда, может быть, он [Лермонтов] больше понял об этом» (имеется в виду, чем Фрейд о своем учении)

«Занимайтесь рукоделием, только не рукоблудием. Нет, не это имеется в виду!»

«Дева Мария как открытый объект любви и страсти. Где?.. “Гаврилиада”! Вы обошли вниманием весьма скандальный текст!»

«Я, в каком-то роде, для вас Вергилий»

«Раскачать ваш аналитический разум – моя высокая миссия»

«Сергей Есенин не выпендривался в плане рифмы, за что получал от Маяковского множество колкостей»

«Державин – это просто какой-то Крученых по сравнению с Блоком»

[4]

Диалог со студентами:

– Как там было, я не помню...

– Дак мы тоже!

Русинова Ирина Ивановна

«Редуцированные – живые трупы в системе»

«Русский язык – ленивой артикуляции. В результате речевой экономики ничо не осталось»

«У Тани, я посмотрела, такая портянка долгов»

«Душещипательная история старославянского языка»

«Сдвинутый лингвист российский...»

«Я бы с 7⁰⁰ проводила занятия, но с утра здесь околачиваются сонные физики»

«Аривидерчи, я пошел поваром работать» (про кого-то из студентов)

«Потом после него аорист почых, помер то есть»

«Ваше кукУлики?» (про ошибки студентов)

«Это после крещения он стал монахом, а до крещения было все нормально» (про наложниц князя Владимира)

«Сейчас о любви надо думать! Гнездо вить!» (студенткам)

«Мы, цивилизованные люди, очень несчастны! Почитайте хотя бы классическую литературу»

«Меньше читайте, больше глядите вокруг! Вон, Татьяна – читала-читала... Онегина полюбила! Он вообще не способен ни на что. Мужчины полигамны!»

«Если обратимся к учебнику Колесова – там вот такой гроб!» (показывает руками размеры тома)

«Щас вообще литературный язык!..» (крутит у виска)

«У них все за тугрики! Все за деньги!»

«Надо, чтобы искры сыпались в 20 лет!» (студенткам)

«Все можно решить, пока мы живы»

«Разгребали завалы... конюшню чистили» (про кабинет, что дальше 43-го)

«Для них это вывих мозга!»

«Девиантное поведение не отражалось в культурных памятниках!»

«Пиар на Руси»

«Князь Игорь не постеснялся разбавить кровь» (с княгиней Ольгой)

«Англичане заткнули свою помойку»

«Понимаете, Саша, иногда трудно скрыть печать интеллекта»

«Какой замечательный “хвостатый” мальчик!»

«Когда еще раздеваться, если не в молодости? Пока тело упругое, надо раздеваться»

«Его ирония на уровне стеба. Он бы просто зачморил их» (про протопопа Аввакума)

«Видите, как кудревато выражались» (про 18 век).

«Осиная талия во времена Пушкина – обязательный признак женщины»

«Шутник!» (о Шишковском)

«Дерзкий план у нас сегодня» (про пару)

«Наша суровая русская действительность вышибла у него слезу»

«Синтаксис очень странненький»

«У Есенина свой стайл»

«Несмотря на то, что Маяковский такой брутальный, женщины его тоже привечали»

«Эти две артикуляции пожрали друг друга»

«O mein Gott!»

«Треугольник фонетический надо всегда держать перед глазами...»

«Такая территория... Это же ошалеть можно»

«Кочевники прибежали, убежали – где искать?»

«Обезображенные филологическим образованием...»

«Бабушки северные окающие»

«Грамматический словарь Зализняка на фиг никому не будет нужен...»

«Вы рассказываете людям, таким же, как вы...»
 «Багрянородное ухо не слышало...»
 «Прах – это же tort»
 «Перхоть мы не будем рассматривать»
 «О краткий родил...»
 «И грузины, и армяне... все были русскими...»
 «В древности... вы же помните... Ц было мягким...»
 «Все, что перелопатил г-н Зализняк...»
 «Переведите с русского на русский»
 «А бабушки как цокали, так и цокают»
 «Мы разлаживаем... раскладываем... разлагаем...»
 «Ваша цепочка какая-то убогая»
 «Чем больше языков вы знаете, тем проще вам учить следующий»
 «Давайте на этой пафосной ноте закончим»
 «У вас один учебник, и ни шиша вы не говорите на английском»
 «4 человека и Дима»
 «Мужчина – гласный, женщина – согласный...»
 «Они должны рождаться в одном месте ротовой полости»
 «Слоговой сингармонизм – это хорошая семья»
 «Ер с ериком тоже были убогими»
 «Черт те что и сбоку бантик»
 «В чем заключается история «ятя»? В его гибели»
 «Дремучие вы мои!»
 «Желаю вам успеха в вашем безнадежном деле!»
 «Вы должны перевоплотиться в древнерусского человека»
 «Вас надо бить ногами в печень. Регулярно»
 «Хождение к доске вырабатывает внутреннюю свободу»
 «Дружина – это, как минимум, трое»
 «Когда надо рожать детей? Рожать надо все время»
 «У нас в основном в стране размножаются не филологи»
 «Общение с нормальными, а не с такими, как вы, людьми»
 «Обезображенные филологическим образованием...»
 «В чем заключается история “ятя”? В его гибели»
 «Когда надо рожать детей? Рожать надо все время»
 «У нас в основном в стране размножаются не филологи»
 «Без телефона как без трусов»
 «Чего только не было в праславянский период, только черта в
 ступе не было»
 «В английском чертова туча глагольных форм»
 «Без ударения плохо...» (сокрушенно)
 «Ударить старый ять!»

«Притащили на хвосте языковую черту»
 «Там, где проживают рязанские говоры...»
 «Реквием никогда не будет говорить с мягким [т]!»
 «Сделайте нам эпентезу»
 «Мы же не можем заталкивать [у] в желудок!»
 «Вот мужчина так мужчина, не то что, Маша, некоторые!»
 «Не она безграмотная, согласные такие...»
 «По какой-то непонятной причине литературный язык “чо” отверг, а “что” пригреб»
 «По-вашему, в деревянном столе деревянности больше, чем в стуле?!»
 «Какие-то вы неопределенно-личные»
 «Это имперфективное действие состоит из маленьких аористиков»
 «Экзамен – это не когда преподаватель старается ущучить вас»
 «Все расчленилось!»
 «Надо вас бить ногами в печень. Регулярно»
 «Прибил его, и тот умре»
 «Там ТЛ, ДЛ до сих пор сохраняются, но в виде КЛ, ГЛ»
 «В чем здесь собака порылась?»
 «Причастие женского рода, а подлежащее – мужик!»
 «В результате язык отверг все три формы, так как выбор слишком велик»
 «Нашим детям сложно: у нас орфография старославянская, а язык русский»
 «Вспомните третью палатализацию, все эти муси, рози и прочее»
 «Группа слов была захвачена в плен»
 «Десять монофтонгов сидели в треугольнике каждый на своем месте»
 «Вы знаете как зовут мужчину – автора учебника, знаете как он называется, знаете даже как он выглядит!»
 «Все это длилось какие-то три поганных века»
 «Зияние должно быть устранено!»
 «Из стен торчат рельсы – так укрепляют наш корпус»
 «Ни в одном другом корпусе нет такой близости к природе – матушка-Земля со всеми вытекающими»
 Диалог со студентами:
 № 1
 – Это записывать?
 – Конечно, записывать, что вы сидите, в носу ковыряете...

№ 2

– Досюльные песни – это что?

– Дозтихпорные

Салимовский Владимир Александрович [4]

«Ох, не люблю я этих преподавателей! Они такие странные, только посмотрите на их обувь! Когда они ее чистили? Шизофреники...» – вот пример предрассудка»

«Умных мыслей стесняться не надо»

«Девушки! Ну что вы за девушки, если ни разу никем не манипулировали!»

[3]

«Возьмем для примера КУРИ... в воспитательных целях лучше НЕ КУРИ...»

«Вот зачем нам этот учебный курс... мы учимся клеветать»

Примеры Владимира Александровича по поводу клеветы:

«Вот если Владимир Александрович скажет, что Валерий Александрович на работу в университет ходит пьяным.... или Валерий Александрович скажет, что Владимир Александрович спер на рынке дыню....»

Самойлова Ирина Валерьевна [3]

«Люди живые, поэтому реакции могут быть разными» (про ошибки в речи)

Тихомирова Лариса Сергеевна [4]

«Будете в буфете рядом стоять, при заказе скажете неправильно, поставлю 2 за экзамен»

«Учимся писать докладную. Давайте, попробуйте написать докладную на меня. Я сорвала занятие»

Харебова (Мехонина) Евгения Николаевна, на занятии по речевой коммуникации

Диалоги со студентами

№ 1 [4]:

– Рассмотрим ситуацию: мужчина заплатил за девушку в ресторане. В женском кругу этот жест будет оценен позитивно. А что скажут мужчины?

– Бабник, тряпка...

– Верно. Есть еще слово «бабораб».

№ 2 [3], на паре по курсу «Формальные модели в лингвистике»:

– Евгения Николаевна, ну почему так сложно?

– Потому что мы глубоко в семантике.

Худякова Екатерина Сергеевна [3]

«Ну, видимо, Скриванову все же есть чем заняться, публикации все еще висят» (о публикациях негативного и саркастического содержания про Скриванова)

«Наказать можно только погрозив пальчиком и сказав “ай-ай-ай”»

«...типа “ты скоро помрешь, давай колись”»

«Следующий “мини-жанрик” – комментарий»

«По решению московского суда “вор” – абсцентное слово. Теперь можете смело ругаться особо грубым словом из трех букв»

«В российском общежитии я бы дел натворила...» (имеется в виду, потому что не знает его порядки)

«Для давних жителей общежития: горящая кастрюлька на кухне может быть тоже сложным дискурсивным явлением. Где граница допустимого горячей кастрюльки? Приватное/допустимое. С домашней кастрюлькой границы другие...»

«Категория “абсцентный безумец” – тоже категория дискурса»

«Мы как филологи-слухачи можем распознавать точность сигнала»

«Для чего можно применять эти прекрасные системы?» (имеются в виду системы распознавания речи)

Про программную систему MyStem (грамматические омонимы в р/я): «“Кровать” на самом деле ничем не отличается от “пировать”»

«Стол активирован, что с ним может происходить еще?»

«Марь Ванна приходила – топик светится»

[4]

«Энклитика – это когда что-то к чему-то присобачивается»

Черепанова Лариса Львовна [4]

«По человеку видно, как он растет... по маркам машин»

«Теперь я жесткий регулятор ваших отношений с собственным будущим»

Четина Елена Михайловна [3]

«...на общем убогом уровне»

«Такой мертвый сезон – вторник»

«Поскольку на нее не обращают внимания, она тут же влюбляется» (про героиню)

«Что за резвое создание “за 30 лет”»?

«Целых 8 страниц, ой, кошмар какой-то, про “Братскую ГЭС” Евтушенко» (о статье в методичке)

«Напоследок хорошее прочту... а то мы уж очень издевались над престарелым поэтом»

Любимые выражения: «Чудовищно плохо! Кошмар полный!»

«Русский человек на randevу: может быть, это болезнь русских мужчин – чуть что, сразу бежать...»

«Отовсюду вытеснили интеллигенцию. Ну да она сдуру в театры собирается...»

«Живая Анна Каренина выползает из-под поезда с одним глазом... в общем, ужасно, дальше читать не хочу»

«Критика перья тужила, постоянно писала»

«Коллеги, если вам жить не хочется, посмотрите “Один и одна”»

«Поэт должен жить короткую жизнь»

«Может, вирус постмодернизма убивает поэзию?»

«Куда уходит талант и почему? Был спринтер! Выказался в юности, а потом надо было помирать или жить и ничего не писать» (про Симонова)

«Надо с юмором относиться к сильным мира сего»

«Это учебник для педа... даже для заочников для педа»

«Ну вы же филологи, романтизмом занимались в течение двух столетий!»

Ширинкина Мария Андреевна: [3]

«Восстань из гроба и посмотри!»

Шкураток Юлия Анатольевна [4]

«Как-то мы спросили у итальянца как звучат русские слова. Слово “любовь” он воспринял как что-то неприятное, а слово “телятина” как нежное, доброе, сказанное с любовью»

«Манси в чуме просто так не заведутся» (про проект «Жизнь манси»)

Шумов Константин Эдуардович [4]

«Вообще-то так-то на самом деле»

Щукина Ирина Николаевна на занятиях по фонетике [3]

«Чтобы поднялось настроение, представь, что у нее (другой студентки) заячьи ушки. Мне помогает»

«Получить оценку, не учив, – национальный спорт»

«Это ужасно, ребёнки! Надо начинать с себя»
«Научиться выбирать. Уметь уважать»

Можно присовокупить высказывания преподавателей СИЯЛа, который некогда был частью филфака, память о чем хранится и поныне.

Авраменко Иван Александрович (СИЯЛ) [3]
«А королей-то, оказывается, убивать можно!»
«Автор стебется над нами»
«Людовик XIII был очень милым человеком... фехтованием занимался... вышивал...»
«Орнаментальненько, гламурненько»
«Лохов нет в героико-политической трагедии»
«Страдают все»
«“Гораций” очень сильно бьет по мозгам, цепляет нервы»
«Он к ней испытывал религиозный экстаз»
«“Стучали” на людей, входя в доверие»
«Разворачивается по принципу “Колобка”»
«Мерзавец, но очаровательный мерзавец»
«Мадлена Скюдери... очень плодovitая Дарья Донцова XVII века»
«Вилка – скипетр трапезы»
«Перемен не хватает для любви...»
«“Книга о немецкой поэзии” – пиратская копия Буало»
«Держитесь!»
«Вместо Елены Прекрасной у нас ведро...»
«Маленький учебничек любви...»
«Муза-то пахивает»
«Я прям балдею...»
«Мало ли в Испании Педро...»
«Если мы спим с человеком, обязательно ли это любовь? А если не спим, то это любовь?»
«Если я проснулся в постели с человеком, а это уже другой человек, должен ли я любить этого человека?»
«Дорогая, давай уже сделаем это!»
«Сатана – очень привлекательный образ»
«Tabula rasa... чистая доска... в отличие от нашей грязной»
«Одежда – это условность, если тепло, зачем ее носить?»
«Герои-тесто»
«Визажист – это не профессия, а сексуальная ориентация»

«Человек по природе бобр»
 «Я не знаю творчества Тимати настолько, чтобы улавливать аллюзии к Шодерло де Лакло...»
 «“50 Cent” недоделанный»
 «Кинг-Конг жив... Бэтмен будет жить»
 «Он над всем смеялся, что попадало в его поле зрения»
 «Умственно насосался тамошними идеями...»
 «Давай, образуй меня! Пускай у нас все будет культурно»
 «<у нее было> преждевременное старение... Не было ни Кандида, ни двух любовников...»
 «Мы начинаем быть ненормальными по сути своей»
 «Я вам рекомендую ее (книгу Д. Дидро «Племянник Рамо») переписать в читательский дневник»
 «Если вы станете эмоциональным парафином... мягким и текучим... так сказать, эмо...»
 «Сен-Пре – философ, человек-парафин»
 «Странные безумные рыжие ирландцы»
 «А потом и капитана трех кораблей, насколько я понял из названия...»
 «Рококошные стихи на латыни, на греческом...»
 «Мы, конечно, мерзавцы и негодяи, но... мы вас так любим»
 «Зима – снег... зайцы...»
 «Не будем вдаваться в эти печальные для мужчин подробности»
 «Аутотренинг: я не сплю, я не сплю. Это не я, это не я»
 «Насмотрелись “Сумерков”!»
 О Р. Бернсе: «Это такой своеобразный Сергей Есенин, простой парень из Шотландии, пришедший в Лондон в лаптях...»
 «Мы одноуровневые со столом. Говорят романтики»
 «Я представляю абсолютный дух как такого золотистого червя, который...»
 «Разрыв башки!»
 «Проза жизни переходит ночью в поэзию жизни»
 «Абсолютно наркоманский текст!»
 «Мне бы такую любовь!»
 «Хорошо быть умным, всегда можно что-то ляпнуть»
 «Какие немцы не поют, особенно когда... как и русские»
 «Бред, бред, бред и безумие!»
 «Юго-западные славяне»
 Об Октаве: «Конечно, работал. В университете преподавал!»
 О Викторе Гюго: «Этакий Марат Гельман своей эпохи»

О Гренгуаре (одном из героев романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»): «Ему гораздо больше нравилась козочка» (имеется в виду, больше, чем цыганка Эсмеральда)

«У нас-то, конечно, веселее! Самогона все напьются – и на дискотеку в клуб!»

«Когда будете читать, не смейтесь»

«Он долго, упорно живет, он в реализм выжил»

«Если меня нет, я себя выдумую»

«Кольридж баловался гекзаметром»

«Я бы никогда не сказал слово “телка” по отношению к женщине»

«Зачем ему женщина? У него есть оленебой!»

«Гюговский рок»

Об Эдгаре По: «Семен Фарада, в общем-то»

О нем же: «Алкоголик и наркоман»

Бочкарева Нина Станиславовна (СИЯЛ), на лекциях по мировой художественной культуре [3]:

«На этой картине изображен мужчина в красной тряпочке...»

«Обратите внимание, какие чувственные красные рыбы...»

«Роден лепил Бальзака обнаженным, но не с натуры, а по фотографиям... Да нет, Вы не понимаете, он тело чувствовал через голову!»

«Здесь изображены три грации в виде трех мужчин»

«Здесь всюду фаллические грибы»

Об автопортрете Дюрера в шубе: «Самая заметная деталь здесь – руки художника. Обнаженные руки, заметьте!»

«Перед вами девушка, сложенная в несколько раз»

«Силуэт в шляпе» (о картине под названием «Братья»)

Братухин Александр Юрьевич (СИЯЛ) на занятиях по древнегреческому и латинскому языку [2]:

«К этой основе добавляем знакомые до боли окончания»

«Будьте проще – говорите с русским акцентом».

«Смотрим в таблицу теперь и наслаждаемся окончаниями»

«Ударение не может идти дальше и плюхается прямо на *ber* (об удареии в слове “*taberna*”))»

«Рекламная пауза»

«Я моюсь – мою myself».

«Марциал такой смешной автор»

«Отключаем мозги, напоминаю: горе от ума»

«Английский – тоталитарный язык, а латинский – демократический. А самый демократический – греческий. Слова могут стоять как попало, но это весело»

(диктует слова): «“За”. То, которое из трех букв»

«Буква “кси” – это такая абстракционистская...»

«За этот тест вы получите 40 баллов. Или не 40»

«Как будет по-латински шесть? Еще слово такое неприличное...»

«В греческом языке с прилагательными все очень плохо»

«Вы не обязаны будете это знать. Скажете – хорошо, не скажете – тоже неплохо»

«...здесь греки сделали нам подарок, как и римляне»

«Хочу вас обрадовать: в греческом и латинском языках порядок слов почти ничего не значит»

Рассказывал о фильме «Троя»: «...там Брисеида, а отец у нее Хрис. Это подозрительно»

«У них были праздники в честь Диониса, они пили, матерились, гуляли... В общем, это был не Майдан»

«Я разрешу вам пользоваться таблицами, но это незаконно, поэтому вы получите максимум 8 баллов»

«У римлян было чувство собственной неполноценности»

«Вам видение, что ли, явилось, что это подлежащее, раз вы так решили?»

«Не вгоняйте меня в грех отчаяния»

«Нужно, чтобы деканат благословил»

«Асклепий за деньги воскрешал мертвых, то есть занимался коррупцией»

«...они совпадают коварно» (об окончаниях)

«Виват. Не реклама, я ничего не рекламирую, это просто “виват”»

«Если вы будете ходить на занятия, то получите “пять”. Но не факт. Может, вы не учили. Может, я такая сволочь. Но не факт»

«Если бы Лунтик говорил на древнегреческом, он сказал бы: “Πέφυκα!”» («Я родился!» по-гречески)

Про genitivus absolutus: «Посмотрите на него, полюбите, и дальше пойдем»

«...и Александру Македонскому говорят: “Твой отец – бог Амон”. Показали ему портрет, ну, вроде, похожи, и он согласился»

«Архилох – это не значит, что он был самый главный лох!»

«Ваша тетрадь – это кладбище латинского языка!»

«Собачка девочка, собачка мальчик... какой кошмар!»

«Хотя негров называют неграми, они обижаются, но что поделать если негр...»

«Катулл очень изысканно ругается»
 «Я твоя не понимать»
 «Какой может быть род у глагола? Господь с вами!»
 «Что-то вы туго думаете... Вы филологи! Вы должны думать быстро! Уразумели!?»
 «...мысль уловили?.. Значит так...»
 «В душу вам хоть что-то запало?..»
 «Сейчас я вам докажу, что латынь – божественный язык!»
 «Да благословят вас великие боги Олимпа!»
 «Бог простит»
 «Десять слов щас добавлю...»
 «Передайте всем тем, кого сегодня с нами нет»
 «Молитесь про себя»
 «Фома Круз и Фома Соьер»
 «Зевс был отдан на воспитание на остров Крит, где его воспитала коза, так что Зевс у нас искусственник»
 «У Приама было 40 сыновей – продуктивный был человек»
 «А потом воробей помер»
 «Имплицитный – матерное слово»
 «Вы пока только молчите своими словами»
 «Риторы – это античные риелторы?»
 «Я вывихнул свой мозг, пытаюсь вас понять»
 «Апулей любит злоупотреблять эпитетами и разными странными сравнениями»
 «Тема войны... или не войны?»
 «Если имперфект – “воспитывал”, аорист будет “воспитнул”»
 «Если еще раз увижу как ты подсказываешь, то ты, Соня, залетишь...»
 «Двойка раз, двойка два...»
 «Петр и камень – это, собственно, одно и то же»
 «Криминальные личности: глаголы и местоимения»
 «Вы посмотрите на древнегреческие местоимения и поймите, что жизнь прекрасна!»
 «Еврипид ломает стереотипы!»
 «У вас дома нет Евангелия?! Как вы так живете?!»
 «Кто страдает? Разумеется, все!»
 «Пастуха любили волки? Это подозрительно!»
 «Его обрыдали львы и волки»
 «Лукреций нашел утешение. Но ему было мало, что он сам утешился... Ведь он – не эгоист какой-то!»
 «Диспут: “Братухин против!”»

«Всё об атомах. ВСЁ В СТИХАХ!»
 «Я осел, ослов погоняющий. Меня Плавт на латинский перевел!»
 «Чем более перетасовано, тем более по-гречески»
 «Без артикля никуда нельзя, он вам в жизни пригодится!»
 «Будет такой мерзкий бургер, будет пить пиво (про Кая)»
 «Работа – пир души!»
 «Вы читаете как инопланетянин!»
 «Какой-то кошмар, а не группа!»
 «Ну, а мы смотрим на доску и удивляемся!»
 «Я, все-таки, еще не совсем маразматик!»
 «Кир воевал без шлема – нарушал технику безопасности»
 «Дичают люди, дичают...» (про новых греков)
 «Будете шантажировать меня своими записями (про эти цитаты)»
 «С одной стороны вы – Ксения Егорова, а с другой – древний эл-
 лин»
 «Думаете, я не болею?! Я вообще самый больной человек!»
 «Французы – они такие гламурные!»
 «Фиг-то-он все знает!»
 «Мужчин нужно беречь!»
 «Я чего-то не понял, видимо с годами отупел!»
 «Все скрытое будет открыто!»
 «У нас тут почти что ОБЖ»
 «Это грандиозно!» (про эти цитаты)
 «Называть сестру душой – не политкорректно!» (про сестер-
 близнецов Катю и Соню Фишбейн)
 «Я никогда пьяным на лекции не прихожу»
 «Если вы считаете, что я буду комплексовать, то вы ошибаетесь»
 «Я не угрожаю, я выражаю свою заботу»
 «Я ни к кому не пристаю!»
 «А что Цветаева?! Цветаева вообще самоубийца!»
 «Я не СИЯЛ, я уже отСИЯЛ!»
 «Ну что вы юродствуете, у нас урок идет!»
 [3]
 «...определить изюминку текста...» (про перевод текста)
 «Запало в душу?»
 «Суффикс пришел из футурума!»
 «Цилиндры [у медиков] они белые и с красным крестиком. У ми-
 трополита – тоже белый клубок. Если мы видим суффикс “мэн”, то
 смотрим на контекст. Мы должны понять: либо мы видим медсестру,
 либо митрополита»

«Я твоя не понимать» (студентам)

«Падежов не знаем!»

«Больше динамики! С каждой секундой приближается старость»

«Следите за руками!»

«Вот так, бывало, сидишь долгими зимними вечерами, читаешь Горация у камина с бокалом... чая. А вы что подумали?»

«Здесь будем писать или дома – между компьютером, телевизором и телефоном?»

«Латинский-то любой дурак может выучить, а вот древнегреческий...»

Любимое объяснение (когда грамматическое явление совершенно непонятно): «По традиции»

[4]

«Бросайте все и учите иврит»

«Сложно жить, не матерясь»

«Я пытаюсь вам открыть глаза на русский язык, а они у вас, как у Вия»

Диалоги со студентами:

№ 1 [2]

– Я дам вам Феокрита.

– Неееееее...

– Вы что, Онегины что ли? Онегины?

№ 2 [2]

– Какой это оборот?

– Accusativus...

– Что вы так фамильярно?

№ 3 [2]

– Ударение куда идет?

– На э.

– Тогда ударьте!

№ 4 [2]

– Вот вы празднуете, закалываете 100 быков...

– Конечно, вот на Новый год так и сделаем!

№ 5 [2]

– Поплыл в Грецию. На корабле. И утонул!

– И СЛАВА БОГУ.

№ 6 [2]

Кто-то: Что такое агагэ?

Братухин А. Ю.: Агагэ – это агагэ!

№ 7 [2]

– Почему же вы, Ксения, не сделали домашнее задание?

– У меня был вчера день рождения.

– Ну поздравляю Вас! У вас ноль баллов!

Братухина Людмила Викторовна (СИЯЛ) [4]

«Очевидно, что женщины любят красивое и кошечек в Интернете смотреть»

Бячкова Варвара Андреевна (СИЯЛ) [3]

«Бекки ненавидит тихие удовольствия»

«Европейцы рафинированные»

«Разборки сельские»

«Вот что у нас Флобер делает? Эмма вот как-то хочет, но не хватает...»

«Не одна сюжетная линия, а две с половиной»

«Родриго убил Родриго счастлив»

«1-я часть – варварская и готичная»

Про «Робинзона Крузо» Д. Дефо: «Необдуманная затея составить себе состояние, рыская по свету...»

Фоменко Мария Владимировна:

«Девочки, гуляйте возле ВКИУ»

«Дай Вам Бог всем мужей-летчиков, подлинных романтиков»

«У истинной филологини в кармане всегда должен лежать кружевной платочек, чтобы вовремя уронить его к ногам проходящего мимо летчика».

«Истинная филологиня должна питаться на перемене свежей морковкой и яблоками»

«А Вам, Анна, я желаю мужа-моряка с Камчатки».

«Помогайте подругам юности Вашей».

Легенды и предания филологического факультета [3]:

О 5-м корпусе.

В здании нашего 5 корпуса была конюшня, а по другой версии – морг. Трупы чуть ли не в коридорах плавали, когда морг как-то затопило.

Соответственно, в том углу 5-го корпуса, где сейчас архив, а раньше был анатомический музей, всегда водились привидения: появ-

лялись таинственные руки из-за дверей и слышалось шлепанье босых пяток по вечерам... А про ночи уж и говорить нечего.

О 8-м общежитии, где филологи тоже всегда много занимались:

Когда там составляли Акчимский словарь на 2-м этаже, на кафедрах вообще никогда не закрывались двери.

О библиотеке:

Когда-то отдел периодики и МБА были на месте исторического музея, и там тоже водились привидения: однажды утром открывшие запертое помещение библиотекари нашли пустую бутылку из-под водки и краюшку хлеба.

О конце универа:

Ходил на рубеже тысячелетий по рукам студентов-филологов некий загадочный текст, какой-то рукописный «Апокалипсис универа», предсказание его конца. Были там строки: «И прольют многие воды технички на землю, и превратятся они в грязь... И раскроются все три глобуса универа и появится в холле ректор в черном плаще с красным подбоем...». Много чего еще было, но, к сожалению, полностью текст не сохранился. Но и не сбывлся, пока еще, к счастью.

О декане, Борисе Вадимовиче Кондакове:

Борис Вадимович Кондаков ВСЕГДА находится на территории университета.

Борис Вадимович Кондаков умеет проходить сквозь стены.

Борис Вадимович Кондаков, куда бы Вы ни шли, всегда идет Вам только на встречу.

Борис Вадимович Кондаков на самом деле – панда-анимаг, когда он у себя в кабинете и его никто не видит, он перевоплощается и тихо-нечко жует бамбук.

В юности Борис Вадимович Кондаков был хиппи, и его даже задерживала советская милиция. В глубине души он так и остался хиппи, хотя милиция больше его не задерживает.

Конек Бориса Вадимовича Кондакова – встретить тебя в коридоре (ты являешься по предварительной договоренности, вовремя – например, сдавать зачет) и, лучезарно улыбаясь, спросить: «Здравствуйте! Вы по какому вопросу?»

О разных преподавателях филологического факультета:

О Ганиной Маргарите Александровне:

Принимала экзамены с утра до вечера, когда университет закрывался, уводила студентов на железнодорожный вокзал «Пермь-II» и продолжала принимать там.

Могла назначить переэкзаменовку на следующее утро после «завала» со словами: «Ну, ведь у Вас еще вся ночь впереди!»

О Ерофеевой Тамаре Ивановне:

Сдав ей экзамен по «Введению в языкознание», две студентки отправились на вокзал «Пермь-II», встречать Кирилла и Мефодия.

О Кустове Владимире Алексеевиче:

Приходил к студентам на лекции с оружием: к кому с топором, к кому со старинным дульным пистолетом, в начале лекции выкладывал из дипломата, в конце лекции убирал назад.

Проводил для студентов сортировку учебников по курсу: «хорошие» заботливо складывал в стопочку, «плохие» с размаху швырял в дальний угол.

В юности был таким красавцем, что поклонницы-студентки лазили к нему в форточку (Истоки легенды: однажды студенты, которые отрабатывали под руководством В. А. Кустова практику в 111-й аудитории, по взаимной договоренности должны были придти к нему в воскресенье и, поскольку главный вход 5-го корпуса был закрыт, залезали через окно).

О Моисеевой Анне Александровне (в девичестве Куневич):

В студенчестве (да и после) была такой пай-девочкой, что вызывала у некоторых однокурсниц здоровое раздражение и нездоровые фантазии. Например, Юлия Васильева, сидя на полу в коридоре перед сдачей экзамена по исторической грамматике, мечтательно говорила: «Я хочу вцепиться в волосы Ане Куневич и тащить ее по коридору, и чтобы она кричала: “Васильева, мать твою за ногу!...”»

Так хорошо вела конспекты лекций, что ее тетради «ходили по рукам» еще несколько лет после окончания ею университета среди студентов других курсов.

О Спивак Рите Соломоновне:

В молодости была поразительно похожа на Анну Андреевну Ахматову, и многие думали, что они родственницы.

Первой из женщин-преподавателей университета начала ходить в брюках и курить. Начальство не одобряло, но помешать так и не смогло.

О Скитовой Франциске Леонтьевне:

Была настолько авторитетным специалистом, что ей присылали на неофициальное рецензирование докторские работы, хотя сама она доктором наук не была.

Когда у нее случился инсульт, шла на пару в аудиторию. У нее отказали ноги, но она не желала, чтобы вызывали скорую помощь, просила, чтобы ей только помогли добраться до аудитории, ведь «девочки заждались».

О Четиной Елене Михайловне:

Настоящая профессиональная ведунья, во время фольклорной практики водит студенток ночью по деревенским кладбищам и учит колдовать.

Однажды после экзамена у Елены Михайловны студентки-заочницы побрились всем курсом налысо.

О Шеншине Владимире Константиновиче:

Многие поколения студентов были уверены, что он приходился родственником поэту А. А. Фету, который считал своим отцом Афанасия Нифонтовича Шеншина и большую часть жизни добивался официального присвоения себе этой фамилии, что ему, в конце концов, удалось.

О Братухине Александре Юрьевиче:

Бытовало мнение, что он поклоняется бессмертным богам Олимпа, чьи портреты (фотографии) в рамках стояли у него на столе (заботливые студентки стирали с них пыль). Но потом он покался и ушел в Православие...

Различные жанры филологического фольклора:

Частушки

о кафедре русского языка и стилистики

Собрались сегодня вместе –
Вот такая мистика!

Пропоем частушки в честь
Кафедры стилистики.

Пахнет кофе там всегда –
Кафедра чудесная!
Смылся с пары – не беда!
Люди все прелестные.

Не забыть нам никогда
Пары морфологии:
Род, падеж, вид – без труда
Выучили многие.

Отличился наш филфак
Обществом лингвистов!
Научились, это факт,
Изъясняться чисто!

Расставляли запятые
Вместе с Данилевской.
Знаем синтаксис теперь
Мы по-королевски!

Как слова употреблять
Наконец-то поняли.
Как ударенья расставлять –
Всем мы растрезвонили!

Слово – словно одуванчик,
Текст – как одеяло.
Нам Котюрова в сравнениях
Знания давала!

Кафедра стилистики
Многому учила.
Денег нет учиться дальше –
Эх, не получилось!

Мы пропели Вам частушки
Хорошо ли, плохо ли –

А теперь мы Вас попросим,
Чтобы нам похлопали!

Пословицы и поговорки [3]:

Не так страшна Снетова¹, как ее малюют.

Бодуэн² тебя забодай (можно и наоборот: Забодай тебя Бодуэн)

Всё это Потевня³.

Яйца Бэкона⁴ не учат.

Не говори: "Гоббс!"⁵ – пока не перепрыгнешь!

Загадки:

От Мишланова Валерия Александровича [3]:

В хиатусе нет зияния, а в зиянии есть хиатус. Что такое хиатус и зияние?

У глагола быть 4 основы: быть, есть, буду, назовите четвертую.

Из приписываемого Яшенькиной Раисе Федоровне (СИЯЛ) [3]:

Сколько мух летало над трупом козочки Джали в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»?

Приметы и суеверия [3]:

Если перед экзаменом пожать руку памятнику В. И. Ленина у 2 корпуса ПГНИУ, то, несомненно, удача будет ждать.

Если перед экзаменом «погрызть» «гранит науки» рядом с экономическим корпусом ПГНИУ, то на сдаче успех обеспечен.

Перед сдачей экзамена посидеть перед священным деревом (фикусом) в ботаническом саду ПГНИУ – к удаче.

Перед экзаменом или зачетом пройти под мостом в тот момент, когда по нему проезжает поезд, – к удаче. Для большего эффекта можно еще и похлопать в ладоши и загадать желание.

Надписи:

На старой парте в ауд. 22 была любимая всеми надпись «И. И. Русинова – наша ласточка. Мишлан – не наш ласт».

¹ Снетова Нина Васильевна – преподаватель истории философии ПГУ.

² Бодуэн де Куртенэ И. А. – выдающийся лингвист.

³ Потевня А. А. – выдающийся лингвист, литературовед и философ.

⁴ Фрэнсис Бэкон – знаменитый английский философ.

⁵ Томас Гоббс – еще один английский философ.

Источники:

1. «Былых времен связующая нить...»: сборник научных трудов и воспоминаний, посвященный тридцатилетию каф. лит. и рус. яз. Перм. Гос. Ин-та искусства и культуры и памяти В. А. Кустова /под ред. С. А. Звоновой, И. Г. Секачевой. – Пермь, 2008. – 121 с.

2. Клуб поклонников Братухина // <https://vk.com/club306983>

3. Личные записи и воспоминания студентов филологического факультета ПГНИУ разных лет обучения: Афанасьевой (Подвинцевой) Е. А., Батуевой К. К., Буланкина Д. А., Галимзяновой О. Р., Ждановой Д. А., Козловой П. В., Кук М. И., Моисеевой (Куневич) А. А., Павловой Д. С., Пешиной К. С., Самойловой И. В., Смирновой А. С., Тумановой О. С., Харебовой (Мехониной) Е. Н., Череповой (Галашовой) И. А., Шибаевой В. В., Шишенковой Л. К.

4. Цитаты преподавателей ПГНИУ // <https://vk.com/psu21>

РАЗДЕЛ IV

КОЛХОЗНЫЕ И ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ БАЙКИ

Наши трудовые колхозные будни, выезды на диалектологическую практику и в фольклорные экспедиции были неотделимы от шуток, полевых анекдотов, бытовых казусов, смешных и веселых «сочинилок», забавных историй, приключений – будь они все записаны и сохранены, мог бы получиться любопытный том смеховой культуры. Возможно, он со временем и составит, а пока реально показать отдельные фрагменты, примеры, отрывки, случаи...

Из деревенской жизни доцента

За время службы в педагогическом институте в былые советские годы я несколько сентябрей провел в деревне на уборке колхозной картошки со студентами-первокурсниками. От неприятных историй Бог миловал, а смешные бывали.

История первая. «М–Ж»

Поселяемся в красивой деревеньке Шульгино Берёзовского района, владении бригады колхоза «Октябрь». К нашему приезду все готово. Сарай со столовой-кухней, двухэтажный каменный дом-общежитие на тридцать душ, при нем, естественно, две свежесрубленные будки – убранные.

Начали жить. Через пару дней мои студенты, смотрю, в будки по нужде не ходят, а бегают по окрестным кустикам.

– В чем дело?

– А вы зайдите, посмотрите.

Захожу. Все вроде в порядке. Щелей нет, сидушки на два очка сколочены добросовестно, но под ними... сплошная земля. Ямы выкопать забыли! Вот это да!

Звоню в село Осово, в правление колхоза, делюсь своей бедой.

– Что-нибудь придумаем, – обещает замороченный делами председатель колхоза.

Проходит два дня. Все то же. В окрестные кустики лучше уже не заходить. Понимаю: снова надоедать той же просьбой бесполезно, упреки и крики даже не помогут. Нужен нестандартный ход.

Звоню председателю.

– У вас в правлении туалеты исправные?

– Да не жалуемся.

– Ну так вот. Завтра с утра за нами должен прийти колхозный автобус везти всех на дальнее поле. Но сначала мы заедем в правление, дружно посетим ваши туалеты. А уж потом в поля. Ну и при случае в райкоме партии с интересом послушают, куда в вашем колхозе студенты по нужде ездят. Вы меня хорошо поняли?

Следующим утром к нам прибыл экскаватор-колесник с рабочими, и через пару часов проблема «М–Ж» отпала.

История вторая. Хранитель браги

Та же деревня Шульгино. Живу в большом крестьянском доме. Хозяин – пожилой фронтовик, даже в плену у немцев побывал. У меня

отдельная комната с окном. Очень удобно: напротив, через проулок, студенческая кухня-столовая, все на глазах, как там идут дела.

Заходит хозяйка с трехлитровой банкой в руках.

– Вот, бражку поставила.

– Спасибо, Петровна, я брагу не пью.

– Да она и не готова еще. Только что поставила к именинам. Да вот опасаясь, что вызреть не успеет, хозяин мой не даст. Куда ни спрячешь, отыщет и не поспевшую еще тишком вылакает. Уж не раз так бывало. Нюх у него на бражку. Дак вот я с просьбой к вам. Нельзя ли у вас в комнате банку где-то припрятать подальше, пока бражка не поспеет? К вам в комнату он не ходит. А и зайдет, дак тут искать постесняется.

Я подумал: а если все же, гонимый жаждой и нюхом хозяин, когда меня дома не будет, сюда зайдет? Ведь в своем-то доме в любой комнате ему все тайные заначки известны. Не прятать надо по углам, а применить к бывшему солдату военную хитрость.

– Вот что, Петровна. Думаю, не утаивать твою банку надо, не может. А наоборот, поставить на самом видном месте. Применим камуфляж.

– Как это?

– А вот как.

Я взял свой большой рюкзак, поместил в него банку с брагой, обложил ее бельишком и полотенцами, завязал туго все тесемки и поставил на самом виду у лавки со своей одеждой и обувью.

Петровна недоверчиво молчала.

Прошло несколько дней. Рюкзак стоял как вкопанный. Петровна была довольна. Хозяин ходил трезвый. Его нюх спасовал перед смелкой доцента.

Из научной жизни доцента

В 1990, если память не изменяет, году известный шолоховед профессор Виктор Гура созвал в Вологде научную конференцию литературоведов. Я приехал с докладом о шолоховском романе «Поднятая целина» под названием «Истины и мифы».

На дворе стояла короткая эпоха «возвращенной» литературы, в том числе, платоновского «Котлована», и эпоха переосмысления «священных коров» советской литературной классики, еще вчера неприкасаемых. К тому же, только что были впервые опубликованы яростные письма Шолохова о том, что творилось на донской земле в дни «великого перелома», – не на страницах его будущего романа, а в реальной народной жизни. Все это побудило меня перечитать книгу и

обнаружить в ней талантливо достигнутый автором компромисс между реализмом и следованием директивным установкам сталинского режима.

Все это я и представил на суд почтенной аудитории литературоведов. В числе моих аргументов были, в частности, монологи любимого шолоховского героя Кондрата Майданникова. Представленный автором как честный рядовой хлеботор, Кондрат Майданников убеждал односельчан на общем собрании, что колхоз – единственное спасение от нищеты. При этом обильно оснащал свою речь цифрами посеянного и выращенного им на своей земле. Сколько раз мы доверчиво скользили взглядом по этим, казалось бы, убедительным цифрам. Однако я решил сопоставить подсчеты Майданникова с другими, подлинными цифрами урожайности, не сочиненными в романе, а взятыми как из собственного письма Шолохова о раскулаченном середняке-односельчанине, так и из официальной статистики.

И обнаружилось кричащее противоречие. Оказалось, что урожайность зерновых занижена любимым героем Шолохова с подачи автора в четыре раза! Зачем? Ответ очевиден. Чтобы подтвердить живым примером главный партийный тезис: «Средняцко-бедняцким хлебом Советский Союз не прокормишь». А он, этот хлеб, не в романе, конечно, а в жизни к концу 1920-х годов составлял 80 % всего урожая страны и позволял ей ежегодно экспортировать 150 миллионов пудов зерна.

И в этот момент мои выкладки прервал возмущенный крик из аудитории: «Зубков не исследователь, аследователь! Лишить его слова». Очевидно, правды об идейном компромиссе автора «Поднятой целины» не выдержал один из защитников шолоховской непорочности.

Много лет с тех пор уткло, мне много довелось услышать разных мнений о своих докладах и статьях. Но этот одинокий выкрик, наградивший меня милицейской должностью, навсегда остался высшей оценкой моих литературоведческих трудов.

И. Подюков,
профессор кафедры русского языка СПбГУ

Диалектологические казусы от И. А. Подюкова

О кандидатах

Довелось мне в далеком 1982 г. защитить кандидатскую диссертацию в Питере, тогдашнем Ленинграде. Счастливый, после оформле-

ния документов и прощания с друзьями возвращаюсь в родную Пермь, а оттуда сразу в деревню к маме.

Как часто бывало и раньше, старенький дом в родной деревне на замке – мама у своих телят на колхозной ферме. Бегу туда, встречаю ее – в резиновых сапогах, в рабочем халате. Встретились, рассказываю ей о защите. «Ну и кто ты теперь?» – «Кандидат наук». – «Пойдем, я тебе покажу наших кандидатов», – говорит мама. Ведет меня в дальний загон. Вижу – стоит группка тощих, перепачканных телят, кожа да кости. «Выбраковка это, – говорит мама, – кандидаты. Давай домой, кормить тебя буду. Вон города-те как даются»...

О декане

Пробираемся поздним вечером по дальней чердынской деревне – добирались до нее целый день на попутках. К кому попроситься на постой – никого не знаем. Видим – вроде дом большой, крепкий, свет в окнах. Стучим, слышим: «Кого там Бог послал?» – «Бабушка, здравствуйте! Мы студенты из Перми, вот, приехали в вашу деревню про стирину поговорить». – «Студенты? И людно ли вы?» – «Да шесть человек, и еще наш декан с нами». – «Ну, лизьте (=залезайте) в избу, куды вас дёвнешь. А декана вон ко столбу привяжите, грех ведь собаку в дом заводить».

Горшевик на шестке, а чумичка в залавке

Обычно девушки в наших диалектологических поездках по очереди кухарят, готовят и завтрак, и обед. В той поездке были с нами две городские барышни, с деревенским бытом совсем не знакомые. Одна из них, Жанна, встала утром вместе с бабушкой, вместе с ней затопили печь, наварили каши. Будит остальную братию Жанна: «Каша готова, вставайте!» И вот мы уже все за столом с ложками. Жанна спрашивает у нашей бабушки-хозяйки: «А как мне чугунок-то на стол с кухни принести, горячий ведь». – «Дак ты прихвати его горшевиком». Не знает Жанна, что такое горшевик, но не сдаётся: «А где он, горшевик-то этот?» – «Да где ему еще быть-то – конечное дело, на шестке лежит». – «А-а-а, на шестке», – оббегала Жанна все кухню-середь, не смогла вычислить, что такое шесток. Приходит ко мне – начальнику, спрашивает: «Иван Алексеевич, а где шесток может находиться?» Чтобы уж совсем было весело, спрашиваю ее: «От какого слова образовано?» – «Что-то шестое, может. Или шест какой-то маленький?» – «Молодец с шестом! Сам академик Соболевский когда-то писал, что перед очагом в древности укладывалась колода, а шест как раз обозначает дерево без сучьев». – «Поняла. А горшевик значит вещь для

горшка, ура!». – «Верно. Осталось только чумичку принести и народ кормить». – «А чумичку где взять»? – «Где-где, ну конечно в залавке...»

Как бы не облапошили...

Лето в деревне, кто на покосах, кто в огородах. Заходим в дом с высоким крыльцом, стучим железным кольцом-ручкой: «Есть кто живой»? Тихо. Кольцом поворачиваем щеколду, заходим в сени, затем в дом. Стоим у дверей – никого. Но вот качнулась занавеска, выходит бабушка: «Ну-ко, крешшёные, уходите, мне никакие ваши аппараты не надо». – «Да мы не с аппаратами, бабушка». – «А, электро проверяете? Вон у меня счетчик, глядите». – «Нет, мы не по электричеству. Мы из Перми, ходим, с народом разговариваем про старую жизнь». – «Че про ее разговаривать, кому мы нужны, че знам. Не спрашивай, бают, у старого, спрашивай у бывалого. Боимся нонче кажно место. Даве к суседке пришли две молодухи, облапошили ее – прибор какот-то заставили купить, мол де магнит, все лечит. Она в аккурат пенсию получила, и всю ее убухала на аппарат-то. Сын потом приехал, говорит – такой прибор в любой аптеке в городе продается, тыща с небольшим». – «Нет, бабушка, мы не облапошим, только поговорим с вами». – «Ну, смотрите, не то грех вам будёт. Проходите вперед, скажитесь, кто такие»...

Е. Дульцева (Бокова),
выпускница 1981 г.

Колхозные байки

1

Было это в незапамятные времена, когда тетрадь стоила 1 копейку, бутылка хорошей водки 3.62, а на филфаке, кроме Бориса Вадимовича (в дальнейшем – БВ), водились еще мужики. Много.

Мы были сосланы в деревню Малые Кизели Большесосновского района на неопределенный срок. Поселили нас в недостроенном колхозном общежитии, дали наматрасники, которые мы набили соломой и бросили на пол. Кто был поумнее и поопытнее и привез с собой простынку с наволочкой, тот имел еще и подушку.

Осень стояла на удивление теплая, больше похожая на лето. Картошку копали дружно, пили от пуза молоко, потом так же дружно стояли в очереди к туалету, не рассчитав жирности молока, а по вече-

рам вышеупомянутые мужчины тоже дружно сбегали на лесное озеро на так называемые «симпозиумы».

Если водка – 3.62, если вечера чудесные, если никто не мешает... Можно себе представить, каково было участникам «симпозиумов» на другой день.

Однажды утром в мужскую половину зашел БВ, живший в чулане в соответствии со статусом преподавателя. Здесь же, в мужской половине, был закуток с печкой, где Анка варила традиционную картошку, приправляя ее традиционным молоком из-за отсутствия в колхозе жиров.

БВ согнутым пальцем деликатно постучал в дверь и ласково произнес:

– Ребята, трактор пришел, пора на работу.

Ответом была гробовая тишина. Интеллигентный до мозга костей, БВ не отказался от попытки поднять мужскую часть коллектива для трудовых подвигов и снова робко постучал в дверь костяшками пальцев.

– Ребятки, вас девочки ждут, на работу пора!

Тишина сменилась дружным храпом, а БВ стал неловко переминаясь с ноги на ногу у дощатых дверей.

Анка, в душе сочувствуя БВ, но соблюдая субординацию, с остервенением давила ненавистную картошку и не вмешивалась.

БВ протер очки и опять потянулся к двери. Когда и третья попытка оказалась неудачной, рядом с БВ появилась Анка с половником на перевес.

– Да кто ж так на работу будит?! – с превосходством сказала она и с разворота, не хуже Ван-Дамма, хрястнула по двери ногой и завопила дурным голосом: – А ну вставайте, жрать подано!

Сработало тут же.

Что тут добавишь? Интеллигентность – страшная сила.

2

Недели через две установились отвратительные погоды и желание работать на поле улетучилось вместе с погожими деньками. По утрам конкретно подмораживало, когда не дождало. Вставать на работу становилось все труднее, еда в колхозном магазине почти кончилась, но самое страшное – кончилось курево. Выкурили в сельпо всё: сначала сигареты благородные, потом попроще, потом в ход пошли папиросы, но вот закончились и они. Осталась одна махорка. В бумажных пачках. Рассыпная. Надо было начинать учиться сворачивать козьи ножки.

Настроение от этого у Смирновой и Шишкиной было настолько гадким, что этим настроением хотелось поделиться с другими.

Сидя утром вдвоем в кухонном закутке (все остальные уже давно позавтракали) и ковыряя ложкой в остывшем пюре, приправленном сайрой, Шишкина мечтала о сигарете, но понимала, что махорки ей не избежать. Потом глубокомысленно изрекла:

– Как на работу ехать не покуривши?

Смирнова вторила ей, натужно вдыхая воздух прокуренными легкими:

– Это не работа...

– Все работай, работай! – загорячилась Шишкина. – Сколько можно?! Я за всю жизнь столько картошки не съем, сколько собрала!

– Верно... – глухо вторила ей Смирнова. – Курить хочется...

– И вообще! Мы тут сидим, ждем, а Борька-то сам где?

И тут из чуланчика, который был отделен тонкой дощатой перегородкой от кухни, донесся ласковый голос БВ:

– Я здесь, Валентина Михайловна.

Валентину Михайловну вынесло из-за стола. По-моему, за все время нашего пребывания в колхозе Шишкина столько картошки, как в этот день, не собирала никогда.

Говорю же, интеллигентность – это страшная воспитательная сила.

3

Кто из вас знает, что такое «Беларусь»? Я не имею в виду вотчину батьки Лукашенко, я говорю о тракторе с огромными задними и маленькими передними колесами. Спробуйте, при чем тут трактор? А притом, что нас на нем одно время возили на поле, презрев все правила техники безопасности. Сказать, что трактор не был оборудован для перевозки людей, значит не сказать ничего. Кузов у него был с бортами высотой, наверно, сантиметров семьдесят. Или чуть больше. Но держаться за них было невозможно, потому что сидений не было и в помине, а ехать, согнувшись в три погибели, было, как говорят сейчас, не в масть. Поэтому ехали стоя, держась друг за друга, как альпинисты в связке.

Ко всему сказанному нелишним будет добавить, что мы тогда были, слава богу, девушками миниатюрными, не то, что нынче. Времена-то были незапамятные: тетрадь – 1 копейка, водка – 3.62, талия – 60 сантиментов... Господи, да неужели все это было?!

Итак, мы загрузились в кузов, приняли исходное положение: тех, кого вовсе могло ветром сдуть (о себе сейчас говорю), держали муж-

чины, а точнее, Бакулин с Романенком. А БВ, как самый интеллигентный и к тяготам жизни не привыкший, положил в углу с борта на борт черенок лопаты и сел на него. Спина к дороге. И мы поехали.

Про русские дороги и еще кое про кого почти 200 лет назад говорил незабвенный Николай Васильевич. Вот бы прислушаться к человеку, так ведь неинтересно чужим умом жить.

На первой же серьезной колдобине кузов тряхнуло так, что слышно было, как у кого-то клацнули зубы. Потом я ощутила себя летящей, увидела приближающиеся очки БВ и рухнула на него. Он начал переваливаться через борт, но Романенок с Бакулиным успели схватить его (теперь уж не помню за что) и вернули на место. Глаза БВ приняли размер очков. Трудно не понять человека. Но ни единого слова брани, даже самой легкой!

На другое утро (человек забывчив!) мы снова грузились в поданный нам «Беларусь». На мое приглашение составить нам компанию БВ вежливо ответил:

— Спасибо, я лучше пешком.

Да-а, интеллигент — он и в Кизелях интеллигент.

Л. Грузберг,
выпускница 1959 г.

Влад Макаров
Очень фрагментарно

Только лет через 50 после окончания ун-та для меня стало ясно, что первый курс был для нас таким, каким он был, во многом благодаря Владику (как мы тогда его звали за неимением формы ВЛАД) Макарову. Абсолютное большинство нашей студенческой группы составляли 17–18-летние вчерашние школьники, а Владику было... 26 лет (!). До поступления в университет он служил во флоте. Мне кажется, даже не один год. Что обусловило переход из морского флота на первый курс филфака, — не знаю. *Тогда* почему-то такой вопрос не возникал...

Немного странно, но никаким «бравым моряком» В. не выглядел — был маленьким и худеньким. Но тельняшку носил постоянно))) Он знал множество историй, и когда у нас после ужина и вечерних посиделок начинались вечерне-полуночные *полежанки*, В. начинал свои неистощимые рассказы.

Не понимаю, когда он спал. Мы слушали его «попеременно»: те, которые засыпали раньше других, пропускали начало рассказа, зато

они иногда просыпались в середине или в конце повествования. А те, кто засыпал позже, знали начало, но не знали окончания рассказываемой истории... И т. д. И вот, на поле мы начинали восстанавливать коллективно всю рассказанную историю, консультируясь иногда у Влада. Порой повествование занимало несколько вечеров (!).

Самое смешное – я не помню этих историй. И откуда их выкапывал В., тоже не знаю. Но истории были *сильно приключенческие*, примерно как «Наследник из Калькутты» (!).

Но самым КРУТЫМ были песни! Ни один студенческий курс не знал ТАКИХ песен! Их диапазон – невероятен! От очень трогательной – про дружбу народов – «Лучше девушки я в мире не встречал» до порнографической «Губ твоих накрашенных малина»; от почти патриотической «По улице, пыль поднимая» до «фашистской», как тогда считалось, «День и ночь, день и ночь...».

Лучше девушки я в мире не встречал:
У нее глаза синее васильков!
Объясниться ей в любви я все мечтал,
Но мешало нам незнание языков.
Кэн ю спик инглиш? – я почтительно спросил,
Но она лишь улыбнулось мне в ответ.
Ай лав ю! – я ей проговорил,
Но по-русски она мне сказала: «Нет!»
В дальних рейсах стал я русский изучать.
Изучил немало нужных слов и фраз,
И теперь я мог при встрече ей сказать:
«Как зовут Вас?» и «Который час?»
Снова корабли из плавания пришли,
Кое-что для фрицев привезли опять.
И едва пришвартовались корабли,
Я на берег побежал ее искать.
«Ай лав, ай лав, ай лав, ай лав, ай лав ю!»
Уот из ё нэйм и который час?»
«Я люблю вас, я вас тоже ай лав ю!» –
Так она мне отвечала в этот раз.
Значит, время не потеряно для нас,
Наши чувства стали ярче и нежней.
На английском она пишет мне сейчас,
И по-русски я пишу ответы ей.
«Хэлло-привет, товарищ-мисс Евдокия,
Я постараюсь возвратиться поскорей.

Я буду рад увидеть очи голубые,
Ваш мичман Джонни, елки-палки и о'кей!»

Губ твоих покрашенных малина,
В кольцах пальцы восковой руки.
От бессонницы, от кокаина
Под глазами черные круги.

Припев:
А муж твой в далеком море
Ждет от тебя привета,
В суровом и дальнем дозоре
Шепчет он: “Где ты? Где ты?”

Зубки твои в чувственном оскале,
Тонкая, изломанная бровь.
Слишком многие тебя ласкали,
Чтоб мужскую знала ты любовь.
Припев.

Офицеров знала ты немало —
Кортики, погоны, ордена...
О такой ты жизни и мечтала,
Трижды развращенная жена.
Припев.

Муж в далеком плаванье, на счастье,
И тогда, послушны и легки,
Цепенеют в пароксизме страсти
Пальчики изнеженной руки.
Припев.

Только представьте себе семнадцатилетних советских школьников, расппевающих ЭДАКОЕ!

И только сейчас в голову пришло: как должна была на это реагировать Нина Михайловна Паршукова, наш тогдашний колхозный руководитель! Ведь за такие песенки могли и из университета погнать. Видимо, замечательным она была человеком, раз нам это сошло с рук.

Забавно, но про *пароксизмы страсти* мы пели не только в избе по вечерам, но и, например, по пути утром на работу. Вышагивая в своих

ватных телогрейках и резиновых сапогах, мы в маршевом ритме горланили: «А муж твой! Далёко! В море! Ждет от тебя привета!!» и т. д.

А теперь действительно маршевая песня:

По улицам пыль поднимая,
Под звуки лихих трубачей,
Оружьем на солнце сверкая,
Проходил полк гусар-усачей.

Припев:

Солдаты, солдаты по улицам идут,
Солдаты, солдаты играют и поют.
Эх, тумба-тумба-тумба! Мадрид и Лиссабон!
Старая Елена играет в граммофон!

(Поскольку тогда с нами училась и, естественно, была в колхозе юная и стройненькая Лена Швецова, то строчки про старую Елену пелись (и ею – тоже) с особым *драйвом* (слова такого тогда не было).

А там, приподняв занавеску,
Две пары голубеньких глаз
Смотрели. И знали гусары,
Что-де будет веселье у нас!

Припев.

Наутро, оружьем сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице пыль поднимая,
Уходил полк гусар-усачей.

Припев.

И часто, при свете лампадки,
Во мраке осенних ночей
Вспоминали потухшие глазки
Про те звуки лихих трубачей.

Припев.

А вот уж кто и где сумел приобщить *простого советского матроса* В. Макарова к следующей песне, я и сейчас даже предположить не могу:

День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь – все по той же Африке,
И только пыль-пыль-пыль от шагающих сапог,
И отдыха нет от нее солдату...

Я сам был там, я провел там шесть недель,
Там нет ни ведм, ни жаровен, ни чертей,
Там только пыль-пыль-пыль.....
И отдыха нет....

Ты, ты, ты, ты пробуй думать о другом.
Чуть сон взял верх – задние тебя сомнут.
И всюду пыль, пыль, пыль от шагающих сапог...
И отдыха нет на войне солдату...

От Влада стала нам известна и мелодия «Розамунды», на которую наши курсовые поэтессы написали:

В дорогу, в дорогу! Осталось нам немного
Таскать свои совочки, кантарить мешочки.
Уж скоро, уж скоро предстанет нашим взорам,
Предстанет нашим взорам наш университет!
Там будем платица опять носить!
В кино, в театр опять будем ходить,
Под ручку с мальчиком гулять,
Картошку есть, а не копать!
До свиданья! Путь наш окончен весь!
До свиданья! Делать нам нечего здесь!
До свиданья! Ждет тебя город родной.
До свиданья, до свиданья! Уезжаем мы домой!

А особенно из колхозных сочинений моих однокурсниц запало в память это:

Кишертской район не Сочи,
Н`а-ни-на! Н`а-ни-на!

Солнца нету, дождик мочит,
На-ни-н`аа! На-ни-н`аа!
Под окном поют медведи,
Н`а-а, ни-н`а! ни-н`а!
Мы с тобой туда поедem,
Дэль его дела!

Вместо пляжа, вместо моря,
Н`а-ни-на! Н`а-ни-на!
Есть картофельное поле,
На-ни-н`аа! На-ни-н`аа!
Есть турнепс и есть рябина,
Н`а-а, ни-н`а! ни-н`а!
А на ужин есть конина,
Дэль его дела!

Вместо дыни и арбуза
Н`а-ни-на! Н`а-ни-на!
Есть горох и кукуруза
На-ни-н`аа! На-ни-н`аа!

После страшной молотилки, на-...
Отдыхаем при копилке, на-...
И, рассыпавшись на пары, на-а...,
Заползаем все на нары, дэль...!
А наутро со сноровкой, на-...
Крутим ручку сортировки, на-...
Так что пылью от пшеницы, на-а...
Обрастают наши лица, дэль...!
Ну и пусть у нас не Сочи, на-...
Пусть не едет, кто не хочет, на-...
И пускай поют медведи, на-а...
Мы опять туда поедem, дэль его дела!

Кишертской р-н заменился потом на *Ныроб наши*, а потом еще на что-нибудь...

Главными сочинительницами всех песен-стихов были Эля Сычева (Альмира Георгиевна Зebbеева), Нина Кислова (Нина Федоровна Аверина), Рита Литвина (Рита Соломоновна Спивак), Нина (Нина Евгеньевна) Васильева... «...все они таланты!».

Вестернов тогда не показывали, о Диком Западе говорили только дикие вещи, и потому опять совсем не понимаю, откуда Влад мог узнать такую песенку:

Хорошо в степи скакать,
Вольным воздухом дышать,
Лучше прерий места в мире не найти.
Вар-вар-вар-вар-вар!
Если солнце не печет,
И лошадка не трясет,
И пивные попадают в пути!
Тра-ра-ля-ля! (или чуть иначе, например: Та-ра-ра-рам!).

Припев:
Эй-о, эй-о! Эй-о, эй-о!
Если только конь хороший у ковбоя.
Эй-о, эй-о! Эй-о, эй-о!
То всегда найдет он счастье свое.

Тройка славных храбрецов
Ловит диких скакунов,
Чтоб они потом их вихрем понесли.
Ну к чему такая прыть?
Для чего коней ловить?
Если есть у нас трамваи и такси!

Припев.

Мы ворвемся ночью в дом
И красотку украдем,
Если парня не захочет полюбить.
И зачем такая страсть?!
Для чего красотку красть?!
Если можно ее так уговорить!
Та-ра-ля-ля!

Припев.

Да, вспомнилась еще такая песня:

С тобой мы встретились впервые,
Когда волшебница зима,

Рассыпав звезды золотые,
Пришла и встала у окна.

Припев:
Гудит метель и замела дороги,
Но все пройдет от сердца к сердцу путь.
Мой милый друг, люби хотя б немного,
И если можешь, то меня не позабудь.

С тобой мы повстречались взглядом,
Лучистым взглядом карих глаз,
Любовь и счастье встали рядом
И вихрем закружили нас!

Припев.

Больше не помню. Нашла исполнение этой песни в Интернете, но только пение, не текст, который несколько отличается от «нашего»...

Немного разных коротких шуток-прибауток-высказываний, в основном из диалектологических экспедиций:

- Слушайте, где бревно? Только что тут лежало бревно!
- Ой, на нем Соломон Юрьевич сидит!
- Ой, оно же все изменится!

С. Ю. с извинениями привстает со стула, берет как-то оказавшийся на сиденье лист бумаги и с явным облегчением произносит:

– К счастью, здесь только одно слово и написано: БРЕВНО! А самой словарной статьи нет... Так что ничего не измялось...

Из относительно недавнего разговора диалектологинь:

- А на что все-таки похож маскарпоне?
- О-о! Это же настоящий акчимский СЛИВОК!

Всякая всячинка:

- Мы изобрели новое блюдо – пряники с Вишерой!
- А у нас на завтрак – чай сорта Белая роза.

(Если что-то непонятно: Сидишь на бережку Вишеры, у самой воды, грызешь черствый пряник и запиваешь его водой из реки. Привезенная из дома заварка чая кончилась, а крошечная лавочка в деревне отчего-то на замке третий день, вот и приходится довольствоваться Белой розой).

Чем в таз, лучше в нас! (с трудом доедая остатки каши).
Обдуй и ешь! (о кусочке хлеба, упавшем на пол)
Посудинка любит обиход! (зализывая блюдечко)
Пей чай, наводи шею, как бычий хвост (диалектная приговорка-парадокс – представьте себе шейку не толще хвоста)

Е. Полякова,
выпускница 1955 г.

Из камгортских частушек

по деревне Камгорту
девки в мини¹ шастают,
удивляются быки
и хряки ушастые

то дожжыт, то моросит,
комарьё кругом висит,
не нарипудинишься²,
никуда не двинешься.

в первом доме за углом
проживает костолом³,
то с рукама, то с ногама
каждой день к ёму идём.

Т. Шерстневская,
выпускница 1965 г.

Нечаянные радости трудового семестра

Юмор там был, прямо скажем, ситуационный и действенный. Марина Лебедева на вопрос, почему у нас простой, и веялка не работает, ответила: «Ситá не мёняны», чем привела нас в восторг и ужас! Таким глубоким освоением местного наречия.

¹ В 1970 году начали носить мини-юбки.

² Репудин – жидкость для защиты от комаров.

³ Костолом – в Камгорте проживала знаменитая бабка-костоправ, к которой нередко направляли в 1970 году больных из Чердыни и Соликамска.

* * *

Ей же для управления досталась кобыла Машка. Мы грузили мешки. А Марине нужно было их отвозить. Колхозники предупредили, что лошадь слушается только мата. И вот лошадь запряжена, телега нагружена. Все собрались посмотреть, как городская справится. А Марина подобрала английские слова, похожие по созвучию. Лошадь выслушала их и пошла!

* * *

Холодно, голодно. Деньги давно кончились, колхоз нас не кормит, а преподаватель немецкого языка по прозвищу Отец Федор смог раздобыть только... постного масла. Так он и ходил за нами, повторяя: «Вам постного масла не надо?». И вот сидим мы вчетвером за пустым столом... Дождь, ничего не раздобыть. Вдруг Надя Пермякова (Гашева), самая решительная, схватила нож и убежала. Куда, зачем? Вернулась она с кочаном капусты с хозяйского огорода. И мы его тут же, мгновенно, разодрали руками и съели. Без всякой кулинарной обработки. Совесть молчала.

М. Шилова,
выпускница 1984 г.

Ля-ля-ля-ля

Фольклорная практика – целый набор происшествий разного уровня сложности. Меня, например, угораздило отправиться на практику в деревню с чемоданом. Нет, не так, с **ЧЕМОДАНОМ**! Более информированные в сложностях путешествовали с рюкзаками.

Жили мы в однокомнатном домишке, и мужская – немногочисленная, но все же имеющаяся – часть фольклорной экспедиции – жила за печкой. Как-то и с готовкой справлялись, и с отсутствием удобств.

Впрочем, на житейские сложности мы внимания обращали мало. Зато честно собирали образцы фольклора, то есть устного народного творчества. Большинство народу делились с нами анекдотами и частушками. Не очень фольклорно, зато с избытком. Делились еще и самогоном, но тут мы быстро научились отклонять предложения.

Сбор образцов продолжался до обеда, а после мы «разбирали» образцы.

Вместе с нами на практике были двое азербайджанцев, наших однокурсников. Имран – юный и неискушенный мальчишка, и Зохра, воспитанная строгим папой в лучших восточных традициях.

Поблажек на воспитание не было. Но однажды Зохра, которую мы любовно звали Зойкой, пришла после сбора бледной и немного взволнованной. На расспросы долго не отвечала, а потом призналась, что сейчас ей спели ну очень неприличную частушку с матом. Нам так захотелось услышать частушку, произведшую поистине неизгладимое впечатление на нашу однокурсницу, что мы всем коллективом стали упрашивать ее спеть. Зойка долго отказывалась, а потом не выдержала и согласилась. Правда, предупредила, что материться она не может, поэтому вместо мата исполнит ля-ля-ля. Мы поддержали ее в стремлении не осквернять рот. И Зойка дрожащим голоском запела:

Ля-ля-ля-ля

Ля-ля-ля-ля

Ля ля-ля-ля

Сапоги....

Много лет спустя я спросила у давно повзрослевшей Зои, что же это была за частушка. К сожалению. Зоя забыла те непередаваемые слова... Так я и не знаю, о каких сапогах шла речь в русской частушке.

Маруськина любовь

Наша фольклорная практика стала весьма выдающимся событием в жизни студентов-филологов благодаря руководителю практики Светлане Борисовне Караваевой. Кстати, она до сих пор наш рулевой во многих направлениях.

Светлана Борисовна была каким-то кладезем невероятным всяких песен самой разной направленности. И умела их подавать так, что самые лиричные вызвали гомерический хохот, самые юморные – грусть и тоску. А все вместе – репертуар сразу двух агитбригад – Алой и Белой роз. По начальным буквам имен их музыкальных руководителей – Алки Волкоморовой и Белки – Ольги Беломытцевой.

Среди прочих была выдающаяся песня под названием «Маруськина любовь».

На солнце цилиндром сверкая.
Надев самый модный сюртук,
По Летнему саду гуляя.
С Маруськой я встретился вдруг.
Гулял я с ней четыре года.
На пятый я ей изменил.
Однажды в сырую погоду
Я зуб коренной простудил.
От этой неслыханной боли
Всю ночь, как безумный, рыдал.

К утру, потеряв силу воли,
В зубной кабинет побежал.
Врач грубо схватил меня за горло.
Скрутил мои руки назад.
Четыре здоровые зуба
Он вырвал мне тут же подряд.
Лежат в тазу четыре зуба,
А я как безумец рыдал.
А женщина-врач хохотала: «хо-хо!»,
И в ней я Маруську узнал.
«Тебя я страстно любила.
А ты изменил мне, палач!
Теперь я тебе отомстила.
Скотина и подлый трепач.
Пшел вон с моего кабинету.
Клади свои зубья в карман.
Носи их с собой при жилету
И помни про гнусный обман»
По Летнему саду гуляя.
Хожу я теперь без зубов.
И как отомстить, я не знаю.
За эту Маруськину любовь.

Много лет спустя я узнала, что автором этого бесценного шлагера был Аркадий Северный, а появилась она, когда мне был всего год.

Но настоящее искусство вне времени и прочего пространства, а потому песенка быстро стала любимой и у нас. И мы даже сделали номер для агитбригады «Алая роза», Маруськину партию исполняла я, а за Изменщика был жгучий и кудрявый брюнет Коля Мурзин.

Этот номер пользовался неизменным успехом у селян и селянок того времени. Принимали всегда на ура и под аплодисменты, а женщины еще и слезу пускали...

А. Волкоморова,
выпускница 1984 г.

Капустный кошмар

Я думаю: все ли в порядке
В коробке моей черепной?
Капусты нетронутой грядки

В безрадостном сне предо мной.
Живою конвейерной лентой
Опять на одном из полей
Растянуты братья-студенты –
Промерзли до мозга костей.
В желудках до ужаса пусто.
Конечности как из свинца.
Капуста. Капуста! Капуста!!
Капуста!!! И нет ей конца.
Я знаю: замерз каждый волос.
Но слышится даже сквозь бред
Татьяны Ивановны голос:
«Сегодня отменим обед!»
Я, злая, как раненый мамонт.
Хватаю топорик, и в лес...
Глаза открываю, а мама
Холодный готовит компресс:
«Ты что, сумасшедшая, что ли?»
Но только начну засыпать.
Капусты бескрайнее поле
Я вижу, я вижу опять!

Из письма Ирине Масленниковой

Здравствуй, мое солнышко!
Как ты там светишь массово в колхозе?
Почему-то твои лучи не доходят до нас (редко пишешь, очень редко).

Бабулька уж вся извелась: только и бегаёт вниз, на первый этаж да поглядывает: нет ли весточки от любимой внученьки, ан нет. Тебе хоть немного стыдно? Немного, не очень или очень?

Мы пока здоровы, только пиши, пожалуйста.

О моих «филологических посиделках» рассказывать много не буду, все равно лучше, чем в нижеприведенной басне, не описать.

Филологические посиделки

Убогим пораскинувши умишком
Козел, Осел и Косолапый Мишка,
Мартышка, Бегемот и Какаду

Решили бал устроить. На беду
Филологами были наши братцы.
Фантазии позволив разыграться,
Кричали дружно:
Сделать бал на славу
Не стоит никакого нам труда:
Богаты мы идеями всегда,
Легко найдем мы для себя забаву,
Была б квартира, было б что пожрать,
Над остальным не стоит размышлять.
Сказали – сделали.
Пристанище в лесу себе открыли;
Магнитофон, гитару, две бутылки
(Не будем говорить, что в них),
Арбузы, пять тортов больших,
Колбас, яиц и прочей ерунды
Они с собою взяли на дорогу.
Сначала звери пили понемногу,
Смеялись весело, не чувствуя беды.
Пришли усталые, измучившись немало,
Но покутить желанье не пропало.
Мечтая поскорей набить желудки,
С волненьем принялись считать минутки.
Вот трапеза готова. На нее
Набросилось голодное зверье.
Увы! Они заметить не успели,
Что свой энтузиазм с тортами съели.
Огонь веселья сразу в них ослаб.
Из всех углов раздался мирный храп.
Одна мартышка¹ не давала спать:
Друзья, ведь мы пришли сюда не жрать!
Зачем же вы так дружно все кричали
О музыке, стихах, веселом бале?
Но глубоко «плевало» на нее
Давным-давно уснувшее зверье.
Мартышка в общем-то права.

Мораль сей басни такова:

¹ Примечание (зачеркнуто): Мартышка – Жанна Кутюхина.

Будь ты филолог иль другой зверище,
Не забывай и о духовной пище!

*Доброжелатель
(то бишь Алла Волкоморова –
юное дарование группы «А»
русского отделения
I курса филфака)*

Н. Глухова,
выпускница 1992 г.

Случай из фольклорной практики

В конце восьмидесятых ездили мы от университета на фольклорную практику – на север края. Там и сейчас есть дикие нехоженные места, а тогда и подавно... Да еще зоны кругом – тайга на сотни километров. А мы – совсем молодые – лет по 17-18. Отправились в эти лесные деревни. В некоторых только один-два дома стояло. С бабками древними. Остановились мы в большом селе. Девчонки стали там песни да частушки записывать. А мы с подругой ходили в самые дальние деревни – километров 12 в одну сторону. Сейчас думаю – как и выдерживали? Жара, оводы эти...

Потом с ребятами местными познакомились. Хорошие такие парнишки – на мотоциклах все гоняли. Вот они и предложили нас с подругой в дальние деревни возить на мотоциклах. Мы и согласились – или тебя с ветерком везут, или самим по жаре идти?

Да еще не очень-то там безопасно было – из зон побеги случались. Так две недели и катали они нас – то к одной бабушке, то к другой...

Дорога хорошая, вдоль реки идет. Мы уж наизусть ее выучили. Нам еще пару дней оставалось в том селе пробыть – и пора возвращаться домой. Поехали мы – подруга со своим пареньком, я со своим – из одной дальней деревни, где песни записывали, – в свое село. Те вперед нас умчались – у них мотоцикл мощнее был. А мы едем, едем... Паренек такой хороший, спокойный обычно – а тут вижу – нервничает. И едем мы не по знакомой дороге, а по тропке какой-то узенькой. И темнеет уже, ветки по лицу бьют. Остановился он и говорит – мол, заблудились. Сам не понимает, как сбились с дороги. Там и отворотов не было, и река всегда по левую руку на обратном пути лежала. Расстроенный такой стоит. А я не поверила – вот, думаю, знает, что мы

уезжаем скоро, специально напугать меня захотел. И говорю ему: «Едь давай, не до шуток – темнеет уже».

Он так озирается – «Я, говорит, правда, не знаю, что случилось. Ты здесь пока побудь, а я место поищу, где мы сбились с дороги». Ушел. А я одна с этим мотоциклом. Конечно, никаких сотовых тогда не было – не позвонишь, не скажешь... Но, думаю, те вперед нас уехали. Поймут, что что-то не так – вернутся. Но как им нас искать?

Парнишка тот приходит – не нашел ничего. Мне уже как-то страшновато становится.

Парень-то хороший, дельный. Не стал бы так разыгрывать. Потом говорит: «Водит нас с тобой леший». Ну я посмотрела: «Ты, часом, не перегрелся? Какой леший?» А мы еще в комсомоле, диамат, истмат в университете. Знала, конечно, об этих былинках, но воспринимала их как народное творчество. А парень то говорит: «Надо переодеться. Вывернуть одежду на левую сторону, тогда он нас отпустит, и мы выберемся».

А мы уже час ходим по этой поляне, а вокруг лес дремучий. И никаких тропок, как и попали – непонятно. В общем – надели мы футболки наизнанку. И уже не знаю точно. То ли просто успокоились. То ли действительно что-то помогло. Но буквально тут же просвет в деревьях увидели. Ну не было его! Не было! Поднял паренек мотоцикл, вывел его, машет мне – вон дорога. Выехали! Она и рядом совсем была.

Вот что это было в лесу? Не знаю. Кто бы другой рассказал – нашла бы какое-то объяснение. А тут – когда с тобой все происходит – уже по-другому думаешь.

Н. Горланова,
выпускница 1970 г.

Умор и юм

*За поэзию пили стоя,
За прозу – сидя,
За драматургию – лежа...*

Есть у меня рассказ с таким названием: «Умор и юм». Оно прижилось в том смысле, что многие критики так и называют тип моего юмора – УМОР (смех сквозь слезы). Леня Быков однажды сформулировал:

– Горланова – это Петрушевская, написанная Довлатовым.

Есть даже такое хокку у меня:

– О, юмор, спасительный якорь,

Держи меня крепче в жизни!

Еще крепче!

Иногда «умор» – это слова мужа – Вячеслава Букура.

Примеры буду приводить первые попавшиеся, то есть самые запомнившиеся...

1978 год (или 79-й?). В гостях Таня Тихоновец:

– Надо бежать – велели прочесть лекцию на заводе: «Партийность искусства».

– Партийность – это осознанная классовость, – скороговоркой напоминаю (меня тоже заставляли не раз читать такие лекции).

– Нет! Партийность – это осознанная противность, – поправляет мой муж.

(как все поняли, этот «умор» до перестройки нельзя было публично озвучить – только если отдать сии слова отрицательному герою... но для него было жалко).

В юности я – девочка из рабочего поселка – безмерно рвалась к высокому, всегда под мышкой у меня была зажата книжка по философии. Все искали любовь, женихов-невест, а я носилась то с Расселом, то с Шопенгауэром (Юзефович дал почитать). При этом я ездила раз двадцать в деревню Акчим – записывала акчимский говор. Миша Черепанов сочинил про это пародийное хокку:

– Тарелка летат.

Мыслю навеват.

Мир непознавам...

Один раз пришел в гости юноша-солипсизм, все повторял: «Солипсизм – это великое учение».

Слава:

– А ты кому говоришь?

У меня тоже есть шуточные вирши на эту тему – Нескладушки.

Мы любили демократью

И боролись за нее.

А теперь, едрена мать ее,

Не вышло ни фига.

Мы любили Канта-Гегеля

И надеялись на помощь.

Предала нас философия,

И сидим мы, словно овощ.

Мы любили филологию
С самых ранних чумных лет.
Хоть зовут ее убогою, но ушла из сердца боль.

Кстати, про Акчим (Апчхим) здесь пора привести юмореску Вячеслава Букура.

Апчхимский говор

*«Апчхим – микрорайон г. Перми
(бывш. деревня)…»*

1 том Энциклопедического словаря
издания 21... г.

– Записывайте речь только Усковых и Горшаниных. Лишь они – коренные жители – представляют интерес для словаря.

Этот наказ профессора студент Пронин вспомнил уже в личном вертолете (приз за лучшую студенческую работу по апчхимскому говору). Пронин ранее работал по магнитофонным записям, но вот он воочию увидел легендарный Апчхим. Тихие многоэтажные улочки. Свежий женский голос разносится далеко-далеко:

– Веденя-а! Твой робот-от робит?

– Чо ему, лешаку железному, сделатца! – откликнулась из-за реки другая женщина.

Тихий ангел коснулся души молодого диалектолога.

– Студиозус, ты, часом, не ночевать ишшошь? – спросил из подъезда небольшой старичок. – Так лезь в избу.

– Спасибо, я в гостинице остановился.

– Эх, сестра моя жись, обидно! Да ты хоть присядь. – И задымил самосадным «филип-морисом».

– Лингвист? Ездют, пишут, датчиков понаставили. А у меня корова его слизнула, никакой лексики доильной он и не наблюдат. Ох, боюсь, чо мне скажет дорогой мой профессор свет Франциск Ливаныч! Как он?

– Нобелевку отхватил.

– Ну ты, сестра моя жись, в гору пошел!

– Так что вы, говорите, с датчиком? Корова?

– Слизнула. Это что! У Федьки Иваныча хариус проглотил. Хорошо вобшэ-то рыба на датчик идет, а этот сорвался. Ну и хариус нонче!

Пронин помрачнел:

– Нда, техника...

Старик ответил замысловато:

– Уничтожишь олигархов, понастроишь агрегатов, а на фига?

– Воздвиженский или Вознесенский? Все равно не вспомню, вот она, узкая специализация на филфаке! – с досадой сказал студент.

В общем, студент Пронин у него заночевал. Но диалектных записей он не делал ни завтра, ни послезавтра, потому что проявил совсем не лингвистический интерес к внучке Евсеича – рослой, пригожей четырнадцатикласснице. И погиб холостяк. И вызвал его дед Евсеич пред свои очи и молвил:

– Ты значит, того, одобряю, женись на Дарье. Я ведь тоже в твои годы студентом женился. Но ты должен переписаться на фамилию жены.

– Зачем?

– Все у нас здесь Усковы да Горшанины... Сестра моя, жись!

(В общем, вы поняли: муж пишет юмористическую фантастику, считая, что человечество, смеясь, расстанется со своим будущим).

На днях вышла книга моих стихов. Чуть ли не подряд могу перепечатывать сюда. Юмор!

Славянофилам

Поэты целуют зарю.
И как это им удастся?
Когда я на Запад смотрю,
Так тут же комар подвернется...

Или:

Афанасий Фет
Плевал на университет
Из окна своей кареты.
Я люблю его за это...
(ну, в том смысле, что выражал
злость на судьбу так невинно).

Юмор друзей нас часто спасает. Так, в семье в ходу шутка Славы Завольских:

– Хороший возраст детей – это лет так пятьдесят. Тогда они уже что-то начинают понимать!

Знаете, я бы могла поискать в записях более тонкий юмор, но записей так много! Трудно искать... Как говорил Кальпиди:

– Ты думаешь, что записи – это твой золотой запас? Нет! Это твои золотые гири.

Но, разумеется, моему «умору» далеко до Вени Ерофеева, который написал: «Жаль, что у женщин только две коленки».

31 янв. 18.

Е. Четина,
выпускница 1982 г.

Вести с полей (по страницам «Горьковца»)

Много лет мы возим студентов «в поле»: на практики и в научные экспедиции. Экспедиционная тема практически неисчерпаема, дорожные впечатления стимулируют творческие поиски. Поле – это не только место сбора фольклорного материала, встречи с представителями народной культуры и мифологическими персонажами; собиратели-полевики часто сами становятся героями мифологических рассказов. Некоторые из них печатались на страницах «Горьковца». Рукописную факультетскую газету «Горьковец» мы выпускали более десяти лет и вывешивали возле деканата, номера делились на «экспедиционные», «научные» и «праздничные».

Газету активно читали и обсуждали, иногда воровали фотографии (после окончания университета некоторые похитители в этом покаются). Постоянной редколлегии у нас не было: каждый выпуск готовила инициативная группа, как правило, переполняемые впечатлениями участники экспедиций.

Приведенные ниже тексты были написаны для «Горьковца» в конце «девяностых». Это своего рода «вести с полей»: рассказы, былички и даже полевые инструкции.

Инструкция «Охота на бабушек»

Если вы вышли на охоту за бабушками, а они отмахиваются от вас со словами: «Ничего не помню», а затем пытаются скрыться, нужно действовать по следующему плану:

1. Догнать как можно скорее, ибо некоторые бабушки, видимо, бывшие спортсменки, бегают весьма недурно.

2. Остановить любым способом:

- а) закрыть дорогу грудью;
- б) случайно упасть под ноги;

в) вдогонку, как бы невзначай, спросить, давно ли давали пенсию (жестокий способ – применять в крайних случаях);

г) сделать жалобный вид и попросить водички.

3. Обаять и разговорить – нужен опыт – приобретается только в поле.

Шутливые инструкции для начинающих полевиков студенты дополняют до сих пор, а вот бабушки, кажется, не меняются.

Виды бабушек:

1. *Современная:* любит поговорить о политике, ругает местные власти и Ельцина, знает наизусть телевизионную программу.

2. *Осторожная:* подробно расспрашивает: кто, откуда и зачем, хитро косит левым глазом, на досуге приколовывает.

3. *Заботливая:* собирает на стол, подробно рассказывает о своей родне, старается помочь. Так, одна добрая карагайская жительница посочувствовала нашему моднику, который щеголял в разорванных джинсах: «Парнишка-то у вас пообносился», – и принесла с чердака брюки покойного мужа.

4. *Идеальная* – мечта фольклориста: сразу начинает петь, плясать тупи-тап, водить хороводы. Трудно остановить.

Мы каталогизировали местных жителей, они, в свою очередь, наблюдали за нами. Поехали мы как-то зимой в экспедицию в Коми округ, а мороз вдруг ударил до –52: моторы не заводятся, поездки срываются. Сидим дома, на квартире у юсьвинского старожила Михаила Павловича, печку топим, пельмени лепим. Я как руководитель – в бегах, бегаю из дома в клуб и администрацию, решаю оргвопросы, прошу предоставить транспорт. Утром выходила из дома в своей шубе, договорилась, что исполнители к нам домой сами придут. После полудня пришлось опять идти – попросили заранее принести «к Палычу» гитару. На этот раз меня обрядили в Юлину шубу – самую длинную и теплую. Спускаюсь по клубной лестнице в чужой шубе, с гитарой и слышу разговор: «Вдругорядь бежит... В новой шубе. Балалайку украла...». Оказалось, два подвыпивших мужичка, прислоняясь к батарее, давно с интересом за мной наблюдают, удивляясь, как быстро я бегаю по морозу и выношу из клуба чужие вещи. Причем ни малейших попыток выяснить, в чем дело и тем более помешать похищению, они не предпринимали. Такие вот сельские созерцатели...

Перечитывая старые «Горьковцы», обращаю внимание на «фольклор полевиков». Студентов так пленило народное творчество, что они и сами начали высказываться в этом духе.

Былички бывалых фольклористов

Пошли фольклористы в лес. Лешего фотографировать. Фотографировали-фотографировали, а пленка засветилась. Вот Леший хохотал...

Пошли фольклористы на качелях качаться, а там... «Качает черт качели косматою рукой»...

Пошли фольклористы в баню на ночь глядя, а там, под лавкой, бабушка-банница Саломея парущка поджидает, парку поддать просит.

«Затопи ты мне баньку, хозяйюшка...»

«Одним из самых ярких полевых впечатлений является баня. С первого дня экспедиции мы мечтаем о бане, прощупываем почву в поисках того, кто мог бы устроить долгожданный банный день. Обычно это директор школы. Иногда в баню приглашают совершенно посторонние люди. Например, пьяный дед, который не может подоить корову, просит нас сделать это, а в качестве благодарности обещает организовать баню. Баня – это не просто место, где моются и парятся. Это постоянное место жительства банника, бабушки Саломеи и их многочисленных родственников, которые с полным хозяйским правом могут заявиться в парилку. Так, мама с дочкой нам однажды рассказали, как мылись в бане, да припозднились немного. А в полночь из-под лавки возьми да выйди мужичок в телогрейке и в ушанке. Наверное, поздний гость бабушки Саломеи».

Правдивые дорожные истории

Пошли фольклористы из пункта В. (с. Верх-Иньва) – в пункт О. (овраг, где «водятся белые собаки-оборотни»), а дело было зимой. Солнце садится, а их все нет... Вдруг со стороны оврага раздается волчий вой. Очень мы тогда испугались: волки воют, наших все еще нет, а солнце уже село, стоит тьма египетская. К полуночи наши возвращаются: увлеклись видеосъемкой, собак снимали, а волков и не заметили.

Пошли мы как-то домой, из пункта Б. (д. Бачманово) – в пункт Ч. (с. Чазево), а провожатые, которые обещали показать короткую дорогу (по ней идти в два раза меньше, всего 8 км), вскоре стали переглядываться, оглядываться и говорят:

– Дальше идите сами, тут все прямо – через луга, опушку, высохшее болото – вам недалеко, а мы домой пойдем, поздно уже.

Тут я и спрашиваю:

– А на лешиную тропу мы уже вышли?

– Нет еще, – говорят, – а вы откуда про эту тропу знаете?

– Не знаем, а догадались, опыт имеем...

– Ну, тогда идите, только, как на дорогу выйдете, белой лошади бойтесь и налево не сворачивайте, а то пропадете...

Мы благополучно, с песнями, дошли до грунтовки. Смеркалось, слева, возле леса паслась белая лошадь. Галя – бывалая туристка, шла впереди, обернувшись, предупредила: «Налево не сворачивайте!», – и сама быстро-быстро пошла в левую сторону, прямо к белой лошади.

Мы и кричали, и руками махали, а она, как не слышит, вот-вот в лесу скроется... Пришлось отрядить наших спортсменов на перехват, они еле успели догнать и вернуть однокурсницу.

В этих местах часто плутают и теряются люди, местные считают, что их Лешак водит; особенно опасны лешиньи тропы – Лешак-туй.

Пошли мы как-то из пункта Б. (д. Бажино) – в пункт Г. (д. Гавино), а по дороге зашли в пункт А. (д. Антипино) и так долго бродили, что встретили не только много интересных людей, но и рассвет в поле...

В одном из «Горьковцев» была нарисована карта нашего «кругосветного путешествия» – мы были в походе круглые сутки: утром ушли на поиски местной «знающей» и вернулись на рассвете. В газете были представлены две точки зрения: свои впечатления излагали девочки (Таня и Ксюша) и один из юношей.

Кругосветка и конец света

Пишут девочки:

«За завтраком Елена Михайловна объявила, что сегодня 19 июля – и по Нострадамусу – Конец света. Поскольку в экспедиции все теряют счет времени (не знаем, какое сегодня число и день недели), то нам потребовалось некоторое время, дабы определиться. Сразу посыпались предложения, как отметить такое событие, как лучше встретить. Ничего определенного не решили и просто пошли по маршруту.

В итоге встретились с известной предсказательницей бабой Машей на деревянной ноге. Она и не помышляла ни о каком конце света, а бойко предсказывала всем в общем-то одинаковую судьбу (долгую жизнь, двое детей) и массово снимала порчу. После мы направились в Мурмос, где работала вторая группа. По дороге то и дело натыкались на останки коров. Наш Юра оживился и подобрал весьма недурной коровий череп, даже с остатками шерсти в виде кокетливой челки, покрывающей лоб и пустые глазницы. До наступления “Апокалипсиса” оставались считанные часы, поэтому мы оставили весьма ценного ин-

форманта и отправились к Иньве. Юра взял череп, Елена Михайловна – ведро картошки, – и нас ничто больше не связывало с внешним миром. Пока было светло, мы подыскивали место, принесли дрова, бабушки принесли молока, за что мы отблагодарили их, сплясав местную кадрили. Стали разучивать деревенские игры. Юра закурил и пошел беседовать со своим тотемом (черепом), который теперь красовался на पोсохе. Было далеко за полночь, но никто и не думал о конце миров. Поскольку никто не знал, что будет, решили петь песни (встретить Конец света с музыкой). Все было настолько душевно, что уходить не хотелось. Комаров, радовавшихся своей неожиданной добыче, становилось все больше, наггели они так быстро, что мы собрались и пошли.

Вот здесь началось самое интересное. Мы знали, куда нам нужно попасть, и прекрасно представляли, как, но “где-то здесь” была короткая дорога. Юра влез на стог и стал показывать короткий путь. Поблуждав около часа по полям, постоянно натываясь на Иньву (там вообще, куда ни пойдешь, везде к ней выходишь), мы пресытились такой романтикой и решили пойти по уже известному нам далекому пути. В это время (примерно пять утра или чуть больше), когда решение было принято, из тумана вынырнули три фигуры. Они оказались пастухами, которым уже доложили (вот это связь!) об опасной банде, человек из пятнадцати, которая покушается на деревенское стадо.

Мы поспешили развеять их опасения и спросили про короткую дорогу. Пастухи любезно предложили переправить нас через Иньву, “а там всего три километра будет”. Конечно, мы согласились! Оказывается, там был брод. Нас переправили маленькими партиями на лодке. Оказавшись на другом берегу, мы думали, что большая часть пути пройдена (городская наивность!). Поскольку уже рассвело, мы смогли получше разглядеть своих спасителей, а те, в свою очередь, разглядывали нас, свою находку. Пастухи оказались ребятами веселыми, мы – компания весьма занятная, делать им особо было нечего, а развлечения в тех местах никаких нет (тем более в такое время суток), поэтому они решили так скоро с нами не расставаться. И мы доверились им (поглядывая на огромные пастушеские ножи за поясами). Проводники уверенно топали по сырой высокой траве, мы покорно тянулись за ними. Через некоторое время мы поняли, что под занятные рассказы о сложной деревенской жизни мы намотали уже более десяти километров. Кроме того, постепенно выяснилось, что пастухи не местные, а “только работать приезжают”. И они постоянно совещались, куда повернуть, а это уже было полным безобразием. Мы не могли возражать и участвовать в дискуссии по поводу дороги, а покорно сохраняли за-

данный три часа назад темп. Таким образом, вскоре мы набрали на знакомые места, от которых было как раз три километра до родного Бажино».

Самый длинный день

Об этих событиях повествует впечатлительный фольклорист – ветеран экспедиций:

«В наших летних экспедициях каждый раз происходит что-то не совсем вписывающееся в повседневные рамки. Наиболее распространенным является блуждание, как будто и в самом деле тебя черт водит или леший. Так, три года назад мы с Лёшей умудрились долго блуждать по полю (дело было ночью), а утром удивлялись, как это нас угораздило... На следующий год у нас состоялся массовый поход в лес (именуемый “Чудиха”) за грибами. Все было хорошо, и грибов было много, но вместо того, чтобы идти домой, мы направились абсолютно в противоположную сторону... Все эти случаи как-то связаны с местностью (так, например, на Чудиху даже местные стараются не ходить), либо с отмечаемыми праздниками (в ночь на Ивана Купала мы всегда блуждаем вдоль реки).

Необычным в эту поездку стал день, в который мы пошли к местной колдунье Маше. Уже подходя к ее дому, я лихорадочно пытался вспомнить что-нибудь, что помогло бы мне остаться в живых. Из народных средств помнил только, что можно читать воскресную молитву или громко материться. Первую я никогда не знал, а материться в гостях как-то неудобно. Баба Маша оказалась совсем не страшной, разве что у нее была деревянная нога, она встретила нас, как старых знакомых, делилась секретами мастерства, определяя, что было и что будет. Маша смотрела хитрыми глазами, как будто знала про нас что-то такое, неизвестное.

Какие-то потусторонние силы держали нас и не выпускали из этих мест – мы заблудились... Оказавшись на берегу местной речушки, развели костер, пели песни и играли. До Бажино, как нам казалось, было рукой подать: перейти по мостику речку и топать по прямой. После посиделок стали возникать первые трудности, которые были связаны с поиском подходящей переправы. Но ведь местные жители уверяли нас, что таковая существует и чтобы заблудиться, нужно приложить неимоверные усилия. Видимо, мы их и приложили... Неожиданно из тумана выплыли три фигуры и поинтересовались, чего это мы тут бродим. Это были местные пастухи, которые решили, что мы охотники за коровами. Пришлось их долго уверять, что это не так.

В конце концов, они любезно вывели нас на дорогу. Промокшие и уставшие, мы тащились навстречу восходящему светилу...

Я, будучи руководителем, вижу эти экспедиционные странствия накануне «конца света» несколько по-иному, без мистической составляющей: «Погода стояла прекрасная, поэтому решили совместить поход и костер. Был выбран дальний маршрут, давно собирались познакомиться с Коктем Машей, которая гадает и “от всех болезней лечит в бане топором”. Поход удался: и с Машей познакомились, и много интересного узнали. Пока мы работали по деревням, местным пастухам сообщили, что подходит банда из пятнадцати человек, а впереди – рецидивист с копьем, на котором коровий череп: “наверное, собираются угнать стадо”. Когда мы подошли к месту выпаса, осторожные пастухи спрятались и вышли к нам только под утро, убедившись, что мы поем, пляшем и коров не похищаем. В итоге они решили, что наша группа – школьный отряд, а старшекурсник Женя – наш руководитель и учитель физкультуры. Я не возражала. Пастухи помогли нам переправиться на другой берег и жаловались, как скучно в деревне...»

На дворе стояли «лихие девяностые». После одной из карагайских экспедиций был написан и помещен в «Горьковце» следующий коллективный рассказ.

«Не видали, не слыхали...»

«Был яркий солнечный день. Мы, фольклорная экспедиция ПГУ, радостно шли в село Юрич. Проселочная дорога ленточкой убегала вдаль, прямо как в мультике про бременских музыкантов. Для усиления сходства мы дружно пели: “Нам любые дороги дороги”. Сердце радовалось.

Через 13 километров мы достигли цели – село, раскинувшееся на пригорке, нам понравилось, и даже ржавый скелет трактора на обочине нас не предостерег. Экспедиция двигалась по выжженной солнцем дороге, представляющей собой главную улицу. По правую руку стоял большой деревянный дом, явно какое-то общественное заведение. Над крыльцом висел большой портрет Ленина, на заборе сушились клетчатые одеяла, на крыше сидели люди в халатах неопределенного пола. Они с отсутствующим видом смотрели в небо. И тишина... Мы поняли, что это и есть «психодом», психоневрологический интернат, которым и знаменит Юрич. Мы прибавили шагу. Тишина была удручающей.

За прудом, заросшим тиной, стояли, как попало, расположенные домики, многие были заброшены. Мы шли по прогнившим тротуарам, мимо покосившихся заборов и засохшего дерева. Редко встречавшиеся местные жители провожали нас сонными взглядами. Дорога шла в гору. Тревога усиливалась. В центре села оказались три мрачных черных остова сгоревших зданий, – четвертое производило не менее жуткое впечатление – разрушенная каменная церковь. Мы пошли еще быстрее. Нашим ориентиром был безжизненно висящий бело-сине-красный флаг, украшавший сельсовет. Мы стремились под защиту официальной власти, чувствуя, что тут есть, от чего спастись. Небо уже не казалось безмятежным, а зелень радостной. Но, отдохнув на ступеньках сельсовета и испив холодной колодезной водички, мы все-таки отправились “охотиться” на бабушек.

Бабушка нам досталась интересная. В огромной избе было прохладно и пусто. Хозяйка объяснила, что “школа и клуб сгорели по пьянке”, а вот дом “не выдержал и сам по себе загорелся: хозяева развратные были”. Далее бабушка начало было пояснять нам, как именно развратничали хозяева, но мы задали традиционный вопрос: “Водятся ли тут русалки?”

– Не, – твердо ответила бабушка, – не видали, не слыхали. А живут они в речке, за деревней. Вот шла я с покосу летом, вижу, на пне у болота... Волос русой, чошется. По пояс женщина, груди – во, ноги-то – фос (хвост – *прим.*). Не к добру русалка кажется. Это само плохо дело. Вот свекровка-то моя и померла.

Далее бабушка стала рассказывать о своей семье: кто и когда помер. Муж и сестры – совсем давно. Сын три года назад задавился, невестка утонула.

– Оставайтесь, девки. С завтрашнего четыре дня подряд поминки справлять будем. Мы, да соседи, да други соседи. Кто год, кто три, кто сорок дней. Оставайтесь. Бражки нацедим.

От такого количества покойников сразу или от обыденности бабушкиного тона нам стало жутко, и мы почувствовали, что не хотим бражки. Наташа, силясь сменить тему, спросила, какие бабушка пела в молодости песни. Бабушка заулыбалась и спела нам хороводную. При этом она вытащила нас на середину комнаты, и мы втроем, топая и подпрыгивая, изобразили хоровод. Но бабушка быстро помрачнела и ко мне подошел рыжий кот.

– Вот, – сказала бабушка, – сын помер, внучка не дали, кота вот привезли. Городской так худющий, молока не пьет.

Кот печально посмотрел мне в глаза.

– А есть у вас лешие? – спросила Наташа.

– Не, – твердо ответила бабушка, – не видала, не слыхала. Нету. Откуда же? А так, лешак, он выше леса. Идет, издалека видно. В лесу закружит, заплутаешь, напугаешься. Скотину ли заманит, дите. Идешь, пирог ему несешь, бражки. Тогда, может, отпустит. Кричит лешак страшно. Лес вот рубили, кричал, плакал. А вообще не к добру. Перед войной видели: идет полем, ревет. Я и сама слыхала. Как на отца похоронке прийти, слышим, вечером корова у крыльца ревет. Душаю, вроде ведь запирали. Вышла – нету. Леший реветь приходил.

Рыжий кот смущенно полез мне на колени. Бабушка разговори-лась.

– Колдунов у нас много. Все могут: скотину сглазить иль человека, дите малое. Вот не понравишься ты ему, порчу напустит иль оборотнем сделает. Парня вот соседского в зайца превратили. Бегал, бегал лесом. Всей деревней ловили. Беречься колдунов надо.

– В бане банница живет. Черти к ней ходят париться. Придешь не вовремя, выкинут, тазиком запустят. А то и задушить могут. Или запарить до смерти. Не ходите, девки, после двенадцати в баню.

– К соседке нашей муж-покойник ходил. Придет ночью, топает, будто пьяный, на постелю норовит. Ладно, спохватились вовремя. Отвадили. Маком посыпали углы, молитвы творили. А то задушил бы. Нельзя по покойнику страдать. Ходить будет и задушит.

И вот нам уже мерещатся высовывающиеся из-за углов покойники, русалки и лешие с колдунами. Я судорожно прижимаю к себе случайно оказавшийся здесь осколок цивилизации – не пьющего молоко кота.

– Колхоз вот нарушили, – отвлеклась от нечисти бабка, – это сколько нонче земли не пахано! Народ весь без работы сидят. Пьют только. Че ж дальше будет?

Что будет дальше, мы не знали. Пора было на явку, и мы стали собираться. Солнце садилось. Мы возвращались на базу, вспоминался фильм “Пропавшая экспедиция”».

Перечитывая «Горьковец», я выделяю лирические размышления и иронические заметки Даниила Соколова. Он закончил наш факультет, затем – Санкт-Петербургскую консерваторию, пел в оперном театре. Даниил пел и во время наших фольклорных экспедиций, когда дороги мы считали не километрами, а песнями: сколько песен до деревни. Чтобы морально поддержать жителей разоренных в перестройку деревень, мы иногда давали концерты в сельских клубах. Все вместе пели

народные песни, записанные в данной местности, танцевали кадрили и водили хороводы. Однажды мы возле сельского клуба обнаружили объявление: «Выступают московские артисты». Каким образом мы – пермские студенты и сотрудники ПГУ, благодаря клубным работникам, превратились в столичных артистов, неизвестно, но слушатели не сомневались в нашем высоком статусе. Классический вокал Даниила этому способствовал. Сейчас Даниил поет и преподает в северной столице. Тогда, в поле, он писал «лирические раздумья по итогам» и «вдыхал тишину».

«Вот и подходит к концу моя третья экспедиция. Что же останется? Очень многое. Наши походы и блуждания, туман, который, мягко обволакивая нос, залезал в глаза, заставляя забыть город и жить по другим законам, он создавал новую реальность и менял вектор наших мыслей. Менялись и мы сами, становясь сильнее и выносливей, добрей и благородней. Каждый день, несмотря на непогоду, настроение и стертые ноги, ребята шагали десяток или более километров. Кто-то пел, кто-то разговаривал, смеялся или просто молчал, но все шли.

Вспомню не раз в тесных питерских переулках эти просторы, вольно пасущихся на лугах лошадей и пожалею единственную академическую лошадь, которую каждый день выгуливают в академическом скверике. И закат, отражающийся в реке, и Юру-викинга с посохом и черепом несчастной, безвинно умершей от голода коровы. Все это останется глубоко во мне. Город же лишает нас простора, отмеряя пространство жалкими квадратными метрами. И дышим мы здесь не полной грудью, и взгляду негде разойтись, так как застревает он среди бетонных коробок».

Творческий потенциал Даниила был неисчерпаем: он ездил в экспедиции и на конференции, писал в газеты, сочинял песни и играл в рок-группе «Братья Карамазовы». На старших курсах его друг и однокурсник Андрей Чурин стал выпускать газету «Бомба», в создании которой Даниил принял активное участие. «Бомба» произвела неизгладимое впечатление на службы университета, в первую очередь, своим названием, а затем и содержанием. Газета отличалась активной позицией, острым языком и сатирической направленностью, что совершенно утрачено в современных студенческих изданиях.

Один из самых обширных по объему своих рассказов Даниил все-таки напечатал в «Горьковце». Здесь отражены его впечатления о первых командировках: семинарах и научных школах. По итогам полевых исследований была создана Лаборатория культурной и визуальной

антропологии, и участники экспедиций включились в бурную научную жизнь.

В следующем далее рассказе Даниил Соколов подробно описывает научные конференции 2000-х, где ему довелось представлять материалы наших экспедиций. Все описанное в «околонаучных» заметках – чистая правда; немного изменены только имена главных действующих лиц.

Научные поляны

На каждой научной конференции есть свой отрицательный персонаж. В Глазове это был Тима Шуткин из П-ской области, в Твери – Владик Ш. из П-ска. Каждый из них был по-своему замечателен. Владик обратил на себя внимание докладом о воплощении стихий в русском роке и фигурах, персонифицирующих культы этих стихий: Б. Гребенщиков – вода, К. Кинчев – воздух, В. Цой – огонь, Е. Летов – земля. Наличие культа обосновывалось наличием изображения на футболках: Цой есть, а Шевчука – нет, Кинчев есть, а Бутусова – нету и т. п. Аудитория загалдела: «А “Король и Шут” тогда – что за стихийный пятый элемент?» Но Владик ушел от вопроса, так как подобная мелочевка (то есть обоснование) его, философа-парадоксалиста, мало интересовала. Философом-парадоксалистом он был именован в авто-аннотации к собственной книжке, в которой писал об «армагеддоновской битве» контекстов в постмодерне и прочих интересных (ему) вещах. На обложке был помещен его портрет, сделанный фотографом-парадоксалистом. Философ был изображен с мамардашвилиевской трубкой в зубах, которая благодаря подобострастному ракурсу «снизу вверх» превращалась в трубу. В перерыве я попытался с ним поговорить, но он высокомерно пренебрег моими вопросами: «если ты ничего не знаешь, зачем тогда спрашиваешь?». Я понял: диалог излишен.

Зато с Тимой Шуткиным я говорил даже слишком много. Меня сразу заинтересовали моделирующие возможности его мышления. Этот человек был озабочен свежими связями. На конференции он вычислял людей, которые могут пригодиться, и атаковал их. Каждый вечер он с удовлетворением разглядывал пополнившуюся новым адресом записную книжку. День знакомства с профессором, доктором наук почитался за праздник. Просто удачным считался день знакомства с кандидатами наук. Аспирантами и аспирантками он не интересовался. Если бы вечером вы зашли в нашу гостиничную комнату, когда Тима подсчитывал трофеи, то увидели бы следующую картину. Я лежу на

кровати и мычу утвердительно-одобрительно, а Тима расхаживает из угла в угол и строит алгоритмы своего продвижения по карьерной лестнице. Наверное, его искренность со мной была обусловлена тем, что меня он считал человеком безобидным, а потому и безопасным.

Тима говорит: «Ученые народ безответственный. А посему в научной карьере нужно полагаться только на чиновников. Ты понял мою мысль?»

Я: «Мгм», – а сам разбираю удмуртские народные песни.

Тима: «Какую ерунду ты поешь! Перестань, пожалуйста... Чиновники – это люди дела, а ученые – это словесные людишки и слово их некрепко. Они передним умом крепки, но на что он мне? Ведь передней частью головы надо уничтожать препятствия на пути вверх. Хе-хе... Чиновник же задним умом крепок, а потому и центр тяжести у него, как у баллистического снаряда, координирует траекторию полета, а, значит, и бронепробивную силу. А вместо радио – боеголовка. Ты понимаешь, что я хочу сказать?»

Я: «Ну, как же!».

Тима: «Я с учеными стараюсь дела не иметь. Когда я поступал в аспирантуру, вся тамошняя профессура была против, а вот мой знакомый, Пал Палыч Павлов, министр экономики Мордовии, мне помог. Он их всех задавил и меня продавил. Сразу видно – человек дела. Дома у него ни одной книги нет. Кстати, он сам доктор педагогических наук. Я сам видел. Он, когда приходит к свои друзьям-профессорам в Москве, всегда говорит им про книги: “На фиг вы эту хренотень дома держите? Сделали бы лучше евроремонт!” Хренотень! Ты понимаешь, что он хотел сказать?»

Я: «Понимаю».

Тима: «Гы-гы-гы...Он хороший человек, веселый. Я ему отсюда бальзам “Иднакар” привезу. Ему будет приятно, а мне – полезно».

И так я мог слушать целый день, Тима был неистощим на рассказы о начальстве. Однажды он прочитал мне трехчасовую лекцию на тему «Вклад мордовского народа в касту начальников СССР», где были упомянуты все мордвины – членкоры, директора институтов, зам-министры и даже один председатель ВЦСПС. Пафос его панегириков я поначалу принял за игровой. В нем не было наигранности, но он настолько контрастировал со здравым смыслом, что казалось, будто перед тобой живой Беликов, Передонов или Козьма Прутков. Филологу бывает трудно воочию убедиться в том, что семантика текстовой модели классической литературы буквально соответствует реальности, а потому я поначалу вообразил, что Тима – тщательно законспириро-

вавшийся приколист-постмодернист. Каковы же были мои радость и разочарование одновременно, когда я понял: Тима – живой персонаж классики. Его административный восторг был искренним. Я был рад за классика и печалился за Тиму: его типичность зависла где-то посередине, между чеховским «человеком в футляре» и солугубовским типом недотыкомщика. Характер подсознательных страхов сближал Тиму с Хворобьевым, персонажем «Золотого тельца»: абсурдность реальности парадоксально вытеснила автохтонную абсурдность подсознания. Теодор Адорно назвал это «иллюзией ирреального» – иначе и не скажешь о таких, к примеру, тиминых снах: «В Саранске я собираюсь издать книгу. Директор издательства – моя знакомая, она обещала сделать все бесплатно. Мне надо только бумагу купить. Она хороший человек, такая полная женщина, уже в годах. И представляете, мне приснилось, что она обьялась, и ее за это отправили на пенсию. А это значит, что моя книга не выйдет! Я от ужаса проснулся, очень сердце бьется. У вас нет нитроглицерину?»

О снах Владика Ш. судить не берусь, но если сердце Тимы с утра требовало нитроглицерину, то сердце Владика настоятельно запросило спиртного. Жаль только, что парадоксализм его утренних деяний научная общественность не оценила. Все, как дураки, маялись с похмелья, обнаруживая недальновидность расчетов. Дело в том, что в этот день из Москвы подъехали представители элиты и Псой Галактионович Короленко, видный рок-н-ролльщик от науки. Он преподает где-то филологию, а в остальное время исполняет по клубам песни собственного сочинения, сопровождаемый «оркестром нечеловеческой музыки». Все это считается рок-н-роллом. Нам обещали, что он и нам кое-что исполнит. Так впоследствии и случилось. Вместе с Псоем приехал исследователь его творчества: К. – человек с непокорной шевелюрой, упорствующий в своем тяжком подвиге на пути постижения непостижимого. Я имею в виду его попытки разобраться в современной поэзии и стиль этих попыток: бульдозер научной мысли, потонувший в болоте постмодернистской поэзии. Он напомнил мне Шатова: то же неверие – в данном случае, в постмодерн – но дьявольская убежденность в том, что верует. Приехал также и Д. Д. из ИМЛИ, человек умный, но легкомысленный. Это была компания людей, которых можно охарактеризовать как «продукты эпохи» – талантливые, но слишком сообразные «веку сему». Они были бы еще интереснее, если бы бросили теоретически обосновывать свое постмодернистское творчество, и вплотную занялись отделкой своих стихов, прозы, песен и т. п.

Псой Галактионович к тому же привез двух орущих детей и молчаливую жену, которая всем улыбалась, когда ее муж делал доклад о своем соратнике по научному рок-н-роллу Шише Брянском и обильно цитировал его нецензурную поэзию. Псой Галактионович при этом подражал оригинальному исполнительскому стилю Шиша – гнусаво-юродивому. Аудитория начала хихикать. Докладчик балансировал между формально безупречным научным стилем и содержанием: «Когда Шиш Брянский воспевае́т “русский х...р”, он преодолевает тотальную ироничность постмодерна. Контаминируя два имплицитно заложенных в русском культурном поле значения Х...а – производящего орудия и символического обозначения церковнославянской буквы, ныне называющейся “Хы”, – Шиш инвертирует деконструктивистский дискурс...» При этом грудное дите на руках у матери агукало, вторя хихиканью аудитории, а несовершеннолетний сыночек бегал по коридору, отстреливая из игрушечного пистолета всех и вся. Подстрелил он и Владика Ш. Но Владик и без пули убийственно шатался, а походка его была печатной (в том смысле, что каждый шаг он впечатывал в пол всерьез и надолго, при этом разгребая руками невидимые миру сгустки пространства).

Подобным командорским шагом он прошел сквозь толпу ученых, собравшихся в фойе на концерт Псо́я Галактионовича. Итак, Владик жаждет рок-н-рольного драйва в первом ряду, а я – на последнем, жду скандала. Псой Галактионович вдруг начинает скакать на месте, размахивая руками в воздухе. Он исполнял шаманскую песню:

Как пошел мой бабушка под землю торговать,
Как пошел мой бабушка под землю торговать,
Помолился он великому хтоническому принципу,
Помолился он великому фаллическому принципу.
Эх, лучше нерожденным быть!

Припев: Ах, дери- дери- дери-Деррида!

Имя Жана Дерриды, упоминаемое в пошловато-ироничном контексте, размывало и без того некрепкий художественный вкус ученых. В подобном «энергетическом поле» они расслаблялись без оглядки на свою ученость, так как сохранялась иллюзия единства дискурса (т. е. помыслов), ведь пляшущий перед ними пошляк тоже был ученым, и его «шаманство» уводило к дальним горизонтам идиотизма. Глупость выполняла функцию рок-н-рольного драйва. Под конец все хором распевали:

Х..во мне, братец, х..во,
Уеду я в штатец Айова –

что выводило наружу лучше всяких психоаналитических сеансов подсознательное (или несознательное) многих.

– Провокация! – вдруг раздался голос Владика, – ишь, чего удумали, пед...сты, имя вам легион! Пес Галактионович, исполни-ка нам «Франко-прусскую войну» из репертуара твоего одноколенника по 12 коленам израилевым... «Бесы»-то читал, небось? Вдобавок к сказанному Владик решил перейти к прямому действию – бить жидов и спасать русское культурное пространство. Его удержали и увели куда дальше.

Наступив москвичам на любимую мозоль, Владик не менял своей печатной командорской походки до самого вечера. А вечером был банкет. Утренняя кардионедостаточность Тимы Шуткина объяснялась не только жутким сном. Испуганный своим сердцем, он чуял приближение судьбоносной фигуры А. В. Гуры. Гура – видный московский ученый, фольклорист, специалист по символическим образам животных в традиционной культуре. Тиме непременно надо было с ним познакомиться. Такой шанс выпадает раз в жизни: вдруг А. В. Гура станет академиком? Будут хорошие связи, а связи решают все. Когда А. В. Гура появился на дороге, Тимоно сердце, как говорится, «совсем оборвалось»: его теория о безответственности ученых подтверждалась самым ужасным образом. Гура никак не тянул на мэтра, каковым являлся. Он был маленького роста, небритый, с серьгой в ухе и жевал жвачку. Плюс ко всему он оказался неразговорчивым. Войдя в аудиторию, вместо приветствия он окинул ее тоскливым взглядом и, ни слова не сказав, засел в какой-то дальний угол, где сидел тише воды, ниже травы. Из аудитории Гура исчез незаметно, так что Тима не смог приблизиться к нему и в кулуарах. Оставалась последняя возможность установить связь – конец конференции, увенчанный банкетом. Тима понял: тут – пан или пропал. И вместе с ним это поняли все. Ученые разглядели в Тиме молодого, но подающего большие надежды интригана. Интрига, как известно, соль комедии: никому не хотелось упустить случай посмеяться, пока Тима молод и безопасен. Поэтому Гуру никто не предупредил – интригу сохраняли в чистоте, чтобы комедия неожиданностей была разыграна безупречно.

Когда стемнело, все двинулись в кабак. По дороге профессура вспоминала банкеты прошлых лет: «В Тарту на конгрессе мы каждый вечер пили в разных посольствах. Получалось так: днем на конгрессе внутренне потираешь руки перед вечерним бухлом, а вечером, выпивая, обдумываешь завтрашнее выступление. Хорошая муштра для мысли – бальзам на душу: каждое утро – новая пища для ума. Выпивка

– закуска. Закуска – выпивка». Мэтр Гура не поддерживал эти приятные разговоры и молча покуривал. Бедный Тима не умел курить и не знал, как подступиться.

Устроители банкета выбрали самый шикарный ресторан в округе. Как ни странно, он оказался за городом. Дело в том, что председателю одного из ближайших колхозов посчастливилось учиться в школе со знаменитым московским архитектором. Вероятно, на одной из встреч одноклассников они ударили по рукам, и в чистом поле возник ресторан. Действительно, кто сказал, что удмуртская деревня и престижный кабак – две вещи несовместные? Постмодернистское соединение традиционного (в виде покосившихся избенок на пригорке) и ультрасовременного (железобетонной модели средневекового замка) – именно такое решение выбрал московский архитектор – резало глаз и бредило душу фольклористам-этнографам. Метафора упрощительного смешения материализовалась – традиционалистское и техногенное уживались душа в душу, ибо крестьяне, встречавшие ученых у порога хлебом-солью, называли кабак «нашей достопримечательностью» и отмечали предприимчивость председателя, который деньги на постройку клуба истратил подобным образом. «Такого вы даже в Европе не найдете, – с удовлетворением повторяли они слова московского архитектора. – К нам сейчас многие авторитетные люди заглядывают отдохнуть». Ученым стало ясно, что председатель, действительно, человек находчивый.

Скромные деревенские жители разошлись по избам, не утруждая своим присутствием приехавших отдохнуть ученых, которых они тоже заподозрили в авторитетности. Ученые поняли, что жажду фольклористов-собирателей им сегодня не утолить, а потому они вошли в деревенскую достопримечательность утолять другую жажду.

Надеялся ли Тима на то, что утоление жажды развяжет профессуре не только галстуки, но и языки, – не знаю, но, пренебрегая ранжиrom рассаживания: профессура – во главе стола, аспиранты – на периферии, он удачно интегрировался в президиум застолья. Но и там его ждала неудача. Едва он достал из-под полы какие-то солидного вида научные бумаги, чтобы показать их А. В. Гуре, как тот моментально изменил место дислокации. И пока Тима поворачивался и наклонял туловище, чтобы создать некое пространство для интимизации разговора, вожделенный будущий академик был уже далеко, а его место занял суровый и веселый мифолог-этнограф из республики Коми. Тима его недолюбливал, так как тот вольно или невольно однажды сделал так, что Тима был осмеян окружающими.

Это было, когда все только знакомились друг с другом. Вечерком собрались попить чаю, стоял галдеж. Фольклористы-этнографы – люди общительные и громкоголосые, это у них профессиональное. Пели песни, травили байки. Тима решил сработать «под шумок». Он незаметно подкрался к ученому из Коми и на ушко начал что-то ему бормотать. Тот вначале не понял, в чем дело, и внимательно прислушивался. Что произошло с этнографами? Наверное, это тоже профессиональное, но прислушались и они. Наступила громовая тишина, в которой не заметивший внезапного внимания к своей персоне Тима договорил конец звучащей очень странно фразы: «У Вас есть какие-нибудь связи?» «Что?», – переспросил ученый. Все с напряжением ждали ответа. Тима не знал, куда деваться: весь план его втирания в доверие рухнул.

Ученый-мифолог кое-что понял и отодвинулся, а фольклористы захохотали. Тогда уже все заподозрили, что Тима – человек с навязчивыми сверхзадачами. Сложился заговор. Тиме не препятствовали «крепить связи», но за его спиной обменивались информацией и советовали друг другу, как себя вести в случае Тиминой атаки. И то, что А. В. Гура так неожиданно ретировался, означало:

- Тима известен в Москве (это вряд ли),
- кто-то все-таки предупредил А. В. Гуру (очень может быть);
- Гура видит людей насквозь (не зря же он всю жизнь изучает фольклорных животных).

А за столом звучали здравницы науке, дорогим гостям, гостеприимным хозяевам, спонсору «дяде Соросу», информантам («ибо без старушек нам хана»). Тима поднял тост за укрепление связей между фольклористами. «И фольклористками», – мстительно добавил кто-то – наверное, он полагал, что Тиме не везло с женщинами.

По случайному ли стечению обстоятельств дискотека началась с песни «Я люблю тебя, Дима!», и девчонки хотели вывести прототипа на подиум, но он не повелся. А потому ученые высказали свое противоречивое отношение к нему на языке пантомимы. Я тоже участвовал в этом коллективном изъятии чувств. Мне было немного жаль Тиму: он был за пределами не только танцевального, но и научного пространства. Ибо плясали профессора, кандидаты, аспиранты, студенты, плясал даже будущий академик – это был вариант соединения на дискотеке, та самая метареальная связь всех со всеми, которую налаживал Тима.

На банкет Владик явился в странной футболке. На ней был изображен запрещающий знак: старушка, перечеркнутая косой чертой,

выглядела очень свирепо: она впилась стальными зубами в преграждающую перекладину. В свою очередь, Владик впивался в огромный кусок арбуза, который он держал на отлете. Столь законченная композиция заставила всех насторожиться: что-то будет. Однако Владик ограничивался сплевыванием арбузных семечек на пол. Он был посланцем мира. Увидев Псою Галактионовича, он решительно шагнул к нему и заключил в объятия. Банкет начался с поцелуя. Философ-парадоксалист лобызал главного подозреваемого. Тот отвечал ему тем же. Окружающие чуть ли не аплодировали.

– Я надеюсь, этот поцелуй – достаточное доказательство того, что я не обвиняю Вас ни в иудействе, ни в гомосексуализме, – демонстрировал широту и мобильность своей души Владик.

– Главное, чтобы Вы не были Иудой, целуя меня, – парировал Псой Галактионович, обнаруживая претензии на богоизбранность. Целующихся прервала непонятная помеха, как всем показалось, сошедшая с футболки Владика, а именно, уборщица. Она заметила арбузные семечки и указала на них. Владик ответил ей на трехэтажном языке. Тогда уборщица начала виртуозную ругань. Вкратце...

– Сколько лет живу, меня даже муж так не обзывал. А еще ученый! Засранец ты, а не ученый! А вы мне не указывайте! Я сама большая, сама маленькая, как-нибудь без указок проживу. И на фиг вы, такие ученые, нужны? Мы-то думали, к нам приедут порядочные люди. Мы вам даже гинекологический кабинет отдали, потому что комнат для вас не хватало. А вы что? Каждую ночь пьянствуете. Жильцам спать не даете. Окурки, бутылки везде разбросали, свинство развели. Песни такие поете, что слушать тошно. Да еще и хамы! Ого-го, не знала я про вашу подноготную, а она грязи полна!

Уборщица в сердцах плюнула на свежeweымытый пол, что говорило о верхе презрения. Владика увели от греха подальше, а уборщице попытались вручить бутылку водки в знак примирения. Она не брала, не брала, но потом взяла и даже присоединилась к банкету. Насчет Владика позже было создано совещание, на котором было решено: в случае повторения инцидентов – поколотить, на конференции его больше не приглашать.

Интересно то, что насчет Тимы Шуткина решения о физическом воздействии принято не было – ученым импонировали его коммуникативные способности. Но все-таки и его заочно приговорили к вечному заточению на малой родине. Тима и Владик отныне внесены в «черные списки невыездных» – на конференции им путь закрыт.

В нашем «Горьковце» была постоянная рубрика «Сновости»: сновидцы рассказывали запомнившиеся сны, творческая группа провидцев комментировала.

Сновости и Видения

«Как известно, студент в сессию спит очень редко, а в ночь перед экзаменом, бывает, совсем глаз не сомкнет. И даже кое-что успевает присниться.

Подводят ко мне во сне какого-то бородатого дяденьку и говорят: “Знакомься, это Макогоненко!”

Комментарий редколлегии: такие сны обычно бывают у девушек, склонных влюбляться в мужчин зрелого возраста. Это говорит о высоком интеллекте обеих сторон».

Сон в руку

«Как-то мне приснилось, что я в очередной раз не сдала философию. На следующий день я действительно ее опять не сдала».

«Снится мне зима, снег, Пермь 2. Я не могу оттуда уехать, пропустил последний троллейбус, стою и думаю: “А зачем я тут остался?”

Комментарий редколлегии: эмпирическим путем установлено, что такой сон снится перед зачетом по философии. И если вы рассчитываете на положительный результат, то любым путем должны покинуть Пермь 2: поймать такси, догнать последний троллейбус...»

Уехали на последнем троллейбусе выпускники «лихих девяностых» и «глухих нулевых». Наступили 2010-е годы. В экспедиции мы по-прежнему ездим, но от вербального перешли к визуальному: снимаем визуально-антропологические сюжеты и фильмы. Одному из наших магистрантов, Роману Кутдусову, который так любит университет, что продлил обучение – оставался на второй год, я предложила записать студенческие впечатления, «записки второгодника». Роман оперативно откликнулся и представил следующие размышления и видения.

Лирические отступления и мистические видения

«Филфак. Есть в этом слове какая-то... мистика. Языки, литературы – все это будто черный омут в черном страшном лесу, что питается от неведомых подземных течений. И в этот омут, где черти – еще не самые опасные твари, ныряют филологи с головой, а после ловко выныривают с болотной тиной в руках. И отмыв их, если удастся выловить что-нибудь, то не алмазу они радуются, а лягушке, пронзенной

стрелой. Почему? Оттого, что в лягушке – нелепость, а в нелепости – собака зарыта, а в собаке – колобок катится, а в колобке – песня поется, а в песне – Пушкин пряник ест...

Помню самый страшный день на филфаке, когда меня хотели выгнать за неуспеваемость; хотя, конечно, не хотели, но обязательно выгнали бы, если бы встала такая необходимость. Я метался всю ночь между приготовленными билетами и стаканом водки, но в итоге сделал правильный выбор. Потом уже, под утро, я принялся за билеты и понял, что лучше стать буддистом и крутануть колесо Сансары: авось, повезет в следующем перерождении?

Утреннее солнышко предательски резануло по глазам, а ноги понесли брненное тело мое семисантиметровыми шагами к персональной Голгофе моей. Лишь изнемог по пути, устал нести тяжелую голову и задумался прямо на дороге. Неслись машины, качались рога троллейбуса, и я качался, лишь вороны хамливо каркали надо мною. Господь уберег, и по ниточке улиц я добрался до места.

Коридоры кишели книжными червями. Черви питаются исключительно зачетами и трояками, а в широких штанах всегда наготове зачетка, и она всегда голодна, она всегда жаждет времени преподавателя. Мы все здесь рабы своих зачетов, этих паразитирующих приложений к нашим бестолковым телам. Хотя ушла и эта эпоха, сменилась эрой экзаменационных листов, ведомостей – новых богов, не менее кровавых до преподавательских жизней. Но мы были последними жрецами зачетов. Помянем же их, принесем последние подношения и разрушим старые кумиры.

Летом в нашем корпусе жарко, зной одолевает даже тех должников, что зарыты под этими старыми, скрипящими половицами. Никто не знает, сколько их там схоронилось: двоечников, второгодников, лоботрясов. Я слышу их молитвенный шепот: “халява... халява...”. Они загребают скрюченными пальцами, пытаются схватить меня за пятки измазанными в чернилах руками, но я не даюсь им, не пришло еще мое время.

Ходит легенда о вечном двоечнике, что сдавал старославянский язык двенадцать раз, а после тринадцатой неудачи глаголица поглотила его, и он сгинул в бездне второй палатализации. И ходит он теперь по корпусу филфака, пугая первокурсниц, нашептывая им на уши следующие слова: “на втором курсе... Мишланов... ам-ам!”

Но это я все насочинял. Никогда Валерий Александрович не заваливал студентов, они всегда справлялись с этим сами.

Я учил билет, дожидаясь начала заседания расстрельной комиссии, а коридоры уже опустели, лишь стоял тихий гул – шли последние июньские занятия. Мигала лампа, змеились пестрые термины в голове, откусывая друг другу хвосты определений, безнадежно забывались факты, смешивались остатки знаний в популярный среди студентов коктейль “каша-малаша”: сдувалась моя бесшабашная самоуверенность прогульщика.

Краем глаз я заметил приближение белого вихря, но, моргнув непроизвольно, потерял его. Коридор был пуст, как голова студента. Еще раз мелькнуло, в том же направлении! И опять, белая вспышка и пустота!

Я силою заставил глаза смотреть в пространство, боясь опять пропустить это удивительное явление: от усилий потекли слезы, я ощутил себя первокурсницей на первой пересдаче. И вдруг – Борис Вадимович, в ослепительно белом костюме, возник на секунду во вспышке электрического всполоха, сказал что-то небрежно на мое “здрасьте!” и снова исчез в каких-то скрытых мистических пространствах административных подземелий. Я только моргал и неловко стирал выступившие слезы: я уже на последнем курсе, негоже показывать слабость.

Я взглянул на часы. Мало времени осталось, качался маятник с топором отчисления над склоненной головою, с каждым движением становясь ближе к моей шее. Начиналась страшная феерия духов. Приближалось время защиты дипломов, и хтонические силы русской науки вырывались на волю. Скоро завертится хоровод учебного карнавала, начнут шептаться тени классиков филологии на столетних стенах; загудят трубы небесные, предвосхищая щедрый урожай, что взрастится от семени лениности. Захохочет где-то оглушительно Ирина Николаевна, страшно чеканя фонемы по московской норме: “Ха-ха!”; треснут стены, рассыплются границы между мирами, и с жутким скрипом повернется избушка на курьих ножках, снесет яичко золотое, а из него вылезет Константин Эдуардович, сжимая иглу, а на конце ее – комиссия – студентова смерть; выйдет Елена Михайловна и станет пугать кротких коллег, потрясая черной книгой, написанной самим Чудовищным Графоманом; покраснеют молодые филологи, услышав фрейдистские толкования Ильи Юрьевича, деконструируются нежные души, и навсегда их поглотят малые и большие герменевтические круги, что будут круглее дантова ада; Ирина Ивановна проведет по древнерусским катакомбам словарей; Елена Александровна металлическим гласом поднимет сонливых студентов, что упокоились на партах; запо-

ет в конце Константин Игоревич на семиструнной гитаре под скептический смех Елены Валентиновны – не только это начнется; начнется такое, что страшное покажется смешным, а жуткое – уютным, когда из тридевятого царства СИЯЛа, из дымки троянской войны, поскачет на среброгривом коне сам Александр Юрьевич Братухин и спокойно, но веско скажет:

*“Автоматами черными издавна я не торгую,
Греции древней острыми копьями лишь!”*

И все это жуткое, апокалиптическое представление поддержит хор двоечников, троечников, халявщиков, прогульщиков, лоботрясов, балбесов и должников, поющих на краю бездны отчисления; отличники встанут стеной за ними, крепко сжимая в руках надежные, безотказные автоматы, и на плач хора ответят лишь короткими очередями в небо, – лазурное, ясное небо! – которые рассекают легкие и далекие облака беспечных дней каникул, и лишь солнце, – яркое, ослепительно радостное солнце! – по имени “Трояк” будет освещать эту бездну студенческой самонадеянности. И споют они хором, и совершат обряды, но не услышат их боги “Шара” и “Халява”, и не разольется больше в мире благодать!..

<...>

Я очнулся на полу. Видать, свалило меня тяжелое сердце, помутился рассудок от этих видений. Уже схватили меня падшие должники, просунув пальцы между столетними половицами. Я задержался, причитая какую-то глупость вроде: “У меня еще есть время, еще есть!”. Но непоколебимы были их черные сердца, и тогда мне стало по-настоящему страшно.

Но чьи-то сострадательные руки подняли меня с пола, оттряхнули аккуратно и поставили к стенке. Зачем знакомые, дружеские голова спросили: “Ты чего здесь делаешь?” Я ответил, что жду комиссии. И услышал в ответ лишь несколько слов, и никогда я в жизни не слышал таких удивительно-прекрасных звуков, что уберегли меня от безумия и позора: “Сегодня комиссии не будет, ее перенесли”.

P.S. Так и не оборвалось мое хождение по коридорам филфака. И я добрался, наконец, до защиты дипломной работы. Страшное было время. Но лишь после выпуска я понял, что до сего момента были только сказки, а все жуткие кошмары только начинаются».

Таким – таинственным и «ужасным» – видят филологический факультет творческие студенты в наши дни. Наивные «сновости» прошлых лет сменились ирреальным зрелищем. Кошмар и хоррор... Ми-

фологические персонажи и сюжеты, записанные некогда нами «в полях», переместились в пространство университета и переформатировали его.

Раздел V

ОТ 40-Х ГОДОВ XX ВЕКА К 2000-М ВЕКА XXI (студенческие байки разных лет)

Интересны тем, что сквозь быт, незамысловатые эпизоды из жизни, курьезы и анекдоты, пестрые будни и редкие праздники, смех и слезы – сквозь эти незаметные для глаза пласты существования дают показательные срезы времени, разных эпох, настроения и образа жизни.

Потому и выделены в отдельный раздел.

Е. Голдобина,
выпускница 1951 г.

Студенческие байки 1946-1952 гг.

Как мы встречали 1947 год

Первый курс. Живем в общежитии под названием «Голубятня». Это коридор (через него проходят жители пяти комнат) с окном в крыше. Это химкорпус. Наступает Новый год. Праздничный стол накрыт «шикарно»: медвежьи котлеты с гарниром из картофельной вермишели, сладкие «паренки» морковно-свекольные, морс из лесных ягод. Было запеченное мясо, какие-то шанежки, пирожки из картошки. Это постарались наши родители, послав предпраздничные посылки.

С первыми звуками новогоднего поздравления по радио-тарелке на наш богатый стол хлынул поток снежной воды из разбитого окна-фонаря. Все было залито, но мы не растерялись – слили воду, все обтерли. И с превеликим удовольствием съели все родительское угощение и запили морсом, который получил название «а-ля Дождевик».

Пел соловушка

Было дело, распевали мы, девочки-студентки, песню легкую про тракториста, который не приходит свататься, а девушка слезы льет. Леша Домнин послушал, и жалко ему девушку стало. И предложил свой вариант песенки.

Замуж выйти хочу за марксиста,
у него бойкий ум, голос чистый.
Но не приходит свататься,
впору мне расплакаться.
Этот ветреный народ
сватовства не признает.

Мы дружно перешли на этот вариант. Хотя побаивались преподавателя истории КПСС Левиной Татьяны Львовны. Очень серьезная была женщина.

Археологи

Отправившись в диалектологическую экспедицию, мы столкнулись с археологией. Наша тройка: Маргарита Николаевна Кожина, Вера Берлин и я начали свою работу по говорам в глухой деревне Соликамского района, граничащего с Чердынским районом. Там нам довелось приобщиться к Древней Греции.

Пришел к нам молодой тракторист, показывает какую-то чашу и говорит, что он ее только вот сегодня выпахал на поле. Мы, увидев ее, ахнули. Это было чудо! Такие же узоры, форма и такой же металл, похожий на серебро. Сообщили о находке в Молотов. Археологи определили, что чаша действительно серебряная, что времен Древней Греции.

В настоящее время чаша находится в Пермском краеведческом музее. Сама ее там видела, правда давно уже.

Крысиное нашествие

Исчадие ада, крысы, одолели нас, живших на 5 этаже главного тогда корпуса. Они обнаглели настолько, что и днем, и ночью гуляли по нашим полкам, кроватям, забирались под одеяло и даже ночевали там. Наше терпение лопнуло, когда они, крысы, сожрали курсовую работу у Люси Ивановой. Избавиться от крыс помог нам Слава Дашевский, сын военкома Качановского военкомата. По опыту военного времени крысу надо ранить. Тогда она, убегая с места ранения, уведет остальных. Слава выпросил у отца винтовку-мелкашку, средь бела дня убил у всех на виду четырех штук. Четвертую удалось ранить и она умчалась прочь со страшным воплем, остальные последовали за ней. Но это еще не конец крысиной истории. Убиенных необходимо было вынести. Согласилась сделать это жившая с нами географичка Фреона. Филологини на это не годились. Фреона, взяв крыс за хвосты, направилась к лестнице. Мы за ней с похоронным маршем. Шли с опаской. И это случилось... Навстречу нам идет Отто Николаевич Бадер, профессор, историк, наикультурнейший человек. Он опешил от вида такого шествия, но, поняв, в чем дело, рассмеялся и посоветовал быстрее закончить крысиные похороны, что мы и сделали.

А вот крысы ушли, оставив нас в покое.

Даешь военку!

Бершеть... Военный лагерь. Студенты университета отрабатывают «военку». Прибывший в лагерь генерал, обходя места учений, увидел торчавшие из кустов ноги в тапочках.

Генерал: «Боец! Почему устав нарушаете?»

«Никак нет! Моего размера (47) сапог не нашлось», – ответил боец-филолог Коля Кустов.

Генерал офицеру: «Сапогам быть не позднее завтра. Проверю!»

Назавтра Коля был в новехоньких кирзачах. Леня Кочев, тоже филолог, изрек:

Радуйся толпа стоустая,
Нашлись сапоги для Кустова!

Волейбол

Этим видом спорта в наше послевоенное время увлекались и преподаватели, и студенты. Была волейбольная площадка и возле общежития № 1 на ул. Ленина. Здесь преимущественно жили преподаватели с семьями.

Однажды собрались любители игры: и преподаватели, и студенты. А мяч и сетка хранились у школьника Ромки. Кричим ему: «Неси мяч и сетку, играть будем!». Ждем. Открывается окно третьего этажа. В нем появляется взлохмаченная голова и борода. И... о ужас! Это был профессор Роман Викторович Мерцлин, уважаемый всеми человек! Мы, было, бежать, но голос Мерцлина остановил нас: «Сейчас». И желаемое уже летело на площадку.

Раз морковь...

Оханский район. Уборка моркови. Пролетает снег. Последний день. Снега навалило по колено. Работать невозможно. Ребята раздобыли хворост и какие-то дрова, разожгли костер. Немного отогрелись. И тут начались разговоры про жизнь, коснулись будущих детей. Неожиданно раздался голос Германа Афанасьева, фронтовика, серьезного человека: «Если у меня будет сын, я назову его» - все притихли - я назову его «эмпириокритицизм». Громогласный, гомерический смех потряс всю округу. Когда смех угас, начался диалог Галима Сулейманова с Германом: «А как ты будешь попроще его называть?». Прозвучал ответ в том же духе: «Пиря!». И снова смех до колик в животе.

В этот момент появился посыльный из сельсовета. Студентов отзывают в университет. Пароход отправляется в последний рейс. По Каме плыла снежная пурга.

А своего первенца Герман назвал Владимиром.

«Сосиска»-гимнастка

Это произошло на факультетских соревнованиях по гимнастике. Спортзал того времени располагался в бывшем общежитии над кочегаркой. От нашего курса в соревнованиях участвовали Ладынина Мила и я. Мила была уже хорошо подготовленной гимнасткой, а я кое с чем справлялась на занятиях физкультуры. Итак, соревнования начались. У Милы все отлично. Я с грехом пополам одолела почти все снаряды, кроме колец. Стариков, наш физрук, посадил меня на снаряд, и я повисла на них, как куль с добром: ни вздохнуть, ни охнуть. Боюсь прох-

нуться. И вдруг выкрик: «Эй, сосиска, чего болтаешься, хватит висеть, время идет!» И от этого крика я полетела вниз... прямо в руки Старикова.

На занятиях физкультуры еще долго звучала в мой адрес эта «Сосиска».

Но все же мы с Милой, а точнее, благодаря ей набрали достаточно баллов, чтобы быть среди лучших.

Вы видели, как летают каблук?

А летали они в Молотовском театре оперы и балета на заключительном концерте художественной самодеятельности.

Дело было так...

Университетский ансамбль песни и пляски завершал этот концерт. Звучит «Калинка» в исполнении хора. Павел Эпштейн (историк) объявляет «Уральскую кадрили». Идет последняя фигура кадрили. Танцоры выдают ее, да так, что у меня на последнем такте отлетает каблук. Начинается каблучный полет. Отлетевший от сапога каблук приземляется прямо у ноги ведущего. Он не растерялся и, объявляя последнюю фигуру, поддает каблук в сторону оркестровой ямы, где пристроились наши драмкружковцы. И летящий каблук закончил свой полет на лбу Льва Давыдычева. Далее идет «Украинская сюита». И под заключительные аккорды «Гопака» раскололся каблук у моей подружки, а отлетевшая половинка отправилась вслед за своим товарищем.

Так и летали наши каблук. А весь ансамбль зрители долго не отпускали со сцены.

Катавасия с моим именем

Во время учебы в университете я была Евгения Валдайских. Такое сочетание имени и несклоняемой фамилии может принадлежать и мужчине и женщине. Случаются казусные ситуации. Так было и со мной. В студклубе награждали за успехи в художественной самодеятельности студентов-активистов. Называют преимущественно студентов мужского пола. И тут звучит моя фамилия. В зале сразу громкий смех. Под этот смех добираюсь до президиума и слышу: «Хорош у нас Евгений Николаевич!» Мне стал понятен всеобщий смех. Грамоту с правильным именем мне вручили и подарок тоже. Он был чисто женский – капроновые чулки – мечта всех девушек того времени.

Поход за сиренью

Июнь. Закончилась сессия. Благоухает сиренью Ботанический сад. Вокруг памятника Ленину и Горькому заканчиваются танцы. Пора

идти в общежитие. Уже вымыты ноги в чашах фонтана – вода до наших общежитских этажей не доходит. Все почти разошлись. Задержалась наша дружная четверка и Володя Радкевич. Посмотрел на нас и спрашивает: «Что, девчонки, сирень надо?» – «Да» – отвечаем. – «подождите», – и исчез в саду. Переживаем. Это нарушение приказа ректора. Но Володя с огромной охапкой белой сирени уже перед нами. Запахнув сирень полой пиджака, он повел нас на ректорскую вахту. Вахтер пыталась удержать нас. Володя же преподнес ей букетик сирени и что-то прошептал на ушко. Кавалер проводил нас до нашего 5 этажа.

Выпускной бал

Июнь 1951 года. Выпускники всех вузов города заполнили зрительный зал недостроенного Дворца культуры им. Сталина по приглашению администрации города. Молотовская драма давала премьерный спектакль. Вот уже последний акт. Установилась тишина. И вдруг в зал ворвался штормовой ветер, сорвал занавес. Раздались прямо над головами удары грома, оглушившие зрителей. Через какое-то время установилась тишина, прерываемая различными вопросами. Погасло освещение. Кто-то тихонько завел песню. Зал подхватил, и полились песни одна за другой. Хористы вузовские выдают весь свой репертуар. Все их поддерживают. А время шло. Близилось утро. И только к пяти часам утра все прояснилось. Нас, зрителей, стали выводить осторожно через служебные выходы. Дождь перестал лить. Каким чудесным был воздух после грозы. Погода улыбалась нам, уходящим во взрослую новую жизнь! Вот таким был наш выпускной бал.

Давайте почихаем, или «Апчихи!»

Это игра, в которую можно играть коллективно. Начинают игру 4 человека. Можно удвоить, утроить и т. д. Начинает ведущий. Заводит звуковое «а-а-а-п» голосом, взмахивает рукой, и в игру вступают остальные, предварительно выбрав себе слова «спички», «хрящи», «ящички». Все игроки одновременно с ведущим выкрикивают каждый свое слово. И если все выкрикнут одновременно, получается веселое «апчихи». Все это вызывает всеобщий смех. Можно повторить этот процесс «чихания» неоднократно. Поиграйте, посмейтесь, и ваше настроение поднимется. «Апчихи!»

А. Зибзеева, Л. Грузберг,
выпускницы 1959 г.

Смешные глупости из лет пятидесятых...

Нина Федоровна Аверина (в далекие 1950-е – Нина Кислова, выпуск 1959 г.) уже полтора десятилетия живет в Австралии, хотя навеки верна Перми и каждый год за собственный счет издает здесь свои умные книги, открывающие нам много нового об очень старом. Все они посвящены истории Перми, возвращают в нее людей, достойных нашей благодарной памяти. У самой Нины Кисловой благодарная память и верность любому из ушедших восьми десятилетий ее жизни – просто поразительные. Достаточно сказать, что куда-то в «потустороннюю и наоборотную» Австралию она уволокла среди необходимого и дорогого черт знает какой древний свой архив – желтенькие листочки со своими стихотворными строчками из самого начала студенческой жизни! Ладно бы своими, а то и нашими, ее товарищей по группе. И вот теперь, спустя много лет, с оказией и почтой время от времени возвращает эти шедевры: любуйся, мол, какими романтическими дурочками мы были.

На этих страничках сохранились не только взаимные лирические излияния и следы графоманских поединков, но и некоторые опусы, наверное, уместные в этом сборнике.

Опус первый **Письмо декану**

Коллективное творчество

Германа Овчинникова, Владимира Демидова,
Вячеслава Мешавкина, Николая Кузнецова. Осень 1956 г.

Необходимое предисловие, *написанное Ниной Авериной (Кисловой) сегодня*

Нас, студентов 1950-х годов, постоянно посылали осенью в колхозы, за исключением выпускного курса, когда денно и нощно мы должны были писать свои дипломные. Да плюс к этим ежегодным отработкам прибавлялись добровольно-принудительные. Например, полоть в июле на бескрайних колхозных полях еле-еле выглядывающую из земли кукурузу; помогать возводить на окраине Перми нефтеперерабатывающий завод; поднимать в дальнем Казахстане целину... Но как-то особенно тяжелы были холодные, дождливые дни в колхозе! Экипировки, какой нынче никого не удивишь, мы и в глаза не видели.

Хорошо, если нашлись в доме телогрейка или сапоги старшего брата 40-го размера. А я вот, приехав учиться из относительно теплого (по уральским меркам) Челябинска, ездила в колхоз в стареньком пальтишке и скособочившихся ботинках, которые в осенней деревенской слякоти расплзались вконец. Хорошо, если погода была терпимой, а вот ежели зима начинала слишком торопиться! Особенно тяжело пришлось нам на третьем курсе. Дело было в Карагайском районе. Погода стояла – хуже не придумаешь. То дождь, то снег, холодно на улице, холодно в избах. Но особенно плохо было с питанием. Даже хлеб испечь не всегда удавалось: выдадут муку – забудут про соль; наконец-то привезут соль – мука уже кончилась. Девочки дергали лен, ребята лопатили навоз, скирдовали солому... Мы жили в одной избе, они – в другой, конечно, вместе с хозяйками и их многочисленной детворой (мужиков, как правило, в селениях не было). Утром пили жиденький чаек с тем, что бог послал, обедали на льняном поле холодной кашей из подозрительного вида ведра, а ужинали вместе с парнями в наших «хоромах» каким-нибудь супчиком или чем-нибудь в этом роде.

Это колхозное бытие 1956 года без особого преувеличения и описывают наши однокурсники в «Письме декану».

Сентябрь. Колхоз. Икаем с голодухи,
Неся свои худые брюхи,
Идем утрами на работу еле,
Как будто вовсе и не ели.
Болит спина. Простужен нос.
А... Корольчук строчит донос,
Что мы колхоз совсем объели
И на соломе зажирели.
Отец наш милый, ей не верьте,
Верны мы Вам до самой смерти.
И, помня Ваши директивы,
Не покладая рук и вил,
Мы на работе хлопотливы,
Из кожи лезем что есть сил.
В обед мы хлеб и соль едим,
А по ночам на досках спим.
А... благородные натуры
Свои неясные фигуры
Вложили в мягкие перины,
Все эти Лены, Томы, Нины...
И нас с утра под дождь толкая,

Из окон глядя на мороз,
Дают указ – таскать навоз,
А сами книжечки читают,
На картах весело гадают
О неизвестных женихах,
И слышны вздохи «Ох!» и «Ах».
А уходя метать зарод,
Мы слышим, говорит народ:
«Девчата ваши много ден
На поле, сидя, тянут лен,
Но, несмотря на их труды,
Лен ни туды и ни сюды».
С уваженьем,
Прямо с поля:
Гера, Вова, Слава, Коля.
(Не таим от вас греха.
Отказался Толя Ха).
3.09 ч. 16/IX к-з Моло [далее назв. колхоза нерзб.]

Необходимые примечания Нины Федоровны

Во всем ребята правы, только девичье житье-бытье приукрасили. Спали мы не на перинах, а на полу, в один ряд с хозяйскими ребятишками. И вот, мы так озверели от подобного житья, что в один прекрасный день из колхоза сбежали. Проголосовали на дороге, спрятал нас сердобольный шофер под брезент своего грузовика. Довез до станции.

Сбежали без ребят. Они могли бы все сорвать. Как нам казалось, на подобный дерзкий шаг были не готовы. Это не декану мнимый донос строчить. Кстати, строчили его Гера Овчинников, Вова Демидов, Слава Мешавкин, Коля Кузнецов. Толя Ха недавно перевелся в наш университет откуда-то из Средней Азии и к нашей уральской вольнице еще не привык.

Нечаянное дополнение А. Г. Зебзеевой (Сычевой)

Раз уж Нина написала, что мы и кукурузу пололи, вспомнила те замечательные две недели посредине лета и я. Нас было человек десять девчонок, а бригадиром был назначен старшекурсник Борис Брюшинин. Спали все в одной избе: на полатах, на полу, Борька – на какой-то лавке у печи. Вечером, чтобы на просторе улечься, его выставляли за порог. Возвращаясь, он непременно пошучивал, например: «А теперь выходите все, я раздеваться буду». Тут начинались всякие рассказы-страшилки, прямо как в пионерском лагере. Однажды кто-то

нечеловеческим голосом вещал про черный-черный гроб, черную-черную руку и пр. Было жутко и очень смешно. И вдруг, на фоне этой сладкой жути – опять же нечеловеческий вопль! Тем, кто лежал на полу, реально привиделась в ночной избяной тьме парящая под потолком белая-белая нога! Отдельная такая. Завопишь тут. Лишь через какое-то долгое мгновение стало ясно, что нога – не отдельная, а Майки Корольчук. В доске на полатах оказалась дыра: туда эта нога и провалилась. Незабываемое, надо сказать, было зрелище. Уже и доброй, уютной Майки на свете нет, а эта милая смешная глупость не забылась.

Опус второй

Начало «Объедиады»

*Предисловие Нины Авериной (Кисловой), написанное в 1955 г.
Надеемся с Элей Сычевой, что стихотворение это послужит началом целого цикла стихов «Объедиада», написанного в столовой.*

Комментарий А. Г. Зебзеевой (она же Эля Сычева) из 2018 г.

Сегодняшней студентуре невозможно поверить в то, что в нашу пору в столовой работали официантки! Самообслуживание я увидела в общепите только спустя несколько лет, и то не у себя дома, а во Франции, в Париже, куда счастливо попала по безвалютному обмену делегациями между студенческими союзами. А тогда, на нашем первом курсе, ухватив столик, ты, молодой и бойкий, сидел в ожидании, когда кто-то такой же молодой и не слишком бойкий (вас много, я одна!) принесет тебе вожденную еду. Единственное требование к едокам – отнести грязную посуду. Прямо-таки непосильное.

И вот, сидя за удачно ухваченным столиком, придумываем себе разные занятия (сейчас студент непременно бы вперился в смартфон). Тогда и положено было начало «Объедиаде», которая так и не претворилась в эпическую поэму на манер древнегреческих, да мы и стилистически к этому явно не стремились. Однако начало этому никогда уже не завершенному коллективному труду было положено! Кстати, упомянутый здесь некий Володька Романов – реальный персонаж, дальнейшая судьба которого нам, увы, неизвестна.

Вижу спину Володьки Романова.

Он давно уплетает обед.

И корпит над стишонками заново

Полный горестных мыслей поэт.

Где обед мой? Когда он появится,

Чудным видом мой взор усладит?

Может, тоже на кухню отправиться –
Так, как сделали те, впереди?
Профначальство с обедом управилось
И на кухню посуду снесло.
...Мне в бредовом тумане представилось
Блюд несчитанное число.
И сижу в ожидание обеда я
Сорок семь драгоценных минут,
На начальство столовское сетуя...
Боже мой!!!
Неужели несут?!!
(Обморок)

С. Рябова,
выпускница 1965 г.

Наши истории (из 60-х)

Как мы были иностранками

На втором курсе это было. Сидим мы как-то с Дусенькой Ткачевой в нашем лошадином (когда-то здесь располагалась конюшня) студенческом общежитии. Скучно стало, эстетики никакой, а Дуся владела немецким языком, поступив на первый курс, лучше всех: она этим немного бравировала, нам тоже очень нравилось. И вот сидим мы, сырые, убогие, я и говорю: «Дусь, чего добру пропадать, надо как-то использовать твои способности. Пойдем погуляем, да изобразим из себя иностранных туристов». А жили мы на Заимке, в углу глухом, диком. Как могли там оказаться иностранцы, вопрос, конечно, на засыпку. Но мы об этом не думали.

И вот встречаем мы компанию из трех человек: мужчина и две женщины. Свои роли мы распределили так: Дуся – иностранец, я – переводчик. Потом, правда, забыли, и обе «косили» под иностранцев. Дуся на немецком спрашивает, как найти дорогу. Наши собеседники ничего не понимают. Сцена повторяется снова и снова. Мы уже обе машем руками. Они слушали-слушали, и им вдруг что-то не понравилось. И они: «А кто вы такие вообще? Что тут делаете?» И совсем неожиданно: «А ну-ка снимайте часы!» И как они на нас понесли! Как руками замахали! Даже про часы забыли. За кого они нас приняли, не знаю. А сами-то шли с вечеринки, судя по всему.

Бежать нам нельзя – мы же иностранцы. Молчим. Давай пятиться. Ничего объяснить не можем. Побежали в конце концов.

Режиссера у нас не было. И мы потерпели полный конфуз. Видно, наши «противники» догадались, что мы прикидываемся. Ладно, не навесили по полной.

Почти по-пластунски

Меня лично восхитил случай, участником которого я не была, но очень хотелось повторить. А дело было так.

Наши университетские поехали в Ленинград, хотели попасть в театр Товстоногова. А поскольку билетов не было, да и были бы – им не по карману, то, конечно, расстроились: как никак в эту даль ехали. И вот что придумали.

У театра толпился народ, и в вестибюль люди тоже входили по очереди. Наши студенты встали на четвереньки, друг за другом, и в ногах у входящих поползли в театр мимо билетера. Те, в чьих ногах они ползли, конечно, их замечали, но студенты маячили им: не выдавайте! И действительно никто не выдал. Наши студенты в театр попали.

А я долго расстраивалась, что не додумалась до этого простого метода.

Идет охота...

Из детства я выходила тяжело: и в студенчестве хотелось озорничать, совершать что-то неожиданное. Окружающие смотрели на это по-разному. И вот однажды однокурсница Надя Мельникова (она жила дома) говорит мне: «Слушай, ты где-то все ходишь, набираешься впечатлений, подключи хоть раз и нас». Я отвечаю: «Ладно, возьмете ножи, отпроситесь у родителей на ночь. Переночуете в общежитии и вечером пойдем на дело».

Человека четыре собрались. Про ножи я, конечно, пошутила, но все принесли. Мы их оставили в общежитии. А сами пошли на ближнюю остановку Дальняя. Там прямо на улице были высажены георгины и прочие цветы. Я скомандовала встать на колени, все встали, и мы поползли. Доползли до места, где цветы погуще. Я объявила наши принципы: землю не топтать, цветы с корнем не вырывать, и чтобы незаметно было, что тут потери. Доползаем уже до конца клумбы, и вдруг голос: «А-а-а, что вы там делаете?!» Наша банда бодро вскочила и с позором помчалась прочь. Кто-то с добычей, а кто-то и нет.

По крайней мере, на следующий день было о чем поговорить.

Что оставим потомкам?

1 апреля – мой любимый день. Обмануть кого-то – святое дело.

У меня есть знакомая, которая живет в лесу. Я ей позвонила 1 апреля и спросила, как готовить сморчки. Она расспросила, где мы их нашли, я ей что-то рассказала. Она даже не усомнилась: какие, мол, грибы в эту пору, когда еще снег не сошел. Это был психологический обман.

А вот придуманный обман. К нам в город как раз под 1 апреля приехала выставка восковых фигур. Я стала обзванивать своих знакомых и говорить: я нанялась на эту выставку поработать, и приехавшие мастера, мол, готовы сделать фигуры известных людей Перми, но надо им попозировать. Они, мол, даже готовы заплатить за позирование, да еще потом согласны оставить вам свою работу бесплатно. Все поверили, кроме Евгения Соломенного. Он ответил: «Свою фигуру оставить не хочешь?»

И точкой в небе – Фидель Кастро

Сообщение, что в Свердловск приехал всеобщий тогда кумир Фидель Кастро, а на завтра у него назначена встреча со студентами Уральского университета, упало на благодатную почву. По крайней мере, мне пришла идея: а что, если поехать туда?! В университет пустят же.

В конце концов у нас собралась группа человек в пять, и мы поехали на Пермь-2 на свердловский ночной поезд. Решили, что купим дешевые билеты до первой станции, а там спрячемся.

Но проводники быстро нас разоблачили и пошли тут же, едва поезд тронулся, проверять билеты. Пришлось выкручиваться. У Гали Абзаловой, например, вообще не было билета. Мы ее затолкали в багажный ящик, подложили книгу, чтобы ей было чем дышать, а сами сели сверху. Попутно обнаружили в вагоне студенты-историки, которые ехали за тем же, что и мы. Было приятно, что наша идея пошла в массы, но понятно и то, что нас набралось уже человек 30, и столько безбилетников никакими силами не скроешь.

Дальше нас всех собрали и «обнадежили»: и не надейтесь, что не сойдете на указанной в билетах станции. Что тут началось! Слезы, мольбы, страсти... В конце концов убедили. «Ну ладно, – сказали нам. – Доедем до Свердловской области, передадим вас им, и пусть они решают, что с вами делать». Так и поступили. И там пожалели: куда нас высаживать на середине пути.

Высадились мы в Свердловске счастливые: доехали! Солнце сияет, все вокруг нарядно. Кто-то купил газету, и читаем: «Сегодня Фидель Кастро покидает гостеприимный Свердловск». Как? Что с нами было! Не сговариваясь, мы сбились в стаю и рванули в аэропорт Кольцово. Было 8 утра. «Мы еще успеем», – решили. На автобусе доехали до какой-то точки, нас высаживают, объявив при этом, что дальше никакой транспорт не пойдет, все оцеплено из-за Фиделя Кастро.

Мы спортивной ходьбой побежали в сторону аэропорта. Все машины действительно стояли, а люди глазели на нас: грязных, запыхавшихся, одержимых. Прибежали на какой-то перекресток и увидели машину типа бензовоза. Мы повисли на ней, как груши. Стали еще грязнее, но нам уже было все равно.

И вот мы увидели автобусы. В них сидели счастливые люди, махали флажками, улыбались. Я, зачуханной бензовоза, подошла к одному из автобусов. И тут слезы покатились по моим измазанному щекам. Ведь когда мы подбегали к этой автостоянке, то увидели в небе точку – самолет, на котором улетал Фидель Кастро. А сейчас какая-то женщина в автобусе сказала своей соседке: «Смотри, девочка плачет. Давай подарим ей флажок». Я его до сих пор храню.

В обратную дорогу мы отправлялись вообще по одному билету на всех. Обошлось, как и на первом пути. Правда, высаживаться пришлось через окно перед тамбуром, проявляя чудеса акробатики. Напротив же стоял воинский эшелон. То-то солдатикам было зрелище! Они хохотали до слез.

По возвращении в университете нам пригрозили подачей объяснительных, деканом и отчислением. Несколько дней мы и жили под этим «мечом».

В. Рябухин,
выпускник 1981 г.

Молодость-глупость (из 70-х)

1 апреля

1 апреля 1978 года. Факультет в здании «Восьмерки». Выносим из аудитории стол, приставляем к двери мужского туалета, пишем записку: «Туалет закрыт ввиду ремонта. Проверено: слесарь Бельский» (Александр Андреевич Бельский, в 1978 году декан филологического факультета). Буквально через 15 минут гневный блеск красивых глаз

Лидии Ивановны Губиной, когда, пробегая по всем аудиториям, она спрашивала, почти шепотом: «Кто это сделал?».

Любимое блюдо (My favorite dish)

Илгам Юнис Юсуф Олигушат-оглы Сафаров – просто Алик – один из первых азербайджанских студентов филфака. Английский язык с очаровательной Ларисой Михайловной Алексеевой. Тема – что-то про еду, любимые блюда. Алик не был прилежным студентом, перед занятием попросил помощи. «О чем бы тебя ни спрашивала Лариса Михайловна, говори: eggs (яйца)». Так Алик и отвечал по поводу своих кулинарных предпочтений первых, вторых блюд. Про десерт Лариса Михайловна спрашивать Алика не стала.

Отрывки из обрывков

А Вы, Левцун, Вы любите ль стихи?
Глаголом жгут ли сердце Ваше строки?
Иль Ваши интересы однобоки,
А мысли неуклюжи и сухи?
Поэт Чухонцев...
Вы с таким знакомы?
И как давно?
А если нет, то жаль...

(Владимир Баженов – Александру Левцуну)

Институты пустеют, театры, кино,
Мастер ищет рабочих, жены – отцов
Пьют мужчины запоем Пермской фирмы вино,
Как к тому призывал их винопийца Рубцов:
«Пейте, сильные мужи, вспоминая меня,
Жаль, друзья, что не дожил я до этого дня...»

(Александр Левцун)

...Меж мною и сапогами какая-то связь родилась...

(Григорий Романенок во время занятий на военной кафедре)

...Ты сидела на полу, озирая мутным взглядом,
Ту собачью конуру, где жила...
Присел я рядом...

(Александр Левцун)

Истории из 80-х

Про то, как мы в Киев ездили

Весной 1981-го года наша дружная группа Б, победив в конкурсе на звание «Лучшая академическая группа ПГУ», с воодушевлением отправилась в Киев – так родной университет позаботился о нашем культурном досуге, наградив нас, второкурсников, поездкой в тогда еще дружественную нам Украину. Опустим описание прекрасных семи дней, проведенных нами в цветущем весеннем Киеве – город был великолепен, гостиницу, где мы должны были жить, то ли затопило, то ли что-то там перегорело, благодаря чему поселили нас в шикарном (по тем временам) отеле «Мир» (надо же было нас куда-то девать).

В Киеве нам нравилось все: красивейшие каштаны, необычная архитектура, залитое солнцем яркое голубое небо, доброжелательные киевляне, красивый и остроумный экскурсовод-грузин, увлекательные экскурсии и долгие вечера с песнями под гитару и стихами любимых поэтов. Неделя пролетела как «миг между прошлым и будущим».

День отъезда подкрался незаметно... В поезд мы сели с отличным настроением, но практически без денег и запасов провианта. Прагматичная мысль о том, что дорога предстоит длинная и надо купить с собой хоть какие-то продукты, как-то даже не пришла в наши филологические головы. Тем более что кормили нас в Киеве отлично, и уезжали мы после обильного ресторанного ужина.

Ровно на половине пути закончилась та скромная еда, которая у нас все-таки обнаружилась, а молодые растущие организмы снова потребовали есть. Тратить оставшиеся копейки на замшелое вагонное печенье по цене торта «Киевский» никому не хотелось – мы еще до Москвы не доехали, а оттуда надо было до Перми как-то дотянуть.

И тут в нашем коллективном разуме родилась гениальная идея: воспользоваться для добычи еды вокальными и артистическими данными Людки Лисковой. Она тогда обладала высоким чистым голосом и наивным взглядом прекрасных карих глаз, которые выглядывали из-под увесистых очков так, что в нашей ситуации вполне могли бы сойти за свидетельство сильного недоедания. К тому же в ее богатом репертуаре имелся несомненный хит советских беспризорников: «Дяденьки-тетенькиииии, я прошууу вашей милоооостиии... Пожалейте холодноую, пожалейте голодноуюуюуюуюую...» Людкиного согласия на гастроли, надо сказать, никто особо не спрашивал. Мы просто сунули

ей в руку полиэтиленовый пакет и сурово напутствовали: «Иди и пой. И без еды не возвращайся!» На робкие просьбы потенциальной добычи составить ей компанию мы дружно отвечали, что только испортим всю малину, и затаились в купе, потихоньку подглядывая и подхихкивая.

И пошла наша Людка в люди! Она шла по вагону с протянутой рукой, убедительно смахивая на сироту голодных послевоенных лет. «Дяденьки, тете-е-еньки...», – жалобно выводила она, вызывая даже у нас чувство необъяснимой щемящей жалости...

Наше авантюрное предприятие имело неожиданный успех: Людка вернулась с добычей, притащив полный пакет провианта, которого нам хватило до самой Перми. Там была даже полноценная курица! Молодые организмы филогенетических дев были спасены для дальнейшей счастливой жизни.

И вот что важно для понимания этой истории. Сегодня никого не удивить играющими на скрипочках и поющими в общественном транспорте мальчиками и девочками. В нашем же кульминационно-советском 1981 году это было невозможно. Вот просто – исключено. Как сказали бы сейчас, это был перформанс чистой воды. И еды. Кстати, Тамара Ивановна (любимый наш куратор «мама Тамара») активно участвовала в нашей невинной аванюре: вполне одобряла затею и давала дельные советы, хохоча вместе с нами (но подпевать тоже почему-то не пошла).

Ограбление по...

Первая сессия на первом курсе. Самый страшный экзамен – устное народное творчество – уже сдан, впереди еще несколько, хотя после первого испытания на прочность дотошностью МарьСанны мы вполне приободрены и воодушевлены, и оставшиеся экзамены уже не кажутся нам абсолютным кошмаром, как ощущалось раньше.

...Перед следующим экзаменом – по истории КПСС (думаю, современники помнят, что это такое) мы – с десятка самых активных и неугомонных – собрались в нашей комнате в «восьмерке» (было такое чудесное общежитие на территории университета, переоборудованное потом в профилакторий, мы еще успели там побывать), где наш молодой преподаватель А. А. Строканов организовал для нашей группы консультацию накануне экзамена. Лекции по истории партии нам читал величественный и невозмутимый С. И. Корниенко, практические вел «вечный двигатель» А. А. Строканов, в том же 79-м, когда мы стали студентами, университет закончивший.

Строкановские семинары по истории партии запомнились нам как одно из интереснейших «мероприятий» первого курса. Несмотря на изначально сомнительную творческую составляющую данного предмета, занятия Строканова всегда проходили очень занимательно: мы постоянно о чем-то спорили, выдвигали самые невероятные гипотезы на темы «Что было бы, если бы...», в дебатах делились на партии, при этом кто-то был Лениным, кто-то Троцким, кто-то Зиновьевым, ну и так далее. В общем, было нескучно и интересно.

Так вот, темным январским вечером 1980 года сидели мы, прилежные филологические студентки, за некруглым общежитским столом и под руководством нашего молодого преподавателя готовились к предстоящей встрече с С. И. Корниенко. Народу в комнате было довольно много: кроме общежитских закрепить полученные партийные знания на консультацию явились и многие «домашние» (они вообще очень любили нашу «восьмерку» за ее весьма демократичный и несколько странный быт).

Погрузившись в перипетии партийной борьбы, мы с удовольствием задавали Строканову самые разные провокационные вопросы по отдельным билетам, на которые он отвечал очень нестандартно (на экзамене все это вряд ли можно было озвучить, зато нам было весело и интересно).

В самый разгар образовательного процесса за окнами (наше выходило на железнодорожные пути Горнозаводского направления Перми-П) раздался душераздирающий женский крик: «ПОМОГИ-И-ТЕ-Е!» Неподдельность вопля сомнений не вызвала, и мы – несколько некрупных девчонок во главе с любимым преподавателем, не сговариваясь, рванули на улицу – спасти страждущую. По дороге до дверей общаги компания наша слегка поредела: несколько студизусов из других комнат, пришедших в нашу комнату в легкой домашней одежде, вовремя смекнули, что их амуниция вряд ли пригодна для участия в спасательной операции на крепком январском морозце, и благоразумно вернулись домой – ждать, чем все закончится. Пермские были одеты тепло (из дома же приехали), поэтому в результате по крутой насыпи, откуда по-прежнему неслись крики о помощи, мы карабкались уже меньшим составом: Света Дьякова лезла, в прямом смысле слова роняя на ходу тапки – она одна не отстала от нас, одетых, хотя тоже была общежитской.

Добравшись до вершины (Строканов, естественно, нас опередил, поэтому наша группа поддержки прибыла на место происшествия на минуту позже), мы обнаружили такую картину: у паровоза стоял пожилой машинист, державший за шиворот мелконького невзрачного

парнишку, рядом с ним стояла ревущая девчонка с дипломатом в руках (думаю, о том, какую ценность представляла сия вещь в те годы, рассказывать не надо!)

Подбежав к этой странной компании, первое, что мы услышали – это вопрос машиниста Строканову:

– Девки-то его?

– Мои! – гордо ответил Строканов, не без сомнения оглядывая наш полуодетый партизанский отряд.

Как выяснилось тут же, пострадавшая девочка (отличница, наверное!) допоздна засиделась в читалке исторического корпуса и не торопясь возвращалась домой, когда из ее рук вероломно был выхвачен дипломат с только что законспектированными работами Ленина. (!) Как потом сказала девица, больше всего ей было жалко даже не дорожный дипломат, а именно тетрадь с этими злосчастными конспектами, плодами ее многочасового бдения читальном зале...

Машинист очень торопился, поэтому вручил воротник незадачливого грабителя Строканову, взяв с того слово, что сдаст «бандита» в тогда еще милицию (она располагалась в те времена буквально в сотне метров от места происшествия). Так мы и отправились в опорный пункт: зареванная девчонка, наша странного вида компания, возвышающийся над нами Строканов и семенящий рядом с ним «виновник торжества». Он и не пытался убежать, мы даже познакомились с ним (помню, что звали его Анатолием). Строканов по пути проводил с ним воспитательную беседу (парень был соседский ПТУшник и на «дело» вышел явно впервые. Вот чтобы неповадно было, мы и доставили его к стражам порядка.

В милиции с удивлением оглядели наш разноголосый табор (на вопросы мы отвечали хором или синхронно замолкали, чтобы было понятней), усадили за написание объяснений вместе с Анатолием (его тут же милостиво отпустили на свободу до выяснения всех обстоятельств), после чего мы всей дружной компанией вывалились на улицу. Строканов и Анатолий пожали друг другу руки, и мы вернулись домой, где живописно и не без преувеличений рассказали друзьям о нашем небольшом приключении на тему «В жизни всегда есть место подвигу».

Чем же закончилась эта грустная и одновременно веселая история? Повестка в милицию спустя пару недель пришла только Строканову и почему-то Люде Лисковой: видимо, наши объяснения были похожи друг на друга как близнецы-братья, поэтому выбор пал на одну из нас, самую красноречивую. Людка рассказала потом, что на судебное заседание шла с трепетом (ибо впервые). Анатолий на суде

произвел столь жалкое впечатление, раскаивался и с таким восхищением рассказывал о том, как на жизненном (железнодорожном) пути ему встретились необыкновенные люди, оказавшие на него такое благотворное влияние, что Людка обратилась к гражданам судьям с пламенной речью в духе Максима Подберезовикова: «Казнить нельзя – помиловать!»

Л. Лискова,
выпускница 1984 г.

«Пани чешка?»

Мы – юные и прекрасные бешки, победившие в конкурсе на лучшую студенческую группу – приехали в Киев в феврале, но было ощущение, что попали в абсолютную весну. Видимо, это так остро ощущалось по контрасту с пермской погодой (ну и возраст у нас был такой – весенний!) И весенний дух Олимпиады-80 еще витал в городе, недавно принимавшем спортсменов и туристов со всего мира. Тогда – во времена железного занавеса – это было волнующе-свежо и ново. Прекрасный новый мир.

Прекрасным и новым оказался (ну или показался) и «гостель» Мир, в котором нас поселили. А еще – в нем жили иностранцы! За иностранцев вполне сошли поляки, которых почему-то было очень много. Мы же тогда как раз начали изучать польский язык! – и тут подвернулась возможность пообщаться с носителями. Но как-то не очень сложилось... Дальше фразы: «То ест моя коллежанка Жанна (Оля, Марина и т.д.)» – дело ни у кого почему-то не пошло.

А надо сказать, что в тогдашнем Киеве, как вспоминал недавно председатель оргкомитета Олимпиады, «повеяло капитализмом» – в магазинах появились «Кока-Кола», «Фанта», салями, водка «Финляндия» и сигареты «Мальборо» по полтора рубля. И вот в первый же день возвращаемся мы из города, и Ольга Беломытцева (яркая, ослепительно красивая, сероглазая, светлокосая) тащит огромную авоську со всеми этими «капиталистическими ценностями». Жили мы на каком-то очень высоком этаже, вызвали лифт. Вместе с нами туда заходят поляки и почему-то сразу спрашивают Ольгу: «Пани чешка?». Белка вежливо им отвечает: «Нет, я русская». Те – опять: «Пани чешка?» – «Нет, я русская» Диалог этот продолжался довольно долго, пока Белка не завопила: «Да русская я!! Русская!»

И только когда мы пришли в номер и стали рассказывать об этом своим, до нас дошло: поляки хотели помочь хрупкой пани и сначала

робко, а потом настойчиво спрашивали: «Пани тяжко?»... Представляете, мужчины предлагают помочь девушке донести тяжелую сумку, говорят, что ей тяжко, а она кричит: «Да русская я, русская!». Типа – мне не может быть ничего тяжело по определению. Вот прямо щас и коня остановлю, и в избу зайду, и еще вас всех оттуда вынесу...

М. Шилова,
выпускница 1984 г.

Памятник

Exegi monumentum aere perennius
regalique situ pyramidum altius,
quod non imber edax, non Aquilo impotens
possit diruere aut innumerabilis

Еще на первом еще курсе мы подружились с Алкой Волкоморовой, талантливой поэтессой, интересной собеседницей и своеобразной по характеру девчонкой. Пару лет мы практически не расставались. И в Киев в составе лучшей группы ПГУ 1980-81 года, конечно, тоже поехали вместе. Надо сказать, что мы только что сдали третью в своей жизни сессию и радовались свободе, каникулам и неожиданной киевской весне – в Перми в январе стоят морозы и лежит снег.

Киев был первым таким самостоятельным выездом из пермского детства. Конечно, мы ездили в такие путешествия с классом, но свободой там и не пахло – несовершеннолетних, пусть и почти взрослых, кто пустит гулять в одиночестве? Или парами – не суть.

А тут – Киев, весна, свобода.

И уже оставшаяся позади сессия. И позади – изучение мертвого языка латыни и стихотворение Горация «Памятник», который требовалось знать непременно наизусть и именно на латыни. Хотя все мы знали его вариант – перевод Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»... Вольный перевод.

Но о латыни думать не хотелось уже и никогда. Хотелось чего-то особенного. И я решила обрезать косу. Нельзя сказать, что это была огромная коса, но все же вместе с детством хотелось расстаться еще с чем-то – пусть будут волосы. Киев – это уже почти Запад, это точно столица, пусть и советской республики, это мода и стиль.

Мы зашли в первую попавшуюся парикмахерскую где-то на Крещатике. Алка каким-то совершенно нерусским голосом спросила, кто

крайний. И мы заговорили... Цитатами из «Памятника» на не очень чистой, но таки латыни, с выражением.

- Exegi monumentum? – просила Алка.
- Aere perennius, – задумчиво парировала я.
- Regalique situ – настаивала Алка.
- Pyramidum altius, – возражала я.
- Quod non imber edax, – жалобно вздыхала Алка.
- Non Aquilo impotens, – я была непреклонна.
- Possit diruere aut innumerabilis, – соглашалась подруга.

Тетка в гардеробе, до этого неслышно дремавшая над книжкой, проснулась и жалобно вздохнула: «Опять не наши приехали»...

Мы не стали ждать своей очереди, вылетели из парикмахерской и только через квартал от нее остановились и захохотали... Так знания латыни нам хотя б раз в жизни пригодились.

Мат по-филологически

Русский мат – это отдельный язык, естественное направление нашего и без того весьма разнообразного языка с его многочисленными жаргонами, диалектами и прочими языками живущих народов и народностей по соседству.

Мы не матерились в принципе вообще. Кое-какие слова знали, конечно, слышали во всяком случае. Но вот чтоб употреблять – как-то за семнадцать лет в нашем обиходе принцесс и королевичиш не прижилось ничего, грубее дуры.

А иногда требовалось и грубее. Но мы – ни-ни. Мы терпели и улыбались, и при этом изучали русский язык. И старославянский.

Наш праязык напоминал песню. Красиво и почти понятно. Преподавал нам старославянский Соломон Юрьевич Адливанкин. Это был совершенно особенный преподаватель. Советский лингвист, декан филологического факультета Пермского университета, автор уникальных для 1970-х годов учебников по фонетике праславянского языка, один из основателей пермской школы дериватологии, один из создателей Акчимского диалектного словаря.

Про Акчимский словарь можно говорить отдельно – весь наш курс можно смело записать в соавторы, потому как мы активно трудились и на практике, и при составлении картотеки. Но это отдельная история.

А мы вернемся к старославянскому языку и к изменениям, которым он подвергался. В частности – язык подвергался палатализации. Этот термин мы усвоили четко, потому что влюбились в само слово – палатализация! Слово «палатализация» происходит от лат. *palatum* –

среднее нёбо. Этим термином называется преобразование твердых согласных в мягкие, иначе – просто смягчение.

Всего было три палатализации. Объясню для понимания – первая палатализация – это переход звуков [k], [g], [x] в шипящие [č], [ž], [š] перед гласными переднего ряда. В современном русском языке это отражается в виде позиционных чередований при словообразовании: рука – ручка, ручной, вручать; друг – дружок, дружно, дружить; порошок – порошок, запорошить.

А затем мы узнали про йотированные звуки. Напомню: четыре гласные русского языка могут одновременно обозначать два звука, и это буквы Е, Ё, Ю и Я, которые и называют *йотированными*. Ну, слово тоже красивое и для непосвященных непонятное.

Так родилось наше и только наше выражение – «в три палатализации йотированную мать». Слово «мать» и придало этому в общем, совершенно приличному выражению некую двусмысленность.

А с каким удовольствием мы стали ругаться! И все вокруг понимали, что мы именно ругаемся, что мы раздражены или даже разозлены...

Но мы то знали, что мы в общем-то выражаемся научно.

А. Волкоморова,
выпускница 1984 г.

Не ходи в 8-е общежитие ПГУ

Там заплеваны грязные стены,
Там на окнах – остатки еды.
(И вторая, и первая смена,
Проходя, оставляет следы)

Паутины угрюмые тучи
Там сорваться грозят с потолка.
Что ни шаг – это мусора кучи,
Это горы сырого песка.

Там завеса табачного дыма,
Может, к счастью, а может – во вред
Закрывает он глаз половину
Или часть половины всех бед.

Тараканам с мышами привольно
Там живет. Но все дело в том,
Что и люди судьбою довольны
В бесконечном кошмаре таком.

Дикий хохот в ночи раздается
И посуды расколотой звон.
Что-то падает там, что-то льется,
Надрывается магнитофон...

Крик и топот, истощное пенье,
Как в приюте для нервных больных.
И курильщики, как привиденья,
В коридорах маячат ночных.

А под утро, часу так в четвертом,
Проигравшийся в карты чудак
Из окна обезумевшим чертом:
«Я дебил, – кричит. – Я дурак!»

Если уж посторонний, бедняга,
Там окажется вдруг на беду, –
Это только восьмая общага,
Пусть он знает, что он не в аду!

Филологическая диета

Ешь стаканами сметану –
Будешь умным, как Строканов,
Утром каждым жуй морковь –
Будешь юн, как Кондаков.

Коль один фольклор в стакане,
Будешь строг, как Баба Ганя.
На десерт пей уксус кислый –
Будешь странным, как Франциска.

Больше мяса ешь сырого,
Будешь мудр, как Полякова.
Крепкий чай себе заваривай,
Будешь бодр, как Караваева.

У Любимовой – секреты
Древнегреческой диеты,
Если к ним ты приобщишься,
Как она, ты сохранишься.

Будь в движениях вольна,
Голодай подольше,
Марь Павловна стройна –
Ты добьешься больше.

Завещание

(из «Повести временных лет»)

Как умру, похороните
Возле универа.
За меня чертей молитесь,
В Бога я не верю.
В пятом корпусе родимом
Проломите стену.
Дружно деканата мимо
Пронесите тело.
И в пролом, толпой, рыдая,
Выйдите за гробом.
Ведь кончинушка такая
Говорит о многом.
Поклонясь родному краю,
Всей «восьмерке» милой,
Вы у корпуса второго
Выройте могилу.
Вы земле меня предайте
Сильными руками.
И поклон мой передайте
Нашей Бабе Гане.
Вы псалмов по мне не пойте.
(К черту их в печенку),
Проводите «Черной молью»
Грешную душонку.
Водку лейте по стаканам
Под мою гитару.

Я тогда из гроба встану
И по струнам вдарю.

Монолог очевидца

(из «Повести временных лет»)

Ой, что было вчера –
Не опишешь пером,
Ой, что было вчера
В общежитьи восьмом!
Поразвеять тоску
По «великой нужде»
Поразвеять тоску
Собралась группа «Б»
В хате № 106,
Как в палате шестой,
В хате № 106
Слышен бешеный вой.
Строй гитары фальшив,
Льется «Черная моль».
В бело-сизом дыму
Куча вляпалась в торт,
В белосизом дыму
Полулиц, полуморд
Щедро плещет вино,
Дрожа, чья-то рука.
Щедро плещет вино
Мимо рюмок слегка.
Кто-то горько хрипит:
«С рожи тапочки сдвинь!»
Кто-то горько хрипит
В своре филологинь.
Ходят стены и пол
В беспорядке хмельном.
Ходят стены и пол
В общежитьи восьмом.
Тот, кто после там был
(Если не Сатана),
Тот, кто после там был.
Он лишился ума.

Ой, что было вчера,
Обвинять в том кого?
Ой, что было вчера,
Не расскажешь всего...

Нас дежурный поднимает

В семь утра без разговора.
Боже, вот она какая –
Жизнь бродячего актера!
Не прибравшись, не умывшись,
С посиневшими губами.
От дождя едва прикрывшись
Месим грязь мы сапогами.
А в холодном клубе старом
Ждет нас публика, быть может.
Бросишь пальцы на гитару,
А она и взвыть не может!
С хрипотцой два раза в сутки
Тянем песни еле-еле.
А голодные желудки
Заворачивают трели...
А потом опять под ливень
Выйдем шаткою походкой.
Мы к судьбе неприхотливы,
Одинокие сиротки.
Но вперед, вперед упрямо
Деревянными ногами.
А мне ночью снится мама,
Чай горячий с пирогами...
Снова в семь утра вставая,
Проклянуть все было б впору!
Боже! Вот она какая,
Жизнь бродячего актера!..

Мать на практику меня провожала.
Тут и вся группа «Б» набежала.

Ах, куда ты, мила дочь?
Ах, зачем ты?..
И на чье тебя отдам попеченье?
Лучше б мотоцикл тебе я купила.

Ю. Асланьян,
выпускник 1980 г.

«Восьмерка»

В нашей комнате на пятом этаже «Восьмерки» все имели прозвища. И у нас было все. У Шилы, например, имелись масляные и акварельные краски, кисти и бумага, а также дорогой проигрыватель с набором редких западных пластинок. У Слона – книги. У Француза – гитара. А Буржуй украсил свою стену иконой с образом Христа, слева повесил фотографию Сталина из какого-то старого журнала, справа – репродукцию портрета Маяковского. Снизу появилась обнаженная женщина из западного порнографического издания. Где нашел? Сверху написал синей краской по стене: «Я самый великий!» Этим он хотел удивить девушек, которые долго смотрели на иконостас и все равно не могли разгадать смысла композиции – это было выше их понимания.

Навстречу мне по коридору пятого этажа шел знаменитый юрист Петя Волик. Он был без одежды. То есть в одном белом белье. Прямые темные волосы до плеч. Красивое лицо с прямым носом и большими черными глазами. При этом сильно пьян и весел. Возможно, он даже не знал, куда идет. Я заглянул на кухню и увидел, что угол юристов опять заставлен пустыми бутылками. Угол филологов – в три раза меньше. «Проигрываем», – мелькнула мысль.

Говорят, Петя учился сразу в двух вузах – заочно на музыканта в культурном институте и у нас – на правоведа. Это вполне могло быть, потому что Петя играл на гитаре в вокально-инструментальном ансамбле и уже весь университет знал его песню «Я Петя Волик – свердловский алкоголик!»

Когда я вошел в комнату, увидел, что Француз и Шила сидят на кроватях с сигаретами, а Буржуй лежит на своей кровати пластом, как я скоро понял – подавленный собственным величием. Француз с удовольствием рассказал мне, что произошло.

– Полчаса назад здесь была партийная комиссия, – быстро заговорил он, – кто-то из парткома, из ректората, из наших – Яшенкина, она партбюро, оказывается, возглавляет! И увидели все это!

– Что это? – испугался я.

– Вот это! – подскочил Француз к кровати Буржуа и воздел руки.

Со стены на нас строго взирали Сталин, Маяковский, Иисус Христос и какая-то полубогаженная шлюха.

– Ну и что?

– А то, что он самый великий! Понял?

– Нет! – отрезал я.

Я действительно не понимал, как наши девушки. А вот автор коллажа, похоже, уже все сообразил – и лежал на постели смиренно, как покойник.

На следующий день об этом случае говорил весь факультет, правда, шепотом.

– Что у вас случилось в комнате? – спросил меня Леонид Николаевич, отозвав в сторону.

– Ничего, – ответил я честно, – у Буржуа на стене картинки висели – ради шутки, а их выдали за диверсию. И что теперь будет?

– Будет партсобрание, – ответил куратор нашей группы, – а еще, говорят, делом заинтересовался КГБ. Возможно, ему придется расстаться с университетом.

Мне, конечно, было жаль товарища, но имелась какая-то подозрительная уверенность, что с Буржуем, сыном секретаря райкома, ничего не случится.

Буржуй сосредоточенно молчал – похоже, он не думал, что столь невинное баловство может иметь такие серьезные последствия. Насколько они серьезны – мы тоже тогда не поняли.

Конечно, между серьезными мероприятиями мы успевали учиться. Мы лежали на кроватях и читали. Вдруг раздался удар – и в следующую секунду мы поняли, что так звучат наши двери, если в них вонзить высокий каблук женского сапога. Мне показалось, что голенища сделаны из крокодиловой кожи. На самом деле они просто были зеленого цвета.

Татьяна Ивановна в нашей комнате! Это такая честь! Мы сразу встали с постелей. Точнее – вскочили с ужасом. Хорошо, были в одежде.

– Чтоб через пять минут были в аудитории! – скомандовала она и вышла, громко стуча каблуками, которые впились в наши мозги.

Ну, решили почитать вместо французского, что такого? Она почему-то всегда задавала вопросы на французском – и кровь в моих

мозгах переставала циркулировать. Меня охватывал паралич мозга и тела. Ну разве нельзя было спросить на русском?

Буржуй рассказывал свою биографию, и начал он почему-то с фразы: «Я родился в Кунгуре, но я русский...»

– Не поняла, – прервала его Татьяна Ивановна.

– В Кунгуре живут татары! – объяснил он.

– Какой неожиданный ход, – покачала головой преподавательница.

Потом я сдавал ей зачет на кафедре. Один на один. Меня охватило неожиданное спокойствие, возможно, связанное с отсутствием публичности. Я начал медленно отвечать – медленно и, кажется, правильно. Она поставила мне зачет.

– Вот видишь, ты не такой тупой, как кажешься, – четко произнесла она по-русски.

Это конечно, но был язык сложнее французского. Понятно, со старославянским проблемы были у всех, в зависимости от способностей и образа жизни. В общежитии юношам было сложнее учиться, чем девушкам, в силу природных инстинктов, которые отвлекали от лингвистических парадигм.

Предмет преподавал сам Соломон Юрьевич Адливанкин, высокий, красивый и бородатый, с глазами еврейского пророка. Он держался картинно и говорил, растягивая гласные: «Больша-ая меда-аль Пра-ажского университета!» Все было рассчитано на молодую дамскую аудиторию.

После экзамена я вышел из аудитории второго этажа счастливым – много ли надо? Получил тройку у Адливанкина. Спустился на первый этаж, где меня ждала Елена, получившая двойку. Рядом стоял Буржуй – тоже с «неуд». И еще пара неуд-ачников.

– Ты что, – громко обратился я к Елене, – не могла волосы распустить и ногти покрасить?

Раздался смех. Все знали, на что я намекал. Правда, смеялись соскурсники как-то криво, не очень весело смеялись, а потом разом смолкли. Я оглянулся – сзади стоял Адливанкин и, конечно, все слышал.

– Ну, она ладно, – нашелся Соломон Юрьевич, кивая на Буржуя, – а вот он почему не смог сдать? Такой способный парень!

И пошел дальше, высоко держа голову.

На втором курсе мы продолжали вести тихую жизнь, насыщенную книгами и внутриполитическими событиями. Мы опускались все ниже – это был уже не пятый, а четвертый этаж.

В тот день Толик быстро отключился, а Француз пересел на кровать и начал играть на гитаре. Он никогда не пел, только играл. И это хорошо, потому что иначе можно было бы догадаться, что в комнате происходит нечто криминальное. А когда еще студенты поют? Окно было открыто в июньский вечер. Мы отмечали начало сессии. Поскольку сессия – это праздник знаний, а мы даже будни пропускали через раз, что говорить о праздниках. Гуляли, конечно. Но тихо, чтобы никто не донес в III отделение.

Мне надоело слушать Француза, все-таки не Азнавур, и я сказал ему, чтоб он закрылся, а сам пошел погулять. И это правильно, потому что он закрылся на замок, а я встретил в коридоре коменданта общежития, который сопровождал куратора общежития – кандидата физико-математических наук наполеоновского роста и амбиций. Высокая комиссия ходила по комнатам и, видимо, проверяла, кто ведет советский образ жизни, а кто – антисоветский. Они не видели, откуда я вышел. Но они прошли мимо меня прямо к нашей комнате. Что, конечно, было удивительно. Поэтому я сразу вернулся. Куратор пытался открыть дверь, но она не открывалась. Он начал стучать. Профессионально.

– В чем дело? – громко спросил я.

– Я проходил внизу, по тротуару, и слышал, как в этом окне звенели стаканы! – строго сказал куратор.

– У вас, может быть, хороший слух, – ответил я предельно вежливо и громко, – но там никого нет. Может быть, звенело на пятом этаже?

Четвертый этаж – слышал он с улицы... Главное, чтобы Француз меня услышал.

– А где они?

– Я здесь, двое в читалке, а Пшеничников ушел в цирк и забрал ключ с собой! – пожаловался я на товарища. – Не могу попасть в комнату!

Я по-прежнему старался говорить громко.

Кандидат наук попытался напрячь свой интеллект, но у него не получилось, зато комендант сразу сообразил.

– Когда вернется, пусть зайдет ко мне! – решительно произнес он бессмысленную фразу.

– Обязательно передам! – честно пообещал я.

– Это правильно! – сказал куратор. – Сколько можно!

Я из вежливости проводил комиссию до лестничной площадки. Чтобы посмотреть, куда она пойдет дальше. Она спустилась на третий

этаж, где находился кабинет коменданта. Я подождал пять минут и снова подошел к двери. За дверью было тихо.

– Француз, открой, я один!

Дверь приоткрылась – и я влетел туда птицей.

– Быстро! Выносим его!

Я схватил покрывало за два нижних конца, Француз все понял и схватил за два верхних. Мы подняли Толика, как в гамаке, и понесли в соседнюю комнату, где жил Петя Волик.

– Ребята, нас вычислили! – объяснили мы юристам. – Пусть поспит у вас!

Правоведы сразу все поняли.

Мы положили сокурника на свободную кровать и вернулись к себе. Закрылись и убрались в комнате – поправили постели, вытерли со стола, вынесли окурки с бутылками и даже подмели пол.

Обсудили, что делать дальше. И начали действовать по своему коварному плану. Француз открыл окно в танцевальном холле и спустился с четвертого этажа по пожарной лестнице. Через пять минут он вошел в главные двери, прошел мимо вахтера и начал подниматься по общей лестнице, а я в это время уже спускался с четвертого этажа. Встретились мы с ним на площадке третьего, как договаривались. Я ждал его – он шел мне навстречу и вертел на пальце ключ от двери.

– Ты почему ключ не оставил? – заорал я на него.

И так было угодно провидению – в это время с этажа появилась эта самая комиссия.

– А ну пошли в комнату! – скомандовал куратор.

Когда открыли дверь, комната оказалась чистой, как совесть Игоря Николаевича Пшеничникова, шахтерского сына по прозвищу Француз.

А есть люди, которые утверждают, что никого провидения не существует! Ну что можно сказать про таких? Ограниченный жизненный опыт!

– Ну ничего, я еще до вас доберусь! – пообещал куратор, кандидат наук и член нашей партии.

Смешно, куда он сможет добраться? Если ты, физик, не знаешь, как спуститься по пожарной лестнице, то куда ты сможешь подняться? Тем более – до кого-то добраться.

Француз вернулся на свою кровать и взял гитару. «Et tu n'existais pas», – тихо пел он в своем углу Джо Дассена. За окном мягко начиналась июньская ночь. И только гитарные струны звенели в нашем окне.

Былички 80-х

Борис Годунов...

Не буду называть ФИО героини этого сюжета, она сейчас человек известный, много работает с детьми... Детям совсем незачем знать эту историю.

Экзамен по русской литературе XIX века. Вопрос по «Борису Годунову». Ну, не читала девушка «Бориса», просит шпору. Ей в срочном порядке, с сокращениями, строчат шпору. Понятно, что вместо «Борис Годунов» – БГ...

Шпора была правильная, все по делу... но без учета того, что девушка – фанат «Аквариума». Когда она в третий раз сказала «Борис Гребенщиков», преподаватель пришла в состояние глубокого изумления, улыбнулась и попросила пересдать.

Усков

Сережа Усков был... странным. Он очень хорошо рисовал, но и очень своеобразно. Немного с перебором увлеченный Парижской коммуной, он всех революционеров в «Горьковец» рисовал в колпаках коммунаров. Фигуры женщин тоже были странными – одна грудь больше и меньше второй, один глаз больше другого, блузки, длинные, в пол гладкие юбки – типа террористки, которые таскали динамит в подвал царского дворца.

Однажды на 7 ноября, красный день календаря, Сережа нарисовал аллегию Революции. Как-то все нормально. Он даже изобразил образ Матери. Женщина сидит спиной к зрителю, обнаженная, но нижний бюст целомудренно прикрыт какой-то драпировкой. На поднятых руках над собой держит пухлого здорового младенца. Все, как для средних школьников, у которых еще не такие картинки в учебнике по анатомии были.

Секретарь партийной ячейки подводит меня к «Горьковцу» и спрашивает, ткнув в спину Матери пальцем: «Костя! Это что за порнография? Хоть бы лифчик надели»... Я представил Мать в лифчике и понял, ЧТО ТАКОЕ порнография. Образ закрасили...

Чисто поспать

Тот же Усков. Рисуем, лепим «Горьковец в лингвистическом кабинете географического корпуса. Декабрь... Шубы-шапки и манишки

свалены в кучу на стульях. И вдруг вижу – Сережи Ускова нет, пропал куда-то. Времени около двух ночи (или утра). Прошел третий и второй-первый этажи, вахтерша говорит «Вы одни в корпусе», правда, перед закрытием корпуса заходил какой-то студент и сказал, что забыл конспекты в 122 аудитории. В горести я вернулся в кабинет лингвистический, сел на кучу шубок-шапок, и услышал писк с нижнего этажа кучи. «Я сплю»... Серега забрался под одежду и уснул. Газету додела-ли без него.

Стихи...

Опять же Усков...

Талантливый, как и все... не очень здоровые люди, писал стихи.

Мы стоим у водопада, между нами есть преграда,

Между нами есть преграда, это струи водопада...

...Ты брала зеленую кастрюлю,

В ней картошку белую варила,

Твоя розовая кожа в свитер черный уходила,

Уходила...

Блестящая цветопись... Но в другом стихотворении:

Я смотрел на тебя в восхищеньи,

у тебя солнце било между ног.

122 аудитория призрак...

Когда я искал Сережу по корпусу, в 122 аудитории услышал стук и увидел свет, но знал, что в корпусе никого нет кроме бедных издате-лей стенгазеты «Горьковец». В аудитории никого не было, только в коридоре увидел смутный силуэт какого-то мужика в хозяйственном халате. Добежал до лестницы – нет мужика...

На следующий день рассказываю эту историю перед парой Зи-наиды Васильевны Станкеевой... в 122 аудитории. Началась лекция... И вдруг в аудиторию входит мужик в бороде и хозяйственном халате с палочкой и начинает простукивать пол. Отодвигает в сторону Зинаиду Васильевну, которая громко спрашивает «Что вам нужно?!» Мужик не реагирует. Выходит из аудитории, кидаюсь за ним. В коридоре нет никого.

Выяснилось, что это был слесарь-сантехник, который искал стыки канализационных и водопроводных труб. Он забыл слуховой аппарат и пытался по стуку их определить.

Я знал, что вы не спросите, куда он девался в коридоре...

Тбилисское «Динамо»

Сдавали экзамен по литературе народов СССР. Гельфанд принимала украинскую и белорусскую литературу. Рита Соломоновна – прибалтов, Айтматова, еще кого-то. Молодой ассистент Света Караваева – грузин и еще какие-то кавказские народы. Вот не помню точно!

Света Ульянова, наша круглая отличница, поворачивается ко мне с круглыми от ужаса глазами: «Костя, у меня вопрос “Молодая грузинская поэзия”. Я ни одной грузинской фамилии не помню кроме Руставели, помоги!» Я как-то тоже не помнил фамилии молодых грузинских поэтов и перечислил состав футбольного тбилисского «Динамо».

Света идет отвечать к Светлане Борисовне. Говорила по делу и уверенно, ввертывая фамилии футболистов. У Караваевой постепенно вытягивается лицо, и округляются глаза. Ульянова получает свою заслуженную «пятерку» и, довольная, уходит. После чего Света поманивает меня пальцем в коридор. Там говорит: «Костя, ты обалдел (слово было немного другое)? Ты забыл, что я болею за тбилисское “Динамо”?»

И вправду, забыл...

Овчарки

Тот же экзамен. Отвечаю Римме Яковлевне Гельфанд за Михаила Коцюбинского (прозу которого в переводе с украинского все еще с удовольствием перечитываю), «Intermezzo». Произведение начинается с перечисления действующих лиц «Железная рука города, Три белые овчарки, Кукушка, Жаворонки и т. д.». Римма Яковлевна поправляет: «Костя! Четыре серые». Объясняю, что серые овчарки – восточноевропейские, а у Коцюбинского были белые, здоровые такие и лохматые. Минут пять выясняли, какие же овчарки. «Книгу принесите»... Принес... «Три белые». На этом экзамен закончился. Получил заслуженную «пятерку»... Собственно, кроме списка действующих лиц, мог бы ничего не читать.

Кстати, время от времени ловлю себя на том, что в прозе использую стилистику, ритмику фразы и ее построение именно Коцюбинского...

«Балда»

Замечу, что с посещаемостью у нас было... не очень. Но на лекциях одного из наших преподавателей бывали аншлаги, чем она очень

гордилась. Даже романо-германцы приходили и садились на «Камчатке». К Римме Васильевне Коминой так не ходили.

А ларчик просто открывался. На этих лекциях мы устраивали чемпионат курса (потока) по «балде», это когда загадываешь слово из пяти букв и отгадываешь, какое слово загадал соперник. В финале я играл с Сашей Бабуриным, моим однокурсником. Я проиграл. Отгадал все буквы, но получилось, что в древнем, как паровая машина братьев Ползуновых, анекдоте. «Молдаванин на “Поле чудес” отгадал все буквы, не смог прочитав слово». У меня получилось так же. Сашка загадал слово «кхмер»...

После финала посещаемость лекций резко упала...

Обменный билет

Два раза мы реализовали эту технологию на экзаменах по общественным дисциплинам. Я всегда шел последним в первой группе. Беру билет и «в волнении» роняю часть билетов на пол. Из упавших билетов выбираю тот, который более-менее знаком. Второй билет кладу в карман первому ответившему, он передает кому-нибудь в коридоре. Тот, вызубрив ответ, заходит в аудиторию и берет билет, но называет номер того, который учил. Взятый со стола билет передает в коридор...

Пару раз сработало... А однажды очень помогла Лидия Ивановна. Ее оставили «дежурить» на экзамене по логике, она сказала: «Так... Вот билеты, выбирайте, какой лучше знаете, но я этого не говорила».

Как капитализм стал социализмом в рекордные сроки

Экзамен по политэкономии капитализма. Лаборант раскладывает билеты и методички и ждет прихода преподавателя. Лена берет билет, лицо у нее удивленно вытягивается. Садится, бледная, готовится. Я беру билет и тоже тихо шалею. «XXIV съезд КПСС о проблемах экономики». Лихорадочно вспоминаю, что говорилось на съезде об экономическом отставании капиталистических стран... что-то вспоминаю. На столе, надо сказать, лежат официальные шпаргалки – методички. С грехом пополам готовлюсь, немного смущает название методички. Приходит преподаватель. Лена отвечает, получает «отлично» и выходит. Кто шел вторым, не помню. В начале ответа преподаватель удивленно спрашивает «У нас, вроде бы, экзамен по политэкономии капитализма, а вы отвечаете про социализм». Немая сцена. Лаборант перепутала конверты экзаменационные.

...Лене так и оставили «отлично», мы взяли «правильные» билеты. Я получил «отлично», потому что отвечал по книге Носова «Незнайка на Луне».

Бушуев и греки

Только Коля Бушуев, мой однокурсник, мог впасть в такую амнезию. На экзамене по античной литературе у него был вопрос «“Метаморфозы” Апулея», то бишь, «Золотой осел». Коля попутал и стал рассказывать «Метаморфозы», но Овидия. Когда он дошел до слов «И когда она забежала на скалу у моря, чтобы бросить в него, ее руки стали превращаться в ветки, а пальцы в листики»... Преподаватель останавливает: «Коля, у вас другие метаморфозы, сядьте и сосредоточьтесь». Коля садится и бессмысленно смотрит в билет. Я ответил и жду его в коридоре. Краснувший Коля садится рядом и говорит: «Костя, я ничего не понимаю. Отвечаю “Метаморфозы”, а она отправляет меня подумать в коридор». – «Коля, ты отвечал Овидия, а нужно Апулея “Золотой осел”». Коля бьет себя немаленьким кулаком по голове: «А-а-а!». Идет отвечать. Мне любопытно, пристраиваюсь у дверей и слышу слова: «И когда она забежала на скалу у моря, чтобы бросить в него, ее руки стали превращаться в ветки, а пальцы в листики»... Переклинило. Но «четверку» Коля получил.

Глагол...

Соломон Урович Адливанкин, как обычно, блестяще читал свои лекции по «старославу», очень красиво рассказывал про историческую реконструкцию глаголов 2 спряжения. Саша Бабурин поднял руку и сказал «У одного из глаголов, которые вы приводите как пример, не второе спряжение» – «Александр, извините, вы ошиблись». Через неделю: «Соломон Урович, глагол, о котором мы говорили на предыдущей лекции, не второго спряжения, я проверил по всем источникам» – «Александр, значит, это исключение».

Мурзин

На первом занятии по транскрипции Леонид Николаевич задал задачку «Сколько максимум звуков в конце слова можно передать литерами?» Я ответил: «Сколько угодно, в слове “бутерброд” по правилам русского языка может быть сочетание “дт”, а правила не описывают число букв, которые не могут стоять в конце заимствованного слова, так что может быть сочетание “дт” сто тысяч раз...» Мурзин немного поморщился и сказал: «Мы же учимся, а не научную работу пишем»...

АББА

Как-то веселые деушки приколили секретаря комсомольской организации факультета на премьере доккина «АББА» в кинотеатре «Ис-

кра». Сказали: «Прикинь, если покупаешь два билета, тебе на входе при предъявлении билетов выдают на выбор бейсболку и футболку с логотипами «АББА». Предъявила, не получила ничего, обиделась. На нас. Но как добрый человек быстро простила.

Наверное, легенда...

Она же все свои записки подписывала инициалами «КГБ», какое-то время мы пугались.

Мы пугались...

Госпиталь

На факультете была агитбригада под названием «Поющая пудреница». Между собой мы называли ее «Поющая пепельница». Алка Волкоморова, Лера Лопаткина, Белка (Ольга Беломытцева), Галя Константинова.

Однажды на «Весне» сорвали бурю аплодисментов. Я вел конференс их выступления и сказал к месту одну фразу, немного переиначив Высоцкого, «Ну зачем вы Вовку-то Ефимова...» Адресовано было физикам, точнее Иотко, который на их концерте обыграл (и очень пошло) переход Володи с физфака на филфак. Собственно, дело не в физиках.

«Пудреница-пепельница» выступала с концертом в каком-то госпитале, возможно, ветеранов Великой отечественной. В палате для тяжелобольных выступление закончили популярным бардовским хитом со словами «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»...
No comments...

Колокольчик

Опять же «Студенческая весна», которую профессор Орлов называл «весенней чумой» (на его лекциях было очень мало студентов).

Делали «шумовой оркестр», с Караваевой (или с кем еще, не помню точно) даже сходили в школу для детей с отставанием в развитии, как сейчас говорят, посмотрели и послушали. Прикольно. Кто-то для выступления что-то принес, как основу музыкальную положили не то Аббу, не то «Ра-ра-Распутин» Бони-Мы. Надо заметить, что после отлично отыгранной литературно-музыкальной композиции мы несколько подняли настроение в полуподвале (концерты тогда проходили в главном корпусе). Кто-то поднял с небольшим перебором. Один из музыкантов уронил валдайский колокольчик, он (не Слава) выкатился на авансцену. Занавес закрылся, Слава с поклоном вышел на авансцену за инструментом. Зал встретил его овацией и бурными аплодисментами. Слава раскланялся, запутался в занавесе, потом в кулисе, мне пришлось его вытаскивать из занавесок. Жюри отметило, что выход Сла-

вы они могли бы оценить как выступление СТЭМ, но номер не был заявлен в программке концерта.

Демонстрация

С бубном, маракасами и детской пластмассовой дудочкой из нашего «шумового оркестра» (его иногда называли «Шумовский») была отдельная история. После перовомайской демонстрации Саша Попов зашел домой (дом рядом с «кульком»), а мы с Серегой Бердышевым стояли на углу. Мимо нас шли демонстранты. Серега стал играть на дудочке, а я не в такт тряс маракасами. Демонстранты веселились и улыбались. Тогда я бросил в ноги детский бубен и насыпал в него мелочь. И – о чудо! – стали бросать в бубен деньги. Серега исполнял гимн Чехословацкой республики и «Сурка». За 15 минут мы набрали около четырех рублей. Не буду говорить, на что мы их потратили, в то время мы, человек шесть, работали сторожами на автобазе «Скорой помощи» в Мотовилихе.

Н. Глухова,

выпускница 1992 г.

Картина Сурикова

(из 90-х)

Летом 1986 года я подала документы на филологический факультет ПГУ. Первым испытанием было так называемое собеседование – целью которого являлось убедить комиссию, что ты именно тот человек, который нужен университету. Все прошло удачно, видимо от страха во мне проснулось небывалое красноречие, я говорила, что единственное мое желание – быть причастной к отечественной лингвистике и, по возможности, оставить в ней небольшой след.

Преподаватели умиротворенно кивали и в итоге подарили мне 2 балла, что было весьма неплохо. (Если я не ошибаюсь, по 1 баллу давали медалистам, у меня же медали не было).

Следующим этапом было сочинение, за которое я также получила 2 балла, но в этот раз они утешить меня явно не могли. До сих пор не знаю, кто из героев Пушкина, по произведениям которого была одна из тем, меня так подвел. Расстроившись, я даже не пошла это выяснять. Обиделась. На себя, на комиссию, на Пушкина. Но, будучи от природы человеком отходчивым, вскоре всех простила.

Год провела в родной школе в качестве старшей пионерской вожатой. Я научилась ловко отбивать по столу такт марша «Старый ба-

рабанщик» и в свободное от планерок и сборов время вдохновенно передавала свой опыт группе пионеров-энтузиастов. После работы я отбивала уже другой такт – прохлопывала стихотворные размеры, четко выстраивала исторические даты, отделяла распространенные предложения от нераспространенных. Ни один литературный герой не спрятался от моего пристального взора, ни одно историческое деяние не избежало моего тщательного анализа. Я готовилась встретить экзаменационное лето 87 во всеоружии.

Я чувствовала себя спокойно и уверенно – в этот раз я была готова на все сто. Сначала взяла реванш за прошлогоднее сочинение, потом, на литературе, убедительно доказала, кому на Руси особенно хорошо жить. Оставался последний экзамен – история.

Я вытянула билет. Села за стол готовиться. Подробно и обстоятельно ответила на первый вопрос, перешла ко второму. Начала записывать услужливо вспоминающиеся предложения учебника истории. Я прекрасно помнила эти страницы, я могла сказать, в какой их части был расположен текст, а в какой иллюстрации. Я детально описала предложенную историческую ситуацию, перечислила основных действующих лиц и собиралась продолжить выводы, но тут ко мне обратилась дама из комиссии: «Вы, кажется, готовы?» От неожиданности я кивнула. «Тогда идите отвечать». Прервав мой четкий ответ на первый вопрос, дама попросила перейти ко второму. Я воодушевлено начала рассказывать о церковной реформе, о царе Алексее Тишайшем, о противнике этой реформы протопопе Аввакуме, о волнении народных масс, о раскольниках. Я перенеслась в Москву 17 века и просто описывала появляющиеся перед глазами картины. «А как звали автора этой реформы?» – вдруг спросили из комиссии. «Автора? Разве я не сказала?» Неприятный холодок побежал по спине – так бывает, когда в магазине, набрав товара, вдруг спохватываешься, не забыл ли дома кошелек. «Секундочку, я это знаю, я учила» – и развернула сложенный вчетверо листок с ответом, в который до этого момента не заглядывала.

«Сейчас, я найду, просто вылетело из головы». Но на слове «патриарх» строчка обрывалась. Пригласившая меня дама участливо посмотрела: «А ведь так хорошо начали». Мне показалось, что стол с комиссией отчалил и медленно поплыл вдоль стены. «Патриарх, патриарх...» – твердила я как заклинание, надеясь, что вот-вот обнаружится потерявшееся имя. «Ну, девушка, у нас нет времени ждать, пока Вы вспомните». Рука в манжете на уплывающем столе потянулась к моему экзаменационному листу – «Факты любят точность». Вслед за

столом уплывала моя мечта, и я поняла, что не могу упустить ее во второй раз.

Во мне что-то встрепенулось, я вскочила, передвинула стул и с криком: «Боярыня Морозова» подняла вверх правую руку в двуперстном кресте, левой, как в оглоблю саней, вплепилась в экзаменационный стол. «Не отрекусь!» – я не узнавала собственный голос, какая-то сила двигала мной. «Не верьте ему, боритесь!» Я чувствовала себя бесстрашной ученицей Аввакума. Меня провожали какие-то лица. Юродивый, сидящий у саней, крестил воздух.

Я очнулась оттого, что мне протягивали экзаменационный лист.

«Достаточно, достаточно, Вы нас убедили». Я недоуменно оглядела аудиторию, машинально поправила стул и медленно вышла. В коридоре было душно, я спустилась на улицу. Ко мне подошла девушка, с которой мы вместе писали сочинение. «Ну как, сдала?» Я махнула рукой. «Можно посмотреть?» – она потянулась к моей заветной бумажке. «От силы трояк», – выдохнула я, понимая, что проходной балл мне не преодолеть. Она посмотрела на меня и засмеялась: «Чудачка, у тебя же пятерка». Не веря этому, я заглянула в экзаменационный лист. Против графы «История» стояло: «Отлично» и три подписи.

«Это был Никон» – устало проговорила я. «Какой Никон?» – девушка удивленно на меня посмотрела. «Патриарх» – ответила я и пошла в сторону вокзала.

Л. Кыркунова,
выпускница 1983 г.

Избранные места из переписки с деканатом (год 2017)

Это хобби объединило нас с Борисом Вадимовичем. Когда много лет тому назад, в конце 90-х годов, мне поручили разработку и проведение курса «Культура деловой речи», очень захотелось расцветить его примерами из реальной практики, из жизни. Именно тогда Борис Вадимович передал мне в коллекцию первый текст заявления студента-филолога:

Ректору ПГУ проф. В. В. Маланину
Студента 3 курса
филологического факультета

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу отчислить меня из числа студентов филологического факультета по собственному желанию с завтрашнего дня.

20 февраля 1998 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ Бориса Вадимовича: С удовольствием отчислю. Но кого?

Декан Б. В. Кондаков

С тех пор в моей коллекции уже много заявлений и объяснительных не только филологов, но и студентов других (например, юридического) факультетов. Но филологи РУЛЯТ!!! Филологические чувства сильнее всех презренных правил оформления деловых бумаг!!! Посудите сами. Вот кое-что из последнего (Сохранены фамилии авторов и авторское написание (орфография и пунктуация) – Л. К.).

Ректору ПГНИУ И. Ю. Макарихину
Студента(ки) 1 курса филол. ф-та
очной формы обучения
специальности «филология»
обучающегося(йся) по бюджету
О. Д.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я, нижеподписавшийся, имею непогашенные уч.долги за первый и второй семестры этого уч.года. Дело в том, что я просто два семестра «перестраивался» со школьного метода обучения, а в моей школе вполне можно было иметь долги и не иметь из-за них проблем. Во всех своих задолженностях виноват сам и признаю это. До 30.06 сдам долги за первый семестр, в следующем уч.году, в надлежащие сроки – все прочие долги.

27 мая 2016 г. Подпись

Ректору ПГНИУ И. Ю. Макарихину
Студента(ки) 2 курса
филологического факультета
очной формы обучения
специальности «филология»
обучающегося(йся) по бюджету
А. В.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я, В. А., имею академические задолженности за 4-ый и 5-ый триместры обучения, потому что имела проблемы с психологическим состоянием, из-за которых не справлялась с нагрузкой учебной. Сейчас чувствую себя намного лучше и погашу все задолженности в установленный срок.

30 мая 2016 г. Подпись

ПРИПИСКА декана: Имеется 10 задолженностей.

Ректору ПГНИУ И. Ю. Макарихину
Студента(ки) 1 курса
филологического факультета
очной формы обучения
специальности/направления
«филология. Журналист»
обучающегося(йся) по договору
В. А.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Объективных причин по закрытию долгов не имею. Расчитывал основательно взяться за долги в начале июня. Имеются готовые работы по психологии и в ближайшее время договорюсь о сдаче истории. Обязуюсь в скором времени приступить к закрытию долгов.

30 мая 2016 г. Подпись

ПРИПИСКА декана: Имеется 6 задолженностей.

Ректору ПГНИУ И. Ю. Макарихину
Студента(ки) 2 курса
филологического факультета
очной формы обучения
специальности/направления
«Журналистика. Бакалавриат»
обучающегося(йся) по договору
К. В.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я, К. В., зашел в деканат в верхней (уличной) одежде по причине того, что гкрдеробщица отошла по неведомым мне причинам. Прошу

меня извинить за такое поведение. Впредь буду дожидаться гардеробщиц.

31 марта 2017 г. Подпись

РЕЗОЛЮЦИЯ декана: Хорошо. Извиняю.

Ректору ПГНИУ И. Ю. Макарихину
Студента(ки) 3 курса
филологического факультета
очной формы обучения
специальности/направления
«Журналистика»
обучающегося(йся) по договору
С. А.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, С. А., в связи с тем, что не успела связаться с преподавателями по дисц. «арт-журналистика» и «правоведение», не в силах сдать долги по этим предметам в срок. Обязуюсь сдать невыполненные работы до 7 апреля.

31 марта 2017 г. Подпись

РЕЗОЛЮЦИЯ декана: СОГЛАСОВАНО

Ректору ПГНИУ
И. Ю. Макарихину
Студента(ки) 2 курса
Филологического факультета
Очной формы обучения
Специальности/направления
«Журналистика»
Обучающегося(йся) по договору
А. Д.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу продлить срок ликвидации задолженности на неделю, для удобства преподавателя, чтобы проверить работы.

31 марта 2017 г. Подпись

РЕЗОЛЮЦИЯ декана: СОГЛАСОВАНО.

Ректору ПГНИУ И. Ю. Макарихину
Студента(ки) 1 курса
филологического факультета
очной формы обучения
специальности/направления
«филология»
обучающегося(йся) по договору
К. М.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Прошу меня извинить за то, что я не с полной ответственностью подошла к учебному процессу (в 1-ом триместре). Но, даже Сенека Старший говорил, что «После плохого урожая нужно сеять». Я исправлю все свои долги. Позвольте мне пройти путем «Per aspera ad astra».

31.03 2017. Подпись

РЕЗОЛЮЦИЯ декана: Ознакомлен. Извиняю. Идите.

Ректору ПГНИУ
студента 1 курса филологического факультета NN*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я имею задолженность по дисциплине физическая культура, поскольку долгое время считал спорт личным делом каждого человека, а обязательные занятия физкультурой ограничением личной свободы. Однако теперь я осознал, что человек образованный должен иметь представление о здоровом образе жизни, знать основы легкой атлетики и лыжного хода. В конце концов Л. В. Щерба не был бы Л. В. Щербой, если бы не его попеременный двухшажный. Посему прошу подлить мне срок погашения академической задолженности до 30.04.2017.

3 апреля 2017 NN*

Согласовано.

Декан

Ректору ПГНИУ
студента 2 курса филологического факультета NN*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я, NN*, имею 26 пропусков (на данный момент) за текущий триместр. Прежде чем пускаться в объяснения, считаю нужным ответить

на вопрос: живем ли мы в эпоху пост-модернизма? Ответ однозначен и положителен. Следовательно, за отправную точку моей объяснительной следует брать тезис о равнозначности выбора в жизни отдельного субъекта, поскольку за бытием неминуемо следует небытие, т. е. смерть. В метафизическом смысле посещение мною занятий, как и непосещение оных не избавляет меня от суровой правды человеческого существования. Соответственно, вопрос исключения меня из числа студентов имеет два равнозначных варианта ответа, ибо на смертном одре все равны, с дипломом о высшем образовании или без. Однако, остается открытым вопрос о том, как должен действовать субъект по отношению к другим членам человеческого сообщества. Мое мнение таково, что человек может по мере своих возможностей стараться облегчить для других тягостное давление бытия, делать их жизнь как можно сноснее.

В виду вышеизложенных причин смею надеяться на понимание и гуманизм со стороны г-на ректора.

14 декабря 2017 NN*

По поводу вышесказанного могу сообщить:

Жизнь – юдоль скорбей...

Мы действительно живем в эпоху постмодерна;

Постмодерн не всеобъемлющ;

Жизнь не равнозначна смерти;

В гносеологическом смысле посещение занятий не равнозначно их непосещению;

Субъект по мере своих возможностей должен облегчать как чужую участь, так и свою (См.: «Повесть о Горе-Злочастии»)

Декан

Избранные места из переписки с деканатом

Орфография, пунктуация и стиль оригиналов оставлены без изменения

О, где ты, стиль эпистолярный?

Б. Ахмадулина

Докладная

Декану филологического факультета
Председателю первичной профсоюзной организации
студента филологического факультета К.,
проживающего в комнате № 602 6 общежития

Довожу до вашего сведения, что, студент Владимир З., проживающий в общежитии № 6 Пермского Государственного Национального Исследовательского Университета по адресу ул. Петропавловская д. 117 комната 601 нарушает правила проживания, а также мешает и оскорбляет своим поведением проживание других студентов. Об этом более подробно ниже.

Я пришел в свою комнату около полуночи с 30 по 31 января. Из 601 комнаты громко раздавались музыка и крики. В надежде, что через час это безумие закончится, я просто находился в комнате, занимаясь своими делами. Но спустя приблизительно полтора часа моего терпения не хватило, и я решил попросить убавить у музыки громкость, так как хотел спать. Подойдя к двери, я несколько раз громко постучал, но дверь мне не открыли, поэтому я просто вошел на порог. Только после этого подошел один из проживающих в комнате Владимир З. Я спросил, долго ли еще будет продолжаться веселье, на что был получен нахальный ответ что долго. За это время я успел заметить, что он и его знакомые находятся в состоянии алкогольного опьянения, некий молодой человек лежит на кровати видимо из-за отравления (позже я обнаружил «следы» его отравления в квадрате шестого этажа). Так же в комнате присутствовали две, неизвестные мне, девушки, а сам Владимир З. стоял в трусах, что напомнило мне вакханалию. В.З. вывел меня из своей комнаты, сопровождая это все обценной лексикой, и заявлением, чтобы я больше не подходил к нему. Но мало того что они не сделали музыку потише, они стали кричать пуще прежнего и стучать в мою стену. Вскипая от гнева, я решил отсидеться в своей комнате подождать попозже, когда остыну.

Приблизительно полчаса я сидел и слушал свою музыку через наушники, дабы не слышать их мерзкие визги. Но потом заметил, что моя дверь содрогается, снял наушники и понял что в блоке происходит потасовка. Выйдя из комнаты, заметил, что соседи из 604 комнаты Азат А. и Анатолий Г. разговаривают на повышенных тонах с Владимиром З. Из их разговора можно было понять, что Анатолий Г. и Владимир З. вступали в насильственный конфликт. Студенты из 604 комнаты были недовольны шумом из 601. На что Владимир З. и его подруги только оскорбляли Анатолия Г. и Азата А. Единственный довод, который они выкрикивали в оправдания такого безумия, что Владимира З. день рождения и ему можно все. Остальные доводы сводились к бессмысленным ругательствам студентов из 604 комнаты, включая расистские выкрикивание в сторону Анатолия Г. о форме его глаз. На этот шум также пришла девушка из другого блока и вызвала охранника. Но он только разогнал всех по своим комнатам. В это вре-

меня я услышал, что неизвестные мне девушки живут в 517 комнате, но это может быть неправдой, судя по их моральному развитию. Когда шум утих, я смог заснуть.

Наутро я обнаружил блок грязным и дурно пахнущим. В туалете была разбросана грязная туалетная бумага и грязное средство женской гигиены. На стене висела записка (прилагается), что весь этот бардак адресован 604 комнате от 601. Так же встретившись в коридоре с Владимиром З., вместо извинений я услышал смешок в мою сторону.

Мне кажется, таким поведением Владимир З. принижает звание студента классического университета, а тем более студента филологического факультета.

Дата. Подпись.

Декану филологического ф-та ПГНИУ,
профессору Б. В. Кондакову
студентки группы ПЕД-1-1 С. М.

Объяснительная записка

У меня имеется достаточно большое количество академических задолженностей: таких, которые необходимо ликвидировать немедленно (!), 5. Причиной длительной их «неликвидации» стал ряд обстоятельств, как объективных, так и субъективных.

Три из задолженностей необходимо было ликвидировать в сентябре прошлого года. Сентябрь (впрочем, как и половину летнего триместра) я просидела в пустом ожидании комиссии по другому долгу. Думала: делать ли что-либо, когда случилось «такое», можно ли?.. Эти вопросы были объективно актуальны.

К философии выдалось готовиться (без капли иронии!) до умопомрачения. История была неприятная и, смею предположить, неприятная не только для меня, но и для всех, кто знал об этом инциденте.

Из-за летнего ожидания я получила еще две задолженности в свой список, после посещения пары по расписанию, надеясь найти дни и часы, когда все получится, совпадет и я сдам то, что должна.

Так наступил декабрь, а вместе с ним – зачетные недели. Всякий раз, когда я собиралась что-либо сдавать, ломалась техника, менялись даты, портилось здоровье...

Безусловно, случившееся – сплошное недоразумение. Уверена, что сейчас, смогу наконец многое решить.

Мечтаю остаться в числе студентов и окончить Университет, ведь уходить сейчас не только горько, но даже, откровенно говоря, глупо.

Дата: 19 марта 2018

Подпись

Раздел VI

ЮМОР – ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С НАМИ (юбилейные поздравления, застольные речи, «деловой юмор»)

*Как наставлял Маяковский,
«жить и работать надо весело».
И прежде всего – радоваться!
К сожалению, редко кто хранит
шутки, сопровождающие нас по
жизни, ведь они не плод упорного
труда или умственных усилий, а
часто просто душевное озарение,
порыв сердца, жест радости,
внутренней релаксации.*

*Нам удалось разыскать слу-
чайно сохранившиеся добрые на-
путствия – поздравительные сло-
ва и речи, шутливые стилизации,
доставлявшие радость и всегда
означающие, что мы единое целое,
общность людей, понимающих и
любящих друг друга.*

Е. Полякова,
выпускница 1954 г.
Т. Ерофеева,
выпускница 1959 г.

В. В. Маланину

ВЪ ЛѢТО¹ 7510 ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МИРА, АВГУСТА, ВЪ 30
ДЕНЬ, ВЪ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ, НА ЗАЙМКѢ, ВЪ БУКИРѢВСКОМЪ ПРОУКѢ,
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ХОРОМИНѢ, УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОЕВОДѢ²
– БОГРИНУ ВОЛОДИМѢРУ ВОЛОДИМѢРОВИЧЮ МАЛАНИНУ ДОКТОРИЦЫ
– ИГУМЕННИ³ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЫЗБЫ⁴ ОБЩАГО ГОВОРѢВѢДЕНІЯ⁵ И
СЛАВЕНЩИЗНЫ⁶ ТАМАРИЦА ИВАНОВА ДОЧЬ ИЕРОФѢЕВА ДА
ПРОПОВѢДНИЦА ЯЗЫКА ДРЕВНЕРУССКАГО ОЛЕНИЦА НИКОЛАЕВА
ДОЧЬ ПОЛЯКОВА ЧЕЛОМЪ БЫЮТЪ И ИЗВѢЩАЮТЪ.

А ВЪ ЧЕЛОБИТНОЙ ИХЪ ПИСАНО:

ВЪ СЕЙ ПРЕСВѢТАЛЫЙ ДЕНЬ ТВОЕВО, БОГРИНЪ, РОЖДЕНІЯ
РАДУЕМСЯ ВМѢСТѢ СЪ ТОБОЮ И ВОЗВѢЩАЕМЪ СЛАВУ ТЕБѢ ЗА
ТВОИ ЗЪЛО⁷ ДИВНЫИ И МНОГОТРУДНЫИ ДѢЛАНІЯ:

ЗА МУДРОЕ ВОЕВОДСТВО ТВОЕ, БОГРИНЪ, ДА ЗА ОБЕРЕЖЕНІЕ
УЧИТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ, ОСОБЛИВО ВЪ
СМУТНОЕ ВРѢМЯ ПЕРЕСТРОЕЧНОЕ,

ДА ЗА ВЕЛИКИИ ТРУДЫ НАУЧНЫЕ СЧИСЛИТЕЛЬНЫИ⁸,
СТОХАСТИЧЕСКИИ⁹ ДА КОСМИЧЕСКИИ И ЗА КНИГЫ, ТОБОЮ
ПИСАННЫИ, А ЗА ТО ЗВАНІЯ УЧЕНЫИ И АКАДЕМИЧЕСКИИ ТЕБѢ
ПРИСУЖДЕНЫИ,

¹ ЛѢТО – год.

² ВОЕВОДА – ректор, ВОЕВОДСТВО – работа в качестве ректора.

³ ИГУМЕНІЯ – зав. кафедрой.

⁴ ИЗБА – кафедра.

⁵ ГОВОРѢВѢДЕНІЕ – языковедение.

⁶ СЛАВЕНЩИЗНА – славянские языки.

⁷ ЗЪЛО – очень.

⁸ СЧИСЛИТЕЛЬНЫИ – математические.

⁹ СТОХАСТИЧЕСКИИ – [значение термина переводчиком не установлено].

ДА ЗА НАУЧЕНІЕ НЕСМЫШЛЕННЫХЪ ДѢТЕЙ И ОТРОКОВЪ¹
МУДРОСТИ НАУЧНОЙ,

ДА ЗА ДѢЯНИЯ ТВОИ ДЕСЯТНИКОМЪ² ВСЕХЪ ПЕРМСКИХЪ
ВОЕВОДЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ДА АКАДЕМИЧЕСКИХЪ,

ДА ЗА ТРУДЫ ТВОИ ВЪ СОВѢТАХЪ УЧЕНЫХЪ, ВЪ КОИХЪ
ОТРОКИ И ЛЮДИ ЗРЕЛЫЯ РАБОТЫ СВОИ ОБОРОНЯЮТЪ³,

ДА ЗА ХОЖДЕНІЕ ЗА ТРИ МОРЯ ВЪ СТРАНЫ И ГОРОДЫ
ЕВРОПЕЙСКИЯ, И АЗИАТСКИЯ, И АВСТРАЛИЙСКИЯ, ДАБЫ ЛЮДЕЙ
ТАМОШНИХЪ И НАУКУ ИХЪ ПОСМОТРѢТЬ ДА СВОЮ ПОКАЗАТЬ.

И БЫТИ ТЕБѢ, БОЯРИНЪ, МНОГАЯ-МНОГАЯ ЛѢТА СЪДРАВУ⁴
ЗЪЛО КРѢПКО!

ДА СЪ СУПРУЖНИЦЕЮ ТВОЕЮ И СО ДЩЕРМИ БЫТИ ТЕБѢ
СЧАСТАИВУ И БЛАГОСОСТОЯТЕЛЬНОУ!

УЧЕНИКОВЪ ТЕБѢ, БОЯРИНЪ, ДОБРЫХЪ ДА НАУЧНЫХЪ
ОТКРЫТИЙ НОВЫХЪ!

И ВОЕВОДСТВА УНИВЕРСИТЕТСКАГО ТЕБѢ ТАКОЖЕ ПАКИ⁵
УСПѢШНАГО, СПОКОЙНАГО И ЗЪЛО МНОГОЛѢТНАГО! АМИНЬ.

ОЮ ЧЕЛОБИТНУЮ СОСТАВЛЯЛА И ПИСЛА ПОДЪЯЧНИЦА
ОЛЕНИЦА НИКОЛАЕВА ДОЧЬ ПОМАКОВА И ВЪ СВОЕ ДА ВЪ
ТАМАРИЦЫ ИВАНОВОЙ ДОЧЕРИ ИЕРОФЕЕВОЙ МѢСТО, ЧТО⁶ ОНА
ГРАМОТЕ НЕ УМѢЕТЪ, РУКУ СВОЮ ПРИЛОЖИЛА⁷.

К юбилею Т. И. Ерофеевой (кафедральное)

Тамара Ивановна – женщина заслужённая во многих отношени-
ях⁸.

¹ ДѢТИ НЕСМЫШЛЕННЫЕ – студенты, ОТРОКИ – аспиранты.

² ДЕСЯТНИКЪ – председатель Совета ректоров.

³ ОБОРОНЯТЬ – защищать (о диссертациях).

⁴ СЪДРАВЪ – здоров.

⁵ ПАКИ – опять, снова.

⁶ ЧТО – так как.

⁷ РУКУ ПРИЛОЖИТЬ – расписаться.

⁸ Заслуженный (заслужённый): 1) достигнутый трудом; по заслугам получен-
ный; 2) имеющий право на особый почет и уважение за служение на поприще

1. Рукою твердою вела она и факультет (в свое время, более спокойное тогда), и кафедру, и продолжает вести уверенно кафедральную ладью в бурном ныне море «рынка образовательных услуг». И мы бы без колебаний присвоили Т. И. звание **«Заслужённый кормчий кафедры...»**

2. Исследуя судьбы многострадального нашего языка в разных пределах и в разных сообществах, узрела она в нем то, что иным дотоле смутно ведомо было: что язык наш яко пирог многослойный. И нарекла слои сии **стратами**. И изучила их весьма, и описала прилежно и искусно. А посему вполне достойна она звания **«Заслужённый исследователь стратосферы русского языка»**.

3. Несомненно, Т. И. имеет право на звание **«Заслужённая наставница в науке юношей и девиц, младых совсем и изрядного возраста»**.

На юбилей Т. И. Ерофеевой (вирши экспериментального размера)

В начале славного пути
У Томя Ерофеевой
была машинка Ундервуд,
Но не поддержка феина.

Сама настойчиво она,
Сквозь тернии, конечно,
К вершинам знания взошла
О городских наречьях.

Любовь к наукам пронеся
Чрез зимы многия и лета,
Рукой уверенной она
Взяла кормило факультета.

И факультет опять расцвел.
Во дни правления Тамары

благородном и многотрудном. Между прочим, в последнем значении слово это произносилось прежде с ударением на суффиксальном гласном.

Преподаватели его
Во сне не ведали кошмаров!

Затем иной престол – КОС(Р)Я –
Царицею нашей был получен.
И этой кафедры удел
До сей поры благополучен.

Тамар-Ивановны портрет
Дополнит сказ о диссовете:
Под председательством ее
Он стал известен в целом свете!

И ныне да исчезнет грусть!
В честь юбиляра снова мы
Воздвигнем ковш приветной дланью.
Не иссякают силы пусть,
И пусть сбываются желанья!

В. Мишланов,
выпускник 1976 г.

На юбилей любимыя начальницы (2017 г.)

Ода на языкѣ славенороссійскомѣ,
на коемѣ единственно возможнымѣ полагаю
восхваленіе досточтимѣйшія Тамары Иоанновны

Се та, которая рукою твердой и вельми умѣлой
не токмо факультетскій нашъ корабль когда-то
Черезъ бури лѣта многая вела (во благо
Всѣмъ, кто филологомъ мнилъ себя, лелея
честолубивыя мечты пребыть въ Парнасъ),
Но и ладьей славянскія кафедры искусно правила,
межъ скалъ коварныхъ Сциллы и Харибды
стремясь въ соревнованіяхъ къ побѣдамъ
и неизмѣнно оныхъ добиваясь.
Се та, которая въ Совѣтѣ мужей ученыхъ первая была, –
Тамара Иоанновна. Ей нынѣ юбилей! Ей днесъ
Звучатъ цимбалы и хвалебны вирши,
И слышимъ пѣнія торжественны и лики
И вопіемъ: Да здравствуетъ она!

Е. Баженова,
выпускница 1981 г.

Тамаре Ивановне Ерофеевой

Ахтамар

(по мотивам стихотворений О. Туманяна и К. Бальмонта)

По родному факультету
Нервный диссертант идет.
Он готовится к Совету,
И его Тамара ждет.

Он с горящими очами
Диссертацию несет,
Привлекаемый лучами,
Что маяк Тамары шлет.

Оппонентов рой крутится
И за ним шипит вослед,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ВАКа?!
(Да и сам ведь не дурак!)
Точно яркий луч из мрака,
Перед ним горит маяк!

Он плывет навстречу счастью,
Смело борется с волной.
А Тamar с научной страстью
Ждет на кафедре родной.

С полным текстом выступленья
(Тут его бросает в жар)
И с толковым заключеньем
Ждет его к себе Тamar.

Он воспитан в этой школе –
Чистый социолингвист.
В этой школе поневоле
Станешь прыток и речист.

Не напрасны ожидания...
Ближе, ближе... вот и он!
Миг блаженства! Миг свиданья!
И защиты райский сон!

Все свершилось. Тихо стало.
Откатился черный шар.
Диссертант твердит устало
Лишь два слова: «Ах, Тамар!»

...И опять по факультету
Кто-то с робостью идет,
Призываемый к ответу,
Труд свой бережно несет.

Что-то шепчет непонятно,
От мозгов клубится пар,
И бормочет еле внятно
«Эх, Соссюр!» и «Ах, Тамар!»

Завтра – снова заседание,
Так же искрится маяк,
Тот же чудный миг дерзанья,
Те же муки, тот же ВАК...

...Создавалась Ваша школа
Под покровом тайных чар.
И отныне эта школа
Пусть зовется «АХТАМАР»!

Пусть сверкает, как и прежде,
Маяка привет родной
И с отчаянной надеждой
Диссертанты рвутся в бой!

И не нужен Вашей школе
Никакой другой пиар,
Лишь бы эхо в коридоре
Разносило: «Ах, Тамар!»

Счастья, радости, дерзання,
Умноженья тайных чар!
Пусть исполнятся желанья!
Юбиляру – «АХ! ТАМАР!!!»

И. Русинова,
выпускница 1986 г.

Шуточное поздравление
Елены Николаевны Поляковой с юбилеем

Здравствуй, дорогая Олёна Миколавна!

Бабы наши, Верка Мишиха да Дуська Васиха, вчерась в Перме были. И где-ко услыхали, что у тебя юбилей справлять будут. Бабы токо не поняли, сколь годов-то: девеносто ле восьмидесет ле. Ак кака уж разница – год туды, год сюды.

Мы хоть в лесу, почитай, живём, а книжки-те читам. А твои-те, про согру да увал да об фамельях перемьских, и вовсё до дыр загваздали.

Ну дак бабы-те наши велели прописать тебе проздравленьё. Чтоб никака лихоманка к тебе не пристала, а то уж каки книжки-те, слягёшь дак. Ну чтоб детки (да, поди, уж и внучкí-те бóльшеньки, не эконьки углашки) тебя почитали. Ну, и скубенты-те чтоб не пакостливые были, не запридуривали бы, а науку постигали.

Девки-те ваши к нам кажно лето приезжают. Токо каки-ко непамятливыйё оне. Всё ходят да выспрашивают, как кака́ травка называется, как гриб какой, ягода ле, рыба ле. Ничё не знают сами-те. Да ишо, видать, боятся запомнить-то, ак всё на гумагу пишут да на мангнетофон.

А про нас-то, Олёна Миколавна, тожо не забывай да наведывайся колды. У нас баба одна есь, Манька Сова, дак она все наши прозванья в тетрадку переписыват. Ты, поди, книжку каку про прозванья-то сочиняшь, дак, можот, Манькины-те каракули сгодятся на чё.

Ну, кланяйся бабам вашим: Хранцизе да Нонне. Одва эдь запомнили имена-те. Ишо кланяйся Тамаре да Люсе. По отцам-то уж не помним их, давно к нам не езживали.

Ишо раз с праздничком!

Пачгины, Сусловы, Носовы.

с. Камгорт Чердынского района Пермской области.

26 мая 2002 года.

К юбилею Е. Н. Поляковой

Пленарные посиделки кафедры исторической лексикографии, истории русского литературного языка, славянского и прочего языкознания по случаю радостному и торжественному – юбилею Е. Н. Поляковой.

Чем привлекла внимание юной исследовательницы, заканчивающей университетский курс, старинная зауральская рукопись?

Может быть, она надеялась обнаружить там романтическую историю любви первых поселенцев или найти описание места, где золотоискатели, опасаясь разбойников, зарыли самородки и изумруды, может, еще по какой причине, но именно этот факт предопределил интереснейшую научную судьбу Е. Н., а также и судьбу нашей исторической лексикографии, нашей, пермской, ономастики, нашего, прикамского, лингвистического краеведения, а тем самым и судьбу нашей кафедры и сомнища студентов и аспирантов разных лет...

Как известно, русский литературный язык сформировался в ходе тесного многовекового взаимодействия церковнославянского языка и разговорного и поэтического языка восточных славян, на базе которого складывался в том числе деловой язык древнерусских княжеств и Московского государства...

Представим себе, как бы звучала торжественная речь, сочиненная к юбилею Елены Николаевны, в разные эпохи развития литературного русского языка. Начнем, естественно, с древнейшего периода русской словесности. Какой-нибудь новгородский, смоленский или киевский книжник на рубеже 11-12 веков произнес бы такое Слово на юбилей:

Велі́къ и мѣдръ сказа́тель по́трѣвенъ ны́нѣ на ѡ́краше́ніе пра́здника: ѡ́зъ же скѹ́денъ є́смь словесѣмъ, ѡ́вѣче лю́бвѣ дѣла, бра́тїе, сподѣ́жники и спомо́щники тѣ същїи, и́ѣчто скажѹ ѡ́ блѣнѣ дщѣ́ри Николáевѣ, женѣ́ мѣдрѣ вельмїи, і́ѣже на ѡ́нїверсітетѣ́ Пѣ́рмстѣмъ ѡ́ лѣ́та сѣ́мь тысящъ четы́реста ше́стьдеса́тъ ѡ́смагъ, сї́рѣчь є́днà ты́сща дѣвѣ́тъсѣ́тъ ше́стьдеса́тагъ ѡ́ рѣ́дествѣ́ Хрѣ́ства, двї́жетъ ѡ́чѣ́ніе ѡ́зыкъ словѣ́нскихъ, а наипа́че же на́зкъ ѡ́зыка рѹ́скагъ, ка́къ сѣ́й дрѣ́вле сло́жїсѧ и ка́къ богáтствѣ́ словѣ́снагъ и лѣ́поты во всѧ́ вре́менá і́сполнѧ́сѧ, вѣ́щшемъ просвѣ́щенїю наро́да рѹ́скагъ всѣ́мѧ тѣ́мъ споспѣ́шествѹ́а.

Вы́ же, бра́тїе и сподѣ́жники, съ́ прилежа́ніемъ послѣ́шайте.

Вспоймъ нынѣ хвалѣ Еленѣ дщери Николаевѣ, ꙗже настѣби на пѣтъ истиненъ многѣа Отроки и Остроковѣицы.

Войстинѣ блаженнѣ сѣтъ днѣсь ѡченицы тѣ, ꙗже подѣ сѣнію кадѣдры словѣнскѣа десницю твердою Елены Николаевны мѡдрѣ сѣтъ бедѡмы къ разѡмѣнію бѣтхихъ словѣсъ русскыхъ, и пермскихъ, и иныхъ ꙗзыкъ, и къ благоустроѣнію наѣки дѡхѡбныхъ и вѣчныхъ кѡль-тѡры тѣземныхъ, сирѣчь краевѣдениа пермскаго.

И вы, мѡжи и жены кадѣдры словѣнскѣа, блаженнѣ, естѣ, занѣ ѡтешѣніе вѣліе и благодѣть ꙗмате во ѡбразѣ Елены Николаевны, жены мѡдрыа, прѣва мѣрнаго, влѣжнаго своего любѣщѣа, въ тѣхъ дѣхъ наѡчныхъ и на поприще чадъ нашихъ просвѣщенѣа неѡтомѣмыхъ.

Радѡйтеса ѡбо и веселѣтеса нынѣ, въ день юбилейный рождѣства еѣ, занѣ во ѡбразѣ еѣ Оверѣли есмы вѣсерѣ многоцѣненъ.

Да бѡдетъ Елена дщи Николаева здѣва, а дѡхъ еѣ крѣпокъ многѣа лѣта, на радѡсть влѣжнимъ еѣ и слѣбныхъ дѣлъ кадѣдры словѣнскѣа ѡмноженѣа радѣи, и да воскрѡютъ ей тѣ дѣтѣамъ въ день сей и въ ны днѣ пакѣи и пакѣи.

А вот как сочинил бы сию речь дѣяк при царе Алексее Михайловиче (или при местном воеводе, например, в Кунгуре или Соликамске)...

Грамота цѣа Алезѣа Мнѣхѣловича

Во имѣ свѣатыѣ жѣвѡначальныѣ трѡицы, ѡца и сѣна и свѣаго дѣа.

О гѣдра цѣа и великого князя всеѣ русѣи Алезѣа Мнѣхѣловича воаромъ и окольничимъ и дѡмнымъ людемъ и дѣакомъ и вѣакиимъ приказнымъ людемъ, и вѣѣмъ людемъ московского гѣдрѣства.

Отсѣлѣ ѡтвердити на москѣѣ и въ соли камской и въ иныхъ городѣхъ перѣми великиѣ и инѣѣ за каменѣмъ дѣнь празный двѣдѣсѣтъ шѣстѣй маѣ, поеликѣ въ дѣнь сей родѣса Елена Николаевна, жена смыслаѣнаа, въ наѡчении чадъ много прѣспѣваѣа.

А ѡтѣ сѣльныѣ роботы людеѣ въ сей дѣнь свободити.

А котѡрые въ словодаѡхъ люди ремѣслѣнѣицы, золотыхъ, сѣвѣренныхъ и желѣзныхъ дѣлъ мастѣры, а тѣмъ вѣѣ тѣхъ дѣѡ отлѡжити.

А дѣакомъ въ приказѣхъ сѣго днѣ не сѣдѣти, а сѣдѣамъ розпѣабы не чинити.

А всѣмъ людемъ на москвѣ беселитиса и пласати наддежитъ, и хвалѣ Еленѣ Николаевнѣ безпрестанно пѣти.

А из погребовъ и лѣдниковъ ѣствѣ всякую доставати и на столѣ ставити: и колачи, и лукъ чеснокъ и масо всякое, съѣжее и солоникъ, і рыбѣ съѣжю и просольню, и ѣствѣ бареню масню и рыбню стѣдню и всякой запасъ естомон и шѣрцы и капѣстѣ соленю и съежю и рѣпѣ, и всякѣе шѣщи, и рыжіки і крѣ, и росолы ставленыа, и морсѣ, и квасы мелочные, и воды врѣсничные и вина флазскіе, и горючіе и меды всякѣе, и пива сыченые и простые, и брагѣ.

А питіа хмельного в сей день не отрицатиса.

А хто на москвѣ въ день двадцать шестой маѣ въ ѣныиѣ пребывати вѣдетъ и празденства того а паче питіа бражного ѣклонница, того батогамъ битъ нещадно и изъ москвы за камень, за товол-рѣкѣ вылаать, дабы прочнихъ людей на москвѣ и въ городѣхъ къ семѣ хѣдомѣ дѣлѣ не покажати.

К юбилею В. А. Мишланова

Лѣта 7518 генваря въ 31 день въ Перми Великой на Сибирской дорогѣ Пермской приказной палаты на кружечномъ дворѣ собиращася людие многіе разноличные да людие кафедральной избы общаго да славянскаго речевѣдѣнія и били челомъ тоя ж избы боярину да главному боярину сосѣдней избы речевой Валерию сыну Александрову Мишланову и в челобитной своей извѣщаютъ.

Въ сей преславный день твоего великаго юбилея чествуемъ тебя бояринъ отъ всеа души за все твои дѣянія многолѣтнія въ Перми Великия

грызлъ ты в годы далекие юные гранитъ науки речевой въ храминѣ зовомой alma mater и нагрызлъ много

да извѣдывалъ ты тайны великіе деривационныя

да считалъ ты слова корневые въ другой храминѣ цифирной зовомой НИИУМСомѣ

а послѣ того сталъ самъ учить в alma mater учениковъ своихъ многимъ языкамъ и русскому и древнерусскому и старославянскому и польскому а теперь еще и церковно-славянскому въ семинарии пермской да открылъ ты законы дотоль невѣдомые синтаксиса динамическаго да оборонилъ ты две диссертации кандидатскую да докторскую за горами Уральскими в третьей храминѣ зовомой УрГУ

да писать книги разные ученые дабы ученымъ людямъ было бы что читать умного да чтобъ ученикомъ твоимъ младшимъ учить кириллицу да склонения да спряжения с аористомъ да плюсквамперфектомъ а ученикомъ старшимъ аспирантомъ двигать науку все далее и далее.

А еще славимъ тебя за хождения твои въ страны дальние
за рѣки глубокие да за лѣса темные в страну Polsku

да за моря и горы высокие въ персидские земли древние восточные в опасный Афганъ гдѣ вмѣстѣ съ твоей мужественной ханумъ Свѣтланицею училъ молодежь речи русской.

В сей радостный день поздравляемъ тебя да супружницу твою Светланицу Иванову дочь да сына твоего Гришку и всехъ твоихъ близкихъ и желаемъ здравия крѣпкаго да благополучия да радости да счастья да творения новыхъ книгъ ученыхъ

Много успѣлъ ты сдѣлать и в наукѣ и в жизни – огородъ ветлянский взорать и несчетное число рыб в Чусовой да в Камѣ поймать и желѣзного коня осѣдлать и много хорошего пусть будет у тебя впереди.

Аминь

Сию челобитную вмѣсто людей кафедральной избы общего да славянского речевѣдния боярынь да женокъ да дѣвокъ кафедральныхъ что онѣ грамотѣ не умеютъ составляла и записала дьячица Оленица Николаева дочь Полякова.

Къ сей челобитной руки приложили
Тамарица Ерофеиха Большая
да Оленица Ерофеиха Меньшая
да Людмила Грузбериха
да Иреница Иванова дочь Большая Русиха
да другая Иреница Иванова дочь Меньшая
Вятчиха – Бакланиха тож
да Вѣрица Малышиха
да Оленица Корзиниха
да Натальица Борониха
да Марьица Богачиха
да Аленка Дремиха
да Маринка Горынчиха
да Катька Худячиха
да Катька Сторожиха

В. Мишланов,
выпускник 1976 г.

**На юбилей профессора кафедры речевой коммуникации
Владимира Александровича Салимовского**

Избранникъ тотъ судьбы, кто наречень, какъ князь,
Симъ именемъ, прославленнымъ издревле
И на Руси, и въ нашей alma mater...
Владимиръ – сирѣчь власть надъ міромъ предержажій,
Но не мечемъ, какъ встарь, не воевъ тьмою,
А знаньемъ тайнъ коммуникаціи речевой,
Нѣсть бо въ Перми ниже въ Россіи цѣлой
Учена мужа, иже въ сферѣ сей
Его ученостью своею превосходитъ...
Блаженна кафедра, гдѣ нынѣ онъ профессоръ,
Блаженни отроцы и дѣвы, иже,
Взалкавъ познанья тайнъ бесѣдъ искусныхъ
И технологій коммуникативныхъ,
Къ нему пришли, дабы вполне постигнуть
Общенья максимы и прочія законы,
И како отверзающе уста
Воздѣйствіе на друга оказати,
Имѣя цѣль сокрытую свою...
И горе вамъ, ехидны порожденья,
Кто въ рѣчи письменной безъ должнаго почтенья
О гражданехъ російскихъ разсуждаетъ,
Или хулу на оныя возводитъ,
Понеже и въ лингвистицѣ судебной
Отнынѣ нѣсть искуснѣе эксперта,
Чѣмъ Салимовскій В., драгій нашъ юбиляръ,
Ему ж хвалу поемъ днесъ неустанно.

Женщинам кафедры речевой коммуникации

Когда бы вновь могли мы от яйца
Начать свой путь в познание неблизкий,
Опять свои бы отдали сердца
Наукам и, конечно же, лингвисткам!

И. Г. Овчинниковой

Чрез бури кафедру она
Ведет, держа мужей квадригу
Десницей нежною; они ж
Готовы вечно быть под ИГОм

Оптитивы к Новому (2018) году

Желаю всем, чтоб в этот год собачий
Мы не были особенно кусачими,

И чтоб в желудках таяла сосиска
У вас у всех, как и у ваших близких,

И чтоб была она из подлинной коровы,
А не из сои, вредной для здоровья,

Чтоб проходили лекции неплохо,
А ваш студент в ученье не был лохом,

Чтоб за успехи награждало вас начальство,
А к вашим промахам чтоб было безучастно,

Чтоб и друзьям во всех делах фартило,
И вас чтоб от удач не отвратило,

Чтоб жизнь врагов была отсель несносной,
Чтоб конкуренты все остались с носом,

Чтоб холодильники весь год были полны,
А главное – чтоб не было... войны!

* * *

Каждый год на восьмой вечер мартовский
Поздравленья душевно слагал
Кафедральным я женам славяновским,
Но однажды случился скандал.

В шалаше¹ по соседству коварная
Поселилась молодка одна,
И меня, старика, хоть не пара мне,
Увлекла без остатка она.

Нынче ставки имею я капельку –
ПДС² закрутила в дугу,
Но тебя, моя милая кафедра,
Все равно я забыть не могу.

В альбом

женщинам кафедры общего и славянского языкознания

Весна! Вновь тянутся мужские руки
К перу, перо к бумаге...
И вирши белые свободно вновь текут...
Случайно ли, что в день **восьмой** весны
Мужчины вновь галантность проявляют?
О нет! В том знак я вижу несомненный,
Исполненный таинственного смысла ...
Восьмерка – совершеннейшая цифра.
Из всех графических творений мира
Она единственно достойна быть символом
Магического женского начала:
В ее простых изгибах и искусных
Движенье без начала и конца...
Не то в бесхитростном нуле (к примеру),
Уныло регулярном, как к работе
Зов вечный, или оптативы
Мужские в день 8 Марта:
Желаем вам... Желаем, чтобы вы...
Но оптатив – то ирреальная модальность,
Я ж стопудовый возглашу индикатив:
(прося прощения за термин неизящный)
Бокалам – пениться! Столам – от яств ломиться!
Садам – цвести! Любви и женам – быть!!!

¹ На вновь образованной кафедре речевой коммуникации

² Пермская духовная семинария

Частушки «восьмомартовские» (мурзинские)

Кафедральные девчата!
Сочиним мы вам стишата,
Больно-шибко хороши,
Их исполним от души.

В сорок третьей нынче снова
Стол накрытый без спиртного.
Ой-еси, ой-еси.
Чего хочешь – попроси!

Обмывает наша Тома
Корешочки от диплома.
Все сбежались поздравлять:
Она нам родная мать.

А в словарном кабинете
Коромыслом дым и стон
Франи, Тома, Нонны, Светы:
Выпускают третий том.

Кафедральные девчата!
Мы сыграли вам стишата,
Больно-шибко хороши,
Исполняли от души!

Стихи во вспоможение чадам изрядного возрасту, иже готовятся к зачету по социолингвистике

Идет студент, качается, вздыхает на ходу,
«Система, норма, узус», – твердит как какаду.

Система, норма, узус, конечно, хороши,
Но с ними на зачете поди-тка попляши.

У нас на факультете в преданья старины
Косериу идеи давно заключены.

Пусть есть в триаде этой гармония вполне,
Ей явно не хватает понятия *койне*.

Система, норма, узус – не полон сей буклет,
Доколе нет трактовки понятия *социолект*.

Но как в подлунном мире изучим мы его,
Покуда не узнаем о *страхах* кой-чего!

А *гендер* – наш красавец? Без этого юнца
Понять способность к речи не сможем до конца.

Везде способность эта, куда мы ни пойдём,
Особая, а значит, зовется *идиом*.

**Л. Сахарный на защиту кандидатской диссертации
Е. В. Ерофеевой**

Есть у нас секрет проверенный,
Создан Леной Ерофеевой:

Коль в Перми услышишь хрюканье,
Значит, в пермской речи юканье;
Ну а если слышишь кряканье,
Значит, в пермской речи яканье.

А потом, войдя в прострацию,
Все толкаешь в диссертацию.
И готова битва адская
Школ московской с ленинградской.

Л. Мурзин по поводу выхода первой монографии Т. И. Ерофеевой

Тома Ерофеева! Глянь, да не сробей-ка!
Дружит с корифеями и тоже корифейка.
Поздравляем Тому
И желаем вскоре
Выпустить ей томы
О русском разговоре!

Е. Ерофеева – по поводу обсуждения современных методов в социолингвистике

Одолело меня лингвистичество,
не дает ни стоять, ни сидеть:
посчитать мне стратегий количество?
иль за качеством оных мне бдеть?
О Фэрклоу! О Лабов! Ответь...

Е. Ерофеева – по поводу нужности знания и образования в обыденной жизни

Как-то раз принц наследный из Дании
встретил в замке призрак папани и...
Враз вразнос он пошел,
всех он в замке извел.
Вот последствия лишнего знания.

К. Белоусов,
профессор кафедры теоретического
и прикладного языкознания

* * *

Душа сквозь синтаксис глядела...
вся ритмика пошла вразнос,
а лексики больное тело
вдруг изогнулось как вопрос.

В миг архетипные фантомы
сглотнули воздух между строк,
а риторичные истомы
так накалили нервный слог, –

Что крикнув в нетерпении чуда
среди фонетичных гулких стен:
«Умри, поэтика, Иуда!» –
я падаю больным в постель.

Л. Быков,
профессор УрФУ

* * *

Б. В. Кондакову¹

Всегда по осени в Свердловске
У нас погода не ахти.
Известно, впрочем: жизнь в полоску –
Не каждый день должно фартить.

А так уж вышло ныне, братцы,
(И быть иначе не могло) –
Настало время аттестаций –
Как говорится, припекло.

Когда б тепло повсюду было,
Удобней принимать гостей:
Начальство б вас на пляж сводило
Для согревания костей.

А скажем, в зимнюю погоду
Другой бы выбрали маршрут:
Мы б предложили вам охоту.
А что теперь предложишь тут?!

Пришлось нам выложить бумаги
И дать по пунктам всем отчет –
Ведь, преисполненный отваги,
На все готов в УрГУ народ.

¹ В 2006 г. декан филологического факультета Б. В. Кондаков участвовал в работе комиссии, которая занималась очередной аттестацией Уральского государственного университета. После завершения работы комиссии на филологическом факультете состоялось заседание Ученого совета филологического факультета, в конце которого профессор Л. П. Быков прочитал поэму, в которой были подведены итоги прошедшей аттестации.

Не без тревоги ждали встречу,
Но грудь не издавала стон:
На зеркало пенять тем неча,
Кто статью точно Аполлон.

Пусть были въедливыми взоры
И осторожными слова,
Но дадены от ревизора
На перспективу нам права.

Ревизии необходимы –
На то и Гоголь намекал.
Спасибо Вам, Борис Вадимыч!
И тут кончается вокал.
И в руки просится бокал.
19 октября 2006 г.
УрГУ.

Р. С. к Закл¹чению

Спустя столетье ушлый Боря
(прочь фамильярности – Борис!)
сказал с сиянием во взоре
столетию: – Остановись!

Остановись и с глаз исчезни,
двадцатый, беспощадный век!
Пусть зазвучат иные песни,
чей полон мир услад и нег.

¹ В диссертационном совете по филологии, много лет успешно функционирующем в Уральском государственном университете (ныне – ФГАОУВО «Уральский федеральный университет имени первого...»), сложилась славная традиция: после успешного завершения очередной защиты, когда члены совета и иные присутствовавшие на защите лица поздравляют диссертанта, профессор Л. П. Быков зачитывает небольшую поэму, написанную на обратной стороне Заключения по работе диссертанта, принимаемого на Совете. В этой поэме в сжатой форме излагается концепция диссертанта и дается ей объективная оценка. Одну из таких поэм мы публикуем в сборнике.

Ведь столько неги в прошлом веке,
что и на финише его,
коль нешаблонно покумекать,
найдешь блаженства вещество.

Еще ходил в народ народник,
еще Толстой пахал, что – Лев,
еще марксизм не сшил намордник,
на тех, кто не желал бы в хлев.

Еще умел философ мыслить,
еще царить способен царь,
еще всяк Чехов – независим,
еще ценою в грош – стопарь,

уже читатель – счетом в тыщи,
уже забрезжил символизм,
уж капитал в России рыщет,
но «ять» еще не атавизм.

И словно культуролог светлый,
собрав всю волю и талант,
Борис Вадимович совету
явил свой мощный фолиант.

И оппоненты вдохновенно,
постигнув оный манускрипт,
призвали – чуть не на коленях –
законный вынести вердикт.

Законы ВАКа сонм присяжных
здесь на Урале свято чтит,
и соискатель свой отважный
облагородил званьем вид.

Отвага с благородством в паре
еще встречается уже.
Б. Кондаков стал доктор! Вдарим
за это то, что льнет к душе!
13.03.1997

Медведь из зоосада

З. С. Антипиной¹

Скучно мне в столицах,
как медведю в зоологическом саду.
В. Каменский

Кто свою раскрасил печку,
а вдобавок и забор?
В честь кого назвали речку,
что ласкает здешний взор?
Кто писал и жил для счастья,
простодушней был меня?
Да Каменский это Вася
своего дождался дня.
Был не промах этот парень –
друг космических стихий:
и летал на эроплане
и пописывал стихи.
Очень русский по замеске,
обожаящий кураж,
грезил об одном Каменский –
чтоб случился полдень наш.
Пусть дружил он с Маяковским,
пусть и орден он носил,
но мечтал поэт чертовски,
чтоб его кто защитил.
Ведь поэты – люди тоже,
хоть меж облаков парят:
и поэт ты, коль положен
дяде личный диссертант.
И сегодня, я не скрою,
исторично торжество:
долго ждал Василий Зою
и – дождался своего!
Да и Зоя, если честно
(здесь причин лукавить нет),
прежде чем исполнить песню,
текст писала много лет.
Нас собрали по повестке,

¹ Стихотворение написано по случаю защиты З. С. Антипиной кандидатской диссертации на тему «Литературная репутация Василия Каменского».

чтоб узнать, в конце концов,
футурист как стал советским –
мóлодцем из молодцóв.
На трибуну вышла Зоя
и сказала: мой герой,
как поэт из мезозоя,
был беспомощен порой,
но Каменский нос по ветру
удержать в то время смог:
где Есенин брал пол-литру –
Вася брал под козырек.
Та халва теперь прокисла,
но тогда просилась в рот:
Вася прожил жизнь со смыслом –
Зоя смысл явили тот.
Оппонентов дифирамбы
прозвучали здесь не зря:
я свои кончаю ямбы –
к рюмке просится ноздря.
Век минувший был угрюм, как
(черт, фамилию забыл...) –
так поднимем эти рюмки:
Вася ведь Веселий был!
22.03.12. Пермь

Колодезное

М. Н. Косвинцеву¹

Ты... стал колодцем,
где всякому хватит воды,
и я тоже свое опускаю ведро.

*Аннелиза Аллева. Наизусть
(пер. О. Дозморова)*

Не то чтоб это и положено,
Но все ж свою издам я трель.

¹ Л. П. Быков способствует распространению этой традиции в других диссертационных советах, когда он выступает в качестве официального оппонента. Приведенный ниже текст поэмы был зачитан в Пермском университете 29.03.2018 г. после защиты кандидатской диссертации М. Н. Косвинцева, посвященной поэзии И. Бродского.

С утра в Перми зело морозило,
Хоть через день уже апрель.
С утра не очень-то я бодрствую –
Ведь как-никак интеллигент,
Но – ждет меня защита Бродского,
И вот я в нужный здесь момент.
Конечно, можно бы и косвенно
(мне слышать непривычно плач),
Но Михаил, который Косвинцев,
Хотел, чтоб лично был палач.
Конвент все медлил с экзекуцией,
Поскольку кворума нема,
А публика ежели куца,
Тогда ведь ВАК сведет с ума.
В России души наши сотканы –
Пугает нас любой забор.
К обеду начали мы все-таки:
Зачла начальник приговор.
И дали слово соискателю:
О, если б я глаза закрыл,
То я б услышал, как старательно
Сам Бродский с нами говорил.
Да-да, все та же интонация,
Тот убаюкивающий тон!
Сумел, однако, постараться я –
Не впал, хоть и клонило, в сон.
Кто не уснул, пошел вопросами
Товарища кой-где щипать,
Но Михаил, не быв философом,
Всем отвечал почти на «пять».
Я тож чего-то, вроде, рыпался,
Но братья за топор не стал –
Научного примером рыцарства
Меня УрФУ сюда прислал,
Есть новомодные поветрия,
Чтоб «купрумом» мы звали медь,
Но Михаила геометрию
Смогла Кристина разуметь.
И хоть хотелось бритвой Оккама

В Совете кой-кому взмахнуть,
Не стали стричь мы Миши локоны,
Забыв на гильотину путь.
Пусть Бродский и поэт прохладный,
Зато немного в нем воды.
И, коли диссер вышел ладный,
То весь Совет сказал «лады».
Давайте рюмки вздымем горенкой –
Я призываю торжество:
За День рождения – и Бореньки
И кандидата от него!
29.3.18
Пермь

А. Заварыкина (Турлаева),
выпускница 1984 г.

На присуждение Н. Е. Васильевой Строгановской премии

Летом 2017-го года на улице пермских филологов случился неожиданный (хотя многими вполне ожидаемый) праздник: одним из лауреатов Строгановской премии стала Нина Евгеньевна Васильева, один из самых ярких преподавателей Пермского университета, любимица многих и многих поколений студентов-филологов.

Думаю, побывавшим на церемонии вручения премии надолго запомнилась по-домашнему теплая атмосфера, царившая в Органном зале, искромётные шутки ведущего и многочисленных участников вечера, непринужденная обстановка, лишенная какого бы то ни было официоза – неизменного атрибута большинства подобных мероприятий.

Искренне считаю, что безусловным украшением вечера, такой вишенкой на торте, оказалось ответное слово нашей Нины Евгеньевны, которая, с достоинством выслушав остроумные поздравления Т. И. Марголиной и Е. С. Сапиро, не стала произносить общих фраз, хоть и уместных в подобных случаях, но малоинтересных публике. Нина Евгеньевна и здесь оказалась оригинальной и прочла стихи домашнего сочинения, с восторгом принятые вполне искушенной публикой.

Размышление о Духе (читая Пушкина)

Пределы наши Пушкин обозначил:
«Вот Пермские дремучие леса».
Но двести лет прошло, а это значит –
Теперь другая лесополоса.

Менялось время и менялась участь,
Сквозь дебри проникал тихонько свет,
И уходила в прошлое дремучесть,
И открывался университет.

Век всех отбросил в бойню спозаранку,
Но знанию на свете нет преград.
И Гейдельбергу или Саламанке
Наш вуз, хотя и маленький, но брат.

Зачем равнять по росту или весу,
Ведь мысль всегда летит под облака,
И общая идея – универсум –
Заложена в фундамент на века.

Об этом Пушкин и мечтал подспудно,
Не позабудешь этих строчек двух:
«О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух!»

Ось времени, горизонталь пространства
Сегодня не случайно нас свели.
Есть некие законы постоянства
Для человека и его земли.

Здесь начинались судеб варианты,
И здесь звенели первые ручьи,
Здесь мы учили школьные константы,
И здесь же в мае пели соловьи.

Вселенная и время – что короче?
Зачем сроднились радость и печаль?
«Сырая даль под взглядом белой ночи» –
Не метрами же мерять эту даль?

Мы силу тока измеряли в школе,
Но не придумано пока что мер
Для силы духа и для силы воли,
И это не единственный пример.

Мы поднялись не на плечах гигантов,
Но здесь трудились люди и до нас.
Дух Строгановской школы – знак таланта
Доныне в нашем крае не угас.

И потому высокое свечение –
Единственный достойный идеал,
Под ним лежит дорога просвещения,
«В счастливой ереси и вкуса, и ученья»,
Как Александр Сергеевич подсказал.

Вечером, вдохновленная творчеством любимого преподавателя, я пришла домой и в один присест наваяла стишок «по поводу», который ничтоже сумняшеся немного позже рискнула озвучить во время нашего камерного вечера в доме Нины Евгеньевны. Как ни странно, стишок Нине Евгеньевне понравился, хотя она и восприняла его как пародию на свой шедевр. На мой активный протест по поводу того, что это ни разу не было задумано как пародия, Нина Евгеньевна уверенно возразила, что бывают пародии отрицательные – разрушительные, а бывают положительные – созидательные. Мою, стало быть, отнесла ко второй категории. А я что, я спорить не стала...

Продолжение размышлений о Духе (читая Васильеву)

Мы от души и радостно ликуем
Сегодня в нашей лесополосе –
Ученики, коллеги и подруги,
И даже ВИПы – в общем, все-все-все.

Что Гейдельберг нам или Саламанка?
У нас свое есть – гордый ПГНИУ!
Он существует в праздничной огранке
На радость сердцу, Духу и уму.

Ось времени, горизонталь пространства
Благословенно нам вручили Вас,
И Ваш известный дух вольтеринства
До сей поры нисколько не угас.

Вы нас вели по жизни эти годы,
(простите нас за пафос этих фраз),
И было все: удачи и невзгоды,
И Вы всегда поддерживали нас.

И да: любви, надежды, тихой славы
Совсем не долго нежил нас обман,
Вы нас учили жить и мыслить здраво,
Чтоб не увлек нас розовый туман.

Пусть говорят: «Не сотвори кумира!» –
Но догмам надо верить не всегда,
Ведь если уж Марголина с Сапиро
Клялись в любви Вам вечной на года...

И справедливость восторжествовала:
Аника в самых правильных руках!
И потому давайте крикнем «Браво!»,
С Аникой вместе Вас воспев в стихах.
Июнь 2017 г.

РАЗДЕЛ VII

А ЮМОР НАМ СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ

(каламбуры, афоризмы, остроты, эпиграммы)

Игра со словами и смыслами – привилегия филологического ума. В этом разделе представлены опыты столь рискованного и рискованного жанра, которые, по словам одного из авторов, «не следует принимать всерьез». Однако опыты эти далеко не бездумны: в них свой смысл и толк, свой шарм и поэзия. Читатель убедится сам.

Амфибрахий

Грустная повесть о заведующей сектором и об инструкторе по туризму

1.

Он был тогда инструктором туризма, двухдневные курировал походы.

Она же отвечала за работу со школьной молодежью головой.

Они были молоды и одиноки, и двери их бедных жилищ выходили в общий коридор, где перед ее дверью лежал пестренький коврик, а перед его дверью никогда ничего не лежало.

Обычно она возвращалась домой поздно, слишком поздно – так во всяком случае представлялось ему. Он узнавал о ее приходе по веселому, быстрому стуку половиц и, облегченно вздохнув, шел на кухню, где у нее был свой столик с посудой и продуктами, а у него никогда и ничего не было. Там он подпирал стенку и ждал ее. Она прибегала в своем уютном халатике и смешных шлепанца, и он замечал, что она, переодеваясь, погубила свою прическу, и ему было приятно и весело ее видеть. Кажется, и ей эти встречи доставляли удовольствие.

– Ну, как ты сегодня? – кричала она. – Ну-ка, дохни!

– Ни грамма, – отвечал он во всех случаях.

– Ты у меня смотри!

И она начинала заниматься своим ужином, а он отникал от стены и, вздохнув, просил одолжить ему соли, чая, хлеба, масла, лука, спичек, а то и денег – мало ли что беспутные холостяки занимают у соседей. Затем он шел спать, потому что, как все туристы, знал цену отдыху.

2.

Однажды он увидел, что она чем-то озабочена, может быть, огорчена.

– Послушай, у тебя, наверное, с деньгами не того? – спросил он. – Так я достану.

– Того, – ответила она.

Ему пора было идти спать, но он не уходил, потому что был добрый. Вдруг она обернулась и внимательно посмотрела на него.

– Ни грамма, – сказал он твердо.

– Постой-ка, постой-ка! – перебила она. – Ведь ты же турист?

– Само собой, – с достоинством ответил он.

– Значит, ты бард, менестрель?

– Инструктор, – поправил он.

– Не важно! – закричала она. – Все туристы менестрели. И инструкторы тоже!

Он понял, что ей так хочется, и не стал спорить. Тем более, что она, может быть, поцеловала его в щеку.

Но вслед за этим он проклял в глубине души свою доброту, из-за которой не ушел своевременно спать. Она хотела, чтобы он сочинил стихи, которыми ее пионеры приветствовали бы участников слета передовиков животноводства!

И между ними начался спор, и они поняли, что говорят на разных языках, что не удивительно, поскольку он был инструктором туризма, в то время как она была заведующей сектором.

– Я тебе кто? Инструктор или не инструктор? – кричал он, как будто она была в его отряде и ночью, когда все должны спать, он застал ее купающейся на перекате, ревущем и загущающем его голос.

– Ты что – под монастырь меня хочешь подвести? – кричала она в ответ, как будто он был ее вожатым и допустил слабину, и сорвал.

И от их крика высоко взлетало и гудело пламя над газовой горелкой.

– Найми профессионала! – кричал он.

– Профессионалу надо платить! – доносился ее голос. – А чем я буду платить?

– А чем ты будешь платить мне? – издевался он.

– А кто тебя, босьяка, кормит-поит?

Но дело было, конечно, не в том, что она его кормила, а в том, что все-таки он был очень добрый человек и очень хотел ей помочь. Но ведь он был всего лишь инструктором туризма!

Но она была заведующей сектором. Ей в самом деле нечем было платить и в самом деле были нужны стихи.

– Когда? – спросил он.

– Послезавтра. Ведь детям еще надо их выучить.

– А почему бы твоим детям самим не потрудиться?

– А что может ребенок сочинить на такую тему? – И, выхватив из кармана халатика исписанные листки, она прочитала: «Хороших показателей в районе добились лучшие доярки Среднемуллинской фермы Расима Фатыкзянова и Фазиля Шархутдинова. Они ежедневно получают в своих группах по 13-14 кгэ молока от коровы, что за месяц составляет более чем по 300 кгэ». А?

– А зачем твоим детям, если они такие бестолочи, вообще нужны стихи? Почему они не могут выйти и сказать без всяких фокусов:

«Спасибо вам, тетеньки, за большое молоко! Оно помогает нам хорошо учиться! Ура!»

– По-твоему, это будет красиво?

– А по-твоему красиво заставлять детишек долдонить с чужого голоса? «Ах, ах, сейчас наш Вовик прочитает вам стихотворение!»

Прав, прав был инструктор туризма! Но ведь существуют же в конце концов традиции, и не какому-то инструктору туризма ломать их.

3.

И вот прошла ночь, и прошел день. Ночью инструктор не спал, а то, чем он занимался днем, не имело никакого отношения к двухдневным турпоходам.

Вечером у себя в комнате он услышал ее шаги по коридору и подумал, что в ее годы совсем ни к чему бегать как сумасшедшая.

Они встретились на кухне, и он вручил ей несколько измятых листков. В одном из них, в частности, значилось:

«Вам, Расима Фатыкзянова, наше спасибо!

Так как на ферме, что в Средних Муллах, над рекой,

Вы получаете в день по 14 либо

В день по 13 кэгэ от буренки одной!

С вами она, Фазиля Шархутдинова, доит,

Доит и доит коров. И за месяц всего

Вы от одной лишь коровы, доярки-герои,

Больше, чем 300 кэгэ получили. Ого!»

– Что это? – тихо-тихо спросила заведующая.

– Амфибрахий, – покраснев, ответил инструктор. – «Плакала Саша, как лес вырубали».

Но это, разумеется, был не амфибрахий.

– Так ты говоришь, что мои ребята – бестолочь? – свистящим шепотом начала заведующая. – Ты сам бестолочь!

– А ты... – закричал пунцовый инструктор и не нашел слов, и его тяжелые ботинки простучали по коридору.

Между тем ни отменить или хотя бы отсрочить слет передовиков, ни нарушить традицию было невозможно.

На рассвете, взвалив на спину рюкзак Абалакова, инструктор лесными тропами повел свой отряд к заветным утесам, у подножия которых шумит своенравная горная красавица. Выступление пионеров на слете передовиков вызвало веселую сумятицу и оживление в зале. Мучительный амфибрахий, противопоказанный дыхательному аппарату

ребенка, потонул в аплодисментах. Заведующая сектором хлопала вместе со всеми.

Когда заросший щетиною инструктор вернулся из похода, она позвала его ужинать и сказала, что амфибрахий, как ни странно, имел успех. Он же недовольно заметил, что в зале, наверное, было жарко, а дети прошли и дверь, конечно, не закрыли. Вот и успех.

– Но ты все-таки можешь, – сказала она. – Тебе главное поверить в себя, в свои силы.

И он вдруг заметил, что она чем-то озабочена...

Они были молоды и одиноки, а двери их бедных жилищ выходили в общий коридор. И вполне возможно, что ей нравился этот немногословный, суровый с виду человек, а ему, как часто случается, нравилась она.

Но уже неотвратимо надвигался районный слет механизаторов, вслед за которым должен был пробить час августовского совещания учителей. И чтобы не ссориться с любимой, инструктор напросился в поход по маршруту четвертой категории сложности. Лишь одна девушка была допущена участвовать в этом трудном предприятии, и наравне с мужчинами она одолевала завалы, проходила пороги, шла в связке, и когда трудный путь остался позади, они долго сидели у костра вдвоем.

Между тем августовское совещание было под угрозой срыва. Но, как часто бывает, чуть ли не в последний день приветствие все-таки было получено, и автор его, молодой педагог, был приглашен на чай, который заронил в его сердце глубокий след.

Тут, по традиции, и заканчивается наша грустная повесть о заведующей сектором и об инструкторе по туризму. Добавим лишь, что она заканчивается в период напряженной подготовки к новым совещаниям. В этот период подолгу светится в ночи чье-то неизвестное окно.

Там амфибрахий плетут, – ступай туда, Муза приветствий, –
Знаешь сама, каково твой амфибрахий плести!..

Стихи, четверостишья, записи

Рискнет ли кто-нибудь из вас
Украсть слезоточивый газ?

...Еще сильна к пожизне страсть!
Вы – отреклись от чести!
Но прежде, чем вам газ украсть, –

Последствия все взвесьте!
Вот, предположим, без труда
Проникли вы на базу.
Украли газ вы. Но куда –
С украденным вы газом?
Его домой не принесешь –
Не будьте так наивны! –
Поскольку дома сам живешь,
А этот газ противный.
Его продать бы в самый раз –
Да от соседей стыдно,
Поскольку... все же это газ!
И это очень видно.
А если выбросить его,
Тебя же спросят сразу:
– С какой же целью воровство
Вы совершали газа?

Птица летит.
Должен быть труд благородным.
Встать, попрощаться
И на работу идти.
Слиться потом с коллективом.
Отсутствовать долго.
Снова вернуться домой.
Счастлив мой кот! Я пришел!

Прилагательное

Все хотелось чего-то целого,
А не дробного. Изначать!
Мне хотелось Андрея Белого
С Лялей Черною повенчать.
Только Белый, а уж тем более
Эта Черная – зверем зверь.
Говорят: у них меланхолия.
Говорят: заперите дверь!
Я – к Зеленой. Она в комиссии!
Будто с Горьким ушла.

Вдруг врут?
Мимо – Бедный (шубенка лисия).
А Голодный уж тут как тут...
А теперь хоть божись, что бедный,
Безымянный и полевой, –
Ты покажь свои документы
И ступай своей бечевой...

Милый друг!
Я умираю,
Потому что взрыв ужасный
Приключился в самолете,
На котором я пил.
Я летел к тебе с приветом,
Объяснить, что, как ни странно...
Я привесил к парашюту
Кошку.
Ты ее люби.
Не летай на самолетах,
Милый друг!
У них пружины
Даже хуже, чем у нас.
Под диваном я оставил
Металлическую штуку:
Ради Бога,
Осторожно!
Извини.
Я прилетел.

В годах семидесятых
Я был библиофил,
И книжек тех проклятых
Штук двадцать я купил.

Когда сомкнется круг крылатый
Со свистом циркулярных пил,
Паду ли я, в тупик загнанный,
Как Пушкин где-то говорил?

После земных околесиц,
После казенной возни
Сердцу так хочется песен —
Жить помогают они!

Этих хохмачек три штуки
Есть продукт душевной муки.

*На даче, упав с косогора и массируя отбитый бок,
размышляю о видах на природу*

Вижу туч я пробег групповой.
Я не вою. И ты, брат, не вой.

У природы много див.
Поступай в кооператив!

Ягоды всюду растут в близлежащих садах.
Что ж мы сидим, протирая штаны на задах?

Ксении

В этих мрачных тучах над рекой
Есть любимый папой непокой.

Среди кокошек и окошек
Я сразу понял, что почем.
И где я буду уokoшен,
И где я буду укушен.

Революция

Всякий, сбитый с панталыку,
Как ужаленный кричит,
Что приехал сбыть он лыко,
А сказали — динамит.

Ужесточение режима
Достигло степени зажима.

Извини, что я не Хэм
В свитерке обтерханном,
Я не пью и я не ем –
Одним словом, – дерганный.

– Взошло солнце. Роса. Россия. Протер глазки и начинаю прорабатывать общечеловеческие ценности.

– Он родился в такие годы, о которых теперь и вспоминать-то стыдно. От тех лет у него осталась открытка...

– Болдинская осень достигла своего сапогея.

– Тургенев любил только Муму и Виардо. Но рассказ «Муму» есть, а где же рассказ «Виардо»?

– Еще неизвестно, какой метод оптимистичнее, – романтизм или соцреализм. Вот у Жуковского мертвец встает из могилы, а что может быть более жизнеутверждающим, чем восставший из гроба!

– Жизнь и приключения Робинзона Крузо: понедельник, вторник, среда, четверг, ПЯТНИЦА!

– Старинный русский город Великие Льготы.

– Что это была за любовь!.. Но сегодня я расскажу вам, что это была за жизнь.

– Я даже гриппом не болею – можно подумать, что природа избегает меня.

– Ваша наивность может сравниться только с моим косоглазием.

– Вчера в Большом кормовом цехе состоялась встреча глав трех шей.

– Пьеса Горького «На днях».

– Бутылка уже выпита, а внутренней убежденности еще нет.

– Где она вообще видела гения, который сидит дома? Он все время бегает по магазинам.

Гений никогда не одинок. У него всегда есть жена и дочь.

Ю. Беликов,
выпускник 1980 г.

**Будни экспромприатора,
или
Моя веселуха**

Юрий Беликов – выпускник филологического факультета образца 1980 года.

Во время учебы в альма матер – участник и лауреат студенческих весен, а также – студенческий редактор легендарной стенгазеты филологов «Горьковец», снятый с этой должности самой Ксенией Владимировной Веселухиной, которая возглавляла в оные годы партийное факбюро. Впрочем, на этом беликовская «Веселуха» не закончилась. Кроме того, что «снятый с должности» стал известным в России поэтом и «Не таким» (по названию одной из его книг) лауреатом всероссийских литературных премий, он прослыл еще и автором всяческих шуточных, а иногда и остроугольных экспромтов. Причем мгновенных, исполненных как бы щелчком пальцев. Это может случиться где угодно – на дружеской пирушке, во время интервью, даже в зале суда.

Раньше экспромты Юрий никогда не записывал – обронил и забыл. Зато запоминали окружающие. Или не запоминали. Потом стали, сетуя, советовать, чтобы он свои рифмованные шутки, где шарж граничит с пародией и даже эпиграммой, все-таки *экспромприровал* – то бишь прибирал к рукам, перенес на бумагу или в компьютер. Беликов долго отнекивался, ссылаясь на лень-матушку, на то, что его экспромты – не более чем никчемные опилки, в конце концов – на нежелание кого-либо (тут он на ходу изобрел новый глагол) *экспрометировать*. Затем, чтобы от него отстали, начал записывать то, что по разным поводам и в разные времена слетало у него с языка.

Но слетало с таким радиусом действия, что, представьте, беликовские шуточки вошли в третий том отечественной антологии Евгения Степанова «Жанры и строфы современной русской поэзии» (Москва), где украсили собой весьма опасный раздел эпиграммы. Вот что пишет по этому поводу сам составитель антологии: «Особый разговор – эпиграммы Юрия Беликова... Лучшие – остроумны, виртуозны с точки зрения стихотворного мастерства, самодостаточны как стихотворения. Они построены на игре слов, богатой аллитерации, зачастую на макаронической лексике, анжамбеманах, эллипсах (недосказанности) и других литературных приемах. Несут глубокий смысл...»

Самое время в этом убедиться.

Писательнице Нине Горлановой,

почти святой, но взимающей дань с обозримого пространства
своими живописными дощечками

В ней сублимируется все –
высокая культура:
от Пиросмани до Басё
и дальше... до Букура.

Сбежишь куда-нибудь, в мечте
в Пермь не вперяться взглядом, –
картинки Нинины везде,
как будто Нина рядом.

Но тот, кто зубы сжал в тоске,
пускай не унывает:
всяк на разделочной доске
у Нины побывает.

Поэту Владиславу Дрожащих,

автору гигантской поэмы «143-й вагон»

Справа налево прочти: «Хищажорд».
Хищник на жердочке – Слава Дрожащих.
Может, он этим прочтением горд?
Вроде: Дрожащих. А глянешь: ужасник!

Слава Дрожащих совсем не дрожит.
Слава Дрожащих всегда ужасает.
Это немыслимо! Первый пиит
в «143-м вагоне» гоняет!

Прозаику Юрию Асланыяну,
автору эпохального романа «Территория Бога»,
заставившему мир рассчитывать на «Первый-второй!»

Он всем москвам, алма-атам:
«Куда летите, щепки?!», –
сказал, расставив по местам,
как тот сержант в учебке.

Стрелявшего он оправдал,
ментов прищучил к сроку...
Любому место указал.
И даже – место Богу.

Поэту Анатолию Субботину,
причудливому дружку моей университетской юности,
который задолго до всяческих нынешних мельдониёв
познал толк в биодобавках и смесях

Он Гоголю моголя сделал,
он Хармса принял за хамсу,
а Кафку попутал он с девой,
которая бродит в лесу,
он, хрупенький, Славу Дрожащих
воздел и сломал три ребра:
мол, думал, что выйдут из чащи
три Евы, горящих, как бра.
Он дружит с Бодлером, абсентом,
его за порочный талант
назвал Асланыя декадентом,
но Толя Субботин – атлант!

Поэту Игорю Тюленеву,
одолевшему аспирантку Тоню Штраус
своим стихотворческим многокнижием

Не спасет ее элениум,
не поможет ей реланиум:
не миллениум – тюлениум
накатил на мирозданиум.

Прозаику Виталию Богомолу,
кавалеру Ордена Достоевского двух степеней,
сперва – II-й, а потом и I-й

Слышал я довод из доводов веских,
или, быть может, прикол из приколов, –
мол, в Богомолове – два Достоевских,
а в Достоевском – один Богомол.

**Критику и лауреату патриаршей премии
в области литературы Валентину Курбатову,**
который проделал путь из астафьевской Овсянки
в дантовскую Верону

Надев сурьезные очки,
Курбатов пишет дневнички,
курчавые по тону.

Услышит глас из вышних сфер:
– Ну что, опять Овсянка, сэр? –
и пишет про Верону.

Критику Льву Пирогову,
признававшемуся на страницах «ЛГ»,
что у него «встала на место какая-то вывихнутая из сустава мысль»

Быть может, я сказать не вправе,
но вот суждение мое:
у Пирогова мысль – в суставе,
и то он вывихнул ее.

Московскому издателю Евгению Степанову,
который для многих, даже проницательных, индивидуумов,
включая гуру поэтического выворачивания Константина Кедрова,
остается неразгаданной загадкой

Тонкую Степанова игру
верно, и Джеймс Бонд не разберет.
«Расцветали яблони и ГРУ...», –
Кедров про Степанова поет.

Прозаику Роберту Белову,
призраку Перми, знатоку всех местных забегаловок
и царства мертвых, даже в лютые морозы ходящему без шапки

Он слеп, как будто бы Гомер,
но лишь достигнет стойки бара,
как обретает глазомер –
его диктует стеклотара.

Распорядитель панихид,
путеобходчик отпеваний,
он встречный гид, он Вечный Жид,
но он же шапку снял пред вами!

Когда свой пост покинет он,
боюсь, постигнет нас расплата –
в Перми не будет похорон,
а это, в общем, страшновато.

Юмористу Сергею Тупицыну,
создателю незабываемого двустипа:
«Падает тихо на одеяло
волос с лобка моего идеала»

– Чтоб ни волос не упал с лобка! –
музе строго наказал Тупицын.
Музе ни отдаться, ни побриться –
заждалась бедняжка мужика.

**Поэтессе Наталии Гашевой
и поэту Юрию Асланьяну,**
издавшим перекликающиеся книги –
«Тропинка» (у Гашевой) и «Печорский тракт» (у Асланьяна)

Асланьян выходит на «Тропинку»,
достаёт заныканную финку,
поджидает Гашеву. «Так-так...»

И посредством извлеченной финки
он уводит Гашеву с «Тропинки»,
чтобы показать «*Печорский тракт*»!

Кинорежиссеру и лауреату Павлу Печёнкину,
который в духе булгаковского Мастера
занимался извозом кота пермского композитора Валерия Грунера

Умерив киношную прыть,
но с чувством присущего юмора,
отправился Паша возить
кота композитора Грунера.

И мрачный, как черный рояль,
котяра в стремительной гонке
вдруг фыркнул вальяжно: – С фуя ль
ты кошек не ловишь, Печёнкин?!

– Катал бы ты, Паша, кота,
нисходит прелюдия Грунера, –
быть может, судьба бы тогда
все фильмы твои переплюнула!

Поэту Павлу Чечёткину,
известному стихокотоману, автору книжки
под названием «Кот Несмеяны»

Чечёткин, он всегда готов
читать нам вирши про котов.
Но если Шариков душил

котов налево и направо,
Чечёткин борется за право,
чтоб каждый котик с мышкой жил.

Поэтессе и драматургу Ксении Гашевой,

однажды предсказавшей:

«Похоже, что все возвращается к хаосу:
буфет достается проворному маусу»

Поскольку мы все возвращаемся к маусу,
то фиг ли мне брать театральную паузу?
Вот только кому мне отдать предпочтение:
то ль Гашевой Кате, то ль Гашевой Ксении?
Но маус мяучит: мол, действуй, не спрашивай!
Ну, что же, вот соус для Ксении Гашевой.

Поющему поэту Григорию Данскому,
вместо которого в его очередное отсутствие на Родине
по телевизору выступил кот

Кот Данского – это вам не код
падкого на выдумки да Винчи.
Кот Данского мрачно струны рвет,
если Гриша – в эмигрантах нынче.

И сюжет по «ящику» идет
уж не про Григория Данского,
но... как на гитаре шпарит кот –
знаете вы рокера такого?!

Поэтессе Бэле Зиф,
вдохновенной охотнице за петухами,
перещелкавшей своим фотоаппаратом всех кочетов
в селе Ключи Суксунского района

В селе Ключи последний самый кочет
беспрекословно знает Бэлу Зиф.
Петух не хочет. Ну а Зиф хохочет

на то, как петька крыльями хлопочет,
входя в ее бездонный объектив.

**Прозаику Алексею Иванову
и телеведущему Леониду Парфёнову,**
которые причудливым образом использовали Юлию Зайцеву,
сопровождавшую их во время съемок фильма «Хребет России»

Вы, как я погляжу, больно ловки:
с упоительной влагой во взоре
два бугра разглагольствуют в лодке,
ну а баба сидит на моторе.

Все видала река Чусовая!
Но чтоб два мужика, елы-палы,
токовали, у скал проплывая,
так что Юлия лезла на скалы?..

Захребетников всех поименно
назовешь ли? Но если спросили, –
то еще Иванов и Парфёнов
на хребет взгромоздились... России.

Поэту Анатолию Гребневу,
сделавшему в одном из стихотворений сноску,
что он ночевал в Балаганске,
как некогда Иосиф Виссарионович в ссылке

Толя Гребнев тем и славен,
что не лез на пьедестал:
он, как сам товарищ Сталин,
в Балаганске ночевал.

Прокурору Дзержинского района Зуферу Маслохутдинову,
вчинившему автору уморительный иск о защите чести и достоинства
после своего уподобления оным с Феликсом Эдмундовичем
(экспромт оглашен в зале суда)

Шапку тяжелую низко надвинув,
спрятав себя за людьми,

Феликс Эдмундович Маслохутдинов
бродит, как тень, по Перми.

Рушатся с неба дожди и снежинки,
сумрачным сделался сквер.
Вдруг снизошел с постамента Дзержинский:
– Место свободно, Зуфер!

Губернатору Пермского края Олегу Чиркунову,
более известному как автор книги рассказов «Штрихи»,
которая издана в Хельсинки

Второй уж век, как я пишу стихи,
а кто-то – песенки...
А Чиркунов – одни «Штрихи»,
но сразу – в Хельсинки!..

– От Хельсинки прямехонько до Швеции,
а там и Нобелюга, пацаны..., –
шепнули мне в пресс-службе люди вещие.
– Олег, он – классик. Вы же – чиркуны.

Перманентному бунтарю Роману Юшкову,
будущему экспонату Музея пассионарности им. Льва Гумилева,
бывшему лидеру группы «Зеленая Эйкумена»
и внуку профессора Генкеля

Юшков – такой противный шкет,
что хлебом не корми –
дай провести ему пикет
на Марсе иль в Перми.

Нет, он не Генкель, он другой!..
Как Че, он скажет Чи:
– В утилизацию! Долой!
Скрывайся и молчи!

Но Чи¹ в сверкающей парче
не-Генкелю в обмен:
– Ты чё работаешь под Че,
зеленый эйкумен?..

Писательнице и ворожее Ларисе Васильевой,
в телефонном разговоре со мной сообщившей,
что она «положила меня на Андрея Дементьева»,
то бишь – книжку на книжку

Он чувствует, что я лежу на нем...
С тех пор мой дар терзается и мается.
А у него, напротив, с каждым днем,
откуда ни возьмись, да прибавляется!

И я уже, как драный волк в степи,
в капкан попавший, очумело вою:
– С Дементьевым, Лариса, разлепи
меня своею властною рукою!

Статс-даме Татьяне Марголиной,
постигшей законы дипломатии, но не избежавшей
уколов собственного естества

Ее загадка – ого-го! –
еще не разглаголена:
она могла бы стать Марго,
зато теперь – Марголина!

Отныне – с пятки на носок
и, молвив речь вожатого,
то Евтушенко в щечку – чмок! –
то – Женечку Крылатова.

Придут иные времена,
да шарфик – не просроченный.

¹ Че всем известен. А Чи – остаток фамилии экс-губернатора Чиркунова, ныне выполняющего долг перед Родиной во Франции. – *Прим. авт.*

А потому, брат, что она –
всегда уполномоченный.

Какой карт-бланш ей жизнью дан!
Фортиссимо! Брависсимо!
В ряды «великих чусовлян»
...Бурьяновым¹ зачислена.

**Чете Абашевых,
Владимиру Васильевичу и Марине Петровне,**
коим в «культурной столице Европы», каковой именовалась Пермь,
были равны разве что хрестоматийные лермонтовские березы

Чета белеющих берез
не понимает ни черта:
там, где их корень в землю врос,
взошла Абашевых чета.

Чета Абашевых одних
среди желтой нивы – вот фавор!
А где березы? Нету их.
И Лермонтов отводит взор.

**Поэту и совладельцу базы отдыха
«Уральская вотчина» Владимиру Балашову,**
который в одночасье перепутал мои башмаки со своими

Вове Балашову велики
Беликова Юры башмаки.
Я промолвил: Не тушуйся, Вова!
Наставление не сочти за труд:
башмаки, глядишь, и подойдут,
коль носки наденешь Тюленёва.

¹ Сейчас уж никто не помнит, но в оные годы Виктор Бурьянов был мэром Чусового. – *Прим. авт.*

Про фотоснимок,
где **Юрий Беликов** ведет челябинскую поэтессу **Ирину Аргутину**
к двери с надписью «Служебный вход»

– Скажи, зачем в служебный вход
чувак Аргутину ведет?
– Ведет, – отвечаю, – не Ягу,
а настоящую Аргу!

Фокуснику Валерию Бастракову,
объехавшему мир с феерическим номером
«Трехметровые матрешки»

Коль не был бы сей дядя Бастраковым,
кто б хаживал к матрешкам трехметровым?
Что девушки обычной вышины?!
Матрешки быть огромными должны.
И если бы не титул «Не такого»,
то я бы переплюнул Бастракова.
И, как сказал Сережа Финочко:
«Матрешки трехметровые? Легко!»

Ресторатору Льву Журавлеву,
владельцу нескольких элитных заведений Перми, время от времени
зазывающему вашего покорного слугу в свои владения

Его портал – совсем не три ступеньки.
А я... кто я? Простой экспромприатор.
«Но на тебе же можно делать деньги!», –
вдруг заявил великий ресторатор.

Отныне буду жить по Журавлеву.
Со всех, которым наступал на пятки
(зачем экспрометировать мне Лёву?!),
я минимум срублю по «пятихатке».

Историку Виктору Шмырову,
отважному следопыту XVI века,

пошедшему путем Ермака
к Музею политических репрессий «Пермь-36».

Витя Шмыров и думать не думал,
что за ним наблюдают века:
он все больше похож на Кучума,
что в себе утопил Ермака.

Актеру Владимиру Воробейю,
гениальному второкласснику и второгоднику, сыгравшему роль второго
плана директора культурно-развлекательного центра санатория
«Демидково»

То не Горыныч полыхает Змей,
не Муромец на чудище прикрикнул, –
в Демидково залетный Воробей
на тереме Кузьева чирикнул.

Краеведу Владимиру Гладышеву,
сталкеру местных кладбищ, автору путеводителя «Пермский некро-
поль», получившему контузию при форсировании речки Стикс

Не Кама – Гладышев сплошной.
Ни всплеска. Будто в склепе.
Большой кладбищенской луной
опять наш Вова светит.

Косясь на бледную луну,
что яростно мертвеет,
руки ему не протяну –
могильным хладом веет.

Главному редактору газеты «Звезда» Сергею Трушникову,
в одночасье побывавшему в Камбодже
и с обновленным организмом воротившемуся в Пермь

Чтоб удалая в Трушникове сила
не угасала для великих дел,

он мясо молодого крокодила
в Камбодже с осмыслением поел.

И мясо молодого крокодила
такое в нем желанье породило,
что, с предвкушением обогнув планету,
он прибыл в Пермь, как это ни смешно,
и тут же всех завернутых в газету
он проглотил с газетой заодно.

Тяжеловесу газеты «Звезда» Сергею Журавлеву,
который начинал в балетном классе
вместе с Рудольфом Нуриевым

Вот Журавлев. Не Синицын. Бери его.
Прыгал когда-то он в группе Нуриева:
раз-два и три, и четыре, и пять.
Но стал похож он от времени ярого
на адвоката Андрея Макарова –
будем в Госдуму его выдвигать!

**Воспоминание о том, как я был сыном
главного редактора «Звезды» Натальи Копыловой,**
которая в рубрике «Прямая речь» неизменно отрекомендовывалась,
что она – мать двоих детей

Вся Россия знает без затей:
Копылова – мать двоих детей.
Ты корми-корми их кашей манной,
но расскажет высший судия,
что еще есть третий – нежеланный,
брошенный ребенок – это я.

Все той же Наталье Копыловой,
главному редактору «Звезды», однажды пойманной мной
на сдаче двух красноречивых тестов

В себе лелеет фобии любой.
И неизменно два несносных слова –

сначала – «русский», после – «голубой» –
вычеркивала напрочь Копылова.

Культуртрегерше Надежде Агишевой,
экс-распорядительнице газеты «Звезда», притормозившей
выход ее литературного приложения «Лукоморье» после публикации
в нем невинных строк пролетарского поэта Николая Глумова:
«Согрето девичьим задком / Трамвая жесткое сиденье...»

Надька Агишева – чудо:
всем она дает совет.
Все у Надьки есть покуда,
но задка у Надьки нет.

Как же так? Ведь люди сами,
кто поширше, кто на треть,
рождены вертеть задками.
Ну а Надьке чем вертеть?

Надька денежки считает –
жизнь с Андрюхою сладка...
Но Андрюха-то не знает,
что у Надьки нет задка.

Корреспонденту газеты «Звезда» Алексею Ключихину,
во всеуслышание сравнившему себя с журналистом кремлевского пула
Андреем Колесниковым

И грянул Ключихин: – Я – пермский Колесников!
И в хохот привел окружающих сверстников.
– Кто ж я-то? – Колесников вымолвил в чихе.
И Кремль утвердил: – Ты московский Ключихин!

Новому главному редактору газеты «Звезда»
Татьяне Корнеевой,
которую на первых порах вводили в заблуждение
окружавшие ее советчики

– Мне сказали, что Востриков – местная мегазвезда? –
заслонила Татьяна Корнеева куцым примером.
И пример мне понравился. – Знаете, Таня, тогда,
если так разобраться, я круче, чем Данте с Гомером.

Поэту Марине Кудимовой,
расписавшей мою «свекольную рубашку»
на страницах «Литературной газеты»

Куда ты котишься, звеня,
планида застекольная?
Была рубаха у меня –
рубашечка свекольная.

Про ту рубашку наяву
сложили песнь сугубую,
да так, что я теперь живу,
как будто сельдь под шубою.

Писателю и главному редактору «Литературной газеты»
Юрию Полякову,
срочно улетевавшему в США во время моего приближения к Москве

Улетает в Штаты Поляков –
так ему положено по штату.
Говорят, мелькнул – и был таков:
бросил переделкинускую хату.
Потому что Беликов грядет!
Он уже приблизился к столице.
Поляков садится в самолет,
чтоб скорей от Беликова скрыться.
Лучше уж засесть в «Демгородке»
иль «Грибным царем» – на Амазонке,
лучше уж – «Козленком в молоке»,
или даже – молоком в «Козленке»,
чем столкнуться с Беликовым – он,
как неумолимая расплата...

В Штаты! В Штаты! В Штаты! И вдгон
пригрозить, что Беликов – вне штата!

Калининградскому поэту Борису Косенкову,
автору жесточайшего романа «Узелок», в котором есть
такие строки:

«И когда расставаться мы будем,
чтобы помнила ты обо мне,
я возьму твои девичьи груди
и узлом завяжу на спине».

К Македонскому дева явилась
и, дрожа, повернулась спиной,
и пристыжено разоблачилась:
– Вот что сделал любимый со мной!

И воскликнул в ответ Македонский,
осмотрев пациентку свою:
– Ни хрена себе, блин, закидонцы!
И спросил: – Косенков? Узнаю!

Дева долго молила о чуде.
Александр милосердие явил.
И узлом заплетенные груди
аккуратно мечом разрубил.

Экспромты о девушках,
ученицах народного художника СССР Евгения Широкова,
писавших мой портрет хором

Вике Желниной,
отбивавшейся от меня красноречивыми укусами

По тускло-золотым погонам
ее укусов неспроста
смекнул поэт с похмельным стоном,
что Вика – девушка мента.

Екатерине Севергиной,
охмуряющей преимущественно только знаменитых натурщиков

О, Катерина! Ты – нетленка.
Какая классиков семья
столпилась возле: Евтушенко
и Тихон Хренников, и я.

Валентине Соловьевой,
которая рисует так же, как танцует

Танцую с ней, не только Юра
промолвит «ох!» и ух!», и «ах!».
О, Валя! Мы – клавиатура
в твоих блуждающих руках.

Ирине Пимурзиной,
24 часа в сутки посвящающей своим ресницам,
даже когда она сидит за мольбертом

Пимурзина всегда красива:
какой Париж в ее очах!
Но если смыть все это диво,
Пимурзина – мурза в пимах!

Составителю 13-го тома «избранных филологизмов»
Нине Васильевой,
рекомендовавшей не откладывать подготовку к этой публикации
в долгий ящик, а «запрячь при этом личную доминанту»

Согласно данному таланту,
я запрягаю доминанту.
И под воздействием таланта
меня выносит доминанта.

В. Прохоров,
выпускник 1975 г.

Мое второе Ё¹

*Упаси вас Бог принимать
эту книжку всерьез.
Это просто игра слов, звуков,
знаков препинания.
Просто игра. Как, впрочем,
и все остальное...*

Владимир Прохоров

Любил бы я тебя, когда б не зной,
не комары да мухи...

Всем везет с женами поначалу.
И только декабристам повезло в конце...

Мужчина, вы требуете ухода?..

Любишь кататься — люби
и катайся...

Мужские недостатки —
это продолжение мужских достоинств...

Провожаем по уму. Без одежды...

Не джентльмен.
Ни одной дамы не пропустит...

Бабка — за дедку,
а внучка — за бабки...

Путь к сердцу мужчины
лежит через желудок,

¹ Цит. по: Прохоров В. Мое второе Ё // Сборник современных афоризмов.
Пермь: «Книжная площадь», 2004.

а к сердцу женщины не лежит...

Братва, не стреляйте
друг у друга...

Чисто конкретно
где не мусорят в натуре...

Кто не спрятался, тот и виноват...

Добрый доктор Айболит,
он под Ныробом сидит...

Акционерное общество типа закрытого...

Южный берег, бархатный сезон.
Скоро год, как я сижу в СИЗО...

Врагу не сдается в аренду «Варяг»...

Тяжело в деревне без мангала...

Нервные в клетке не восстанавливаются...

Какая б ни случилась
ситуация,
легко снимаются
колготки «Грация»...

Продаются горящие путевки. В Ирак...

Мария Ивановна очень любит
читать газету «Местное время»,
но ее радость была бы неполной,
если бы не продукция «Пермалко»...

У веселого молочника
и молочница веселая...

Хуже водки лучше не придумать.

Пьет, значит любит...

Бросил курить.
Для начала – свои...

Аппетит приходит
во время питья...

Водка и пиво –
маленькие радости большой страны...

Если в «нулевое» пиво добавить водки,
оно потянет на «семерочку»...

Если бы к каждой бутылке водки
давали книжку,
мы были бы самой читающей
страной в мире...

До дня рождения А. С. Пушкина
осталось 5 рублей...

Не спиться б, няня...

Чувствую себя хорошо.
А почему хорошо, не чувствую...

Живу одним днем.
Воскресеньем...

Хожу, как конь. Буквой «Г»...

Трезвый за рулем – отступник...

Эту песню запивает молодежь...

Профессионал ошибается
только один раз.
При выборе профессии...

Директор.собака.ru

Доллар. Мелочь, а приятно...

Уважайте труд, уборщицы...

Сказка Ш. Перро: «Год в сапогах...»

Умеренность в завтрашнем дне...

По итогам проверки бухгалтера
кремировать...

После укуса клеща можно так
и остаться идиотом...

В России две беды –
УПК и ЖКХ...

А у нас семейный врач – ветеринар...

Они сажались за Родину...

Нам нельзя ждать милостей от природы.

Приватизация закончилась...

Кто не работает, тот не уes...

Легок на поминках...

У нас все хорошо,
только гены плохие...

Белый танец:
белые приглашают красных...

Вроде не бюджетники
и могли бы жить...

В лесу раздавался топор
дровосекам...

Вах, какой был
мужчина...

И душа моя у.е.звлена стала...

Товарищ, верь, зайдет она...

Женское счастье – Билл бы милый рядом...

Ах, какая женщина.
Куда мне такую?!

И все в порядке, если только
на площадке
великолепная пятерка BMW...

Бери «Шанель», пошли домой...

Я могла бы побежать за Паваротти...

В селах Техасщины,
в селах Ньюйоркщины
слово «люблю»
неизвестно для герлщины...

Прежде думай о Родине,
а потом в ней живи...

Это ест наш последний...

Любой нечаянно нагрянет...

Кильдым отечества нам сладок
и приятен...

Чап

Речения и афоризмы.
Издание 1-е. Юбилейное
Группиз – 1967 г.

Краткое предисловие

Настоящее издание имеет своей целью познакомить читателя с творчеством молодого и самобытного автора Г. Чудиновой, известного под псевдонимом Чап, а также Бут, Уха'рь, Афорист.

После того как работа над рукописью была завершена, в разных издательствах вышли в свет многочисленные сборники эпигонов Чапа. Редакция считает своим долгом уведомить читателей, что только настоящий сборник является подлинным собранием афоризмов Бута.

Редакция благодарит автора, а также товарищей, которые прочли рукопись и сделали ряд исключительно ценных критических замечаний.

Закончить эту краткую вступительную статью мы бы хотели одним из известных высказываний: «Отчего не написать, можно и написать», «Отчего не прочитать, можно и прочитать!»

Редакция

1. Будь что будет, что-нибудь да будет.
2. Послеобеденный сон крепок.
3. По линии уменьшения коэффициента полезного действия ковша путем его протекания в плоскости помывочного пункта, именуемого баней, наметилась острая нехватка воды.
4. Люблю доверие.
5. Кому что досталось.
6. С греками тяжело.
7. Это несколько проблематично.
8. Вплотную приступили к работе.
9. Здоровье – не масло коровье.
10. Где нет здоровья, быть не может любви.
11. Не важно, какой Вася, лишь бы Вася.
12. Без Нинульки никуда, с Нинулькой – хоть куда. (См. варианты: Без философии никуда, с философией – хоть куда. И т. д.)
13. Шутить мы не устали.
14. Давайте отдохнем.

15. С откровенной жадностью.
16. Гаврила часто в бане мылся,
Гаврила был гигиенист.
17. Катюша, оформи-ка мне кружечку чайку.
18. Вы выведете меня из строя.
19. Кто уж чем бьет.
20. Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла.
21. Братцы!!!
22. Ответим контрударом на происки врага.
23. Экзамен для меня всегда праздник.
24. Нужно выходить из подполья, я – за легальный марксизм (о
шпаргалках).
25. Насосались, отвалились.
26. На ходу подметки рвет.
Хорошая идея. Наша идея.
27. Ленинским курсом, т. е. по прямой.
28. У меня на него камы за пазухой.
29. Давай по-большевистски оформим (о каше).
30. Хороши наши горы!
Хороши наши бани!
Хороши наши ночи!
31. Отчего не выпить, можно и выпить.
32. Ты этим супом не моги гнушаться.
33. Молчу, как рыба в пироге.
34. Давайте бороться за здоровый сон.
35. Опустились мы, опустились.
36. Братцы, выпустите!
37. В юбилейном году писать не вмоготу.
38. Уйди, уйди, тебя я проклиная,
И чемодан свой заberi притом.
39. Все к ядерной бабушке.
40. Нам и рубль дорог.
41. Не хочу деталь, хочу в партию.
42. Не кофе, а мечта. Не мечта – реальность.
43. Молодецки на тебе сидят эти штаны.
44. У тебя сильно работает логическая мысль.
45. Ты у нас народный умелец.
46. Храни желание.

47. На свет Гаврила появился,
Он непорочно был зачат.
48. Канули в струю леты.
49. Вся сила в Емкости.
50. Равняйся на Скитову.
51. Заострим вопрос.
52. Все смешалось в доме Обломовых.
53. Круты наши подъемы.
54. Я утратила бдительность.
55. Это все так понятно.
56. Голодный человек стоит вне политики.
57. На уровне мировых стандартов.
58. Профиль, братцы, у нас широкий (о самодеятельности).
59. Тосты.
За наше факбюро!
За нашу идею!
Братцы, оформляй!

Над книгой работали:
Редактор – Горланова Н. В.
Составители – Климова, Пермьякова, Каинова и др.
Художники – Жукова, Соколовская.

Цены нет.

Пояснение из 2018-го

В шестьдесят седьмом году прошлого столетия в Пермской области возникли трудности с уборкой урожая, потому на традиционную студенческую «картошку» были отправлены на весь сентябрь не только младшие, первый и второй курсы всех вузов, но и третьекурсники. Так группа «А» русского отделения филологов в полном составе оказалась в красивейшем Предуралье – университетском совхозе. Там было очень хорошо: погода была прекрасной, привычно копались картошка-морковка, пелись песни, сочинялись стихи. От этого времени уцелела самодельная юмористическая книжка, в которую записывались высказывания студентки, тяготевшей к афоризмам.

Наш неологизм «Чап» возникновением своим обязан пребыванием в предшествующей Предуралью диалектологической экспедиции. В Ныробском районе мы записали глагол «чапаться» – качаться, коле-

баться («лодка-то как зачепается»). В значении «колебаться», «менять мнение» слово стало дружеским прозвищем, затем – псевдонимом автора приведенных высказываний.

РАЗДЕЛ VIII

Страницы персоналий

В этот раздел мы выделили материалы, которые можно было, но не стоило раскидывать по рубрикам. Они имеют выраженно целостный характер и ярко отражают личностное и стилистическое своеобразие авторов – в одном случае «клана» Гашиевых, в другом – профессора-лингвиста Ю. Левицкого.

Какие-либо изъятия из этих подборок, как нам кажется, нанесли бы ущерб их индивидуальной неповторимости.

К. Гашева,
выпускница 1989 г.

«Гашевы и другие»

С. Мельникова,
С. Нечаева (Медведева),
К. Гашева

Ода на падение редуцированных
(сочиненная студентами 2 курса на лекции по русской литературе
XVIII века)

Ушли из жизни «ер» и «ерик»,
Остались мы совсем одни,
А у студентов нету денег,
Чтоб их достойно схоронить.

Мы за открытие Америк,
Но что откроем мы теперь,
Когда бесславно сгинул «ерик»,
Когда расстался с миром «ер»?

Трагизм судьбы несчастных гласных,
Кровавый страшный эпизод!
Кто раз проникнул в эти страсти,
Спокойно ночью не уснет.

О как ничтожен тот согласный,
Способный слабого убить,
Присвоить звучность тех несчастных!
Как может он на свете жить?!

Мы детективов не читаем,
Бандитских фильмов не глядим,
Учебник чуть дыша листаем,
Над строчками его дрожим.

Там «ять» почил и носовые
Там свой приют нашли давно.

И страшно стало, что другие
Исчезнут буквы до одной!

Тогда за ними строем скорбным
В расцвете самом и красе
Уйдем и мы в покой загробный
Иль станем физиками все.

Потомок, помни о героях!
Их подвиг вечно будет жить –
Хоть было звуков только двое,
Смогли морально победить.
1986

Быличка

Вот у нас тоже случай был. Приехали к нам, году так в 85-86-м (лет уж 50 назад) студенты. Дом, значит, заняли, живут. Ну, думаем, мало ли, может, надо чего. За так ведь не поехали бы в даль-то этакую, по дорогам-то нашим. Глядим, а студенты по селу шашь-шашь. И слух пошел: нечистую силу они будто ищут. Ходят по домам да все про леших выспрашивают, про суседку, про русалок... Русалок им подавай! Ну, народ пугается, чего девам надо? А потом прознали, с девками-то, вишь, хозяин был. (*Мы перебываем: «Какой, бабушка, хозяин?»*) Да хозяин! Человек лихой. Барин, по-прежнему. А девок-то он с собой привез, то, значит, хор у него был. И девки все заговоренные, не иначе. Как они в дом этот въехали, так в доме нечисто и стало. Из дома все крики неслись, песни бесовские, плач. Хозяин-то девок не кормил, не поил, а работать заставлял с утра до ночи. Иногда утром корову выгоняешь, а девки-то только домой возвращаются...

А наш-то дом как раз окнами в их окна был. Вот я как-то ночью проснулась, на душе будто неспокойно. Встала да к окну подошла, глядь, а барин-то тот на порог вышел, лицом-то к закату встал да как закричит:

– Эге-гей!

– Эге-гей! – откликнулся лес.

Голос понесся, ветры черные его подхватили, земля дрогнула, по небу гром прошел. Гляжу, из лесу всякая нечисть так и прет, а впереди выродок бежит волчьей породы. Я обмерла, идти не могу! А барин-то, смотрю, росту стал богатырского, борода до поясу выросла. И говорит нечисти грозно:

– Нашли?
– Нету, – отвечает нечисть.
– Не понял? – барин говорит. – Изведу. Бытовать перестанете!
Тут нечисть повалилась на землю.
– Помилуй, – кричит, – батюшка! Нет у нас кладов-то! И банников твоих нету! Да и бани-то на все село не сыщешь!
А он им голосом пуще грому:
– Ищите!

Только молвил, петухи пропели. Нечисть вся сгнула, будто и не было ее. Я очнулась, как проснулась. Так до сих пор не знаю, было то, нет ли. Да только одно подлинно: давки-то ему для отвода глаз нужны были. Они знать, поют, мы их слушаем, а барин зырк-зырк – наши клады выведывает. Да люди говорят, с той самой поры ни кладов в нашем селе не стало, ни нечисти. Видать, извел ее, проклятый. Бытовать перестала.

(Фольклорная практика. Село Екатерининское Верещагинского района. Лето 1985 г. Руководителем практики был К. Э. Шумов, специалист по быличкам).

(В разное время и по разным поводам мы с мамой вместе сочинили несколько шуточных стихов и пародий. Придумали себе общий псевдоним: Анна унд Марта Баден).

Анна унд Марта Баден,
а также М. Лермонтов, С. Ильин и
В. Инбер представляют

Пермь и Екатеринбург (продолжение спора)

Пермь независлива...
П. Мельников-Печерский

Всем известно, что не первый
Не последний год
У Ё-бурга с тихой Пермью
Незакрытый счет.

По-демидовски упрямо
Ё-бург лез вперед.
Наша дуручка на Каме
Созерцала лед,

А потом, открыв в ночлежке
Университет,
Без горячки и без спешки
Ставила балет.

В Ё-бурге бандиты круче
И умней пахан.
А над Камой ходят тучи,
Стелется туман.

Красным знаменем окрашен
На манер зари,
Он давил нас «Уралмашем»,
Что ни говори.

Тяжким молотом кивая
Много долгих лет,
Мотовилиха родная
Тюкала в ответ.

Там, должно быть, выше трубы,
Гуще пар в котле.
Легендарнее рок-клуба
Нету на Земле!

Под уральским небом хмурым
Соплеменных гор
В странной области культуры
Продолжался спор.

Пермь на выжженные нивы
С ужасом глядит:
Безнадежна перспектива
И ужасен вид!

Ведь в Перми как прежде стонут
Сплавщик и бурлак
В переулках и на стогнах,
Тянутся в кабак.

*И не знают, занятые,
Хлопая дверьми,
Что за ночи золотые
Водятся в Перми!*

По примеру демиургов,
Что пасли стада,
Выпек тыщу драматургов
Гордый Коляда.

Над игривою Исетью
Хлопнув вискаря,
Тралит воду мелкой сетью –
Ловит пескаря.

*А в Перми об эту пору
Средь унылых стен
Говорят по телефону,
Слушают «Кармен».*

Пермь не зря язвил, наверно, –
Крыл и так и сяк –
В прошлом сын Урала верный
Мамин-Сибиряк.

Тверже кварцевого керна
Сам гранитель слов,
Бережется пермской скверны
Классик Иванов.

Он не хвалит пермских деток,
Птичек и котов,
И смотреть ее балеты
Тоже не готов.

Он про Ё-бург скоро книгу
Выдаст на-гора,
А Перми покажет фигу,
Потому – дыра!

Но Перми и горя мало.
Что тут за народ!
Выбрался с лесоповала –
Да на огород.

...Глины красные обрывы,
Серые пески,
И опять над Камой-Рыньвой
Светят огоньки.

Может, свары, счеты, стоны
Вовсе не причем?
Кто там ходит над Затоном?
Думает о чем?

Из ниже-тунгусского фольклора

Перевод с подстрочника

Подстрочник

Темнота. Всем кердык

Песня из леса

Елки стояли на земле рядом,
Они друг с другом шумели чего-то.
Голодная мошкара летала где-то близко.
Неподалеку текла река,
Еще неподалеку другая текла река.

Одна елка другой и говорит:
– Что-то шумит наверху,
Ой, я чего-то боюсь шума.
Тогда река отвечает:
– На небе разожгли костер,
Он свалится скоро-скоро нам на голову,
Всем будет кердык.

Свалился костер им на голову –
Голодная мошка-то удрать успела.
Дым – ничего не видно.
Кердык елкам!
Всем кругом кердык!

Какой дурак костер на небе разжигает?
Нету елок,
Злой мошкары совсем не стало,
Огонь горит в лесу,
От дыма не видно, как.
Ничего не понятно!

перевод

Ночь большого огня
лирическая таежная песня¹

Стояли ели,
Шумели ели,
Мошкара вилась между веток.
Бежали реки,
Шумели реки,
Ночь в воде отражалась.

Говорили елки:
– Ой, страшно!
Гром грохочет над лесом!
Шумела вода:
– Ой, страшно!
Большой огонь падает с неба!

Упал большой огонь в чашу –
Мошкара разлетелась,
Черный дым стоит над лесом,
Погибают елки,
Все кругом пылает.

Кто же бросил с неба этот огонь?
Сгорели елки,
Мошкара разлетелась,

¹ Записана в 1912 г. Род песни: лирическая *таёжная* – дан по аналогии с *луговой*.

Над водою – дым,
Над землей – огонь!
Тайга не дает ответа.

Научный комментарий

Данный текст, по мнению ученых, отражает историческое для тунгусов событие – падение 30.06 1908 г. большого метеорита в бассейне р. Подкаменная Тунгуска в Вост. Сибири. Песня впервые зафиксирована в апреле 1912 г. во время экспедиции сотрудников Тартуского университета в район падения метеорита. Имя респондента утрачено, предположительно оно сохранилось лишь в архивах ГПУ (НКВД, КГБ, ФСБ), до сих пор не открытых, несмотря на многочисленные протесты широкой общественности. Респондент – местный охотник-тунгус – был арестован в 1934 г. по подозрению в причастности к убийству С. М. Кирова. Руководитель фольклорной экспедиции был арестован в 1929 г. как японский шпион. Имя этого замечательно-го ученого, равно как и текст песни «Темнота. Всем кердык» («Ночь большого огня») хранил в памяти вплоть до своего ареста в 1937 г. местный крестьянин – проводник и переводчик экспедиции. Впоследствии текст песни передавался из уст в уста многими поколениями лаборантов и младших научных сотрудников Шанхайского университета. Впервые текст опубликован в 1953 г. в Лондоне (см. научные труды Британского Музея), первая публикация в России состоялась в 1999 г.

Отмечается постепенное расширение ареала бытования данного текста от Верхней до Нижней и Средней Тунгуски. Часто местные жители включают указанный текст в величальные обряды, свадебные, похоронные и рекрутские причитания. Как правило, исполнение сопровождается наигрышем на гармонии, гусях, ложках и бутылках. По мнению некоторых ученых, расширение ареала бытования песни может быть связано со слухами о конце света, с нетерпением ожидаемого тунгусами и др. народностями страны в декабре 2012 г.

Текст написан во время работы над Антологией традиционного фольклора народов Прикамья, изданной ПРОО «КАМБА» в 2012 г. В книгу входили песни, сказки, сказания и другие аутентичные фольклорные тексты народов Пермского края (коми-пермяков, марийцев, удмуртов, татар, башкир и русских. Книга была снабжена научным комментарием.

Пермь как подтекст

Приложение к проекту «Пермь как текст»

Концепция

Свойственный Уралу культ совершенства привел часть творческой группы проекта «Пермь как текст» к настоятельной необходимости довести идею вышеупомянутого проекта до еще выше и выше упомянутого совершенства. Одна из главных тем Урала и Уральского текста – недра, то, что находится *под* (см. труды профессора В. Абашева). Следовательно, Уральский, и в частности, пермский текст невозможно понять и сколько-нибудь адекватно усвоить и присвоить без выявления его незаурядного подтекста.

Вниманию читателя предлагаются несколько *подтекстов*, пропускающих, словно водяные знаки, сквозь плотную ткань (твердь) текстов, отредактированных и вычитанных частью творческой группы.

Л. Баньковский

Перместничество

Глава I

Пермские Боги

Пермь трудно с чем-нибудь спутать. У нее даже Боги свои. Пермские Боги, почти все сидят в темницах:

Сидящий Спаситель в темнице с восьмью ангелами наверху из Пророко-Ильинской часовни в Пашийском заводе Пермского округа. Материал – сосна.

Сидящий Спаситель в темнице с лицом еврейского типа из церкви с. Коса Коми-Пермяцкого округа. Материал – сосна.

Сидящий Спаситель в темнице из церкви с. Кольчуг Верхнекамского округа. Материал – сосна.

Сидящий Спаситель в темнице из церкви с. Янидор Верхнекамского округа. Материал – сосна.

Сидящий Спаситель в темнице из церкви с. Сириновское Верхнекамского округа. Материал – возможно, сосна.

Сидящий Спаситель в темнице из часовни на кладбище Мотовилихи (г. Пермь). Материал – липа.

Таким образом, легко определяется любимый сюжет и излюбленный материал пермских резчиков.

Глава II

Пермские фауны

Пермские фауны также богаты и разнообразны.

Медведи (часто в жертвенной позе); лоси и человеко-лоси, быки и бараны, волки, львы, тигры, порождения крокодилов водились здесь в эпоху Пермского моря. Чайки, гагары, пингвины, птицы, терзающие жертву; птицы трехголовые и птицы с личиной на груди. Под землей в Кунгуре водился подземный Зверь Мамонт. Сейчас на этом месте водятся экскурсии и ведется серьезная научная работа.

Глава III

Пермские гады

В старину пермскими гадами называли пермских ящеров. Так, на Лушниковском руднике, в 12 верстах от Мотовилихи, водились пеликозавры. Недалеко от Гайвы юннаты видели эстемменозуха. В 9 км от Очёра, у деревни Ежово, водились териодонты, дейноцефалы и анодонты.

Многие ученые пермских научных школ посвятили себя без остатка (ничего не осталось) пермским гадам. Их усилия не пропали даром. Понятие «пермские гады» сегодня значительно расширилось.

Глава IV

Пермские фрукты

Большинство так называемых пермских фруктов несъедобны. Ими легко отравиться. В этом мировое значение пермских флор. К так называемым пермским фруктам можно отнести: яблоко-дичок, калину, рябину, грузди, мхи, хвощи, пиканы, листики и папоротники. Благодаря многолетней и кропотливой работе пермских научных школ и многих энтузиастов понятие «пермский фрукт» расцвело пышным цветом и приобрело новое значение, не утратив извечной рябиновой горечи.

Глава V

Пермская школа

Суровую пермскую школу проходили и проходят все без исключения жители нашего края и многие «гости» губернии. Начиналась пермская школа в V в. до н. э. Через нее прошли и погибли без возвра-

та ананьинская, гляденовская, харинская, ломоватовская, турбинская и др. культуры.

От верхнего палеолита до наших дней постигали ее науку скотоводы и всадники, феодалы и вассалы, крепостные и приписные, спецпереселенцы и трудармейцы, рабочие, крестьяне и интеллигенция Урала и всей страны. Судя по всему, у пермской школы огромные традиции и большое будущее.

Глава VI Пермские прожекты

Пермские прожекты отличаются от всех прочих размахом и нетривиальным подходом к решению мировых проблем. Назовем лишь некоторые:

- Постройка в Егошихинском логоу Золотой, Серебряной и Медной горы.

- Обмен Пармской обители на пермские карагаи (бартер).

- Воссоздание пермских ящеров и среды их обитания в натуральную величину.

- Восстановление промыслов добычи соли, меди, нефти, самоцветов, сасанидского серебра, мела, глины, супеси, пушнины, мамонтовой кости и рыбьего жира.

- Организация музея упомянутых промыслов под открытым небом, под землей, под водой и в карстовых пустотах.

- Установка на Молёбской или Гляденовской горах гигантской антенны для связи с множеством миров необитаемой вселенной.

- Второе крещение всех инородцев, иноверцев, инопланетян, прибывших на территорию края, в водах рек Усьвы, Вильвы, Колвы и др.

Реализация этих и подобных им проектов станет еще одним впечатляющим уроком пермской школы цивилизованному человечеству.

В. Раков

Пермский дуплет

Попытка выстрела-1

Вспомним Лукреция: «Нужна материя, чтобы росли поколения потомков». Но материя в Перми не главное. Речь о Духе. Дух веет, где хочет.

В Перми долгие годы дух был тяжелый, а духи являлись только некоторым бражникам, блаженным и праведникам. В конце 90-х закрытый город Пермь открыли. Этого никто не заметил. Однако духи стали являться чаще и уже не только блаженным, но и пермскому андеграунду, постмодернистам, фолк- и рок-группам, кинематографистам, художнику Смирнову и профессору Абашеву. Некоторые духовидцы еще могли вспомнить что-нибудь из Монтеня, Стефана Пермского, Чехова, в крайнем случае, из Кальпиди.

На переломе веков, с приближением миллениума языческие пермские духи предъявили свои права на пространство Перми Великой, Белой и Малой. Так, незаметно для большинства населения, началась новая эпоха пермского духовидчества.

Попытка выстрела-2

Пошло еще двадцать лет. Архаика смыслов и дихотомия взглядов выплеснулись на Компрос от Башни смерти до Спасо-Преображенского собора и на Сибирскую от Загородного сада до Козьего загона.

Что победит в парадигме Перми? Об этом узнают только потомки, если они смогут вспомнить, кто такие Лукреций, Платон, Монтень, Чехов, Герцен, Абашев, Смирнов и Пастернак.

Оптимизма, однако, я не испытываю. Dixi.

А. Иванов

Уральская матица

подтекст

Матица – это балка, брус поперек всей русской избы, на который настлан потолок. При постройке избы, когда матица поднята, хозяин варит кашу и подвешивает к матице горшок с ней – угощает, чтобы крепче держалась. А все помощники тоже едят кашу и выпивают за здоровье матицы.

Матка и батька

Маткой городов русских считали Киев. Это – миф. Во-первых, Киев – мужик или даже хлопец, гуляка и пьяница, о чем свидетельствовал еще Гоголь. Во-вторых, поперек всей русской избы взброшен Урал. Он и есть «хребет» («костец» этого «помещения»).

Матка – место рождения и происхождения. Это место под лесом, где «ягод обильно». А какие же леса в Киеве? Указано прямо: «Вот

пермские дремучие леса». Там и корень, там и тренд, там и правда-матка. Правду все ищут, но ищут не там. Данила мастер по фамилии Зверев ушел за ней в гору и до сих пор не вернулся.

Чус и чудь

Днепр чуден лишь при тихой погоде, а по берегам Камы и Чусовой жила чудь при всякой погоде. Ведь Урал – «место встречи».

Чуса – это усерязи, с зернами и жемчугом. Река Чусовая вся в усерязях, как девка в свадебном уборе. А Урал прагматичен как мясоруб: зажал ее в теснинах и не выпустил. Уже и чудь в землю ушла, как Данила мастер по фамилии Зверев. И Ермак – менеджер проекта покорения Сибири кинул концы в воду. Строгановы все усерязи выкопали, Демидовы их выкупили, а Чусовая все в теснинах, под матицей Урала, как под бандитской «крышей».

Патрология Урала

Патрология Урала сродни патологии. Мужики, какие и были, все в Гору уходят. Полнод-богатырь сам стал горой, Ермак – скалой. Татищев – лидер горнозаводской цивилизации – лично спускался в Кунгурскую ледяную пещеру, как в полынью, и страшно там замерз. Данила же мастер по фамилии Зверев вообще из горы не вернулся.

А «чудо преображения» и культ совершенства тащили на себе бабы, как струги против течения Чусовой. Екатерина II проткнула карту России, как указкой, и до сих пор на этом месте зияет дыра Перми. Чусовая, вся в усерязях, два века волокля и била «железные караваны». Золотая Баба – Сорни-Най заманивала в глушь ушкуйников, ватажников, новгородцев, инородцев, язычников, опричников – и всех в Ыджиднюрском болоте утопила к чертовой матери. Там они все и встретились.

Поперек батьки в пекло

Еще и Заратустра не родился на стрелке Камы и Чусовой, а матицей уже называли «подлинник, оригинал чего-либо, родивший слитки и противни». В этом был message. Не случайно именно на Урале – в матице, хребтине, костце и крестце встреч – как самовары в слободах задымили русское небо изложницы, солеварни, заводы и пароходы. Паровозы тоже задымили, но потом, после Фултона, Гладстона и лорда Чемберлена. Многих припекло, в том числе и Демидовых, Яковлева (бывшего Собакина) и других «бывших» и «небывших». Особенно

припекло тех, кто не побывал на месте встречи, а также тех, кто не поддержался на счастье за матицу, уходя из дома.

«Дикое счастье»

«Дикое счастье» уральца – сидеть под своей родимой матицей, выпивать за ее здоровье, есть свою березовую кашу и уходить в *свою* Гору.

В. Абашев

Пермь как Стикс

Странная вещь в мировой культуре

Издательский проект «Пермь как текст», названный по известной книге Владимира Абашева, был задуман Алексеем Ивановым в 2008 г. Предполагалось издание книжной серии, куда должны были войти произведения пермских авторов, «раскрывающих суть геооптики края» (от культурологических эссе и романов до социологических очерков и лирической поэзии). К печати подготовили 12 книг, издали 9.

Введение

Жизнь человека размещается в пространстве, что неизбежно приводит к недоразумениям. Мало кто как следует помнит и концептуально осмысляет место своей жизни, его и собственное имя, физическое и географическое положение, не говоря уже о подключенности всего этого к мировому культурному подтексту.

Из всех урочищ и узилищ, наносящих непоправимый урон внешнему виду и ауре *Перми Небесной*, мы выберем для расщепления и анализа, проще говоря – для семиозиса, лишь один знак, культурно-историческое значение которого непреходяще и неуходяще – речку Стикс, на берегах которой привольно раскинулось кладбище – еще в XIX веке излюбленное место прогулок пермяков. Не случайно с этой подробностью корреспондирует первое сведение о благоустройстве города. В 1787 г. генерал-губернатор А. Волков обратил внимание городской думы на необходимость поддерживать в исправном состоянии «дорогу, ведущую к *кладбищу*». Следует заметить, что преемники Волкова готовы всемерно поддержать эту добрую пермскую традицию.

Стикс – это локус, который впадает в русло мировой культуры и выпадает из него прямо в Егошихинский овраг. Не раз упомянутый

Гомером, Данте, Куном, Кафкой и др., Стикс как нарративный символ разливается в пермском подтексте совершенно оригинально. Эпатажная интенция этого символа еще в 1950–60 гг. прозвучала в стихах В. Радкевича. Локус предстал в них в качестве фикуса, т. е. провинциала:

Был старомоден, словно *фикус* в кадке,
Чрезмерно буен, до вина охоч...
(«Я – с Урала». – *Курсив наш*)

Парадигма *смерти-рождения* станет предметом нашего исследования со всеми ее истоками, притоками, течениями, завихрениями, ладьями, ферзями, стариками, Харонами и Ахеронами.

Глава 1 Авиатор Василий Каменский как проблема

На пути авиатора-футуриста В. Каменского к мировой славе не раз оказывались не только воздушные ямы, но и подводные *Камни*. «Покинув “смерть-город” (Москву), я возвратился к *Матери-Земле*», – пишет Каменский в своей повести «Землянка». Для авиатора Каменского, как для любого воздухоплователя, столкновение с землей – катастрофа. Можно сказать, что он грохнулся о Пермь со своим самолетом, зацепившись за забор. В 1980 гг. XX в. аналогичная катастрофа постигла другого поэта: В. Кальпиди «налетел на Пермь, как коса на камень». Оба эти инцидента репрезентированы в пермском подтексте.

Для Каменского и встреча с *рекой* таила опасность: только в Каменском авиатор-футурист тонул *шесть* раз. Таким образом, «красавица» «труженица» Кама едва не стала для культурного героя Перми Стиксом. Словно предчувствуя это, В. Каменский еще в юности порою спал в *гробу* («Его-моя автобиография великого футуриста»).

Обиженный на Пермь авиатор не раз пенял «на *могильную тьму* всяких пермских газет» и «безграмотное общество интеллигентов», не замечающих своего сына, внука, правнука, отца и Святого Духа. Футурист-авиатор Каменский мог бы пережить подлинную встречу с *Genius loci* Перми, но, по-видимому, ему не хватило *горючего*.

Глава 2 Поэт Борис Пастернак как семантический и орфоэпический универсум

Инфернальные коннотации и мотивы вымороченности и замороженности Перми звучали еще в мемуарной прозе А. И. Герцена. Писа-

тель осознавал Пермь как вход в *Аид*. Вслед за Данте Герцен предлагал *оставить надежду* всякому, попадающему в эту локодацию. Это перекликается со сказанными позднее словами В. Кальпиди: «Я *налетел* на Пермь, как коса на камень» (курсив наш).

Типологические черты провинциального топоса приобретают тут хтонический колорит подземного топота, из которого логически оправданно возникает сложная метафора В. Набокова: «Кишащая *улырками* ПРовинция ПЕРмь». Так въезжали в тему Перми Данте, Набоков, Герцен, Вигель и Мамин-Сибиряк.

Иначе въехал Борис Пастернак. Он неоднократно заявлял о своей обостренной «любви к пространству». Реальное знакомство с географическим локусом Урала эту любовь обострило. Пастернак тоже видит подземную *перекошенную* Пермь, но радуется ей – «Урал вперые!»

Косую тень зари роднит
С *косою* тенью спин Продольный
Великокняжеский рудник
И *лес теней* у входа в *штольню*.
(Курсив наш)

Встреча с Уралом знаменует у Пастернака погружение в глубины первобытия. Хтонические корни Перми вызывают у поэта высокое чувство необоримой любви, что естественным путем ведет к родам:

Без родовспомогательницы *во мраке*, без *памяти*,
На ночь натываясь руками, Урала
Твердыня *орала* и, падая *замертво*,
В *мученьях* ослепшая, утро рожала.
(Курсив наш)

Урал рождает и орет благим матом! Только поэт такого масштаба как Пастернак, у которого хватало горячего на все, мог заставить Урал родить ему УТРО, в которое он и написал свое знаменитое стихотворение «На пароходе».

Таким образом, взаимное глубоко интимное переживание поэта и Урала становится абсолютно ясным лишь в **контексте подтекста**.

В стихах и прозе Пастернака Пермь символически атрибутируется как *порождение*, или, говоря проще, – как непоследовательная семантическая экспликация: Урал **родил** утро, белая медведица **родила** Егошихинский завод, Егошихинский овраг **родил** девочку Люверс, Тоня **родила** Юре Живаго двух детей, а Лара – одного, огни Мотовилихи **породили** любопытство, Стикс **родил** Каму, а Вакх – извечное порождение языческих глубин. И лишь Аксинья из повести «Детство Люверс» вечно **беременна**.

Такова архаическая ипостась Перми в творчестве Бориса Пастернака как феномена пермского подтекста в мировой литературе.

Глава 3

Алексей Решетов как шахтер и лирик

Борис Пастернак видел шахту один раз, о чем сообщил всему миру со свойственной ему экспрессией. Алексей Решетов спускался в шахту 27 лет подряд. Но, будучи тихим лириком, рассказал о подземном ропоте почти шепотом. Мало кто расслышал.

В общесемантической системе координат Решетова черному углю, черному труду, черной беде, черному ворону, черной земле противопоставлены белый свет, белый лист, белая ночь, белый снег, белая лебедь и белые ангелы. В этой связи нельзя не вспомнить мотива белой медведицы из повести Пастернака «Детство Люверс», ассоциированной на геральдическую атрибутику Перми: одинокую белую мишку (Мать-Медведица Егошихинского завода), бредущую по непаханому полю.

Здесь нельзя не упомянуть незабвенную «косоносую Пермь» Кальпиди и трагическую для обеих сторон встречу: «Я налетел на *Пермь*, как коса на камень» (курсив наш).

От нечего делать сравним эти строки с решетовскими:

Я принимаю к матери-земле,
И вместе с ней горюю и мечтаю.
И привыкаю к медленной зиме
И самообладанье обретаю.

Это же можно посоветовать всем.

Глава 4

Виталий Кальпиди как Виталий Кальпиди

Главная лирическая тема Кальпиди сам *Кальпиди*. Все у него интериоризуется, становится штрихом личной жизни, в том числе и Стикс. Большое место в творческой биографии Кальпиди занимают буераки, бараки, колдобины, индустриальный мусор, отходы цивилизации и выделения жизнедеятельности организма поэта. Не случайно в такой обстановке свою встречу с *косоносой Пермью* он описывает так:

«Я налетел на Пермь, как коса на камень» (курсив наш).

Результаты этого налета были болезненны:

Пермь, посмотри на меня,
Кто из нас более зряч?

Трудно однозначно ответить на этот вопрос.

Накинь слюны на конце языка –

Я нагнулся к бумаге...

Не о русском ли литературном языке идет здесь речь?

Или – глубоко интимное:

Я *капаю* на лист передо мною...

Тема переходит из книги в книгу, сюжет драматически обостряется, появляется «строфа, *захлебывающаяся слюною*». Творческие поиски Кальпиди сродни духу русского модернизма. Вслед за визуализацией внешних проявлений поэт смело вводит читателя в свой *непростой внутренний мир*:

Флюс мой во тьме кариозной

Беззубого рта

С бухты-баракты

Пропал, рассосолся...

Тема Перми архаической, подземной, мифологической грубо травестируется, как и все остальные темы, включая главную лирическую.

Эти жидкие выстрелы, эти дуплеты слюной

И отдача, которая нас оторвет и отбросит...

Поединок, он же роман Кальпиди с Пермью *имел конец*:

Сползала река (Стикс) за туго натянутый горизонт <...>

И засуетились звезды, имея на то резон –

Успеть помогать, покуда я не написал:

КОНЕЦ.

Этот конец символичен.

Заключение

Пермь не Париж, не Петербург, не Венеция и не Москва. С другой стороны, это не Кудымкар, не Чердынь, не Чернушка и не Очер. Это что-то среднее. Пермский подтекст свидетельствует: это урочище отъединяет от большого мира и в то же время соединяет с ним именно речка *Стикс*.

Референция города-текста возвращает нас к видению города-сада, пригрезившегося лежащим под старою телегою рабочим из поэмы В. Маяковского. А референция города-подтекста вызывает более архаические ассоциации: град Китеж, Атлантида, бесследно пропавшая Биармия, белая армия, которая, отступая от Перми, подожгла Каму. Истинным лирическим героем пермского подтекста как была, так и осталась легендарная чужь, *наплевавшая* на все и ушедшая *под землю*, накрывшись *Камнем*.

Ти-ти-тит-ти...

«Брынь» – последний раз услышал Турбин. Генерал Зиневич слушает сводку.

Куда? Зачем? Была жизнь как жизнь, а теперь неизвестно что. Курчавое азиатское облако висит над Городом. Тишина.

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, но 1919-й был его страшнее.

День подошел к концу, а снега все не было. До вечера Рысин бе-гал по Перми. И наконец понял: все пропало!

В университете Рысин не нашел ни профессора Григория Анемподистовича Желоховцева, ни его няню Франциску Андреевну, ни портрета члена-корреспондента Российской Академии наук Николая Ивановича Веселовского, ни томов «Известий Императорского археологического общества», ни *идистов*, ни *ипистов*, ни *эсперантистов*. На Слудской не было адмирала Колчака, генерала Укко-Уговца и его автомобиля, командира полка Гилева, комиссара Окулова – ни белых, ни красных. Исчезли рыжий мерин по кличке Глобус, извозчики, похожие на Добролюбова, кинематограф «Лоранж», клуб «Муравейник» и клуб «Эсперо» и желтые, как сливочное масло, кости мамонта. Никто не пел голосом райской птицы про «Полночный жар в долине Дагестана» и про Алису, которая боялась мышей, и трогательный романс «Мой Лизочек так уж мал...» Только Кама надвигалась рвущим сердце темным простором.

Состав изгибался, поворачивая к реке, синий огонь у склада Нобеля исчез. Кама была пустынна, только одинокий буксир шлепал посередине. На излучине светились цеха пушечного завода. Поезд шел в Омск.

Дзинь-трень. Девичья коса. Мятущийся снег. Мороз. Зачем все было? Куда ушло? Пропал Ершалаим, великий город, как будто и не

существовал на земле. Пропал естественно-научный музей со Слудской горы на Сенькином поле, испарился он и с Соликамской, и с Монастырской. Пропал шахиншах Пероз, пропали висячие мосты над страшной Антониевой башней, пропал зверь мамонт, как будто и не существовал под землей. Отдымили пароходы Каменского и Мешкова. Пустынно на реке, пусто у причалов. Улицы тоже пустынные, словно повымело всех ветром истории.

С. Ваксман

Все земли

«Земля!»

Матрос с корабля
«Санта-Мария»

Глава 1

Красная площадь

*На Красной площади всего
круглей земля.*

О. Мандельштам

Антон Павлович Чехов любил Москву. Пермь он не любил, и его три сестры – Ольга, Ирина и Маша Прозоровы – все стремились: «В Москву! В Москву!» Александр Андреевич Чацкий, наоборот, хотел вырваться из столицы на простор. «В Москву я больше не ездук! – говорил он Софье Павловне. – Карету мне, карету!» Он был путешественник. Через 21 год экипаж подадут другому путешественнику, и он отправится открывать дальнюю землю – Пере маа.

Я ехал на перекладных из Тифлиса. На Красной площади в Москве стоял кремль. На Воробьевых горах стояли и давали клятву дружбы Герцен с Огаревым. На Сретенском бульваре стояло кафе «Ландыш», где продавали сухое киевское печенье. А на Калужской (ныне Ленинский проспект) высилась громада трех институтов – Горного, Нефтяного и ИСИС.

Герцен уехал в Лондон. А из Лондона в 1840 году приехал в Россию Дик Мэрчисон, бросив охоту на красных лисиц. В Англии он уже открыл все, что мог. И жена Шарлотта послала его в Россию.

Дику Мэрчисону, Коле Кокшарову (милому Коку) и другим земелям предстояла охота на олд рэд – красный песчаник.

А в Перми как раз есть улица Красная площадь.

Глава 2 Тарантас

*Можно убедиться, что земля поката, –
Сядь на собственные ягодицы и катись.*

В. Маяковский

Тарантас (Мэрчисону нравилось это слово) передвигался по равнине, сложенной слабо наклоненными слоями – Русской плите. Плита была такая русская, что тарантас постоянно чинили. Пока его чинили, Коля Кокшаров пел у костра знаменитый русский романс «Вечерний звон» на слова Ивана Козлова. Эти стихи сочинил ирландский поэт Томас Мур. Родерик узнал родной напев. Ведь в 16 лет он, знаменосец 36-го полка, стоял у могилы генерала Мура. Оба эти Мура и Иван Козлов, возможно, были родственниками Лермонтова.

Юному знаменосцу Дику в походе порой приходилось питаться репой, выкопанной на испанском крестьянском поле, что близ реки Гвадалквивир. Недаром император Диаклетиан, оставив трон, выращивал на своем римском огороде прекрасную репу. Все земли!

«Вечерний звон! – выводил милый Кок. – Бом-бом!»

Глава 3 Мальчики

– Том!

Нет ответа.

– Куда запропастился этот мальчишка?

Марк Твен

Все они были мальчишками: Чехов, Мэрчисон, Армстронг, Коля Кокшаров, Гагарин, Герцен и Огарев, Лермонтов, Томас Мур, Том Сойер и Дик Сэнд. Даже Наполеон. Только Шарлотта Хьюгонин, три сестры Прозоровы и четыре сестры Тунцовы были девчонками. Девчонкой была так же капитан второго ранга Раиса Михайловна Деменицкая, геофизик от Бога. Она проникла на прием к командующему Балтфлотом и добилась, чтобы молодого геофизика Александра Горюхицкого отправили в Северную Атлантику. Там он запел. Ему подпевали многие.

Друг, в России запрягают долго...
Эх, недалечко от Владика до Кёнига!
Уже Чита, уже Чита,
Уже Улан-Удэ!
Инта, Ухта и Воркута
И далее везде.

А тарантас Мэрчисона все катился по Русской плите. Впереди была Пере маа – Дальняя Земля.

Глава 4 Пиф-паф-пуф

*Как будто внутренность собора
Простор земли.*

Б. Пастернак

Я помню, сам не знаю почему, все свойства стали обсадной колонны, шкалу Мооса, таблицу Менделеева, стихи Блока, посвященные дочери Менделеева Любе, стихи Блока, посвященные другим дамам, названия островов Курильской гряды, Зеленого Мыса и Ревилья-Хихедо, поэмы Байрона, романы Толстого, романы герцога Бэкингема, повести Белкина, пьесы Чехова, имена созвездий, других небесных тел и пермских ящеров, а также фамилии корифеев геологии и филологии, даты великих открытий и маршруты великих путешествий.

Маршрут Мэрчисона поперек Урала проходил по старым лежневкам. Мэрчисон и его земли семь раз пересекли Урал. В Биармии ветер сорвал с Родерика шляпу и унес в сторону Тихого океана. За океаном была Австралия. А в хмуром уральском небе горела *Stella tramontana*.

Есть звуки от удара геологическим молотком: пиф – гранит, паф – известняк или песчаник, пуф – глина. Родерик Мэрчисон пахал на Урале днем и ночью.

Глава 5 Поридж

Солнце – моё!

М. Цветаева

Сначала был Большой взрыв. Потом Вселенная начала расширяться, как кипящая английская овсянка – поридж. Потом начали расширяться горизонты.

Христофор Колумб поплыл на запад. Его корабли звались именами девиц легкого поведения, и только флагман переименовали в «Санта Марию». С четвертого раза Колумб достиг берега Гондураса близ Гватемалы.

Фернан Магеллан с другом Серрано тоже вышел в море на рассвете. Серрано на одном из пряных островов женился на туземке. А Магеллан не женился и первым обошел вокруг света. У шурина Магеллана была карта, которую он, скорее всего, похитил у знаменитого картографа Меркатора. Меркатор, в свою очередь, спер эту карту у сибирского архитектора Семена Ремизова. На карте была обозначена Пермь. Туда и плыли Магеллан с другом Серрано: «Сначала в Пермь!» – тихо говорили они.

Тарантас Мэрчисона тем временем починили. И он покатиł дальше, туда, где базальты смыкаются с шоколадными мергелями. Там он открыл пермскую геологическую систему. Потом профессор Преображенский пробурил в ней скважину и брызнул нефтью на белые штаны Косиора. Так в Москве узнали, что существует Урал.

Глава 6 Пермь

Не с теми я, кто бросил Землю.

А. Ахматова

Сюжеты каменной книги не каждый может прочитать. Но однажды она распахнулась перед шотландцем Мэрчисоном и всеми его землями: «Вторая часть. Глава шестая. Пермь».

Олд рэд – красный песчаник – Мэрчисон выследил в Пермской губернии, как красную лисицу на шотландских вересковых пустошах. Дороги от этого лучше не стали. Кругом болота, леса, бурелом. Космонавты Леонов и Беляев благоразумно упали у Ыджиднюрское болото прямо с неба, иначе туда было не попасть. Вася Наседкин знал свое родное болото, как Гуго Баскервиль – Гримпенскую трясиину в графстве Девоншир. Вася принес космонавтам розоватый шмат сала и краюху ржаного хлеба.

И никто из них не догадывался, что дрейф континентов всюю продолжается. Пангея – единая Земля – осталась лишь в воображении. Но все связано. В Шотландии есть город Перт и поселок Москва. В Австралии – река Мэрчисон, названная так в честь шляпы сэра Родерика. В Японии есть гора Фудзияма и художник Хокусай. А в Америке – городок Санкт-Петербург близ реки Миссисипи, где родился Том

Сойер и умер Индеец Джо. В Перми есть шоссе Космонавтов. Между оторвавшейся в процессе дрейфа Огненной Землей и материком есть Магелланов пролив. *Все земли!*

Ю. Левицкий,

выпускник Молотовского пединститута 1953 г.

Несерьезно о серьезном

Вместо предисловия

Предлагаемые «сочинения» были представлены на многих капустниках, которыми в свое время традиционно завершались лингвистические конференции. То было вольготная для лингвистов пора: конференции проводились иногда по несколько раз в год – то в Москве, то в Ленинграде, то в Минске, то в Риге. Нередко они проходили и в Перми. От участников не требовалось никаких вступительных взносов – все расходы оплачивались вузами, которые были представлены своими участниками. Сложилась даже своеобразная, как теперь принято говорить, – тусовка, в которую входили многие известные лингвисты – Елена Викторовна Падучева, Борис Юстинович Норман и многие другие. Все прекрасно друг друга знали и с удовольствием и интересом встречались. На капустниках обыгрывались некоторые из ситуаций конференции или даже отдельные доклады. Чувство юмора серьезных лингвистов никогда не покидало.

И на каждую конференцию по дериватологии обязательно приезжала из другого города сестра Леонида Николаевича Мурзина.

Что такое симпозиум

(заметка в газету «Горьковец»)

С 22 по 25 декабря 1971 г. в МГУ проводился научный симпозиум на тему «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». Определения слова *симпозиум* я не нашел ни в словаре иностранных слов, ни в словаре С. И. Ожегова, ни в энциклопедическом словаре. А тут еще – *научный* симпозиум! Чтобы выяснить, что это такое, мы, т. е. Л. В. Сахарный и я, решили съездить в Москву и своими глазами посмотреть.

Оказывается – очень просто: собрались люди со всех концов нашей страны, чтобы поговорить о том, что такое семиотика, и какое

отношение она имеет к языкам науки и к информатике. В желающих высказать свои мнения и соображения недостатка не ощущалось: за четыре дня было сделано около 200 докладов и сообщений (только тезисы докладов и сообщений занимают два тома общим объемом в 770 стр.). А чтобы все их можно было втиснуть в четыре дня, участники были распределены по четырем секциям: 1) Типология языков науки; 2) Терминология; 3) Информатика и 4) Методика изучения языков науки в вузе.

Среди участников симпозиума были такие широкоизвестные, как Р. А. Будагов, Б. Н. Головин, С. К. Шаумян и несколько менее известные – Л. Н. Мурзин, Л. В. Сахарный и скромный автор этого репортажа.

Итак, собрались и поговорили. Прежде всего – о семиотике. Науку эту открыл Ф. де Соссюр, одновременно с открытием новой эпохи в истории лингвистики. Он считал, что нужна специальная отрасль знания, которая должна изучать функционирование разнообразных знаковых систем, используемых человеком. Однако, как убедительно показали многие выступавшие, до сих пор еще не понятно, *чем именно* должна заниматься семиотика, *какие методы* должны быть использованы в ней, *каким* должно быть взаимоотношение между этой наукой и лингвистикой, т. е. кто в кого должен войти.

Несколько удачнее решался вопрос о месте так называемых *языков науки* и информационно-поисковых языков (ИПЯ), их типологических особенностях по сравнению с естественным языком. Этими вопросами, как нетрудно догадаться, занималась секция типологии. Так как я принимал участие в работе именно этой секции, а также в связи с тем, что мои телепатические способности находятся в самом зачаточном состоянии, о работе других секций я сказать ничего не могу – кроме номеров аудиторий, где они заседали.

Мои впечатления? Был целый ряд интересных и неожиданных встреч. Так, например, с Л. В. Сахарным (мы приехали в Москву в разные дни) мы совершенно случайно встретились в Институте русского языка. Были, конечно, и другие встречи и много-много всяческих разговоров. Дело в том, что на научных симпозиумах так же, как и на обычных конференциях, основной обмен мнениями, разнообразные знакомства и контакты происходят не во время заседаний, а в перерывах между ними, когда встречаются единомышленники и сталкиваются противники. Ведь во время заседания каждый ограничен жесткими рамками регламента. Во время же перерыва можно выговориться до конца и даже пропустить очередное заседание. И такое бывает!

Результаты? Ознакомился с целым рядом оригинальных точек зрения на интересующие меня вопросы, установил несколько новых связей, поговорил, поспорил. Всем известно, что прочитать что-то новое, свежее очень полезно, но «сцепиться» с живым автором, да еще ученым, потрепать ему нервы несравненно полезнее и приятнее.

Сценарий

(«капустник» Синтаксического семинара 1975 г. в Перми)

В клинику доставлен молодой человек, по-видимому, филолог, который называет себя Раскольниковым и собирается убить какую-то старуху. Об этом можно догадаться по тому, что он постоянно повторяет одну и ту же фразу: *Пришью старуху*. Главный врач клиники, профессор Луриев, в затруднении: нужно, во-первых, определить, вменяем ли молодой человек, а во-вторых, – попытаться каким-то образом воздействовать на его психику с тем, чтобы он оставил мысль об убийстве. Будучи широко эрудированным, профессор Луриев понимает, что воздействие, как и исследование, должно быть комплексным. С этой целью он приглашает на консультацию представителей самых различных направлений и школ. Идет обсуждение результатов обследования.

Профессор Луриев: Пациент не страдает нарушениями речи. Он воспроизводит фразы длиной от 2-3 до 15-20 слов без всякой запинки, без каких бы то ни было лексических или грамматических искажений.

Доктор Гаков: Путем наводящих вопросов удалось установить, что пациент твердо знает время и место предполагаемого действия, орудие действия, способ действия, а также может идентифицировать объект предложения с объектом действительности. Короче говоря, он совершенно правильно соотносит высказывания с действительностью, и в этом отношении я не вижу никаких отклонений от нормы.

Доктор Хракович: Я, со своей стороны, поддерживаю доктор Гакова. Отклонений от нормы у пациента не наблюдается. Я попытался исчислить всевозможные варианты той фразы, которую твердит пациент, и он обнаруживает исключительно правильное употребление всех актантов, допустимых в полученных мною формальных вариантах рассматриваемого смыслового инварианта. Мне не удалось обнаружить ни одной неправильной диатезы.

Профессор Луриев: Очевидно, пациент нормален, но как заставить его избавиться от этой навязчивой идеи?

(А за кадром снова и снова раздается: *Пришью старуху!*)

Доктор Шахнаров: Согласно моим наблюдениям, пациент имеет достаточно сильный мотив к действию и, насколько показывают тесты, тщательно разработанную программу. Если бы как-то удалось заглушить этот мотив и как-то изменить эту программу...

Доктор Мурзихомский (перебивая): Эврика! То есть – нашел! Пациент компрессирует подлежащее! Надо только перестроить процесс деривации таким образом, чтобы компрессии подверглось дополнение.

Профессор Соболевская (глядя на Мурзихомского добрыми и ласковыми глазами): Вы, как всегда торопитесь, Леня, и усложняете все. Сейчас я пойду к пациенту и покажу ему наглядно, чего он добивается.

(Смена кадра)

Профессор Соболевская входит в палату. Раскольников сидит на койке растрепанный и непрерывно повторяет: *Пришью старуху!*

Профессор Соболевская: Голубчик, представляете ли Вы себе, что Вы собираетесь сделать?

Раскольников: Пришью старуху!

Профессор Соболевская: Это все уже слышали. А знаете ли Вы, как это делается?

Раскольников: Топором ее!

Профессор Соболевская: Да я не об этом. Ведь прежде, чем породить такую фразу, Вы должны знать, какие операторы должны быть здесь использованы.

Раскольников: Пришью... Чего? Какие еще там операторы?

Профессор Соболевская (искренне удивляясь): Как! Вы даже не знаете, какие бывают операторы? Вы никогда не слыхали о таких вещах, как *комбинаторы* и *композиторы*?

Раскольников: Ха! Был у меня знакомый комбинатор. Выдавал себя за композитора.

Профессор Соболевская: Да я о другом. Есть ведь еще *дубликаторы*, *элиминаторы*...

Раскольников: Тебя бы по иллюминаторам!¹

Профессор Соболевская: Не искажайте, пожалуйста. И будьте внимательнее. Есть еще *пермутатор* и *конфлюэнтор*.

Раскольников: Так ты матом? А еще профессор.

Профессор Соболевская: При чем тут шахматы? Я Вам говорю о самой элементарной аппликативной модели. Ваша фраза является результатом сложного процесса порождения.

¹ Прим. автора. П. А. Соболева носила очки.

Раскольников: Ну да!

Профессор Соболевская: Конечно! Вы думаете, убить, или как Вы выражаетесь *пришить*, очень просто?

Раскольников: А чего проще? Взял, да стукнул.

Профессор Соболевская (возмущаясь): Стукнул! Ведь *убить* – это очень сложная ситуация. Во-первых, это значит – «лишить кого-то существования».

Раскольников: Ну, это по-ученому. А у меня – проще.

Профессор Соболевская: Но ведь это же не все! «Лишение существования» – это ситуация, которую мы должны погрузить в другую ситуацию – ситуацию *становления*.

Раскольников (озадаченно): Как-как?

Профессор Соболевская: Вот так. А ситуацию *становления* нужно погрузить в ситуацию *каузации*.

Раскольников (ошеломленно): Куда?!

Профессор Соболевская: В ситуацию *каузации*. То есть Ваше действие представляет собой очень сложное действие: Вы хотите *каузировать кого-то стать не быть*. Вот ведь что получается.

Раскольников: Каузи... Как это?

Профессор Соболевская (наставительно): *Каузировать стать не быть*.

Раскольников (задумчиво): Да-а-а... А пошла-ка ты... Займусь я лучше компаративистикой.

Шарада

(для тупых доцентов)

Конференция по дериватологии 1981 г.

ДЕ есть мой самый первый слог,
Его вы во французском языке найдите.
А если точно вы узнать хотите,
Артикль он или же предлог,
К Чинчлею иль Долинину идите за советом –
В чужой карман им лезть не нужно за ответом.

РИ – слог в Японии типичный,
И жителям восточной той страны
Известен он как буква в слоговом японском алфавите,
Или как мера для длины.

ВА – этот слог вам Мельников подскажет
И с гордостью на карте Африки покажет.
Там суахили есть язык такой,
Который Гена знает лучше, чем родной.
Как солнышко сияя, молвит он: «Друзья,
“Ва” – это префикс множества, иль квантор бытия».

ТО – слог со слогом предыдущим –
Глагол он в Йоруба, и связан он с идущим.
Вот только «перс» он иль «недо» – трудно мне решить.
Опять помочь придется Гену попросить.

ЛОГ – этот слог найдете в языке английском:
В предании он был еще употреблен Кентерберийском.
Однако Соболева с Медниковой убедят нас в том,
Что был он там тогда обыкновеннейшим бревном.

Я – слог последний, завершающий все наше построенье.
Русистам всем знакомо странное явление:
Я-буква в алфавите на конец попала,
Я-слово – предложений множества начало.

Значенье целого узнать тогда мы сможем,
Когда все слоги по порядку расположим.

Тут даже и Мурзин поймет, уверен я,
Что получилось ДЕ-РИ-ВА-ТО-ЛОГ-И-Я.

Из переписки с А. Б. Пеньковским
02.03.84 г.

Очень рад я иметь в руках
И, следовательно, – налицо
От лучшего в пермяках
Обещающее письмо.
Но знаю: впереди не годы,
А месяцы и даже дни...
Ожидая у моря погоды,
Давай со статьей не тяни!
Статью давай сочини

И, сочинив, гони!
Если же нет, – тебе
Скажу я: «Не ха-се-бе»!
Засим, дорогой Л. Ю.
Я крепко тебя целую.

Р. С. Давай оппонентов ищи ты.
Успешной тебе защиты.

Мой ответ
18.03.84 г.

Вы мне писали...
Козьма Прутков

Мой милый и родной А. Б.
(Вот рифма для «Не ха-се-бе»),
Я получил твоё посланье,
И шлю тебе своё признание.
Есть у меня мысль одна –
Нуждается в апробации:
Все виды сказуемых изобразить
Просто как трансформации
Двух видов исходных: глагольного,
По своей структуре простого,
А кроме того, ещё одного –
Составного именного.
Конечно, у Золотовой это есть
В русском оригинале.
Я же это представить берусь
На английском материале.
Там больше гораздо всяческих форм,
Достаточно синтагматических,
И можно выделить среди них
Ряд типов, вполне семантических.
Ясна идея тебе, дорогой?
Что ты мне скажешь на это?
Буду ждать письма твоего,
Как соловей лета.
Если не первый получится сорт,

Можешь ты мне написать «Ля Ворт».
Ну, вот, пора мне писать уже,
Что я целуюЮ тебя тожеЕ.
Прежде, чем мне начинать свой спринт,
Ты растолкуй мне, однако,
Печатать ли мне под ротапринт
Или обычным порядко
(Как видишь, не вошла лишь «Мэ» –
Пошлем ее к Э-Бэ-Нэ-Мэ).

Его ответ на мой ответ

09.04.84 г.

Работаю, как зверь, я!
Дела мои – плохИ:
Все затупились перья,
Нейдут на ум стихи.
Нагрузки, перегрузки
В глазах до черноты!
Просветы очень узки,
А тьма со мной на «ты».
И все-таки, и всет-ки
Я гну себя дугой
И под ударом плетки
Сложу стишок-другой.
Забот вседневных дури я
Во власть не дам себя
И напишу для Юрия
Письмо, его любя.
Средь кафедральных гурий
В Перми, который год,
Мой друг – Левицкий Юрий –
Блаженствуя, живет!
В его распоряжении
Всех баб расположение –
Ему ж плевать на баб:
Он синтаксиса раб.
Себя он подчиняет
Проблемам сочинения
(Потом насочиняет

На тему подчинения).
Из всех возможных связей
Он предан этим двум,
И секс, во всяком разе,
Ему не мутит ум.
Жене своей почтенной
Он не грозит изменой:
Не знает он измен
Средь институтских стен.
В его воображении
Одни лишь предложения
Сольются в напряжении –
Нет чище этих уз!
Его не оргастический,
А только син –
Таксический
Волнует коитУс!
Себя он держит в форме
По самой строгой норме
(Ицкович, взвеселись!),
Чтоб набирался пылу,
И сохранял бы силу
Тот член, чье имя «мысль».
Поэтому сивуха
Его не знает брюха.
И пьет он – лишь в охотку –
Не самогон, не водку
И не деконт, а ром!
Поскольку очень скоро,
Поскольку очень споро
Он станет ДО-КТО-РОМ!
Дойдет до этой выси
Он в праведном бою,
Когда представит ДИССЕР –
ТАЦИЮ свою.
Тогда все синтаксистки,
Поникнув головой,
От зависти от низкой
Поднимут страшный вой.
Ужасный, непристойный
Услышим страшный вой мы,

Бабайце-вой, и Ярце-вой,
И Арутюно-вой!
Они, грозя судьбе,
Вскричат: «Ни-ха-се-бе»!
Но радостные клики
Поднимут все языки:
Немецкий и французский,
Болгарский, польский, русский,
Армянский и грузинский,
Др.-гр., санскрит, латинский...
Но громче всех аглицкий:
«Long live, long live, Левицкий»!
P.S. Сказал бы ещё
Про сказуемое,
Да, ё-моё –
Вышло уж время моё!

Ода на юбилей Мурзы

26.05.90 г.

Леню, о Муза, воспой, Мурзина, Николаева сына,
Что юбилей свой справляет, собравши друзей и подруг!
Долго он к светлому шел своему юбилею,
Много препон и препятствий он преодолел.
Стал кандидатом, доцентом, но этого мало –
В докторантуру пошел, обрекая себя на нужду.
Все перенес – и нападки лихих супостатов из ВАКа,
И диссертации милой утрату своей.
Все одолел, и вот – доктор уже перед нами.
Ну, а немного позднее – Профессор Мурзин.
Многих учений званый на свете добившись,
Он при себе знаний не держит, как рыцарь скупой:
Насобирав целый сонм молодых аспирантов способных,
Щедро к науке своей их приобщает, почти бескорыстно.
Массу статей написал и несчетно наделал докладов,
Мало того – он поместья радетель большой.
Как Лев Толстой, босиком культивирует пашню,
Тащит рассадку на крепких могучих плечах.
Впору собрав урожай и хмельного вина понаделав,
Великодушно его распивает с друзьями своими.

Много заслуг и достоинств у нашего у юбиляра.
Все перечесать – не достанет и самого долгого дня.
Так воздадим же ему мы, друзья, по заслугам:
Чаши златые «Российскою» водкой наполнив,
Светлого счастья ему от души пожелаем!

Ворона и лисица
(в аспекте дериватологии)
октябрь 1991 г.

В приведенном тексте курсивом выделены рассуждения отдельных докладчиков, а полужирным – прямые цитации и примеры. Все это легко опознавалось слушателями.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыра.
На ель ворона взгромоздясь, позавтракать было совсем уж собралась,

Да призадумалась, а сыр во рту держала...
На ту беду лиса близехонько бежала.

А теперь попытаемся проанализировать ситуацию.
У лисицы есть цель – завладеть сыром. Физически она этого осуществить не в силах и пытается использовать языковой стимул.
Для этого нужна определенная стратегия. Лисица начинает:

Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать так прямо сказки. Какие перышки, какой носок!
Ворона не реагирует.

Лисица: **Ты – роза моей души.**

Ворона молчит.

Лисица начинает соображать:

Если ворона принадлежит к классу Y, то Y должен... Чего же он должен? Попробуем перефразировать: на то ворона и есть Y, чтобы... А что «чтобы»? Надо ведь, чтобы ворона заговорила.

И лисица продолжает:

И, верно, ангельский быть должен голосок.

Спой, светик, не стыдись.

*Ворона начинает соображать: когда же лисица говорит неправду, а когда - правду? И смутно вспоминает, что где-то, когда-то нечто подобное уже свершалось. И решает про себя: **Мне – не петь. Мне – не говорить. Мне – молчать.***

Лисица видит, что ворона реагирует как-то не так и тоже начинает рассуждать: говорящий меняется в каждом акте речи, но также меняется и слушающий. Лесть не действует – следовательно, нужно использовать другой метод. И лиса говорит:

Ты – свинья!

Ворона срочно пытается сконструировать некоторое общее понятие, которое совмещало бы признаки вороны, розы и свиньи, но у нее ничего не получается.

А лиса тем временем опять меняет тактику: если не подействовало ни лесть, ни грубость, надо попробовать развеселить ворону. Лиса начинает приплясывать и напевать:

На горе стоит ольха, под горою – вишня. – Ворона молчит.

Эх, Андрюша, нам ли быть в печали? – Ворона молчит.

Лиса опять меняет тактику – пытается получить реакцию на неожиданные высказывания:

Послушай, ворона, а в лесу есть медведи! – Ворона молчит.

А среди москвичей есть мошенники. – Ворона молчит.

Слушай, ворона, а в Перми была конференция по дериватологии. – Ворона молчит.

Хотя, ты ведь даже и не знаешь, что такое деривация – лиса пытается спровоцировать ворону на какой-то признак одобрения/неодобрения, согласия/несогласия. – А это очень просто. Возьмем, например, чайник. Думаешь, это просто чайник и все? На самом деле тут есть и включение, и пересечение – это в каком аспекте рассматривать. Или, скажем, кастрюля. Она может запросто нагреть воду. При этом оказывается, что для англичан кастрюля одушевленное. – Ворона молчит.

А что, по-твоему, лучше стирает – вода или таз? Не знаешь?

Ворона твердит про себя: Мне – молчать. Мне – молчать.

А тут еще такие случаи бывают, – продолжает лисица, – стакан упал и облил генерала. А если бы не прибежал хозяин, то дрова сожгли бы дом. – Ворона молчит.

А еще бывает – туфля теряется. Или, например, имеется муха, которая пошла на базар, а там всякие мапсы, комплексы... Молчишь? Ну, молчи. Правильно делаешь. Ничего из этой деривации и быть не может. Ну, сама посуди – кто туда собрался? Ну, Мурзин – когда-то хозяин, Левицкий – сравнительно хулиган. А понаехал кто? Архипов, который говорит заведомо ложь, Сахарный – где-то мухолов, Норман – слишком купчик, ну и остальные – почти участники. Но Скалозуб – вот загляденье! – Ворона молчит.

Там чай давали С САХАРОМ! – Ворона молчит.

Лисица утомилась. Никакие приемы не сработали. Она вспомнила, что завтра ей было уезжать. Решила плюнуть и на сыр, и на ворону, махнуть рукой. Но еще не могла сразу остановиться и продолжала говорить почти по инерции, почти про себя:

Да, вот Шаумян еще не приехал. Говорят, что **падение дерева сломало ему ногу...** И, между прочим, сестра Мурзина тоже не приехала.

КАК? – воскликнула ворона.

Размышления

по поводу одной защищенной диссертации

(Вера Артуровна Малышева об акчимских топонимах) 08.03.94 г.

*Фокстерьер перед баобабом:
Это – неопишемое дерево!*

Зима. Крестьянин торжествует.
Сидит с соседом – брагу пьет,
С ним о политике толкует,
О том, как нынче он живет.
И крепкой памятью хранимы,
Мелькают в речи топонимы:
Пермь, Жмеринка, Москва, Кунгур,
Нью-Йорк, Париж, Рим, Байконур,
Свердловск, Тольятти, Бухара,
Китай, Япония, Цейлон,
Нигер, Уганда, Реуньон,
Израиль, Чад етсетера...

Всё имена, всё имена,
И все их знают крестьяна.

Когда же от красот вселенских
К родному дому перейдут,
То для местечек деревенских
Словечко точное найдут.
Так, есть там писанный угор,
Калитка, писанный забор.
Вдоль писаной дороги вряд
Столбы, все писаны, стоят.

Ель писаная зеленеет,
И речка писана блестит,
И камень писанный лежит.
Вдали лес писанный чернеет...

На 60-летие Л. В. Сахарного

(от первого лица, в лице которого
воплотились все остальные лица и морды)
май, 1994 г.

Четырежды пятнадцать лет –
Весьма торжественная дата.
На наш любимый факультет
И ты захаживал когда-то.
Все были там – твои друзья.
Бывала там жена твоя,
И дядя твой – он честных правил,
Он не на шутку занемог
(Я эту строчку в стих свой вставил –
Я лучше выдумать не мог).
Вас с юбилеем поздравляем
И ото всей души желаем –
Учить Вам в Вашей высшей школе,
Писать Вам и публиковать.
Мы любим Вас – чего же боле,
Что можем мы еще сказать?

Попытка

семантической интерпретации
звуковой последовательности /г-р-у-с-б-е-р-к/
Л. А. Грузберг посвящается
08.03.94 г.

У Даля: Груз-Берк(а) = «гнёт, тяжесть + голень» (тяжелоногий).

Чеш.: Хруш-Берк(а) = «груша» + «костыль» (костыль из груше-
вого дерева).

Нем.: Грюс-Берг = «привет, поклон» + «гора» (поклонная гора).

Англ.: Грус-Берг = «шотландский тетерев» + «айсберг» (шот-
ландский тетерев, живущий на айсберге).

Исланд.: Гул-Рум-Бер = «желтый» + «кровать» + «голый» (голый на желтой кровати).

Лат.: Грус-Верго = «журавль» + «клониться» (кланяющийся журавль).

Итал.: Гру-Бере = «журавль» + «пить» (пьющий журавль).

Франц.: Гру-Берж = «куропатка» + «берег» (береговая куропатка).

Уэльск.: Гриу-Су Бэрлд = «ступеньки» + «шум» + «стол» (шумно тащить стол по ступенькам).

Ирл.: Гру-Су-Бэрд = «волосы» + «этот» + «два человека» (этих волос хватит на двоих = волосатый).

Венг.: Грус-Бергъ = «грузинский» + «наемник» (грузинский наемник).

Япон.: Куру-Суберу = «подходить» + «скользить» (подходить скользя, или скользить подходя = обладающий скользящей походкой).

Кит.: Коу-Ли-Су-Бей = «рот» + «служащий» + «отдых» + «стан» (все понятно).

Индонез.: Гарук-Сура-Бери = «скрипеть» + «голос» + «издавать» (скрипучеголосый).

Самоа: Гуту-Сугу-Пеле = «рот» + «призывать» = «любимый».

Суахили: Гуса-Руху-Бере = «прикасаться» + «позволять» = «тщетно» (недотрога).

Текст

Всероссийская конференция «Текст-2000»

Ижевск, апрель 2001 г.

На конференции был представлен комплексный подход к проблеме текста, всесторонний охват этой проблемы.

Большое внимание было уделено философской стороне проблемы – **существованию текста**. Весь парадокс заключается в том, что текст, с одной стороны, существует, а с другой – как бы не существует, т. е. он существует именно тогда, когда он не существует, но когда он не существует, оказывается, что на самом деле он существует.

Текст обязательно предполагает наличие **автора**. Но автором может быть **любой**, любое множество авторов, т.е. практически **все**. В итоге, автором может стать и **сам текст**. Иначе: текст порождает самого себя.

При этом текст становится **завершенным**, но в то же самое время оказывается, что он **не завершен**. Текст является **тождественным са-**

мому себе, следовательно, он может проявиться в виде **множества вариантов**, которые становятся **не тождественными** друг другу.

Возможности преобразования текста обусловлены тем, что он обладает **целостностью**, а это значит, что в нем нет ни начала, ни конца, что позволяет читать его **с любого места**. Таким образом, бытие текста оказывается **бесконечным**.

Текст стремится к **самопознанию**, т. е. познанию того множества имен, которые в нем содержатся, а процесс смены, чередования имен вскрывает временную или темпоральную структуру его существования.

Установлено, что тексты бывают **разные**: культурные – бескультурные, экологические – неэкологические. Все они вместе взятые скрывают в себе **программу**, цель существования всего окружающего нас мира, Природы и венца ее творения – человека. Поэтому большую важность приобретает правильное **прочтение текста**. Только в этом случае возможно дальнейшее существование человека, природы, вселенной. В противном же случае произойдет эсхатологическая катастрофа. Правда, весьма утешительным представляется, что Природа в таком случае разработает новую программу, создаст новый мир и нового человека. И все начнется сначала – вспомним тезис о бесконечности текста.

При этом мы не должны забывать, что любой текст – это **игра**, и мы должны относиться к тексту как к игре, учитывая также и то, что это не только игра, но и то **пространство**, внутри которого и можно играть.

Как уже упоминалось, тексты бывают разные. Если оставить в стороне проблему глобальности текста, то можно сосредоточить свое внимание не более частных вопросах теории текста, а именно – на лингвистических вопросах. С этой точки зрения тексты разделяются прежде всего на устные – письменные, диалогические – монологические. Все виды текстов, рассматриваемые в лингвистике текста, укладываются в это двухчастное деление.

На лингвистической секции были рассмотрены разные виды текстов – от романов, повестей и стихов до анекдотов и пословиц. При этом было обнаружено, что те строгие правила, которые предписывает нам грамматика, вовсе не нужны, поскольку они неверны. Говорящий без всякой грамматики знает, как надо говорить. Поэтому предлагается все грамматики запретить, а их издание – прекратить.

Помимо художественных текстов, существуют и тексты научные, которым на заседаниях секции было уделено особое внимание. Оказывается, что основным отличительным признаком научного текста яв-

ляется научность. А научность тесно связана с концептуализацией, которая, в свою очередь, опирается на использование терминов, которые, в свою очередь, невозможны без **метафоризации**.

С проблемами научного текста неожиданно оказались тесно связанными проблемы *Muttersprache* (матерного языка). Оказывается, что матерятся все – от последнего бомжа до президента. В этом факте очевидно наличие двух аспектов:

- 1) эстетический: это нехорошо;
- 2) социальный – это консолидирует нацию.

Большую роль играет текст и в процессе **обучения**. Установлено, что для успешного обучения **чтению** нужен текст. Если для этой цели использовать лишь надписи на заборах, то процесс обучения, во-первых, значительно замедляется, а во-вторых – может привести к неожиданным и нежелательным результатам.

Для того чтобы успешно использовать текст, нужно, чтобы он легко воспринимался зрением, т. е. был бы **видимым**. Для этой цели разрабатываются особые **средства визуализации** текста.

Можно воспринимать текст и на слух. Для этого больше всего подходит **пение**.

В своем кратком обзоре я, естественно, не смог охватить всех вопросов, связанных с проблемами текста. Текст, как отмечалось, бесконечен, а мои возможности весьма ограничены. Тем не менее, очевидно, что проблемы, рассмотренные на конференции, имеют необычайную важность, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Их решение поможет нам идти и дальше, и глубже, и шире, и вперед, и – выше.

**В связи с перспективой
переезда кафедры на новое место жительства
(в ауд. 35а)**

В связи с переездом на новую хату
Стала Тамара рассчитывать штаты:
Васильева, Карзенкова,
Мишланов и Русинóва,
Овчинникова, Полякова,
Грузберг и Малышóва,
Ерофеева и Скитова,
Поварницына и Береснёва,

Левицкий, Потапова Нонка
И маленькая Наташонка.

Дали Тамаре в Инстанции
Четыре зеленых квитанции,
О том, что на новую хату
С ней переедут штаты:

Васильева, Карзенкова,
Мишланов и Русинóва,
Овчинникова, Полякова,
Грузберг и Малышóва,
Ерофеева и Скитова,
Поварницына и Береснёва,
Левицкий, Потапова Нонка
И маленькая Наташонка.

Долго процесс продолжался,
Но, наконец, состоялся.
А Наташка тем временем, сдуру,
Подалась куда-то в аспирантуру.

Прибывши на новую хату,
Стала Тамара сверять свои штаты:
Васильева, Карзенкова,
Мишланов и Русинóва,
Овчинникова, Полякова,
Грузберг и Малышóва,
Ерофеева и Скитова,
Поварницына и Береснёва,
Левицкий, Потапова Нонка...
Ребята, а где Наташонка?
Все молчат и не отвечают,
Потому что никто не знает...

Вдруг дверь заскрипела протяжно
И входит проректор вальяжно,
Как полководец из штаба,
А с ним – здоровенная баба.
Все молчат и не понимают.
И тогда он всем объясняет:

Передаю вам из собственных рук –
Это ваш новый кандидат наук.
Тамара сначала молчит,
А после как закричит:
Разбойники, воры, уроды!
Наташка не той породы!
Берет новый стул и бросает,
А проректор опять объясняет:

В связи с переездом на новую хату
Вами были представлены штаты:
Васильева, Карзенкова,
Мишланов и Русинóва,
Овчинникова, Полякова,
Грузберг и Малышóва,
Ерофеева и Скитова,
Поварницына и Береснёва,
Левицкий, Потапова Нонка
И маленькая Наташонка.
Но переезд – процесс очень длительный
Или, скажем, весьма продолжительный,
И, конечно, за время пути
Наташка могла подрасти.

РАЗДЕЛ IX

ВНЕ ТИПОЛОГИИ

В этом разделе соединились три разножанровых материала, не вмещающихся в предложенные рубрики, но в то же время отвечающие замыслу книги. В них по-разному запечатлен «концепт» юмора: научная статья Ю. Левицкого, посвященная теме бесологии, не могла быть в принципе создана, не обладай автор «сквозным» чувством юмора; эссе О. Пестовой, полученное нами из Америки, рисует живую картину «вживания» американских студентов в русский язык и российскую ментальность; частное письмо Риты Соломоновны Спивак подруге говорит само за себя.

Получилось «вне типологии», но строго по теме.

Тема бесов в праславянской культуре

Я не буду подробно останавливаться на том, что язык тесно связан с культурой, цивилизацией и т. п. – *sapienti sat*. Известно, что первоначальная цивилизация получила свое отражение в мифологии. В этом плане представляет интерес выявление места беса в праславянской мифологии. Слово *бес* – одно из древнейших праславянских слов, уходящее корнями в праиндоевропейское единство. Анализ лексико-графического материала открывает поразительное «многобесие» (ср. у Пушкина: *Закружились бесы розны. – Разрядка моя. – Ю. Л.*). Следует отметить некоторые особенности словопроизводства от корня *бес-*. Во-первых, это универбизация: результатом является не словосочетание, а цельнооформленное слово. Во-вторых, следует учесть влияние ассимиляции, в процессе которой конечный глухой согласный в ряде случаев превращается в звонкий. И, наконец, в-третьих, необычная для славянских языков модель словообразования: не AN , а NA . При этом следует отметить, что первоначально, в период, когда имя и глагол формально еще не различались, образование происходило по модели N_1N_2 : *бой-баба, жар-птица*. Позднее произошла замена второго существительного на прилагательное:

бес-властие → *бес властный*, *бес-злобие* → *бес злобный*, *бес-правие* → *бес правный*, *бес-путье* → *бес путный*.

В словаре Вл. Даля, который и был основным источником исследуемого материала, очевидно существенное преобладание наименований второго типа. В качестве варианта встречаются и случаи употребления модели $N_{Nom}N_{Gen}$: *бес дна, бес мен*.

Анализ материала (всего проанализирована 441 словарная единица) показывает прежде всего, если можно так выразиться, демократичность праславянской мифологии: отсутствует какое-либо верховное существо – все бесы равны, и каждый «заведует» строго отведенным ему участком мироздания. Появление иерархии в мифологии славян относится, вероятно, к более позднему периоду развития их общества, с его расслоением. Знакомство с «бесологией» открывает нам необыкновенно высокий уровень древней цивилизации, ненамного уступающей современной, широкий круг знаний наших предков. Для удобства все бесы, как уже отмечалось отвечавшие за различные стороны жизни и деятельности, сведены в ряд тематических групп.

В первую группу входят бесы, связанные с органами и частями человеческого тела (всего 32). Приведенные примеры свиде-

тельствуют о достаточно детальных сведениях в области человеческой анатомии. В целях сокращения во всех примерах общий корень *бес* опускается и остается только определительная часть: *бедрый, бровый, бокий, бородый, волосый, глазый, головый, грубый, губый, жильный, зубый, икрый, костный, косый, лицый, мозглый, ногий, носый, окий, палый, печеночный, позвоночный, пяточный, сердечный, телесный, удый, усый, ухий, хребетный, челюстной, черепной, членный*.

Примечание. Слово *удый* позднее приобрело начальный смычный лабиальный сонантический коэффициент. В этом виде оно встречается у А. С. Пушкина в стихотворении «К кастрату раз пришел скрыпач». Интересно было бы проследить связь этого прилагательного с универбным существительным, появившимся в результате сокращения выражения *мудрый чудаки*.

Во второй группе – бесы, отвечающие за функции и отправления человеческого организма – физиология (всего 16): *жизненный, смертный, сонный, засыпный, просыпный, пробудный, больный, болезненный, думный, памятный, голосый, дыханный, желчный, кровный, слезный, гнойный*.

Следующая группа – свойства и черты характера (всего 93): *бедный, вольный, вредный, вестный (= известный, знаменитый), возрастный, вычурный, гневный, гордостный, грубостный, дарный (= одаренный), действеный, дельный, должный (= обязательный), жалобный, жалостный, застенчивый, заботный, задорный, запасный (запасливый), затейный, защитный, злобный, избавный, коварный, казенный, корыстный, кручинный, леностный, лестный, молвный (= разговорчивый, красноречивый), мятежный, намеренный, натуженный, нравственный, надежный, обидный (обидчивый), обманный, оглядный, оговорочный, опасный, оплошный, отрадный, памятливыи, предстательный (предстатель = «заступник»), порядочный, пощадный, помощный, полезный, прекословный, препонный, препятственый, приличный, примерный, принципный, печальный, пристрастный, отлучный, притязательный, радостный, разборчивый, рассудный, ропотный, скорбный, сознательный, совестный, смысленный (смышлелый), славный, сомненый, сильный, спорный, ссорный, страстный, страшный, талонный, толковый, тревожный, убогий, угомонный, удержный, укоризненный, умный, умолкный, упречный, утешный, успешный, участный (участливый), характерный, хитростный, хлопотный, честный, человеческий*.

Очевиден пристальный и детальный интерес ко всем проявлениям духовной жизни: у Толстого, Чехова и Достоевского было у кого что наследовать.

Следующая группа – дом, одежда, обувь (всего 29): *домный* (позднее – *домовой*; вариант – *хатный*), *дверный*, *косячный*, *приторный*, *кровельный*, *крышечный*, *лавочный*, *печный*, *дымный*, *потолочный*, *стенный*, *застойный*, *стычный*, *угольный*, *верхий*, *дворный*, *изгородный*, *оградный*, *воротный*; *армячный*, *каблучный*, *лапотный*, *лямочный*, *наволочный*, *нарядный*, *обувной*, *порточный*, *рукавный*.

Согласно лексикографическим данным, штаны праславяне называли «портками». Что же касается появившегося позднее сочетания *бес итаны*, то оно, вероятно представляет собой кальку с французского *sans-culottes*, которое, несомненно, восходит к омонимичному * *saint-culottes*. Остается лишь выявить индоевропейские связи между *бес* и *saint*.

Группа семейные (родственные) отношения (всего 12): *семейный*, *супругий*, *фамильный*, *брачный*, *женный*, *невестный*, *багетный*, *отецкий*, *отцовский*, *матерный*, *детный*, *потомственный*.

Хозяйственная деятельность (всего 10): *хозяйственный*, *товарный*, *работный*, *ремесленный*, *сезонный*, *плановый*, *перспективный*, *перебойный*, *престанный*, *кризисный*.

Домашнее хозяйство (всего 19): *амбарный*, *вотчинный*, *поместный*, *пахотный*, *пажитный*, *межный*, *почвенный*, *помольный*, *семянный*, *кормный*; *породный*, *издойный*, *конный*, *лошадный*, *сбруйный*; *молочный*, *сывороточный*, *квасный*.

Алкоголь, азартные игры (всего 8): *алкогольный*, *винный*, *выигрышный*, *гранный* (связано либо с игральными костями либо с гранеными стаканами), *козырный*, *переборочный*, *проигрышный*, *хмельный*.

Торговля, финансы (всего 23): *алтынный*, *барышный*, *вкладный*, *выгодный*, *денежный*, *доходный*, *заказный*, *лихвенный* (= процентный), *наличный*, *остатковый*, *отсрочный*, *отчетный*, *платный*, *посредственный* (от посредник), *прибыльный*, *приходный*, *процентный*, *расчетный*, *сметный*, *срочный*, *тратный*, *убыточный*, *ценный*.

Транспорт (всего 24): *дорожный*, *поворотный*, *уклонный*, *ухабный*; *билетный*, *плацкартный*, *посадочный*, *пересадочный*, *встречный*, *обратный*, *возвратный*, *остановочный*, *челночный*; *обручный*, *осный*; *весельный*, *колесный*, *лопастный*, *палубный*, *парусный*, *килевой*, *пилотный*; *версты*, *поверсты* (вероятно, речь идет об оплате за такси).

Вселенная, природа, растительный и животный мир (всего 41): *солнечный*, *лунный*, *звездный*; *атмосферный*, *воздушный*, *водный* (позднее – *водяной*), *земельный*, *пламенный*, *брежный*, *донный*, *бурный*, *дождный*, *влажный*, *волненный*, *пенный*; *лесный* (позднее –

леший), *грибный, лепестной, листый, лубный, корый, сучковый, колосный, стебельный, травный; животный, ворсый, гнездный, горбый, гривый, зародышный, зобый, крылый, норый, плодный, рогий, рыбный, хвостый, чешиучатый, шерстный.*

Мировоззрение (всего 19): *вещественный (= материальный), душный (= идеальный), временный, причинный, цельный (целевой), качественный, количественный, данный, единичный, личный, объектный, субъектный, относительный, плотный (телесный); акафистный, южный, званный, поминочный, храмный.*

Наука (общее), техника, производство (всего 18): *научный, кислотный, щелочной, примесный; арматурный, каркасный, компрессорный, оправный, отбойный, патентный, полосный, проволоочный, сменный, ступенчатый, угольный, центрошлифовальный, червячный, шкивный.*

Физико-математические (всего 13): *звучный, шумный, плотный, мерный, конечный, предельный, отрицательный, подобный, переменный, прерывный, программный, численный.*

Юриспруденция (всего 13): *законный, правный (= правовой), прецедентный, спорный, карный (от кара), наказанный, адвокатский, апелляционный, заветный (от завет, завецание), отводной, отсидный, условный, явочный.*

Лингвистика (всего 9): *грамотный, переводный, культурный, причастный, предложный, просветный (= просветительский), связанный, слоеный, язычный.*

Очевидно, рассматриваемые слова возникали главным образом в эпоху, когда еще не было четкого формального различия между именем и глаголом, о чем свидетельствует отсутствие прилагательного *глагольный*. Наличие же слова *причастный*, говорит о том, что развитие системы частей речи шло таким образом: собственно имя → имя-атрибут → прилагательное → причастие → глагол.

Культура, образование (всего 9): *искусный, содержательный, образный, книжный, наборный, струнный, трубный, приютный, урочный.*

Государственное устройство, бюрократическая система (всего 30): *государный, племенный, властный, взяточный, волокитный, докладный, должностный, завидный, ответственный, отказный, отлучный, покровительственный, притязательный, доимочный, кабальный, мытный, оброчный, пошлинный, тарифный, таможенный, препятственный, указный, церемонный, чинный; адресный, паспортный, аттестатный, выездным, наградный, опросный.*

Политика, партии (всего 5): *классовый, компромиссный, конфликтный, партийный, союзный*.

Военное дело (всего 11): *амбразурный, амуничный, бранный, воинственный, граничный, командный, крепостной, ложный (ложе – у ружья), оборонный, отступный, ствольный*.

Секретная служба (всего 4): *агентный, крамольный, охранный, следный*.

Наличие *беса* очередного свидетельствует о том, что очередь – это вовсе не приобретение капитализма или социализма: очереди известны еще и праславянам.

Наличие *беса* *пардонного* – одно из немногих галльских заимствований (ср. *итаны*). Вопрос о древних галло-праславянских культурных связях представляет большой интерес. Видимо, и модель NA – галльское влияние.

Все рассмотренные ранее слова оказываются семантически маркированными: каждое из них можно рассматривать как содержащее некий семантический дифференциальный признак. Однако известно, что система не может состоять только из маркированных членов. И в рассмотренной системе мы обнаруживаем наличие немаркированного компонента, уравнивающего систему. Он характеризует *беса*, лишённого каких-либо отличительных признаков и поэтому названного *полый* (= пустой).

Итак, анализ «бесологической» лексики позволяет судить о высоком уровне и широте знаний наших предков во многих областях науки, искусства, мироздания. Интересно было бы продолжить исследования в плане выявления связей праславян с другими народами, как индоевропейского, так и неиндоевропейского происхождения.

О. Пестова,
выпускница 1979 г.¹

Роза в почтовом ящике

Прекрасной петербургской осенью далекого 1993 года в фойе роскошной гостиницы «Европа» я пыталась решить дилемму: эконо-

¹ Ольга Геннадьевна Пестова, кандидат филологических наук, до 1995 г. – доцент кафедры английской филологии ПГУ. В настоящее время проживает в г. Аннаполисе (штат Мэриленд, США), работает в Университете Мэриленда.

мист или инженер. Экономическую тематику я знала лучше, но инженеры казались мне прямолинейнее и проще в общении. Судьба явилась в лице русского архитектора Сергея, взглянула на меня и моего коллегу Бориса и распорядилась: «Оля, вы будете работать с господином В.». Инженер.

Во время ланча я бегала в Публичку, чтобы перевести термины, подписать названия в схемах и таблицах.

Специальностью инженера оказалось водоснабжение и канализация. Схемы и таблицы почти не нуждались в переводе, а через десять лет он со смехом вспоминал мою ретивость, представляя меня своим знакомым в качестве жены. Наши воспоминания не всегда совпадали, но я не возражала против его версии.

«Один раз нужно побывать в Америке», – оправдывалась я перед коллегами.

«Э-э, не один раз, а в первый раз», – поправляли они.

Мы ехали из аэропорта, и я знала только, что наш дом зеленого цвета. Каждый раз, когда мы проезжали мимо какой-нибудь страшной зеленой развалины, будущий муж радостно восклицал: «А вот и наш домик!» Наш реальный домик был совсем не похож на новорусские особняки с башнями и высокими каменными заборами. Он скорее напоминал обитую вагонкой времянку, какие часто встречались на советских дачных шести сотках. Заборов не было вообще – это было здорово, но все же подмывало сбежать.

Друзья представляли меня в длинном белом платье и соломенной шляпке, неспешно спускающейся в сад, чтобы срезать розы, покрытые утренней росой. В это время соседи с интересом наблюдали осваивающих участок молодоженов, покрытых потом и грязью. Весной мы посадили яблоню и персик. Сколько лет потом я суеверно обороняла эти деревья от желающих перекроить ландшафт и не могла признать: персик – мужского рода – он, яблоня – я.

Осенью мой инженер линейкой отмерял восемь дюймов – глубину посадки тюльпанов – и следил, чтобы расстояние между луковицами не превышало пяти дюймов. Яростные ссоры возникали из-за его тяги к истреблению одуванчиков, а в остальном оказалось, что пристрастия русской и англичанина совпадают. В саду поселились любимые цветы моего висимского детства: ландыши, пионы, турецкая гвоздика, дельфиниумы, флоксы. Я набирала в библиотеке книги по садоводству и попутно узнавала много удивительного: то, что в Америке величают садом, в России зовется клумбой; библиотеки бесплатны и в одни руки можно получить 99 книг; на местных дорогах приходится

лавировать, чтобы не угодить в яму – идеальны лишь соединяющие штаты шоссе.

Жизнь налаживалась, и я удивительным образом чувствовала себя дома. И все же скоро стало понятно, что к пенсии я не готова и что компании роз и любимого мужа для полного счастья недостаточно.

Постучалась в дверь местного колледжа. Моего образования и мотивации оказалось достаточно, чтобы влиться в ряды жестоко эксплуатируемого класса adjunct faculty: преподавателей-контрактников, но недостаточно, чтобы стать полноправным full-time lecturer. Даже такое положение принесло гордый титул Профессор, от которого я поначалу открещивалась, а потом с удовольствием включилась в игру.

Очень быстро стало понятно, что принцип «волка ноги кормят» объединяет все образовательные системы мира. Рекордсмен, с которым я работала, вел одиннадцать групп одновременно в трех учебных заведениях, а по ночам занимался редакторской работой. Зарплата контрактников в два раза ниже тех, кто работает на полную ставку; почасовики не получают медицинскую страховку, отпускные, больничные. Но контрактникам приходится соглашаться с этими рабскими условиями труда.

Мне довелось работать с тремя категориями студентов. Самая любимая – пенсионеры. С ними мы «проходим» русскую литературу. Прочитали почти все, пересмотрели все доступные и достойные фильмы. Студенты оставались в группе годами, поэтому повторяться было нельзя, и через десять лет я начала сетовать на то, что мало родилось Толстых и Достоевских, и предлагать к изучению Фонвизина.

Множество раз с благодарностью вспоминала школьного педагога Софью Григорьевну Ляпустину – юную, передовую, красивую, только выпустившуюся из университета, университетских преподавателей – Римму Васильевну Комину и Риту Соломоновну Спивак, читавших нам курсы русской литературы в университете, и конечно, всю кафедру английской филологии. Что бы я могла без них? Вспоминала и слова Ксении Владимировны Веселухиной на дне открытых дверей университета: «Вы, наверное, все мечтаете стать переводчиками. И не мечтайте. Будете работать в школе». Свершилось. Я работаю преподавателем, правда, не в школе. Девять месяцев в году передо мной кипы эссе, на проверку которых уходят все выходные.

Моим вторым предметом стал английский, точнее обязательный университетский класс композиции (письма). Парадоксально, но на моей кафедре английский же преподавала коллега из России. Дама из Болгарии обучала французскому, дама из Германии – испанскому.

В местный двухгодичный колледж идут либо неопределившиеся («I need to find myself»), либо желающие сэкономить деньги. Мотивация у ребят слабая, уровень подготовки невысокий, с доходом дела не очень. Многие параллельно с учебой работают в двух-трех местах. От студентов приходилось выслушивать жалобы на то, что Мэри Шелли не переведена на нормальный английский, и узнавать, что «Сон в летнюю ночь» написал некто Майер, оказавшийся редактором студенческой антологии. Я пыталась их «Преступлением и наказанием», они путались в именах и никак не могли согласиться с тем, что произнести *Раскольников* ничуть не сложнее, чем *Овечкин*. Отношения складывались сложно. Надежды на признание студентов не было.

Учителям здесь не дарят цветы. Когда однажды коллега увидел торчащую из моей почтовой ячейки розу, он спросил: «Олга, что с тобой случилось вчера? Ты заболела? Я видел, студенты принесли открытку и цветок». И все же иногда студенты пишут благодарственные письма: *Красной нитью прошло по вашему курсу утверждение: все мужчины – подлецы, а женщины – святые*. М-да, Антигона, Титания, Сонечка, Нора. *Я тут посмотрел фильм, который Вы рекомендовали, и написал рецензию на него. Прочитайте ее, пожалуйста, и помните, что за каждым успешным мужчиной стоит женщина, которая верила в него. Поверьте в меня, как Соня поверила в Раскольникова, и зачитайте эту рецензию как дополнительное задание, которое заслуживает оценки. Поверьте, Ваш курс на многое открыл мне глаза.*

В университете студенты воспринимают себя серьезнее. В отзывах с гордостью пишут: *Я еще только первокурсник, а уже изучаю русскую литературу*. Кстати, об отзывах. Надеюсь, что инструмент оценки преподавателей студентами еще не введен в России. Однажды читала у Татьяны Толстой, что ей в американском колледже из круглой двоечницы за семестр удалось выбиться в круглые отличницы. Секретом она не делилась, поэтому пришлось изобретать свой путь. Студенты должны были ответить на девять вопросов, из которых во внимание принимались два: узнали ли вы что-то новое и была ли работа преподавателя эффективной.

Технологиям промывания мозгов нас научил Джордж Оруэлл. После и во время каждого занятия я стала старательно спрашивать: А знали ли вы это раньше? Так, что нового мы узнали сегодня? Показатель резко вырос. Со вторым вопросом было сложнее. Природная скромность не позволяла спросить: эффективно ли я сегодня потрудились? Не успела я выработать тактику похвалы студентов (как мы с вами сегодня славно и эффективно поработали!), как девять вопросов

заменяли тридцатью двумя, один из которых («Демонстрировал ли ваш преподаватель чувство юмора во время занятий?») никак не позволяет мне поднять рейтинг...

Упорно продолжая насаждать русскую литературу, с Достоевского я переключилась на Замятину и в этом году до изучения романа решила провести опрос на тему «Что я знаю о России / Советском Союзе».

Среди групп, в которых я преподаю, есть условно американские и условно иностранные. Условно, потому что в американских группах встречаются представители так называемого полуторного поколения, а среди студентов, для которых английский не родной язык, тоже есть родившиеся в США.

От двух американцев я услышала, что *русские начали Вторую мировую войну*; правда, третий студент отметил, что *русские были союзниками американцев во Второй мировой войне*. Девочки, разумеется, смотрели диснеевский мультфильм и знают про *принцессу Анастасию*. Сообщают, что *лидер страны когда-то назывался царем*. Знают они и нынешнего лидера России.

Там был Сталин and a lot of bad stuff happened – восклицает продвинутый студент. – Что за bad stuff? – Пожимает плечами. – Когда жил Сталин? – *В 90-е, наверное*. И тут вдруг я осознаю, что эти ребята родились, возможно, уже в 2000 году и то, что было в 90-х, для них так же далеко, как то, что было в 40-х или 30-х, что двадцатый век – огромная часть моей жизни – это такая же древняя история для них, как отмена рабства или Гражданская война, что они устремлены вперед и мои попытки говорить с ними о прошлом будут иметь смысл, только если в этом прошлом они увидят себя и свое будущее.

Но опрос продолжается. Почему-то никто не вспоминает спорт и водку. Лишь один студент огорчается, узнав, что он заблуждался, *всю жизнь считая Россию страной виски*. Затронута тема конкуренции в космосе. *Русские первые высадились на Луну* – радостно сообщает симпатичный блондин. Я не стала принимать незаслуженные лавры и расставила все по местам. После этого две студентки начали рассматривать что-то в Интернете, шепеча и повторяя ненавистное *cute*. Как можно совместить Россию и *cute*? Оказалось, они заинтересовались судьбами Белки, Стрелки и остальных четвероногих героев космических исследований.

Замечу, что опрос проходил в компьютерном классе с неограниченным доступом к Интернету и ответы студенты печатали на компь-

ютере. Никто не обратился за помощью к Википедии. А как бы ответили российские студенты на вопрос: «Что вы знаете о США?»

В ответах студентов-иностранцев (Китай, Корея, Вьетнам, Индия, Непал, Таиланд, Пакистан, Саудовская Аравия, ОАЭ, Кения, Либерия, Конго, Эфиопия, Нигерия, Перу и другие страны) было больше разнообразия.

Они верно указали географическое положение России (*над Китаем и Монголией*), столицу (*Москва*), самый красивый город (*Петербург*), валюту (*рубли*), пристрастие Путина к собакам (*Президент Туркменистана подарил ему на день рождения собаку породы алабай*).

Отметили своеобразие кириллицы (*в алфавите есть смешные буквы, которых нет в английском алфавите*).

Проявили знание недавних событий (*авария в «Чилнопели» и запрет усыновления российских детей в США*), последних реалий (*Наталья Поклонская – очень красивая женщина, поэтому многие тайцы мечтают поехать в Россию, чтобы познакомиться с ней – написал мой юморист из Тайланда*) и исторических событий (*Россия продала Аляску Америке по цене 1 доллар за квадратную милю; Россию никто не смог завоевать из-за холодного климата и мудрых стратегических решений: Наполеон пытался и не смог. Германия не смогла; В стране был сделан упор на индустриализацию и оборону, однако с товарами народного потребления были проблемы. Есть даже такая шутка: русские могут обменять танк на несколько кусков хлеба; Россия была частью Советского Союза, который перестал существовать в 1991 году*).

Отметили военную мощь (*В СССР создан танк Т-34. Его угловатый дизайн повлиял на дизайн всех современных танков; обладает ядерным оружием, может начать войну и будет влиять на исход возможной войны*).

Обсудили демографическую ситуацию: *В России на 10 миллионов больше женщин, чем мужчин*.

Шокировали тем, что слышали о крокодиле (наркотики).

Отметили самое глубокое озеро и большие запасы нефти и природного газа.

Допустили и некоторые ошибки, назвав вице-премьера *Дмитрием Менделевым*, добавив *желтый* цвет в цвета флага России, неверно указав любимые национальные напитки (*Из-за постоянного холода пьют вино и пиво, чтобы повысить температуру тела, но это ведет к негативным последствиям; многие замерзают, опьянев*), опять-таки переместили Сталина, на этот раз в период застоя.

Из оценочных суждений преобладали осторожные, противоречивые и спорные: *scary country, kind of democracy, по-прежнему воинственная и агрессивная страна с прекрасной архитектурой и популярной куклой-матрешкой, по-прежнему влиятельная страна, вторая по значимости страна в мире, Россия и Китай – союзники.*

Множество комплиментов отвесили Владимиру Владимировичу: *крутые фотографии, бывший секретный агент, сделал Россию сильной, не боится бросить вызов сильным государствам, таким как США и Япония, нашей стране (откуда студент родом) не хватает такого Президента. Правда, нашлись и желающие поконкурировать на президентских выборах. Девочка из Кении (страстно): Если бы я была Президентом России – это была бы самая сильная страна в мире!*

Замечательно, почти по-блоковски, три человека написали, что *Россия – это сочетание Европы и Азии с преобладанием Европы. При этом большая часть населения живет в Европе, а большая часть территории находится в Азии.*

А вот что написали о россиянах (собрано из разных ответов):

Жители симпатичные и любят свою страну. Еще они любят коммунизм, который установился в 1919 году. Любят деньги, особенно те, кто наверху. Большинство людей бедны. Все поделены на бедных и богатых; средний класс почти отсутствует. Люди агрессивны и не боятся драться на улице. Водка – любимый напиток. Пьют много алкоголя из-за холодного климата. Люди очень образованны и грамотны.

После опроса студенты начнут читать Замятина. Они услышат Скрябина и Вагнера, узнают о русском кубизме и супрематизме, потеряют иллюзии и приобретут знания. Кто-то напишет в отзыве на курс: *Было слишком много домашней работы, а кто-то: Мне очень понравился русский роман и культура. Круто, что Вы включили в нашу программу элементы русской культуры.*

А потом начнется новый семестр. Как обычно перед началом семестра я буду вглядываться в фотографии студентов. Их лица покажутся чужими и неприветливыми. Смогут ли они сравниться с моим предыдущим классом? Вспоминаю, как спорили и смеялись мои прошлогодние студенты, возмущались несчастливym концом замятинского романа, плакали, обнимались и клялись в вечной дружбе девчонки на последнем уроке.

Пройдет первая неделя семестра, труднопроизносимые имена и строгие лица превратятся в живых, симпатичных молодых людей: от-важную девочку, отправившуюся на каникулы в Судан, чтобы рабо-

тать в детском приюте; китайского юношу, арестованного в возрасте пяти лет за то, что появился на свет вторым и родители, сколько могли, скрывали его рождение; девушку, которая пересекла границу своей страны в багажнике машины, чтобы избежать преследований из-за отца-диссидента.

На семестр они станут близкими людьми. Так, наверное, и мы когда-то из незнакомцев превращались в родных и близких наших учителей. Они-то для нас уж точно становились родными и близкими. Таковыми и остались.

Р. Спивак,
выпускница 1959 г.

Из Перми в Ленинград Письмо от Риты

«Лерка, кто бы мог подумать, что Чернобыль коснулся непосредственно нашей квартиры. Семь дней у меня на руках были двое детей, наш внук Даня и Кеша, сын знакомой девушки из Киева, которая, спасаясь от Чернобыля, привезла ребенка к нам. Вот тут я чуть не свихнулась. В первую ночь Кеша до 1 часа ночи плакал и просился к маме в Киев. Даня же в это время, переведенный к отцу в другую комнату, плакал и рвался обратно ко мне. В час ночи я легла к Кеше, чтобы его усыпить, и поспала 20 мин. Но Кеша не спал и захотел киселя. Я объяснила ему, что он будет готов только к утру, а сама села за стол писать статью о Тютчеве. Через 10 мин. (в 2.00) Кеша поинтересовался степенью готовности киселя. В начале третьего выразил раздражение, что тот варится столь долго. В половине третьего я пошла на кухню и сварила этот проклятый кисель, остудила его и напоила Кешу. Я готова была приняться даже за стряпанье пельменей, лишь бы он снова не начал реветь. Даню в то же время я положила в постель к отцу. Через час (мужчины, как известно, народ слабонервный) разъяренный отец вышвырнул его оттуда. Я не поняла, а это, оказывается, было сложное воспитующее наказание. Позже я взяла сопливого от слез босоногого Даню за руку и повела в кухню, где допечатывал свою статью мой муж. А что было делать, ведь на кровати Дани уже лежал Кеша. Решили просто – ляжем подряд. Сдвинули раскладушку и диван и всю неделю проспали вчетвером. Мы с мужем и два хулигашки. Дрались они целыми днями, кривлялись и обезьянничали. Так что я отвыкла от лас-

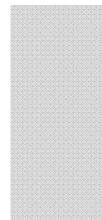
ковых суффиксов, зато стала пользоваться жестами греческих актеров – вытягивала руку и гремела голосом: “Ты сюда, а ты здесь!” Так что у нас свой Чернобыль. Пока, дорогая, напишу еще. Жду твоего письма».

Июнь 1986 г.

РАЗДЕЛ X

НЕКРОЛОГИ

*Пока готовилась к печати
эта книга, мы потеряли двух
постоянных и активных авторов –
В. Пирожникова и Н. Гашеву. Се-
годня мы вспоминаем о них.*

Бесстрашная душа

Памяти Надежды Николаевны Гашевой

Вся жизнь Надежды Гашевой была напое-на и пропитана хорошей прозой и хорошими стихами. Высокая мера вещей, литературный вкус прививались и воспитывались не только изысканной филологической школой отменных педагогов Пермского университета, не только каждодневной издательской практикой, но изначально, в первую очередь – книгами, которые читал им с братом отец.

Николай Павлович Пермяков был сугубым технарем, инженером-строителем, математиком и шахматистом. И воином: прошел фронтами Великой Отечественной, был тяжело ранен. Николай Павлович торопился прочитать детям все, чем не уставал наслаждаться сам. Он, кстати заметить, и внукам читал «Войну и мир», когда Ксюше было всего девять. Может быть, отсюда сегодняшнее бесстрашие драматурга Ксении Гашевой перед классикой любых объемов и любой стилистики: неслучайно так отважно и чутко она инсценирует для театра Гомера и Астафьева, Гари и Войновича, Шукшина и Иванова.

Вот так же бесстрашно читала в юности своей Надежда Гашева собственные стихи. На фотографии в сборнике «Княженика» (1968) она такая, какой была в ту молодую пору, – с сигаретой в руке наотлет, увлеченная внутренним ритмом стиха, который еще горяч на губах:

...Шаги – измеренье комнат.
Шаги – измеренье планет.
Еще ни одной знакомой
Тропки на свете нет.
Но что для тебя запреты,
Искорка мятежа?
Коль сложена, да не спета –
Песни не удержать.

Поэма называлась «Бунтари». И в самой Надежде клокотал мятеж, бунт, вызов.

Это была единственная ее солидная поэтическая публикация. Да, кажется, и последняя. Она будто разом обрубилась и оторнула потуги

стать поэтом-профессионалом, окончательно приняв иное назначение, избрав для себя иную форму жизни в литературе.

Она стала редактором. Она стала издателем.

Судьба книгоиздательского дела в Прикамье – а ему давно пошел третий век – складывалась самым загадочным образом, и была тьма причин тому, что отдельные его периоды оказывались тусклы и безлики, а другие вспыхивали сиянием ярчайших протуберанцев. Конец 1960-х, 1970-е, начало 1980-х – эти годы, несмотря на жуткую централизацию книгоиздания в стране, предельную идеологизацию всего и вся, обернулись для Пермского издательства плодотворнейшим творческим взлетом, который сделал пермскую книгу в ту пору таким же, как сказали бы сейчас, культурным брендом Прикамья, как балет и деревянная скульптура. Книжные миниатюры, поэтические малоформатки, библиотеки и серии отечественной и зарубежной классики составляли славу Перми, выводили ее на уровень одного из самых интеллигентных городов страны. За очень многими из этих славных явлений стояла Надежда Николаевна Гашева с ее безупречным литературным вкусом и необъятным кругом филологических знаний.

Вот, например, уютные стихотворные томики, составившие убедительную и чрезвычайно удобную для пользования библиотеку. Они выходили (и расходились!) сотысячными тиражами – по две книги в год, по тому из русской поэзии века XIX-го и XX-го. Надежда Николаевна конструировала ряды славных имен, формировала массив каждого сборника и к каждому писала вступительную статью. Эти статьи по объему равнялись справкам-аннотациям, но по содержанию, емкости информации, красоте и точности определений были законченными эссе.

Составлялись цепочки книг, заставляющие ценителей ждать и караулить выход каждой следующей, и отдельные сборники, завораживающие оригинальностью идеи и выразительностью подачи. Вот, например, одна из последних (по времени существования издательства) серий – «Домашние вечера». Вышло четыре тома, но каких: «Детвора», «Призраки», «Пойман с поличным», «Канитель» – удивительные тематические подборки рассказов и коротких повестей классиков мировой и отечественной литературы. И опять не просто подборки: каждое издание продумано от вступительной вклейки иллюстраций («из времени») до цепляющих внимание цитат на входе в книгу, и, конечно, умная филологическая аннотация, определяющая место жанра как острова в океане литературы.

Надежда Николаевна и сама купалась в классическом материале, и с царственной щедростью умела его интерпретировать и преподнести. Однако просветительская линия в ее редакторской деятельности сполна позволяла самовыражаться, но не была главной. Главным было живое участие в том, что рождалось на глазах. Перед провинциальным (в территориальном смысле) издательством всегда стоит задача развития местной литературы. Вокруг него клубится круг маститых и начинающих авторов, на стол редактора каждый день ложатся рукописи нескончаемого «самотека». Любой признанный писатель ждет отзыва редактора-первочитателя на свое новое творение так же нервно, как литератор-неофит, впервые переступивший порог издательства. Порадоваться успеху, искренне погоревать над неудачей, подсказать выход, показать, как поддержать «шатающуюся» конструкцию, как сделать выразительней и чище стиль, – роль Надежды Николаевны в этом процессе была неоценимой. Ее вкусу доверяли все.

К ней тянулись всегда, с ней хотелось и возможно было разговаривать не о житейской ерунде, а о высоком – о том, что больно, или о том, что дорого. По душам о душе.

И вот что закономерно. В университетские и послестуденческие времена у нее были замечательные собеседники из очень даже старшего поколения – в основном из поколения ученых. Филологи Сарра Яковлевна Фрадкина, Римма Васильевна Комина, Соломон Юрьевич Адливанкин, профессор-историк Лев Ефимович Кертман и многие другие сначала были преподавателями, а потом оставались друзьями. Они, несомненно, влияли на ее мировоззрение, наращивали мускулы ее эрудиции, но и сами искали общения с нею, словно в этих разговорах и спорах, на оселке ее живого молодого ума оттачивали и проверяли градус собственной убежденности и убедительности. Ее дарили своей дружбой Лев Иванович Давыдычев и Алексей Леонидович Решетов. Они дорожили ее доверием, а она не уставала поражаться неожиданности и непредсказуемости подлинного таланта.

И так же закономерно стала притягательной личность Надежды Николаевны для поколений последующих – для тех, кто только ступил на путь служения литературе. В 1970-е годы Гашевой предложили вести на родном филфаке творческий кружок. Прямая в оценках, честная в своих суждениях, она разговаривала с молодыми как привыкла – бесстрашно и безоглядно. Они интересовали ее не только и не столько как дарования, сколько как личности. Ее кружковцы становились писателями и поэтами, да так и оставались друзьями дома. Как остава-

лись друзьями этого дома многие из тех, кто с ее помощью когда-то выпустил свою первую книгу.

Гашевы в Перми – имя значимое. Это клан филологов, влияющих – каждый по-своему – на культурную составляющую жизни края: журналисты, ученые, литераторы. Но, как выразился в одной из своих публикаций Юрий Беликов, Надежда Николаевна – «может быть, самая именитая из Гашевых. Многолетний редактор Пермского книжного издательства, пестовательница дарований, гремучая смесь Зинаиды Гиппиус и Жорж Санд!»

В конце 1990-х не стало государственного издательства-монополиста, но не угасло издательское дело в Перми, и все последующие годы Надежда Николаевна продолжала это дело с привычным тщанием и профессионализмом. В последние годы литературные тексты в доме Гашевых звучали уже не как прежде, – по вечерам, для общей радости, – а почти непрерывно с утра до вечера. Надежда Николаевна их слушала, потому что отказали глаза. Она получала иное, новое впечатление от давно знакомого, угадывала в нем новые и новые оттенки – и наслаждалась. Она остро реагировала на все, что происходит в стране и мире, оставалась умным советчиком друзьям-литераторам, деятельно участвовала в творческих делах дочери, переживала за судьбу внучки.

В очерке Лидии Чуковской о Бродском есть такие строки: «Интеллигенция, не утратившая бескорыстия и бесстрашия мысли. Ее мало во всем мире. Но она все-таки есть. Она ничего не может переменить – в настоящем. Мир движется своими путями, двигаемыми не ею. Но все плодотворное – от нее: эстафета культуры передается ею. Она постоянно разбита на голову – и всегда победительница»¹. Надежда Гашева была подлинным интеллигентом. И всегда победителем. Бойцом, бескорыстным и бесстрашным: живой и умный взгляд, сигарета в руке наотлет, горячая речь, горячая душа.

Проводив Надежду в последний путь, перед этим молодым ее портретом поставили рюмку, накрыли хлебушком... И горькое возражение пришло в тот миг на ум: увы, слова Лидии Чуковской о победительности подлинной интеллигентской натуры – только красивы. Есть сила, которая одолевает любого, будь он стократ жизнелюбив и стоек.

Но вот ее нет, а ты все говоришь с ней и говоришь... И друзья признаются в том же. Значит – что? Вот именно.

¹ Чуковская Л. Процесс исключения. М.: Эксмо, 2007. С. 634.

А. Бердичевская

Надежда Пермякова.

Поэт.

Филолог.

*...И качаешься, обалдев, –
сколько фосфору в букве «Ф»...*

Алексей Решетов

Мы познакомились, *когда она собирала княженику*... Звучит поэтично.

«Княженика» – легендарный сборник стихов десяти молодых поэтов-женщин, выпущенный Пермским книжным издательством ровно полвека назад. В самом конце Оттепели, в 1968 году.

Когда невозможная по тем временам книжка затевалась, мне было девятнадцать, Надежде Пермяковой двадцать шесть. В молодые годы семь лет разницы в возрасте – срок почти непреодолимый. Я его так и не преодолела, хотя мы с Надеждой по-настоящему подружились, на всю жизнь. Но пиетет в душе моей сохранялся всегда. Она – мой первый редактор.

Я помню ее в летящем платье, с легкими светлыми волосами... девочка из *Июльского дождя*. Помню и *маленьким пажем* в черном брючном костюме с белым отложным воротником... Она была хрупка, но резка в суждениях, женственна и юношественна одновременно, была сразу – как лодка на волне, как парус, но и – капитан. Она была вдохновенна. Она решалась на невозможное и это невозможное осуществляла.

Она была поэт.

Хотя стихов написала немного... По причине странной: *слишком*, чрезвычайно любила СЛОВО. Она была ФИЛОЛОГ и *до самозабвения* любила поэзию. К себе-поэту была бесконечно строга.

Зато Надежда стала пожизненным другом поэта – Алексея Решетова, женой поэта – Бориса Гашева, матерью поэта – Ксении Гашевой, бабушкой поэта – Кати Гашевой... Она была не просто редактором, она создавала книги, бывало, что и авторов *творила*, то есть участвовала в их *осуществлении*.

Филолог с самой большой буквы «Ф», столь любимой Алексеем Решетовым, Надежда *запечатлела в слове* свою эпоху. И свою судьбу в своей эпохе – предвидела. Как и положено поэту.

Одно из ее стихотворений, опубликованных в «Княженике», поразило меня еще в те времена. Какая-то завеса времени приоткрылась.

То самое время – настало... И вот звучит оно, завещание поэта в несколько строк:

* * *

Я говорю: прощайте, мне пора.
А жизнь – она по-прежнему права.
Вот только от предчувствия утрат
Сегодня тяжелеет голова.
Я замолчу, не поднимая рук,
Когда-нибудь однажды, до зари.
И белая афиша на ветру
Мое не сможет имя повторить.

Прощайте, – говорю, – я положу
На память о себе в ладони дня
Один листок, которым дорожу,
Один билет, который ждал меня.
Под запах лип и под круженье льдин
Он ждал меня в дорогу, как дружок.
Я, слава богу, в мире не один,
Пусть кто-нибудь его побережет...
Пермь-Москва, 1968-2018

К. Волковський

Памяти Нади

Меня зовут Керим Волковський. Мне семьдесят лет. Тридцать пять из них я прожил в Швейцарии. В 1965 году после окончания средней школы и одного курса университета я покинул Пермь и никогда больше не вспоминал об этом довольно долгом периоде моей жизни. Не вспоминал? Забыл людей, с которыми общался? Забыл свое детство и начало юности?

В 2012 году я получил письмо от незнакомого мне профессора-литературоведа Марины Абашевой, которое если и не повернуло мою

жизнь, то в некотором смысле обернуло меня глазами назад. Я вспомнил школу, одноклассников, друзей, с которыми общался с неповторимой яростью и энергией, свойственной только юности, вспомнил о том, что писал стихи. Я восстановил контакты с моим первым «поэтическим» ментором – Линой Кертман и через нее с Надей Гашевой, которую знал еще как Надю Пермякову. А главное – снова стал писать стихи – до этого я уже несколько лет как начал писать прозу. Через некоторое время Надя Гашева согласилась стать редактором моей книги, которая первоначально планировалась как некий тяни-толкай: одна половина – проза, вторая стихи. Надя Гашева была первым человеком (чье мнение важно автору), признавшей меня не поэтом – писателем.

К сожалению, книга моей прозы, отредактированная Надеждой Николаевной Гашевой («Еврейский футбол»), не вышла, то есть вышла только ее менее интересная стихотворная часть (под названием «Лиственница»). Она была издана год спустя, в Москве, под редакцией Ани Бердичевской, тоже многолетней прекрасной Надиной подруги. А в июне 2014 после почти что пятидесятилетнего отсутствия я посетил Пермь. Мое посещение вылилось в довольно объемный рассказ «Провожатый», отрывок из которого («Дом на Островского»), посвященный моей первой (в новой жизни) и, увы, последней встрече с Надей, я привожу ниже.

Четыре года в старости пробегают мгновенно: за время у ребенка вряд ли успевают просохнуть слезы. Мы очень редко переписывались, но все же я знал и о постигшем и преодоленном семьей Гашевых несчастье с Надиной внучкой Катей, и о Надиных очень серьезных проблемах со зрением, о том, чем занята Ксюша. Но вот как-то привыкаешь к жизни вокруг, всё (и все!) кажется тебе вечным, пока... В мае этого года меня застигло врасплох страшное событие: Лина Кертман сообщила мне о смерти Нади. Нельзя сказать, чтобы я совсем не был к этому готов: скупые замечания в Лениных письмах давали понять, что в доме на Островского не все в порядке, и все же Надина смерть произвела на меня очень сильное впечатление: ночью я проснулся и записал стихотворение «Невидимка». К этому стихотворению я хотел бы присоединить мое сравнительно давнее стихотворение из цикла «Собаки Измира» – единственное понравившееся Наде в моей книге «Лиственница». Это стихотворение я включил в свой новый сборник «Раньше книги сжигали, а теперь...», и оно кажется мне особо актуальным сегодня. Я поставил над ним посвящение Наде. Думаю, она это оценит и улыбнется своей мужественной и в тоже время загадочной улыбкой.

19 августа 2018 года, Бернер Оберланд

Дом на Островского

Самое прекрасное, что я встретил в Перми, – это Надя Гашева. Это Гашевы: Надя, Ксюша и Катя. Самое прекрасное. Бесспорно. При чем, имею в виду людей, природу, обстановку и место, стихи Бори Гашева, трагически погибшего в 2000-м году.

Наде семьдесят лет, ну что-то вокруг; небольшого роста, жилистая, строгая, старая; скорее всего – вдруг состарившаяся...

Надя напоминает мне не то ахматовского Эдипа, не то моего отца в последние годы его жизни – она смотрит на тебя и словно не видит; слепая и прекрасная; по-беспощадному прекрасная и непримиримая. Непримиримая от слепоты?! Нехорошее, пионерское (советское) прилагательное – «честный», не употребляю, лучше так: непримиримая от правды; той правды, которая в ней сидит, как кость. И хотя Надина правда часто не права, кому какое до того дело, главное – не подавиться. Черт с ним. Черт с ней. Черт с правдой? А что? Что, если все же подавишься?

– Проходи на кухню. Садись! На стул садись. Ну, рассказывай.

Я ее не узнал. А мог узнать? Когда мы в последний раз разговаривали: зимой? вчера? полвека тому назад?..

Полвека назад мы вместе переходили Каму – шли отмечать Новый Год. Отметили. Поговорили. Я знаю Надю всю мою жизнь.

Нынче через Каму проложен мост, который объединяет два берега. Меня с Надей объединила – по-прежнему объединяет общая подруга Лина – «всемирная душа». Лины вроде бы нет – она в Израиле, но кто-то терпеливо витает над нами, словно еврейская невеста на картинах раннего Шагала. Наверное, нас с Надей и еще что-то объединяет, пока не умею сказать – что.

Узкий пенал гашевской кухни. Диван покрыт коричневым пледом. Круглый стол с клеенкой, углом втыкается в прямоугольник окна, за которым синее освещенное ночным июньским солнцем пермское небо. В июне в Перми ночи не бывает. Небо здесь обычно хмурое, мелкое, неприветливое... Но сегодня ночью нам повезло – солнце! Погоди, ты же сказал, что у Нади круглый стол? Как он тогда может упираться в окно углом? Не знаю. По-видимому, у Гашевых круглых вещей не бывает, даже если по номенклатуре они, вещи, и проходят, как круглые. Надя сидит на диване, а я на стуле. Жесткий стул. Молчим. Береза сутулится за окном в ожиданье новой зари. Через некоторое время Надя встает и уверенно делает два шага в направлении темного деревянного буфета, достает коньяк.

Армянский! Подруга привезла. Будешь?

Киваю. Буду. *Мне нельзя.*

Надя разливает не дрожащей рукой в черные серебряные рюмки: «За встречу!».

Деревянный буфет дребезжит всем своим стеклом от проходящего по улице Ленина трамвая. Дом, в котором живет Надя, строили пленные немцы в сорок восьмом году, вот он и стоит, как подточенный, но, по сути дела, здоровый зуб (клык?) посреди всякой гнили и самодовольной пошлости ново-пермско-русского-дела.

Дом!

Надя Гашева!

Береза, ссутулившаяся за окном!

О чем всем мы проговорили в этот белесый июньский вечер, мой первый вечер в Перми?.. Не помню. Честно. Да разве это важно.

Наверное, мы говорили о дружбе, о том, что, если тебе «нечто дано», то надо это «нечто» вынести на свет, чего бы этот «вынос» тебе ни стоил. А если «не дано», то лучше молчать. В тряпочку.

Наверное, говорили о том, что нужно бояться сумасшествия: в себе и в других. В других особенно.

Скорее всего Надя жаловалась (слегка) на время и на временщиков, на то, как много она не успела сделать.

Еще мы поговорили о том, что все мы, слепые в этой жизни, художободно умеем отличать своих и рано или поздно выходим друг на дружку; вот и слава богу! – если не поздно. «И вообще – пиши роман», – сказала мне Надя. *А что я по-вашему пишу.*¹

А потом...

А потом в кухне оказались Надина дочь Ксюша (удивительный голос, осанка, какая-то особая красота) и внучка Катя (река Потудань, фолкнеровская «Деревушка»). И эта тройственность, эта мерцающая женственность, этот легкий ненавязчивый неверный свет июньской пермской зари окончательно взяли меня в плен. Ах, остаться бы навсегда здесь, на этой кухоньке, притвориться углом круглого стола...

Дочь Ксюша.

Внучка Катя.

Дом и береза за окном. Ночная северная береза, которая терпеливо ждет нового дня.

¹ Есть хороший фильм с пошлым названием «Жизнь – это роман» мною любимого и уважаемого Алена Рене. Он до самой смерти, наступившей, когда режиссеру было более 90, ставил хорошие фильмы. Жизнь его фильмов – это роман.

Пермь. И никакой буковки «и», никакого тебе «Мальчика из Перми». Всего мало, и все необходимо.

Но и этой встрече (двум встречам: первой и последней) приходит конец. Остается крепкое мое объятие с Надей и мне от Гашевых драгоценный подарок – книга стихов Бориса Гашева «Невидимка».

Буду скучать – это уж как пить дать, но и мерить буду – себя по...

Невидимка

Поэтам Боре Гашеву и Наде Пермяковой,
теперь соединившимся навеки

вот и ты стала Невидимкой!
по венам твоих рук протекают вольные реки:
Сылва, Чусовая, Лысьва,
тысячи маленьких речек –
все они впадают в Каму.
уходящие от нас похоже крепчают:
у них там своя,
нами пока еще не изведанная дорога.
Надя и Борис!
мало вам было в Перми солнца
– оно теперь все ваше!
С нами остается век-волкодав:
Газа в крови
дряхлая Европа
сытые глаза сумасшедшего Сыктывкара...
бьется на ветру
волнуется
не поддается (упирается)
натруженное полотно низкого уральского неба.

Собаки Измира

*В ночь на 17 мая 2018 года пришло известие
о смерти Надежды Пермяковой*

Заблудился.
Забыл, что сказать хотел. Вот досада.
Срезая дорогу, от моря к дому шел. Дом из камня.
Ржавел вечер. Пыль улеглась.
Тропинка допетлялась до того, что совсем пропала.

И тогда они вышли на меня, отойдя от дома, – четыре псыны.
 Пятая собака лежала и вроде бы на меня не смотрела.
 Ржавел раскаленный вечер. Пыль улеглась,
 Но все еще изнемогала.
 Другая тропинка, цепляясь за колючки, недалеке возникла.
 Как до нее дойдешь. Сжал в руке камень – и бросил:
 Не помню, как звали этого друга Артемиды,
 Ну того, которого его же собаки и разорвали...
 Где-то шумит трактор.
 На бахче, как бочки, лежат и тоскуют дыни.
 Опускаюсь на колени.
 Ладонями упираюсь в землю.
 Прижимаю к голове уши.
 Оскаливаюсь и лаю:
 Я тоже – собака Измира!
 Я той же, вашей, сучьей породы!
 Не признали? –
 Лапами бьюсь, отбиваюсь.
 Все тело в крови от укусов:
 Как бы вцепившись в меня,
 Собаки мне горла не перегрызли.
 Подожди... Что это? Сон?
 или так наступает смерть,
 ослепительная от правды...
 или это я просто пересидел на солнце?
 ...
 Путь домой. Нет! Не опоздал я!
24-30 сентября 2012 Измир/ Чесме/ Бернер Оберланд

Памяти В. Пирожникова

Леонид Юзефович, писатель.

На Северном кладбище в Перми, квартал
 354, похоронили Владимира Пирожникова, са-
 мого талантливого из того поколения ураль-
 ских писателей, которое входило в литературу
 в начале 1980-х. Он был моим близким другом
 и одним из ярчайших персонажей в повести
 моей жизни. Его отец погиб, когда Володе не
 было и года; мать, учительница младших

классов, растила сына одна, подрабатывала уборщицей. Жили в бедности, но как интеллектual Володя сформировался раньше всех из нашего тогдашнего круга.

В 1983 г. журнал «Знание – сила» опубликовал его поразительную для того времени повесть «На пажитях небесных» с восторженным предисловием Б. Н. Стругацкого. Володя написал еще две прекрасных повести: «Пять тысяч слов» – о древнекитайском историке Сыма Цяне – и «Небрежная любовь» – о живущем в глухой провинции мальчике, любителе американского джаза (действие происходит в середине 1960-х), однако в те годы напечатать их не удалось. Сама проблематика этих вещей делала Володю чуждым провинциальной писательской среде. Приспосабливаться он не умел.

Все им написанное уместается в одной среднего размера книжке, тем не менее знаменитый Алексей Иванов называет Пирожникова среди писателей, которые повлияли на него в юности. Он написал его дочери Наташе: «Считаю большой потерей для культуры, что литературная судьба Владимира Ивановича сложилась не так, как заслуживал его талант».

Врачи давали ему еще два-три месяца жизни, и я очень надеялся увидеться с ним в середине сентября 2017-го. Не пришлось.

*Юлия Зайцева,
продюсер писателя Алексея Иванова*

Алексей считает Владимира Ивановича самым талантливым пермским писателем и очень рад, что был причастен к изданию его книги. Мы не знали, что Владимир Иванович болел, но совсем недавно обсуждали его книгу. Алексей лично Пирожникова практически не знал, виделся с ним один или два раза, но очень ценит его как писателя. И считает большой потерей для культуры, что литературная судьба Владимира Ивановича сложилась не так, как заслуживал его талант. Жаль, что город так пренебрежительно отнесся к большому таланту.

Нина Горланова, писатель.

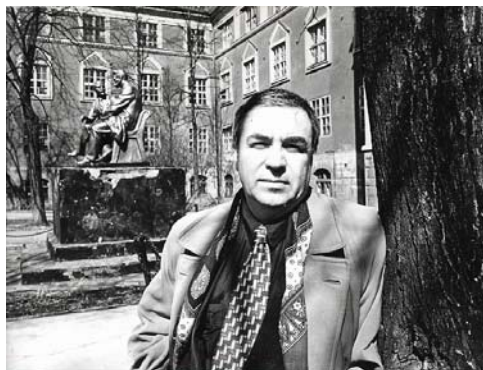
Как Пирожников нас спас: в 1976 году зима началась с холодов – минус 40. Мы тогда жили в аспирантском общежитии университета. Лопнули трубы. В комнате было минус 30. Новорожденная дочь заболела воспалением легких. В больницу мы хотели лечь, но там был всюду карантин по скарлатине... Я уколы антибиотиков делала дочке в своей комнате (под одеялом!). Врач приходил каждый день и говорил одно и то же: «Как бы ребеночек не умер...»

В отчаянии я позвонила Пирожникову в редакцию то ли областной газеты, то ли «Вечерки» – не помню, где он тогда работал. Володя ответил так: «Я сейчас позвоню вашему ректору и заявлю, что к нам пришла делегация с детьми... Ты подтвердишь?» – «Да».

Через полчаса в общежитие приехали ректор и парторг университета. Еще через час трубы были заварены и тепло дали...

Евгений Филенко

Умер Владимир Иванович Пирожников. Мудрый, глубокий человек, литературный профессионал в высоком смысле. Он был первым в пермской волне фантастики восьмидесятых годов, кто пробился к читателю, опубликовав в журнале «Знание – сила» блистательную повесть «На пажитях небесных» с отчетливыми и неожиданными в ту пору мотивами киберпанка. Отойдя от фантастики на время, он написал несколько небольших, но весьма знаковых для нашего литературного контекста произведений: историческую драму «Пять тысяч слов», изящный городской романс «Небрежная любовь». Мы были близки, вхожи в одни компании, встречались и вместе выпивали, вместе охотились в безалкогольные годы на ночных улицах Перми за таксистами-спиртовозами..., затем жизнь развела-раскидала. Виделись редко, по случаю. Слишком мало он написал, безбожно редко публиковался, но всегда был для нас, более молодых тогда и дерзких неофитов, спокойным ироничным интеллектуалом, который мог и, что важно, имел право многому нас научить. Жаль, снова не успели, не поговорили напоследок. Было о чем.

А. Королев.
Фото А. Зернина

В. Пирожников (Ганя) в
постановке студенческого
театра по роману
Ф. Достоевского «Идиот»

М. Черепанов

Виктор Иванович и Инга Владимировна Бурдины.
С первого курса – на всю жизнь.

В. Богомолов

В. Виниченко

Г. Данской и Д. Соколов

Филологи на горнолыжной базе. Слева направо: Л. Кыркунова, Е. Четина, М. Ширинкина, Е. Баженова, М. Никифорова, М. Савенкова

Е. Баженова

М. Котюрова

Н. Данилевская

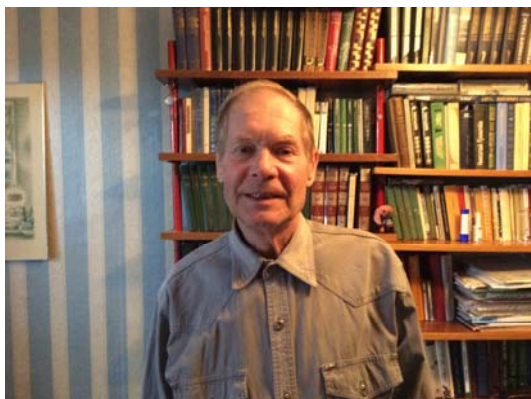
И. Щукина

Б. Проскурнин

А. Моисеева

В. Зубков

В колхозе. Справа: Н. Васильева, Л. Грузберг, Т. Ерофеева. 1958 г.

Е. Полякова

И. Подюков

Т. Шерстневская

М. Шилова

А. Волкоморова

Н. Глухова

Н. Горланова

Е. Четина (в дальнем ряду, в центре) со студентами-участниками фольклорных экспедиций

А. Зебзеева. После трудового дня в колхозе. 1956 г.

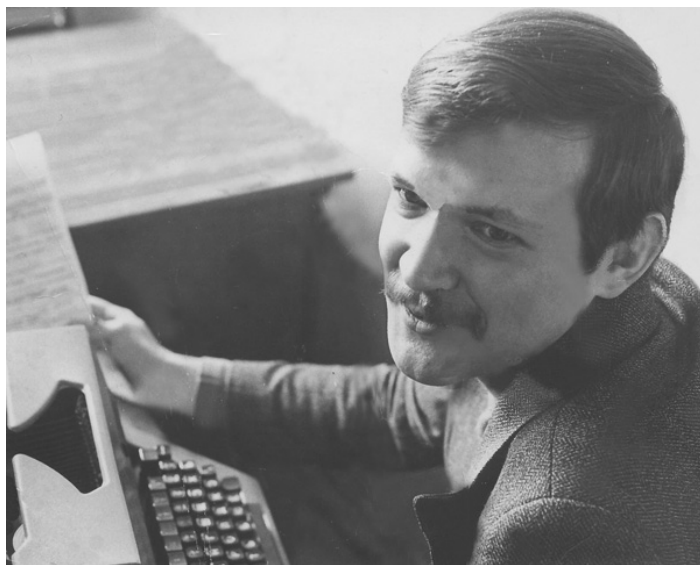
А. Заварыкина

Л. Лискова

Ю. Асланьян

К. Шумов – редактор газеты «Пермский университет». 1983 г.

Л. Кыркунова

В. Салимовский

Л. Сахарный

Л. Мурзин

Н. Васильева

В. Мишланов

Е. Ерофеева

Л. Быков

К. Белоусов

Б. Гашев

Ю. Беликов. 2014 г. Фото В. Бикмаева

В. Прохоров

В. Кайгородова

К. Гашева

Н. Гашева

Ю. Левицкий

Р. Спивак

О. Пестова

В отчаянии я позвонила Пирожникову в редакцию то ли областной газеты, то ли «Вечерки» – не помню, где он тогда работал. Володя ответил так: «Я сейчас позвоню вашему ректору и заявлю, что к нам пришла делегация с детьми... Ты подтвердишь?» – «Да».

Через полчаса в общежитие приехали ректор и парторг университета. Еще через час трубы были заварены и тепло дали...

Евгений Филенко

Умер Владимир Иванович Пирожников. Мудрый, глубокий человек, литературный профессионал в высоком смысле. Он был первым в пермской волне фантастики восьмидесятых годов, кто пробился к читателю, опубликовав в журнале «Знание – сила» блистательную повесть «На пажитях небесных» с отчетливыми и неожиданными в ту пору мотивами киберпанка. Отойдя от фантастики на время, он написал несколько небольших, но весьма знаковых для нашего литературного контекста произведений: историческую драму «Пять тысяч слов», изящный городской романс «Небрежная любовь». Мы были близки, вхожи в одни компании, встречались и вместе выпивали, вместе охотились в безалкогольные годы на ночных улицах Перми за таксистами-спиртовозами..., затем жизнь развела-раскидала. Виделись редко, по случаю. Слишком мало он написал, безбожно редко публиковался, но всегда был для нас, более молодых тогда и дерзких неофитов, спокойным ироничным интеллектуалом, который мог и, что важно, имел право многому нас научить. Жаль, снова не успели, не поговорили напоследок. Было о чем.

Оглавление

Предисловие	3
<i>Королев А.</i> Юмор в коротких штанишках	4

Раздел I

Мы на подмостках сцены (сценарии для студенческой самодеятельности)

<i>Пирожников В.</i> «Борис Годунов»	14
<i>Пирожников В.</i> «Капитанская дочка»	17
<i>Черепанов М.</i> Инсценировки классических произведений	24

Раздел II

Юмор писателей (разные жанры)

<i>Бурдин В.</i> Рассказы	42
<i>Богомолов В.</i> Стихи	48
<i>Виниченко В.</i> Сказки для детей	54
<i>Данской Г.</i> «Филологические пассажи»	61

Раздел III

Из кафедральных коллекций

<i>Баженова Е.</i> Из коллекции кафедры русского языка и стилистики	76
<i>Котюрова М.</i> Искорки памяти	77
«Датские» вирши	90
Хроника докторской защиты Н. Данилевской	93
Новогодние частушки для служебного пользования	99
«Одна мцырь сбежала» (перлы из работ абитуриентов)	101
<i>Проскурнин Б.</i> Экзамены: зарисовки с натуры	107
<i>Моисеева А.</i> Фольклор филфака	110

Раздел IV

Колхозные и экспедиционные байки

<i>Зубков В.</i> Из деревенской жизни доцента	144
<i>Подюков И.</i> Диалектические казусы И. А. Подюкова	146
<i>Дульцева Е.</i> Колхозные байки	148
<i>Грузберг Л.</i> Влад Макаров	151

<i>Полякова Е.</i> Из камгортских частушек	159
<i>Шерстневская Т.</i> Нечаянные радости трудового семестра	159
<i>Шилова М.</i> Ля-ля-ля-ля	160
<i>Волкоморова А.</i> Стихи	162
<i>Глухова Н.</i> Случай из фольклорной практики	165
<i>Горланова Н.</i> Умор и юм	166
<i>Четина Е.</i> Вести с полей (по страницам «Горьковца»)	170

Раздел V

От 40-х годов XX века к 2000-м годам века XXI (студенческие байки разных лет)

<i>Голдобина Е.</i> Студенческие байки 1946-52 гг.	194
<i>Зебзеева А., Грузберг Л.</i> Смешные глупости из лет пятидесятых	199
<i>Рябова С.</i> Наши истории из 60-х	203
<i>Рябухин В.</i> Молодость-глупость (из 70-х)	206
<i>Заварыкина А.</i> Истории из 80-х	208
<i>Лискова Л.</i> «Пани чешка?»	212
<i>Шилова М.</i> Памятник	213
<i>Волкоморова А.</i> Стихи	215
<i>Асланьян А.</i> «Восьмерка»	220
<i>Шумов К.</i> «Былички» 80-х	225
<i>Глухова Н.</i> Картина Сурикова (из 90-х)	231
<i>Кыркунова Л.</i> Избранные места из переписки с деканатом (год 2017)	233

Раздел VI

Юмор – праздник, который всегда с нами (юбилейные поздравления, застольные речи, «деловой юмор»)

<i>Полякова Е., Ерофеева Т.</i> В. Маланину с 60-летием	242
К юбилею Т. Ерофеевой (материалы)	243
К юбилею Е. Поляковой (материалы)	248
К юбилею В. Мишланова	251
К юбилею В. Салимовского	253
<i>Мишланов В.</i> Женщинам кафедры речевой коммуникации	253
<i>Сахарный Л., Мурзин Л., Ерофеева Е.</i> (поздравительные стихи)	257
<i>Белоусов К.</i> «Деловой юмор» в стихах	258
<i>Быков Л.</i> Медведь из зоосада. Колодезное	259
<i>Заварыкина А.</i> На присуждение Н. Е. Васильевой Строгановской премии	265

Раздел VII
А юмор нам строить и жить помогает
(каламбуры, афоризмы, остроты, эпиграммы)

<i>Гашев Б.</i> Амфибрахий (рассказ). Стихи, четверостишья, записи	270
<i>Беликов Ю.</i> Будни экспромприатора, или моя веселуха	278
<i>Прохоров В.</i> Мое второе Ё (афоризмы, каламбуры)	296
<i>Кайгородова В.</i> Речения и афоризмы	301

Раздел VIII
Страницы персоналий

<i>Гашева К.</i> «Гашевы и другие»	306
<i>Левицкий Ю.</i> Несерьезно о серьезном	330

Раздел IX
Вне типологии

<i>Левицкий Ю.</i> Тема бесов в праславянской культуре	350
<i>Пестова О.</i> Роза в почтовом ящике	354
<i>Спивак Р.</i> Письмо подруге	361

Раздел X
Некрологи

<i>Зебзеева А.</i> Бесстрашная душа	364
<i>Бердичевская А.</i> Надежда Пермякова. Поэт. Филолог	368
<i>Волковський К.</i> Памяти Нади	369
Памяти В. Пирожникова	374

Составитель
Васильева Нина Евгеньевна

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЮМОР (GAUDEAMUS IGITUR)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *В. А. Леготкина*

Подписано в печать 22.01.2019. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 22,09 + вкл. Тираж 75 экз. Заказ 11

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15